

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

«ЛІСТАПАДАЎСКІЯ СУСТРЭЧЫ – XVI»

Материалы
международной научной конференции
в честь академиков Н. М. Никольского
и В. Н. Перцева

Минск, 12–13 ноября 2025 г.

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2025

ISBN 978-985-881-908-8

© БГУ, 2025

УДК 94(100)(06)+94(476)(06)
ББК 63.3(0)я431+63.3(4Бел)я431

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *А. Г. Кохановский* (гл. ред.);
доктор исторических наук, профессор *И. О. Евтухов*;
доктор исторических наук, профессор *В. С. Кошелев*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Темушев*;
кандидат исторических наук, доцент *Н. В. Кошелева*;
кандидат исторических наук, доцент *А. И. Маскевич*;
кандидат исторических наук, доцент *О. В. Перзашкевич*;
кандидат исторических наук, доцент *А. А. Прохоров*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Д. В. Мазарчук*;
кандидат исторических наук *В. В. Репин*

«**Лістападаўскія** сустрэчы – XVI»: материалы междунар. науч. конф. в честь акад. Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, Минск, 12–13 нояб. 2025 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Г. Кохановский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст : электронный. – ISBN 978-985-881-908-8.

В свете источников, научной традиции и методологии исторических исследований рассмотрен широкий круг актуальных проблем изучения белорусской и всемирной истории, документалистики, историографии.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *И. О. Евтухов*

Подписано к использованию 29.12.2025. Объем 4,2 МБ

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-72-40
e-mail: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by/>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА.....	5
<i>Спартак А. А.</i> Древнеегипетские «Дома жизни» в свете новых археологических данных.....	5
<i>Миксюк А. С.</i> Ритуал как площадка взаимодействия жрецов.....	13
<i>Кухарчик Ю. С.</i> Хорезм в системе империи Ахеменидов: проблемы статуса и интеграции.....	19
<i>Качан С. А.</i> Бог Собек-Сухос и римский император: совместное почитание образов.....	25
<i>Козленко А. В.</i> Квинтилий Вар: политическая биография.....	27
<i>Бейзер В. А.</i> Муниципальные законы и античные авторы как источники по истории римского городского самоуправления.....	34
<i>Болгов Н. Н.</i> Южная Ликия: тетраполис Аперлы в римское и позднеантичное время.....	44
<i>Манохин Я. В.</i> Палестина и Картли (IV–VII): религиозно-культурный обмен (проблемы методологии).....	51
ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ.....	56
<i>Евтухов И. О.</i> Раздельное владение наследством у англосаксов: история Суннанбурга (Sunnanburge talu).....	56
<i>Вонсович Л. В.</i> Первые короли Франконской династии и их роль в укреплении позиций королевской власти в системе управления средневековой Германии.....	61
<i>Келлер О. Б.</i> Средневековая арабская литература традиции Джайхани о Центральной и Восточной Европе (Ибн Руста, Гардизи, Худуд ал-Алам, ал-Бекри, ал-Марвази).....	67
<i>Кошелева Н. В.</i> Концепция «исламского призыва» в труде аль-Маварди «Законы власти и религиозное правление».....	73
<i>Шахзад Т. В.</i> Концепт al-Hind в произведениях аль-Бируни.....	81
<i>Шымак А. К.</i> Юбілейныя гады ў гісторыі сярэднявечнага Касцёла.....	87
<i>Пинчук Д. Н.</i> Политика тела: запрет на церковное погребение как инструмент политики в XIII в.....	92
<i>Сидорович Е. А.</i> «Leyes de moros» как юридический памятник Кастилии XIV века: происхождение, структура, контекст.....	101
ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ.....	107
<i>Соколов Н. С.</i> Рынок недвижимости в городе Таборе в эпоху Тридцатилетней войны.....	107
<i>Рубисов Д. О.</i> Влияние католической церковной иерархии на церковную политику Великого княжества Литовского XV – начала XVI в.....	114
<i>Бодрыкава Д. А.</i> Прымяненне нормаў звычаёвага права пры рэгуляванні маёмасных адносін на тэрыторыі Беларусі ў XVI – пачатку XVII ст.....	121
<i>Бохан Ф. Ю.</i> Роля буйных феадалаў у арганізацыі вайсковай сістэмы Вялікага княства Літоўскага на мяжы XVII – XVIII стст.....	127
<i>Ляніцэвіч В. М.</i> Падаткі і павіннасці гарадскога насельніцтва Беларусі ў 30 – 50-я гг. XIX ст. у кантэксце сацыяльна-эканамічнага развіцця.....	133
<i>Веремейчик А. Е.</i> Крупное помещечье землевладение Беларуси в пореформенный период (1861–1914 гг.): структура, эволюция и хозяйственная деятельность.....	142
<i>Філімонава Г. Ф.</i> Значэнні сям’і ў Цынскім грамадстве скрозь прызму	

<i>Філімонава Г. Ф.</i> Значэнні сям’і ў Цынскім грамадстве скрозь прызму традыцыйных сямейных каштоўнасцей.....	153
<i>Е Хуашэн</i> Эволюция социальной модели женского поведения в периоды династий Мин и Цин через призму драматического персонажа императрицы У Цзэтянь.....	158
<i>Lu Weiran</i> Opera performances in the Ming dynasty court.....	165
<i>Xi Yue</i> Constraction of the Mogao caves and grottoes at Dunhuang.....	171
<i>Meng Tianxiang</i> Jewish community of Kaifeng: from the origins to decline.....	174
<i>Лукина Е. А.</i> Механизмы британской военной пропаганды периода Второй мировой войны в сфере радиовещания и кинематографа	179
<i>Королик М. В.</i> Формирование идентичности и политика памяти в Чехии после 1993 г.: политический и институциональный аспекты проблемы.....	184
<i>Траскевич Р. Р.</i> Внешняя политика Европейского Союза на Ближнем Востоке в конце XX – начале XXI в.....	191
<i>Кошелев В. С.</i> Взаимоотношения Республики Беларусь с государствами Африки южнее Сахары (1992–2025 гг.).....	196
ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ.....	211
<i>Шумейко М. Ф., Яновский О. А.</i> Проблемы подготовки учебника «История Белоруссии» в переписке Н. М. Никольского и В. И. Пичеты.....	211
<i>Дзягель Г. В.</i> Беларускія пераклады пісьмовых крыніц па гісторыі старажытнага свету	219
<i>Перзашкевич О. В.</i> Геннадий Иосифович Довгяло (01.04.1935–02.09.2002) и изучение истории Древнего Востока в Беларуси в 1990-е гг.	227
<i>Смирнова Е. Д. А. С.</i> Мыльников: памяти выдающегося ученого-слависта (заметки, воспоминания, размышления).....	232
<i>Попова Е. М.</i> Ученый и средневековый текст: методика работы В. И. Шункова над новгородскими кабальными книгами 1592–1609 гг.	238
<i>Дубатовка А. Г.</i> Советские исторические труды по внешней политике Австрийской империи (1804–1867 гг.)	242
МАГИСТРАНТЫ И СТУДЕНТЫ.....	249
<i>Бабакоў А. У.</i> Стварэнне Аўстрыйскай імперыі: адказ дынастыі Габсбургаў на напалеонаўскі выклік (1804 г.).....	249
<i>Закрочинский Н. А.</i> Религиозные взгляды Жана Фруассара.....	255
<i>Коровкин Н. Д.</i> Особенности социально-политической организации «крестьянских республик» западноевропейского средневековья.....	263
<i>Косьянов А. И.</i> Балканский фактор во взаимоотношениях России и Италии в 1912 – 1917 гг.....	269
<i>Лясун В. І.</i> Семантыка фонаў у мініяцюрах Бібліі Філіпа IV Прыгожага.....	275
<i>Мегиель Г. А.</i> Путь Ядвиги Анжуйской к польской короне.....	283
<i>Мощенков В. В.</i> Позиция Пруссии в ганзейско-английских отношениях во 2-ой половине XIV – 1-ой половине XV в.....	289
<i>Никитенко С. Р.</i> Образ Яна Жижки в зарубежной и отечественной историографии.....	296
<i>Ровина А. С.</i> Изучение и коллекционирование наследия Древнего Египта европейцами в период кампании 1798 – 1801 гг.....	303
<i>Тарадзейка Дз. А.</i> Вобраз манарха ў паэзіі Шаха Ісмаіла Сафаві.....	309
<i>Трацевская Т. В.</i> Территория Беларуси середины XVII века в сочинении Августина Мейерберга.....	318

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ «ДОМА ЖИЗНИ» В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

А. А. Спартак

*Белорусская государственная академия связи,
ул. Франциска Скорины, 8, корп. 2, Минск, Беларусь, spartakala@gmail.com*

Суть и назначение древнеегипетского Дома Жизни является одной из интереснейших проблем в современной египтологии. Традиционно Дома Жизни называли учреждениями, связанными с царской властью, где хранились папирусные тексты, а писцы и учёные консультировались, копировали, интерпретировали и работали с религиозными сочинениями и другими документами, в том числе с теми, которые могли иметь отношение к медицине. Однако до сих пор совершенно непонятно, как эти учреждения были связаны с магией. И вот теперь, когда современная археология предоставляет нам все новые данные об этих учреждениях, можно немного приоткрыть завесу тайны над этими учреждениями. Сейчас мы уже можем говорить о том, что это были не просто образовательные учреждения, скриптории или библиотеки, а древнеегипетские религиозные, исследовательские, учебные и культурные центры.

Ключевые слова: Древний Египет; «Дом Жизни»; Рамессеум; Уджагорреснет; папирус Солт 825; Абидос; наука; образование.

Долгое время считалось, что древнеегипетский Дом Жизни функционировал как «школа» или учебный центр, но точных доказательств этому не было. При этом академический характер Дома Жизни подчеркивался его функцией хранилища знаний, документов, к которым обращались и которые составлялись здесь, и, соответственно, могли использоваться в учебных целях.

Также утвердилась точка зрения, что Дом Жизни административно и архитектурно был интегрирован в какой-либо важный храм. При этом в греко-римские времена термин Дом Жизни уже больше относился к библиотеке, где хранились ценные папирусы [1, S. 955].

Надписи и тексты свидетельствуют о существовании нескольких древнеегипетских учреждений, связанных с хранением документов. Среди них были Дом Жизни (pr-nḥ), «дом книг/библиотека» (pr-mdj) – название, известное из демотических папирусов, и «зал письменных документов» (xA n sSw), последний из которых служил архивом официальных государственных документов. То есть по всей видимости существовала некая специализация в хранении документов.

В тезаурусе египетского языка *pr-ḥ* – «дом писцов или Дом Жизни (скрипторий, школа)» (TLA, lemma-no. 550421).

Замечательный советский и российский египтолог О. Д. Берлев отмечал, что: «Дом Жизни – это учреждение, в котором составлялись и переписывались книги медицинского и религиозно-магического содержания» [2, с. 168].

Б. А. Тураев в своем переводе «Магического папируса Salt 825» в пояснении к переводу писал о том, что: «Дом Жизни – это термин храмовой коллегии иерограмматов. И сам он хранит знак жизни и книгу, дающую жизнь. Отсюда понятие и термин храмовой коллегии – она ведет животворными магическими писаниями» [3, с. 7]. Папирус по всей видимости описывает ни что иное, как ритуал в ходе мистерий Осириса в Абидосе. В примечании к переводу папируса Б. А. Тураев указывает на схему/рисунок этого учреждения, и описывает его следующим образом: «Центр его – прямоугольник со знаком жизни и Осирисом внутри, стоящим в футляре на диске и попирающим 9 «луков» – варварские племена. Имена Геба, Нут, Гора, Тота – стран света расположены, как сообщается в тексте, в следующем, объемлющем большом квадрате и у входов» [3, с. 7]. Возможно, схема, приведенная в папирусе, изображает святилище, подобное тому, в котором находилось погребальное ложе Осириса, найденное в конце XIX в. Эмилем Амелино. Сейчас экспонат хранится в Каирском музее. На ложе есть имя царя 13 династии Джедхеперу, который правил в XVIII в. до н.э. Ложе было найдено в гробнице фараона I династии Джера. Бог Осирис в виде мумии лежит на погребальном ложе. С двух сторон по паре его защищают 4 соколицы. Царь был очень сильно взаимосвязан с Осирисом – после смерти он должен был быть отождествлен с ним. Отсюда и подобное трепетное отношение к погребальному ложу с именем царя.

По всей видимости, помещение, в котором находился алтарь, в нише которого располагалось ложе, было составной частью важнейшей египетской святыни. На поверхности алтаря остались следы того, что на нем часто зажигался огонь. По всей вероятности, это происходило во время празднеств Осириса. Мы знаем, что зажжение огня в ходе мистерий Осириса означало воскресение бога. Таким образом, помещение было одним из центральных элементов в ходе исполнения ритуала.

Папирус Salt 825 также описывает ритуалы, в том числе некую книгу из Дома Жизни, со следующими инструкциями: «Вы не должны разглашать его; Кто разглашает это, тот умрет от внезапной смерти и мгновенного разорения. Он должен держаться подальше от него; через него человек живет или умирает. Его нужно читать (только) писцу учреждения, имя которого находится в Доме Жизни» [3, с. 4].

В папирусе достаточно подробно описывается и сам Дом Жизни:

«Что касается Дома Жизни: Он находится в Абидосе и состоит из четырёх частей. Внутренняя часть покрыта тростниковыми циновками. Что касается четырёх зданий и знака жизни: «Живой» – это Осирис. Четыре части – это Исида, Нефтида, Геб и Нут. Исида находится с одной стороны комплекса зданий. Нефтида – с другой стороны. Гор находится с одной стороны над ним. Тот находится с другой стороны. Это четыре угла здания. Геб – его пол, а Нут – его крыша. $n\bar{t}r^{-3} pw jmn \bar{h}tp m-\bar{h}nw =f$ «Великий бог» (Осирис) – это тот, кто покоится скрытно внутри него. Четыре внешние части сделаны из камня. Камень опоясывает его (с обеих сторон). Его основание – песок. И у каждой из четырёх внешних сторон есть вход: один на юге, другой на севере, один на западе и один на востоке. $wnp =f jmn sp-2 wr sp-2 nn-r\bar{h} =f nn-m^{33} =f$ Он поистине полностью сокрыт (2 раза) и велик (2 раза), неизведан и невидим! Только солнце может разгадать его тайну. Люди, которым разрешено входить туда, – $\bar{t}.ty pw n.t R'w$ это писцы Ра и $sh^3.w.PL-pr-'nh$ писцы Дома Жизни. Люди, которым (разрешено) находиться внутри него, это: «Лысый», то есть Шу, «Мясник», то есть Гор, убивающий врагов своего отца Осириса, и «Писатель священных книг» («книги Бога»), то есть Тот. Он тот, кто должен ежедневно прославлять его, невидимый и неслышимый для других. Пусть они будут молчаливы и скрыты на своих телах и устах. Так пусть же они держатся подальше от быстрого меча! Ни один азиат не должен войти туда и даже увидеть его! Поэтому вам лучше держаться от него подальше! Книги, находящиеся внутри него, – это Души Ба Ра, призванные оживить этого бога (Осириса) через них и победить его врагов! Однако $\bar{t}.ty pr-'nh$ писцы Дома Жизни находятся внутри него; они – $\bar{s}ms pw n.t R'w$ свита Ра, ежедневно защищающая его сына Осириса» (TLA) [4]. Очевидно, что Дом Жизни в Абидосе имел отношение к магии посредством того, что был связан с мистериями Осириса. В понимании древних египтян, трансформации, происходившие с богом Осирисом во время ритуала (то есть возрождение бога) – это и есть магия.

Алан Гардинер в первой половине 20-го века собрал все известные упоминания Дома Жизни (около 60 позиций) [5]. По большей части это оказались титулы чиновников и жрецов.

В новой версии Тезауруса египетского языка встречается 42 упоминания Дома Жизни, начиная с эпохи Среднего царства и до эпохи Птолемеев. А. Гардинер же указывал, что первые упоминания об этом учреждении появляются в двух царских указах Пепи II эпохи Древнего царства, они были найдены в Коптосе, в них персонал храма Мина освобождался от снабжения «требований» Дома Жизни» [5].

Что касается текстов Среднего царства, тут есть несколько упоминаний Дома Жизни в титулах чиновников. Так, в надписи на погребальной стеле смотрителя казны Ментухотепа, датируемой эпохой правления фараона Сенусерта I, XII династия, мы находим титул:

Hr(.j)-sStA n(.j) pr-anx – «тот, кто находится над тайнами Дома Жизни» (TLA, Stele des Montuhotep (Kairo CG 20539) [I.b.17]).

Помимо указанного примера, есть и иные титулы Ментухотепа:

(j)r(.j)-p^c(.t) [ḥ³.tj-^c] наследный принц/знатный человек,

[jm.j-r^c]-[ḥtm.t] распорядитель казны,

ḥr(.j)-ḥ⁽³⁾b(.t)-ḥr(.j)-tp верховный жрец-чтец,

ṯ(.tj) визирь.

Стела была найдена в гробнице на западной стороне внешней стены храма Осириса в Абидосе. Судя по тексту стелы, Ментухотеп обладал многими высшими государственными титулами и должностями, в том числе был визирем, на что, как мы видим, есть прямое указание в тексте. То есть был человеком, приближенным к царю.

Возникает вопрос о том, какие «тайны Дома Жизни» имеются ввиду в тексте и что вообще понимали под тайнами древние египтяне. Тезаурус египетского языка несколько поясняет, о чем идет речь:

ṯṯ.w – «тайны; то, что сокрыто; религиозные мистерии» (TLA, Lemma ID 158120).

Вероятно, здесь конкретно речь идет о том, что Ментухотеп участвовал в мистериях Осириса в Абидосе, а возможно даже распоряжался их проведением. По тексту мы находим этому подтверждение:

«Я руководил работой в храме, – сообщает Ментухотеп, – построив его (бога) дом, выкопав его (священное) озеро и заложив колодец по приказу величества царя-сокола... Я был тем, кто протягивает руки, украшая бога, Sm-жрецом с чистыми пальцами, тем, кто устанавливает жертвоприношения богу» (TLA, Stele des Montuhotep (Kairo CG 20539) [II.b.8-11? 35])

Весьма любопытно упоминание Дома Жизни на статуе Иимеру, визиря времен правления Собекхотепа IV (XIII династия):

(j)r(.j)-p^c(.t) ḥ³.tj-^c jm.j dsr.w Hr stp-z³ 2 ṯḥr.j-sṯṯ³? m pr-^cnh smj(.w) n =f ḥr.t 3 ṯ.wj jm.j-r^c-n^c.t ṯ.tj jm.j-r^c-ḥw.t-wr.t-6 z³b ṯ.tj 4 Jj-mrw jrj.n ḥrp-wsh.t Jj-mr(w) m³-ḥrw

«Наследный принц/знатный человек, находящийся в возвышенности/святости Дворца Гора, [Тайный советник] (?) в Доме Жизни, которому докладывают о делах двух стран, правитель города, визирь, глава шести судов, Верховный судья, Иимеру, которого породил глава Широкого Зала, Иимер(y), правдивый голосом» [6].

Здесь мы также видим человека, обладающего все теми же высшими должностными государственными титулами, что и Ментухотеп:

(j)r(.j)-p'(t) ḥ³.tj- ' наследный принц/знатный человек,
ṭ.tj визирь и др.

На поздней стеле Среднего царства из Абидоса человек по имени Кеку идентифицирован как «писец Дома Жизни» [7].

Любопытно, что в «Сказках папируса Весткар» маги и чародеи, или люди, умеющие совершать различные магические действия всегда будут именоваться ḥr(.j)-ḥ³b(t) – жрец-чтец, «тот, кто при свитке», или «носитель свитка», либо ḥr(.j)-ḥ³b(t)-ḥr(.j)-tp верховный жрец-чтец. При этом, ḥr(.j)-ḥ³b(t) – знаток письма, который, благодаря своему умению читать иероглифы, считался владеющим магической силой. И письмо, и чтение всегда были связаны с магией, и потому жрецы-чтецы воспринимались сведущими в ней.

Таким образом, и принадлежность к определённому классу жрецов, и исполняемые вышеназванными чиновниками функции, относящиеся к сфере «сокрытого, тайного» как-то ритуал в ходе мистерий Осириса не могли не увязать в сознании древних египтян воедино магию и те процессы, которые происходили в Доме Жизни.

Что касается периода Нового царства, тут тоже есть упоминания Дома Жизни. Что также в своей работе отмечал А. Гардинер [5].

Есть несколько источников, в которых фигурирует титул «писец Дома Жизни» и некоторые другие упоминания, говорящие нам о связи Дома Жизни с письменностью [7]: 1) $\underline{d}i = zn \ t' \langle \langle .PL \rangle \rangle \ ḥ(n)q.t.PL \ jḥ \langle \langle .PL \rangle \rangle \ 'pd.PL \ n \ Wsjr \ zh^3(.w)-md^3.t-ntr \ n(.j) \ nb-t^3.DU \ A2 \ sphr \ gn.wt.PL \ ntr.PL \ nb.PL \ m \ pr-'nh$ «Они могут давать хлеб, пиво, говядину (и) птицу Осирису, писцу Книги Бога Владыки Обеих Земель, который записывает летописи всех богов в Доме Жизни (TLA, Stele des Chaemipet (Äg. Slg. Tübingen Inv. Nr. 471. A1). 2) Надпись Амуннахта, сына Ипуи, который жил в период правления Рамзеса III-VI; надпись размещается на остраконе, который был найден в поселении рабочих, датируется временем правления Рамзеса IV.

$jṛi.y = [k] \ zh^3.w \ 'phr^1 = [k^?wj?] \ 'pr- \langle 'nh \rangle^1$ «Ты станешь писателем и пройдешь через Дом Жизни» (TLA, Die Lehre des Amunnacht. Rto 7)

В известном магическом папирусе Харрис 501, относящемся к периоду Рамессидов, встречается фраза: $m \ wb^3 \ jb \ jm = f \ n \ kjwj \bullet \ sšt^3 \ m^3 \ n(.j) \ pr-'nh$ – «Не рассказывай никому настоящий секрет Дома Жизни!» (TLA, P. mag. Harris 501 = pBM EA 10042, rt. 6,10-7,1 (line 6,10)). Очевидно, что функциональные процессы Дома Жизни должны были сохраняться в тайне.

Кроме того, именно с периода Нового царства нам известен Дом Жизни археологически. В Тель-эль-Амарне в ходе раскопок были найдены кирпичи с иероглифами Дома Жизни из строительного комплекса,

прилегающего к камере хранения документов фараона (для хранения государственной корреспонденции). Комплекс был примерно равноудален от Центрального городского королевского дворца Эхнатона и храма Атона [1, S. 954]. И здесь однозначно можно утверждать, что Дом жизни не всегда являлся частью храмового, то есть сакрального пространства.

Наверное, самый информативный источник, но достаточно поздний (относящийся к персидскому периоду), который рассказывает о назначении Домов Жизни – это наофорная статуя Уджагорреснета, древнеегипетского высокопоставленного чиновника, который жил между концом 26-й династии и началом 27-й династии [8]. Статуя была первоначально помещена в храме богини Нейт в Саисе, вероятно, на 3 году правления Дария I (он правил с 519 г. до н.э.) и теперь выставлена в Музее Ватикана (Григорианский египетский музей) Рима. Главное, о чем мы узнаем из биографии Уджагорреснета – это то, что Дома Жизни были связаны с врачеванием и медициной по крайней мере в поздний период существования древнеегипетской цивилизации: «Приказал мое величество царя Верхнего и Нижнего Египта Дарий ... установить палат(ы) Дом(ов) Жизни, творящие врачевание (букв. «делания, т.е. действия врача») после того, как пришли они в упадок» [2, с.167].

Помимо биографии Уджагорреснета указания на медицинскую специализацию Домов Жизни есть и в иных источниках: иератический папирус «Булак 7». Папирус был приобретен для Музея Булак. В своём каталоге Огюст Мариетт присвоил папирусу номер 7, поэтому он иногда упоминается как «Папирус Булак 7». С момента строительства нового Египетского музея на площади Тахрир папирус хранится там. Там он получил два новых идентификационных номера. Иератическая лицевая сторона папируса известна как Papyrus Cairo CG 58027, демотическая оборотная сторона – как Papyrus Cairo CG 31080. Он несколько раз упоминает некие мази Дома Жизни, состав которых держится в секрете:

gs ³ šṭ n(.j) pr-ṇḥ – «мазь великая секретная Дома жизни»;

jr.j-ṇt.j m pr-ṇḥ – «производитель мазей в Доме Жизни» [9]

Кроме указаний на медицинскую специализацию Домов Жизни, текст надписи Уджагорреснета повествует о том, как чиновник восстанавливал Дом Жизни:

«Действовал я согласно тому, что приказал мне его величество. Снабдил я их (то есть палаты Дома Жизни) персоналом их всяким из детей мужей, причем не было детей черни там. Отдал я их под руку знающего вещи всякого, чтобы [научить] (?) их работе их всякой. Приказал его величество дать им вещи всякие добрые, чтобы они делали работу свою всякую, (и) я снабдил их полезным (для) них всем, потребным (для) них всем, сообразно с записями, подобно тому как они были прежде.

Сделал его величество это, потому что он знал полезность (в тексте мн. ч.) мастерства этого, чтобы оживить страждущих всяких, чтобы установить имя богов всех, храмы их, жертвы их, проведение праздников их вечно» [2, с. 167].

Из надписи очевидно, что Дом Жизни включал в себя несколько помещений, там обучались дети знати и здесь занимались тем, что продляли или спасали жизни людей.

В апреле 2025 года совместная египетско-французская археологическая миссия, в которой участвуют эксперты из Высшего совета по древностям Египта, Национального центра научных исследований Франции и Университета Сорбонны, работающая в Рамессеуме (мемориальном храме Рамсеса II на Западном берегу Луксора), сообщила об обнаружении в храме древнеегипетского образовательного учреждения/школы, известного под названием Дом Жизни. Исследователи обнаружили доказательства того, что Дом Жизни был частью храмового комплекса. Помимо всего прочего стало понятно, что это учреждение функционировало как храмовая школа и центр обучения, в частности, для детей египетской элиты, которым было суждено стать писцами или административными чиновниками в сложной иерархии древнеегипетского правительства. В ходе раскопок были обнаружены рисунки учеников, фрагменты обучающих игрушек и остатки древних учебных инструментов, что свидетельствует о том, что храмовое образование было одновременно структурированным и динамичным. Благодаря раскрытию архитектурной планировки, учёные получили первый подтвержденный чертёж такого учреждения [10].

Дальнейшие открытия показали, что Рамессеум функционировал как высокоорганизованный комплекс с многочисленными функциями. На восточной стороне храма археологи обнаружили ряд зданий, предположительно служивших административными офисами. В этих помещениях, вероятно, размещались все чиновники и писцы (предположительно, прошедшие обучение в Доме Жизни Рамессеума), чья работа заключалась в надзоре за храмовыми и общественными делами [10].

Раскопки выявили обширную экономическую инфраструктуру, включая кладовые и подвалы, в которых хранилось оливковое масло, мед и вино. Наличие этикеток винных банок указывает на то, что храм функционировал как активный винный погреб, в то время как открытие текстильных и каменных мастерских, кухонь и пекарен рисует картину самодостаточного комплекса, который обслуживал не только сотрудников храма, но и окружающее сообщество.

В дополнение к образовательным и экономическим аспектам, миссия обнаружила административные офисы в восточном секторе храма.

Эти структуры предполагают сложную иерархию государственных служащих, ответственных за управление производством и распределением товаров, еще больше подчеркивая роль храма как центра управления и поддержки сообщества [10].

Очевидно, Дом Жизни был непосредственно связан как с хранением документов, так с их написанием, в нем сохранялись и создавались знания в письменной и изобразительной формах. На ранних этапах существования древнеегипетской цивилизации Дома Жизни были непосредственно связаны с мистериями Осириса в Абидосе, поэтому происходящее в Домах Жизни было сакрализовано и сокрыто, что в последствии будет отражено в более поздних так называемых магических папирусах. В последующие эпохи Дома Жизни будут связаны с врачеванием и медициной, поскольку эти сферы деятельности также были связаны со всевозможными ритуальными и магическими практиками.

Библиографические ссылки

1. Weber M. Lebenshaus I // Lexikon der Ägyptologie / W. Helck, E. Otto. Wiesbaden, 1980. S. 954–957.
2. Надписи на наофорной статуе Уджахорреснета // Хрестоматия по истории Древнего Востока; под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963. С. 164–168.
3. Тураев Б. А. Магический папирус Salt 825 Британского музея // Записки Классического отделения Русского Археологического общества. 1917. Т. IX. С. 231–241.
4. Thesaurus Linguae Aegyptiae 2.3.2 (Corpus issue 20). URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/sentence/IBUBd4SbD915REZSnYu78WTbVbo> // Thesaurus Linguae Aegyptiae (date of access: 7.11.2025).
5. Gardiner A. H. “The House of Life” // The Journal of Egyptian Archaeology. 1938. Band 24, Nr. 2. S. 157–179.
6. Thesaurus Linguae Aegyptiae 2.3.2 (Corpus issue 20). URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/sentence/IBUBd0wjrSl5OkDjkqY8nM8IvJQ>, in: Thesaurus Linguae Aegyptiae (date of access: 8.11.2025)
7. Ancient Egypt – the House of Life. List of sources in the principal modern study of the House of Life // Digital Egypt. URL: <https://www.ucl.ac.uk/museums-static/digitalegypt/museum/houseoflifefources.html> (date of access: 7.11.2025)
8. Bareš L. Vedžahorresnet – tradicionalista, pragmatik nebo zrádce? // Pražské egyptologické studie. 2003. S. 81–89.
9. Thesaurus Linguae Aegyptiae 2.3.2 (Corpus issue 20). URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/text/CHHMJJI36ZA3VEUH4CJXAWP7KM/sentences>, in: Thesaurus Linguae Aegyptiae (date of access: 7.11.2025).
10. Ancient Egyptian School Found at Mortuary Temple of Ramesses II. Ancient Origins // Ancient origins. URL: <https://www.ancient-origins.net/artifacts-other-artifacts-news-history-archaeology/ramesseum-0022011> (date of access: 19.03.2025).

РИТУАЛ КАК ПЛОЩАДКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖРЕЦОВ И МИРЯН В РАННЕМ ЗОРОАСТРИЗМЕ

А. С. Миксюк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, miksiukas@bsu.by*

Статья посвящена анализу ритуала в раннем зороастризме как комплексной площадки взаимодействия жрецов и мирян. Несмотря на отсутствие в текстах Авесты концептуальной оппозиции «жрец – мирянин», ритуальная практика демонстрирует сложную систему их функциональных отношений. Установлено, что ритуал выполнял двойственную роль: будучи механизмом разделения сакральных компетенций, он одновременно служил интегрирующей площадкой, где миряне выступали в различных ролях. Спектр ролей варьировался от пассивных благополучателей в ясне и виспереде до активных субъектов в повседневных ритуальных практиках. Ключевым фактором, обусловившим участие мирян в ритуале, являлась идея личной экзистенциальной ответственности в космической борьбе добра и зла.

Ключевые слова: Авеста; авестийское общество; жрецы; зороастризм; личная ответственность; миряне; ритуал.

Важность обрядов и ритуалов в зороастризме сложно переоценить, поскольку они имеют принципиальное значение для понимания всей религиозной системы, на что неоднократно указывали многие исследователи (к примеру, [1, р. 1; 2, р. 350]). Обладая множеством функций, ритуал выступал одновременно способом коммуникации с сакральным, средством поддержания стабильного миропорядка, механизмом социальной организации.

Традиционно проведение ритуалов понималось как исключительная сфера ответственности и прерогатива жрецов, т. е. особых специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками. Неслучайно, жрецы в Авесте именовались «знающими», «сохраняющими знания»: ав. *vīdva-* (Ясна 51, 8), *maṛətna-* (Яшт 5, 86; Яшт 16, 17). При этом многозначность ритуала приводила к тому, что он не мог не затрагивать жизни всей общины в целом и отдельных ее членов в частности: жизнь человека была строго регламентирована и ритуализована [3, с. 109]. Данное противоречие между формальной монополией жрецов на ритуал и его фундаментальным значением для общества создает возможности для более широкого взгляда на ритуал как возможную площадку взаимодействия между носителями сакрального знания (жрецами) и рядовыми верующими (мирянами). Под мирянами мы понимаем членов общины, разделяющих все положения религии, но, в отличие от жрецов, не являющихся профессиональными религиозными служителями. Таким образом, данная статья

представляет собой попытку оценить ритуалы раннего зороастризма с точки зрения взаимодействия в нем различных субъектов. Исследование построено преимущественно на текстах Авесты, сакральной книги зороастризма и одного из древнейших письменных источников по истории как данной религии, так и иранских народов в целом.

Подобная постановка вопроса имеет свои сложности, поскольку тексты Авесты не содержат прямого противопоставления «жрец – мирянин» и, более того, при наличии жреческой терминологии в Авесте отсутствует сам концепт «миряне». При этом, бесспорным является тот факт, что любая религия невозможна без мирян, представляющих основную массу членов религиозной общины. Более того, именование жрецов как «знающих» косвенно указывает на существование иной, «незнающей» категории. Данная категория может быть представлена, с одной стороны, жрецами иных, неавестийских культов, а, с другой стороны, мирянами, чья роль определялась не сакральным знанием, но иными формами религиозной активности. Данный парадокс в определении оппозиции «жрец – мирянин» составляет ключевую проблему исследования и требует анализа самих основ зороастризма, ритуальных практик, особенностей структуры и функционирования общества, описанного в Авесте. В этой связи отметим, что данный аспект ритуальной практики зороастризма, включая взаимодействие жрецов и мирян, на авестийском материале мало изучен и фактически не выступал в качестве предмета специальных научных исследований.

Прежде всего, отсутствие в Авесте концепта «миряне» и прямых упоминаний о мирянах как об обособленной категории верующих может быть объяснено несколькими фундаментальными причинами.

Во-первых, будучи собранием ритуальных текстов зороастризма, Авеста преимущественно раскрывает темы и сюжеты, имеющие отношение к сакральной истории, мифологии и жреческим функциям. На это справедливо указывает, в частности, британская исследовательница С. Стюарт: «сохранившаяся религиозная литература, а именно дошедшая до нас часть Авесты, в основном касается вопросов, относящихся к компетенции жречества» [4, р. 2]. Ритуал относился к сфере полномочий жрецов, которые несли «корпоративную ответственность за религиозную жизнь общины» [5, с. 133], следовательно, миряне как отдельная категория фактически отсутствуют в сакральных текстах.

Во-вторых, модель социума акцентировала внимание на гармоничном взаимодействии всех элементов, а не их противопоставлении. На первом этапе, отраженном в Гатах, социальная организация была представлена жрецами (*zaotar-*) и животноводами (*vāstar-*). На втором этапе, в Младшей Авесте, формируется трехчленная социальная организация

(*āθravan*, жрец; *raθaēštā*, воин; *vāstryō fšuyant*, земледелец-животновод) и отмечается тенденция к появлению четвертого элемента (*hūiti*; *hūtay*, ремесленники) [6, с. 44]. Таким образом, к категории мирян в Авесте могут быть отнесены не-жрецы, т. е. животноводы (*vāstar-*) в Гатах, а также воины (*raθaēštā*), земледельцы-животноводы (*vāstryō fšuyant*) и ремесленники (*hūiti*; *hūtay*) в Младшей Авесте. Данная модель была построена по принципу взаимодополняющих космических и социальных функций всех групп (трифункциональная теория Ж. Дюмезиля [7, с. 25–26]), идее личной и «корпоративной» ответственности, а не противопоставлении «жрец – мирянин», т. е. все члены общества были ответственны за поддержание миропорядка, каждый на своем уровне.

В-третьих, многие исследователи отмечали интеллектуальную сложность, абстрактность и, в конечном счете, элитарность учения Заратустры, далекого от более простых духовных потребностей масс [8, р. 33; 9], что также приводило к исключению мирян из жреческих ритуальных практик. Кроме того, ранний зороастризм по своей природе имел необщинный характер. И хотя прозелитизм не был чужд вероучению в целом (вероятно, даже входил в круг обязанностей жречества), в зороастрийских ритуальных практиках не обнаруживаются регулярные коллективные богослужения, в рамках которых жречество могло бы обращаться к мирянам.

Характерно, что такие сложные литургические церемонии, как *ясна* (ав. *yasna*) и *висперад* (ав. *vīspe ratavo*), составлявшие смысловое ядро зороастризма, имели закрытый характер, т. е. данные ритуалы проводились жрецами без непосредственного участия мирян. Присутствие в ритуале иных участников помимо жрецов не имело смысла, поскольку гарантией эффективности ритуала выступала именно техническая грамотность жрецов, что неоднократно упоминается в Авесте (*Ясна* 34, 12; *Ясна* 48, 9 и др.). В этой связи отметим, что существовал особый термин, обозначающий тех, кто неверное исполнял ритуал – ав. *аšətaoša*, дословно «заблуждающийся в порядке/истине» (*Ясна* 9, 18 и 31; *Ясна* 16, 8; *Яшт* 1, 10; *Видевдат* 4, 49 и др.). Если ритуал совершал не истинный жрец, а «заблуждающийся», то это могло негативно повлиять на благополучие общины, поэтому такого исполнителя ритуала следовало покарать смертью (*Видевдат* 9, 56).

При этом чрезвычайно важная цель данных ритуалов – поддержание стабильности миропорядка и благополучия общины – затрагивала, по сути, всех членов общества. Следовательно, хотя ритуалы проводились жрецами от имени общества (*Ясна* 68, 12), иные члены общины могли рассчитывать на получение благ. Отношения между жрецами и мирянами строились по принципу сакральной договоренности: жрецы обеспе-

чивали ритуальную связь с высшими силами и поддержание миропорядка, миряне, вероятно, создавали материальную основу для успешного выполнения жреческих функций и являлись получателями благ, в чьих интересах в том числе ритуалы и проводились. Таким образом, религией создавались и обеспечивались границы «культурной модели» общества [5, с. 91].

И хотя миряне не участвовали в указанных литургических церемониях напрямую, они «присутствовали» на смысловом уровне ритуале.

Тем не менее, идеология Авесты создавала возможности для прямого участия в ритуале не только жрецов, но и мирян, что было связано с идеей личной экзистенциальной ответственности. Согласно зороастрийской традиции, каждый человек совершал свободный выбор в пользу одного из космических начал (порядка или хаоса, добра или зла) по аналогии с выбором, совершенным самими первичными сущностями (Ясна 30, 3–5), и нес личную ответственность перед высшими силами. По меткому выражению В. Хеннинга, Заратуштра осознал «индивидуума в качестве свободного волеизъявителя, чьи решения определяют конечные судьбы вселенной» (цит. по [9]). Данное волеизъявление требовало от человека активной жизненной позиции, а ритуал становился той площадкой, где эта активность могла найти выражение.

Непосредственное участие мирян в ритуале могло проявляться в нескольких формах: в качестве объекта или субъекта ритуала.

Ярким примером ритуала, в котором миряне могли выступать в качестве объекта действий жреца, являлся ритуал очищения. Хотя некоторые правила ритуалов очищения восходят к индоиранской эпохе [10, с. 55–56], в системе зороастризма данные ритуалы заняли особое место в связи с тремя аспектами религиозной традиции: фундаментальной идеей дуализма, представлениями о сакральности стихий и необходимостью борьбы с любыми проявлениями зла и хаоса, к которым относились болезни, мертвая материя, вредоносные насекомые и пресмыкающиеся (ав. *xrafstra-*) и др. Таким образом, понятия «чистого» и «нечистого» имели ритуальное значение [11, р. xxv]. Характерно, что ритуалы и общие правила очищения описаны в Видевдате, т. е. «против дэвов данном» законе (ав. *vī daēvā dātəm*), где дэвы обозначали абстрактных и материальных злых сущностей.

Любой человек должен был заботиться о сохранении собственной чистоты, чистоты стихий и предметов материального мира, а также избегать любого контакта с нечистой материей. В случае соприкосновения с нечистым, следовало пройти через ритуал очищения. Жрец, обладающий соответствующими знаниями и навыками, выступал в качестве исполнителя ритуала, а мирянин – в качестве объекта ритуала, который подчи-

нялся действиям жреца (Видевдат 9). Тем самым, взаимодействие жреца и мирянина приобретало личностный оттенок: если большие литургические церемонии (ясна, висперад) несли благополучие всему миропорядку, а в роли благополучателей выступала вся община, то ритуалы очищения были направлены на защиту, прежде всего, конкретных индивидов.

Одновременно можно отметить «примечательное различие между ежедневными и регулярно повторяющимися ритуалами, выполняемыми жрецами, и ритуальной жизнью мирян-зороастрийцев, которая носит частный или семейный характер» [2, р. 351]. Необходимость активной жизненной позиции в условиях борьбы добра и зла приводила к тому, что любой верующий должен был иметь возможность самостоятельной защиты от каких-либо проявлений зла. Эту защиту предоставляли, прежде всего, молитвы. В частности, в Авесте описывается эффективность молитв против дэвов и различных врагов авестийского общества (Ясна 61, 2–4; Яшт 3, 5; Видевдат 19, 2).

Также миряне могли проводить простые ритуалы, связанные с поддержанием чистоты тела, окружающих предметов и сакральных стихий. К примеру, фаргард 17 Видевдата описывал действия, которые надлежало совершить при обрезании ногтей и стрижке волос, поскольку они рассматривались в качестве мертвой материи и при бесконтрольном выбрасывании могли привести к появлению дэвов и вредоносных существ (Видевдат 17, 3). Правила данных ритуалов определялись жрецами, однако миряне были автономны в их проведении. Таким образом, в бытовых ритуалах миряне были основным действующим субъектом, совершающим ритуальные действия без участия жреца.

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на отсутствие в текстах Авесты прямой оппозиции «жрец – мирянин», ритуал, очевидно, выступал механизмом их разделения, четко разграничивая сферы компетенции: жрецы, в отличие от мирян, формировали сакральную традицию, обладали полноценными ритуальными полномочиями и несли ответственность за религиозную жизнь общины.

Таким образом, условная оппозиция «жрец – мирянин» в раннем зороастризме носила не концептуальный, а функциональный характер. При этом ритуал выступал в двойственной роли, поскольку ритуальное пространство одновременно имело и интегративный характер той площадки, на которой жрецы и миряне могли взаимодействовать – опосредованно или напрямую. Участие мирян в ритуале определялось идеологией Авесты: прежде всего, идеей личной экзистенциальной ответственности и необходимостью придерживаться активной жизненной позиции в борьбе мировых начал.

Обращение к ритуальным практикам, описанным в Авесте,

позволяет выявить различные формы взаимодействия жрецов и остальных членов общины. В сугубо жреческих ритуалах (литургических церемониях закрытого характера, таких как ясна и висперад) миряне не принимали прямого участия, хотя и были получателями благ. В иных ритуалах прямое участие мирян подразумевало различные взаимоотношения между ними и жрецами: миряне могли выступать в роли как объекта (ритуалы очищения), так и субъекта (простые бытовые ритуалы).

Таким образом, ритуал в раннем зороастризме не только решал сугубо религиозные задачи, но и представлял собой социальную площадку, на которой выстраивались и воспроизводились отношения между различными группами авестийского общества. Многообразие форм участия мирян в ритуальной жизни демонстрирует гибкость этой системы и ее значение для поддержания как космического, так и социального порядка.

Библиографические ссылки

1. *Stausberg M.* Contextualizing the Contexts. On the Study of Zoroastrian Rituals // *Zoroastrian rituals in context* / ed. by M. Stausberg. Leiden – Boston : Brill, 2004. P. 1–56.
2. *Jong A. de* Sub specie maiestatis: Reflections on Sasanian Court Rituals // *Zoroastrian rituals in context* / ed. by M. Stausberg. Leiden–Boston : Brill, 2004. P. 345–366.
3. *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. М. : Наука, 1986.
4. *Stewart S. R. A.* On the role of the laity in the history of Zoroastrianism : diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy. School of Oriental and African Studies, University of London, 1998.
5. *Доусон К. Г.* Религия и культура / пер. с англ., вступ. статья и коммент. Кожурина К. Я. СПб. : Алетейя, 2000.
6. *Миксюк А. С.* О некоторых аспектах социальной организации и функционирования авестийского общества // *Веснік Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія.* 2015. № 2. С. 39–45.
7. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М. : Наука, 1986.
8. *Williams Jackson A. V.* Zoroastrian studies. New York, 1928.
9. *Лелеков Л. А.* Авеста в современной науке // *Зороастрийская община Санкт-Петербурга.* URL: <http://zoroastrian.ru/en/book/export/html/829> (дата обращения: 04.10.2025).
10. *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. : Наука, 1987.
11. *Choksy J. K.* Purity and Pollution in Zoroastrianism: Triumph over Evil. Austin : University of Texas Press, 1989.

ХОРЕЗМ В СИСТЕМЕ ИМПЕРИИ АХЕМЕНИДОВ: ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА И ИНТЕГРАЦИИ

Ю. С. Кухарчик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости 4, г. Минск,
Беларусь, kukharchyksch44@gmail.com*

Статья посвящена анализу статуса и степени интеграции Хорезма в состав империи Ахеменидов. Автор рассматривает ключевые аспекты положения этой отдаленной северо-восточной области.

В работе исследуются вопросы завоевания Хорезма, его административного подчинения (вероятно, через сатрапа Бактрии), экономической роли (поставки бирюзы для дворцов в Персеполе) и военного участия (хорезмийские контингенты в армии Ахеменидов). Особое внимание уделяется дискуссии о времени и характере обретения Хорезмом независимости, а также анализу этимологии его названия.

Автор приходит к выводу, что власть Ахеменидов в Хорезме изначально носила опосредованный характер. В отличие от других регионов, Хорезм сохранял значительную внутреннюю автономию при местных правителях, ограничиваясь выплатой дани и предоставлением войск. Таким образом, его статус в империи можно охарактеризовать как формальное подчинение при сохранении высокой степени самостоятельности, что демонстрирует гибкость модели ахеменидской государственности на периферии.

Ключевые слова: Хорезм; Ахемениды; древнеперсидские царские надписи; интеграция.

Хорезм располагался в низовьях Амударьи и был самой удаленной территорией восточноиранских владений державы Ахеменидов.

Конкретные данные о территории первоначального расселения хорасмиев содержатся только у двух древнегреческих историков: Гекатея Милетского (конец VI в. до н. э.) и Геродота (V в. до н. э.). Согласно которым, первоначальной территорией расселения хорасмиев является территория между Бактрией и Маргианой.

Первоначальная область расселения хорасмиев находилась на юго-востоке современного Туркменистана и северо-западе Афганистана в междуречье Мургаба и Амударьи [1, с. 43].

Одно из первых упоминаний о Хорезме содержится в Бехистунской надписи в форме древнеперсидского топонима *Uvārazmī-*. Данный термин преимущественно встречается в перечнях подвластных стран (см. Таблица). Единично он упоминается в качестве источника строительных материалов для персепольского дворца. А в одной из надписей поздних Ахеменидов встречается в качестве обозначения этнической группы ([*Uvāra*]zmīya A?P 8).

Парадигма форм *Uvārazmī-* в древнеперсидских царских надписях

Название	Форма	Место упоминания в надписях
<i>Uvārazmīy</i>	Nom sg	DB 1.16; DPe 16-17
<i>Uvārazmīš</i>		DNa 23-24; DSe 22; DSm 9; XPh 21-22
<i>Uvārazmī-</i>	Abl sg	DSf 39-40

Эламские тексты используют эквивалент *ma-ra-iš-mi-iš* с некоторыми различиями в написании (Единственное число - *Ma-ra-iš-mi-iš* (DNa 18), *Ma-ra-iz-ma* (XPh 17) в значении «Хорезм» и множественное число *Ma-raš-mi-ya-ip* (DB 6:13), в значении «хорезмийцы»). Следует отметить, что в персепольских административных документах термин отсутствует и засвидетельствован только в царских надписях [2, р. 725; 3, s. 876—877]. Известны также аккадская (*hu-ma-ri-iz-ma*) и авестийская (*x^vāirizəm*) формы названия.

Этимология названия «Хорезм» является предметом длительной научной дискуссии. Уже средневековые путешественники и географы, такие как аль-Макдиси (X в.) и Якут (XII в.), фиксировали легендарные версии его происхождения.

Вторая компонента термина (*-zmi-*) единодушно интерпретируется как «земля». Однако семантика первой части остается дискуссионной. В XIX в. преобладали трактовки «питающая земля» [4, р. cviii; 5, р. 473; 6, р. 29] или «низменная земля» [7, р. 447; 8, с. V; 9, no. 60]. К. Бартоломе допускал связь первой части с названием народа [10, р. 1855]. А С.П. Толстов объединил концепции П. С. Савельева («земля солнца или востока» [11, с. ссхiii, пр. 392]) и К. Бартоломе, предложив интерпретацию «Земля (страна) народа Хварри, или Харри» / «Земля (народа) солнца» [12, с. 80, 87; 13, с. 223]. М. Н. Боголюбов, сегментируя первую часть как *hu-wara-/ hu-wari-*, выдвинул версию «страна, где хорошие укрепления для скота» / «страна, где поселения с хорошими стенами», «страна с хорошими «варами» [14, с. 651].

Р. Кент также выделял несколько частей и- «хорошо» + *vāra* + *zmi* «земля», отмечая неясность значения *vāra* [15, р.177].

Завоевание Хорезма, вероятно, осуществил Кир II Великий незадолго до своей гибели в 530 г. до н.э. Согласно Ктесию, он назначил правителем региона одного из своих сыновей, объединив управление с Бактрией, Парфией и Карманией. Впоследствии, возможно, Хорезм, подчинялся бактрийскому сатрапу, возможно подчинялся и Хорезм. Бактрия была крупнейшей административной единицей на востоке и бактрийскому сатрапу, скорее всего, подчинялись Маргиана [16, с. 137–149], Согдиана, возможно, Хорезм и Индия [17, с. 204].

Хорезмийцы изображены в процессиях данников рельефах на восточной лестнице ападаны в Персеполе (группы №11 и №17). Кроме того, надписи позволяют идентифицировать хорезмийцев на рельефах двух гробниц недалеко от Персеполя. Примечательно, что их одежда похожа на одежду саков, что может говорить о близости материальной культуры этих этнических групп. Хорезм поддерживал тесные связи с кочевыми скотоводами в степных районах Евразии. Древнеперсидские надписи (DSf, DSz) свидетельствуют о поставках бирюзы из Хорезма для строительства персепольских дворцов.

Именно Хорезм назван источником бирюзы (*kāsaka hya axšaina* (DSf 39)). Древнеперсидское *axšaina* прилагательное цвета «бирюзовый» [18, р. 42; 15, р. 165; 3, s. 44]; «темный» [10, р. 51], «темно-синий» [19, с. 133], «синий, голубой, зеленый; сизый» [20, с. 284]. Понятие возводится к **axšai-na*. В сочетании с *kāsaka* (**kas* «быть видимым, казаться, светиться, блестеть» [21, р. 117], в значении полудрагоценный камень [15, р. 180; 10, р. 130; 21]), т.е. буквально «камень, который синий/голубой» [15, р. 165; 21, s. 101].

Хорезмийские воинские контингенты участвовали в походе Ксеркса на Грецию под командованием персидского военачальника Артабаза совместно с парфянами (Геродот, 9.41).

Представители Хорезма широко привлекались на персидскую службу в Вавилонии, Греции и Элефантине. Арамейский документ 464 г. до н. э. сохранил имя хорезмийского солдата в Верхнем Египте [22, с. 139, 281, 302], упоминаются они и в элфантийских папирусах [23, с. 366].

Отсутствие упоминаний хорезмийских отрядов в списках армии Дария III, а также подчинение Александру Македонскому Фарасмана, который назван «царь Хорезма», позволяет предположить, что обретение регионом независимости произошло в период после правления Ксеркса I.

В Хорезме с вхождением в состав государства Ахеменидов связано распространение арамейской письменности, которая, была внедрена в местную хорезмскую среду ахеменидскими писцами. Самое раннее свидетельство о распространении в Хорезме арамейской письменности относится к рубежу V–IV вв. до н. э. [24, с. 42]

Вопрос о независимости Хорезма остается дискуссионным. Так, утвердилось несколько предложений. Хорезм стал независимым на рубеже V–IV вв. до н. э. [25, с. 746; 26 с. 33], в IV в. до н. э. [27, р.18], в начале IV в. до н. э. [28, с 71], на рубеже V–IV вв. до н. э. или в первой половине IV в. до н. э. [29, с. 270], в середине IV в. до н. э. [30, с. 24], в конце V в. до н. э. [31, с. 545]. М.А. Дандамаев не указывал точной даты приобретения независимости Хорезмом, а указал что это могло произойти к концу правления Артаксеркса II [32, с. 248; 33, с. 620] или при по-

следних Ахеменидах [22, с. 107, 34, с. 142]. А. С. Балахванцев уточняет время обретения Хорезмом независимости периодом между 410 и 360 гг. до н.э. [23, с. 371].

Тем не менее, вероятно, что власть Ахеменидов в Хорезме изначально носила более опосредованный характер по сравнению с другими восточноиранскими областями, ограничиваясь взиманием дани и воинским набором, при сохранении автономии местных династий во внутренних делах. Следовательно, символическая покорность Фарасмана Александру может отражать традиционную модель ахеменидской государственности в регионе [35, р. 233].

Хорезм в ахеменидский период представлял собой особый случай управления в империи – формально подчиненную, но внутренне автономную периферийную область с уникальным экономическим (поставки бирюзы) и военным значением, поддерживавшую тесные связи со степным миром. Его статус характеризовался не полной независимостью в поздний период, а изначально присущей ему высокой степенью автономии при сохранении лояльности центру в вопросах дани и военной службы.

Библиографические ссылки

1. Хорезм в истории государственности Узбекистана. Ташкент : Издательство «Узбекистан файласуфлари миллий жамияти», 2013.
2. *Hallock T. H.* Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969.
3. *Hinz W., Koch H.* Elamisches Wörterbuch in 2 Teilen. Berlin : Reimer, 1987.
4. *Burnouf E.* Commentaire sur le Yaçna, L'un des livres religieux des Perses. Paris, 1833.
5. *Sachau E.* Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm // Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1873. T. 73. S. 471–506.
6. *Geiger W.* Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen : Verlag von andreas deichert, 1882.
7. *Lerch P.* Khiva oder Khârezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse // Khiva. Seine historischen und geographischen Verhältnisse. Russische revue. 4. StP, 1873. V. 2. P. 445–484, 565–579.
8. *Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
9. *Kiepert H.* Lehrbuch der alten Geographie. Berlin: Verlag von dietrich reimer, 1878.
10. *Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1904.
11. *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб. : тип. Военно-учебных заведений, 1846.
12. *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

13. Толстов С. П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М. : 16-я типография «Полиграфкнига», 1948.
14. Боголюбов М. Н. Древнеперсидские этимологии // Древний мир: сб. ст. / ...Академия Наук СССР; ред. Н.В. Пигулевская, Д.П. Каллистов, И.С. Кацнельсон, М.А. Коростовцев. М. : Восточная литература, 1962. С. 367–371.
15. Kent R. G. Old Persian: Grammer, Text, Lexicon. 2 nd ed. New Heven, 1950.
16. Кошленко Г. А., Баден А., Гаибов, В. А. Маргиана в ахеменидской официальной письменной традиции // ПИФК. 1995. Вып. 2. С. 137–149.
17. Кошленко Г. А., Гаибов В. А. Судьбы сатрапов Востока. Эпоха Александра Македонского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. №17. С. 202–222
18. Cameron G. G. Persepolis Treasury Tablets. Chicago : The University of Chicago Press, 1948.
19. Абаев В. И. Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе // Иранские языки: Материалы и исследования по иранским языкам; под ред. В. И. Абаева. М.-Л., 1945. С. 127–133.
20. Расторгуева В. С. Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Том 1. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
21. Brandenstein W., Mayrhofer N. Handbuch des Altpersischen. Otto Harrassowitz, 1964.
22. Дандамаев М. А. Культура и экономика Древнего Ирана. М. : Наука, 1980.
23. Балахванцев А. С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО. СПб, 2006. Т. II (XXVII). С. 365–375.
24. Лившиц В. А., Мамбетуллаев М. М. Острак из Хумбуз-тепе // Памятники истории и литературы Востока. Статьи и сообщения. М., 1986. С. 34–45.
25. Литвинский Б. А., Пьянков Н. А. Средняя Азия в ахеменидское время // История древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй; под ред. А.В. Седова; редкол.: Г.М. Бонгард-Левин (пред.) и др. ; Ин-т востоковедения. М., 2004. С. 698–814.
26. Рапопорт Ю. А. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и Средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции : сб. ст. / ред. Е. Е. Неразик. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 28–41.
27. Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. London : Duckworth, 1993.
28. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана: в 2 т.. М. : Наука, 1964-1965. Т.1: С древнейших времен до начала XVI века.
29. Ставиский Б. Я. Средняя Азия в Ахеменидскую эпоху // История таджикского народа: т. I–IV / Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН РТ: сост.: Б.А. Литвинский. Душанбе, 1998. Т. 1.
30. Вайберг Б. И. Изучение памятника Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-х - 80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековья): сб. науч. ст. М., 1991. С. 5–108.
31. Неразик Е. Е. Древние города Хорезма и пути их развития (IV в. до н.э. – IV в. н. э.) // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Междунар. Научн-практ. Конф., посвящ. 80-летию Е.А. Давидовича и Б.А. Литвинского, 3-4 апреля 2003 г., г. Москва. М., 2005. С. 543–561.

32. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М. : Наука, 1985.

33. Дандамаев М. А. Ахеменидская держава // История древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй; под ред. А. В. Седова. М., 2004. С. 581–655.

34. Дандамаев М. А. Мидия и ахеменидская Персия // История древнего мира. Расцвет древних обществ.: сб. ст. / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М. : Наука: Главная редакция восточной литературы издательства, 1989. С. 129–245.

35. *Vogelsang W. J.* The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. Studies in the History of the Ancient Near East. Leiden – New York-Koln : E.J. Brill, 1992.

БОГ СОБЕК-СУХОС И РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР: СОВМЕСТНОЕ ПОЧИТАНИЕ ОБРАЗОВ

С. А. Качан

*ГБУО Школа № 1995, ул. Саморы Машела, д. 6, корп. 3, г. Москва, Россия,
sergey-md@list.ru*

Автор этого исследования обратил свое внимание на изучение проблемы совместного почитания бога Собека-Сухоса и римского правителя. Несмотря на то, что первый император Октавиан Август отказался почитать священных животных, римские правители были представлены совершающими ритуал перед Собеком-Сухосом, а у императоров и крокодилового бога было в Египте общее жречество. Собек-Сухос мог изображаться в полностью антропоморфном образе с солярными чертами, что было следствием отождествления этого бога с Ра-Гелиосом, Хором и влияние на его иконографию образа императоров, которые выступал как победители и benefactores. Придание образу Собека-Сухоса иконографических черт императора говорило о незримом присутствии в Египте римского правителя, который несет *Rex Romanae*.

Ключевые слова: Собек-Сухос; Хор; Гелиос-Ра; римский императорский культ; римский Египет; *Rex Romanae*.

В греко-римском Египте на образы традиционных египетских божеств оказывали влияние боги Греции и Рима. Эти метаморфозы происходили с образом крокодилового бога Собека-Сухоса, с которым традиционно правитель Египта отождествлялся или сопоставлялся. В Египте римского времени прослеживалась связь образов крокодилового бога и императора, оказывающего воздействие на иконографию этого божества и сопоставляющегося с ним. Это обстоятельство подводит нас к исследованию следующих вопросов: какие особенности образа императора позволяли придавать иконографии Собека-Сухоса императорские черты, какие появились формы совместного почитания римского правителя и крокодилового бога в Египте?

В римском Египте Собек-Сухос мог быть изображен с иконографическими чертами императора. На терракотовом панно из Фаюма это божество представлено фронтально в антропоморфном образе с солнечным гало вокруг головы, правая рука поднята в знак приветствия, левая – держит крокодила. Фигура бога одета в хламиду, которая застегнута пряжкой на правом плече (Египетский музей, Берлин. Инв. № 10314). Многие греческие авторы использовали термин «хламида» (*χλαμίδα τῆν βασιλικήν*) (Herod. III.7.3; Dio Cass. LXXVI.6.7) как простой перевод слова «палудаментум» – военный плащ, который с начала времени принципата был атрибутом императорского образа. Также пряжка, поднятая

рука, имитирующий приветствие *adlocutio*, были одной из составляющих иконографии императора. Солярный образ Собека-Сухоса схож с солнечной иконографией императоров (например, Нерона или Калигулы, представленные на александрийских монетах с лучистой короной) и был связан с влиянием образа Гелиоса, а также традиционным отождествлением бога Ра с крокодилоголовым божеством, выступающим, например, в надписях храма Ком-Омбо римского времени как (Sbk-R' nb jnm) «Собек-Ра, господин кожи (крокодила)» (de Morgan. 109). Солнечное гало могло быть связано с образом «венка оправдания» (m³h n m³'-h³rw) Хора, солярного божества, с которым отождествлялся Собек. Наличие военного плаща в образе Собека-Сухоса было отсылкой к победоносному характеру образа этого божества, побеждающего врагов (de Morgan. 158), и победоносному образу римского правителя (Р.Оху. XII. 1449). Император и Собек-Сухос рассматривались как дарители благ (de Morgan. 123), что также могла повлиять на придании Сухосу-Собеку иконографических черт римского правителя. Несмотря на то, что первый император Октавиан Август, находясь в Египте, отказался почитать священных животных (Dio Cass. LI. 16.), он в Хоровом имени римского правителя представлен как «защитник священных животных» и в Фаюме на стеле (I.Faum I. 73), воздвигнутой в знак завершения строительства храмовой стены, изображен совершающим ритуал перед богом Собеком с посвятельной надписью: «ради императора Цезаря, бога и сына бога, строительство этой периметральной стены (было посвящено) богу и господину Сокнопаиу (Собеку)» (ὕπερ Καίσαρος Αὐτοκράτορος θεοῦ ἐκ θεοῦ ἡ οἰκοδομή τοῦ περιβόλου τῷ θεῷ καὶ κυρίῳ Σοκνοπαίῳ) (OGIS 655). Император почитался наряду с богом Собеком-Сухосом в деревни Сокнопауи, в которой жречество «бога дважды величайшего (т.е. Сухоса) в Сокнопаиу...святилища Цезаря, бога Августа» (Σοκνοπαίου θεοῦ μεγάλου μεγάλου...ναοῦ Καίσαρος θεοῦ Σεβαστοῦ) (SB 12, 10883, 3–17) совершало совместное поклонение римскому правителю и Собеку. Итак, изображение бога Собека-Сухоса, на образ которого оказали влияние египетские и греко-римские боги, с иконографическими чертами императора было связано с влиянием победоносного образа римского правителя и представлением о нем как дарителе благ. Придание Собеку императорских черт говорило о незримом присутствии правителя в Египте, которому покровительствует Собек-Сухос.

КВИНТИЛИЙ ВАР: ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

А. В. Козленко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, strator40@gmail.com*

Публий Квинтилий Вар является одним из самых известных военачальников в римской истории благодаря поражению, которое он потерпел от германцев в ходе битвы в Тевтобургском лесу. Его последующая репутация определяется стремлением римских историков, прежде всего Веллея Патеркула, взвалить вину за поражение на некомпетентность и промахи военачальника. Созданный им образ заслоняет от нас реальную биографию Вара, из которой просматривается совершенно иная картина.

Ключевые слова: Римская империя; Август; принципат; римская армия; сенат; военная карьера; Тевтобургский лес; германцы.

Публий Квинтилий Вар родился в древней патрицианской семье. Первый известный нам его предок был Секст Квинтилий Вар, консул 453 г. до н.э., скончавшийся от чумы во время отправления своей должности. Больше о нём ничего не известно [1, с. 896]. Его потомки, по-видимому, не отличались особыми дарованиями, поскольку на протяжении последующих 400 лет ни одному из членов этой семьи более не довелось достигнуть высшей должности. Поэтому семью Вара едва ли можно причислить к нобилитету, т.е. узкому кругу избранных сенаторских семей, державших реальную власть в своих руках. Слова Веллея Патеркула о том, что Вар «принадлежал к семье скорее известной, чем знатной», вполне справедливы [9, с. 88].

Секст Квинтилий Вар, дед «нашего» военачальника, в 57 г. до н.э. занимал должность претора, а затем управлял Дальней Испанией. Существует предположение, что он погиб в 43 г. до н.э. от репрессий триумвиров [1, с. 899; 2, с. 21–22]. Его сын, также Секст Квинтилий Вар, был квестором в 49 г. до н.э. и во время Гражданской войны сражался против Юлия Цезаря. После убийства Цезаря в 44 г. до н.э. он присоединился к республиканцам и в 42 г. до н.э. на их стороне участвовал в битве при Филиппах. Потерпев поражение, после битвы он приказал своему вольноотпущеннику убить себя [1, с. 905–906; 2, с. 22]. Как его сын нашел путь к Октавиану остается неизвестным, но в то же время отнюдь не редкость. Можно вспомнить Тиберия Клавдия Нерона, отца двух пасынков Августа, Тиберия и Друза, который прежде сражался против него на стороне Секста Помпея.

Год рождения Вара остаётся неизвестен и может быть лишь примерно рассчитан исходя из хронологии занимаемых им должностей. Если исходить, что в 13 г. до н.э., когда он стал консулом, ему было не менее 32 лет, то родился он около 46 г. до н.э. или немного ранее. О его юности ничего не известно. Последующая судьба и карьера Вара свидетельствует о его ранних и очень близких связях с семьёй Августа, с которой он, возможно, был связан оставшимся недокументированным первым браком. О такой возможности свидетельствуют его последующие браки. Известно, что затем он был женат на Випсании Агриппине, дочери Агриппы от первого брака с Помпонией Атикой, а ещё позже его женой была племянница самого Августа Клавдия Пульхра. Одна из сестер Вара была замужем за Луцием Нонием Аспренатом, близким другом императора, другая вероятно, была женой Секста Апулея, консула 29 г. до н.э. и племянника Августа [1, с. 908–909, 964; 2, с. 22].

О расположении самого Августа к Вару также свидетельствует первая документированная его должность императорского квестора в 22–21 гг. до н.э. Август в это время предпринимал поездку в Грецию и восточные провинции, итогом которой оказалось заключение мира с парфянами [6, с.36]. По роду своих обязанностей Вар должен был в пути сопровождать императора и постоянно находиться в его окружении. О значении Вара в составе императорского окружении свидетельствуют первые полученные им в это время почести. На острове Тенос, а также в Афинах и в Пергаме были обнаружены постаменты воздвигнутых в его честь статуй [1, с. 909–910; 2, с. 22]. Во время этой поездки Вар также имел возможность установить доверительные отношения с пасынком императора Тиберием Клавдием Нероном. Они оба были примерно одного возраста (Тиберий родился в 42 г. до н.э.), оба, весьма возможно, принимали участие в Кантабрийской войне, которую в 26–24 гг. до н.э. вёл Август в Испании. Наконец, оба они к тому времени были женаты на родных сёстрах. В будущем им также придётся делить друг с другом ординарный консулат в 13 г. до н.э.

О том, как складывалась карьера Вара между квестурой в 22–21 гг. до н.э. и консулатом в 13 г. до н.э., у нас нет сведений. Учитывая пятилетний срок между занятием очередных должностей, он занимал должность претора в 17 или 16 гг. до н.э. Между этими двумя датами он мог быть сенаторским легатом в одной из провинций, может быть в Африке, куда ему предстояло вернуться в качестве проконсула. В этом случае он в качестве легата прежде всего должен был осуществлять судопроизводство от имени наместника провинции. При другом варианте событий, он мог бы осуществлять командование легионом в какой-либо из императорских провинций, что было возможно для сенаторов-квесториев рес-

публиканской эпохи, но в императорскую эпоху стало прерогативой преториев. Хотя конкретных свидетельств его карьеры нет, скорее всего он провел эти годы где-то в провинциях, где должен был набираться опыта для последующих достижений [3, с. 18].

Свет на то, как далее складывалась судьба Вара пролила недавняя находка в Дангштеттене (Германия) свинцовой таблички с надписью, которая читается следующим образом: Pri[va]tus caloni(bus) ser(vus) P(ublil) Q(uinctilii) Vari leg(ati) l(egionis) XIX c(o)h(ortis) I, т.е. «Приват конюх, раб Публия Квинтилия Вара, легата XIX легиона, 1-й когорты». Лагерь в Дангштеттене был разбит после 15 г. до н.э. как результат предпринятой в этом году Римом военной кампании по покорению альпийского региона. К этой крупномасштабной операции одновременно было привлечено от 6 до 9 легионов. Верховное командование осуществляли Тиберий и его брат Друз, для которых это был дебют руководства военной операцией такого уровня. Отдельными группами войск командовали Луций Кальпурний Пизон Фруги, Публий Силий Нерва, Гай Вибий Панса, Марк Виниций, опытные военачальники своего времени. Участие в альпийской кампании XIX легиона засвидетельствовано находкой наконецника стрелы от катапульты с выбитым на ней штампом легиона из разрушенного в ходе военных действий кельтского поселения в Дёттенбихле, а также эпиграфическими находками из лагеря в Дангштеттене, который легион занял после окончания кампании. Если чтение надписи на свинцовой табличке верно, то именно Вар командовал легионом в ходе этой военной операции [4, с. 78].

За проявленные в ходе кампании успехи Вар получил консулат в 13 г. до н.э. Его коллегой по должности стал Тиберий. Подробности совместного консульства остаются неизвестными. Данные консулами игры хвалил один из их предшественников по этой должности. Игры, должно быть, оказались приурочены к возвращению Августа из Лугдуна (Лион), где он находился между 16 и 13 гг. до н.э. в связи с мероприятиями по организации провинциального управления Галлии. Одной из почестей, декретированных Августу в честь его возвращения сенатом, был Алтарь мира на Марсовом поле. Его постройка и освящение должны были ознаменовать наступление эпохи «римского мира» (Pax Romana). По замыслу художника, алтарь должен был быть украшен монументальными рельефами, в т.ч. изображением торжественного шествия сенаторов, среди которых легко узнаются фигуры самого Августа, его ближайшего помощника и друга Агриппы и других видных лиц. Действующие консулы Тиберий и Вар наверняка также были изображены на фризе, однако идентифицировать их изображения сегодня уже не представляется возможным [1, с. 909; 3, с. 19; 6, с. 46–47].

Следующее назначение Вара после отбытия консульства в Риме связано с получением им должности проконсула Африки. По закону между двумя этими событиями выдерживался 5-летний интервал и, следовательно, африканское наместничество Вара датируется 8/7 г. до н.э. Африка в это время была самой важной сенатской провинцией, значение которой определялось размещавшимся на её территории легионом. Это обстоятельство накладывало особую специфику при отборе кадров для управления провинцией, сыгравших в данном случае, в пользу Вара. Кроме того, Африка имела огромное экономическое значение, поскольку провинция в то время являлась главным источником поставки хлеба в столицу. Памятником пребывания здесь Вара является его изображение и имя, чеканившиеся на бронзовых монетах Гадрумета и Ахуллы [1, с. 910; 2, с. 22]. Практика помещать свое изображение на монетах, даже выпускавшихся провинциальными городами, к тому моменту была прочно монополизирована Августом. Только родственники и ближайшее окружение императора могли пользоваться подобной привилегией и это определённо свидетельствует о статусе Вара в это время [3, с. 20].

Сразу после африканского наместничества Вар получил следующее назначение, отправившись в качестве легата Августа (*legatus Augusti pro praetore*) управлять Сирией [1, с. 911–912; 2, с. 23]. Это назначение было явным повышением, поскольку Сирия после Египта являлась самой важной римской провинцией на Востоке. На её территории в это время размещались, как минимум, три римских легиона в сопровождении многочисленного корпуса вспомогательных войск. Вся эта сила предназначалась прежде всего для защиты границы по Евфрату от парфянской угрозы. Кроме того, она должна была обеспечивать поддержание стабильности римской власти и внутреннего порядка, как на территории провинции, так и среди многочисленных зависимых от Рима восточных правителей. Последние часто имели собственные политические амбиции и интересы, не всегда совпадавшие с волей их державного покровителя. Предшественником Вара в должности сирийского наместника был Гай Сентий Сатурнин, который после этого получил назначение в Германию, где он продолжал служить в 4–5 г. до н.э. под командованием Тиберия, а затем самостоятельно [2, с. 23].

Многочисленные сведения о пребывании Вара в Сирии между 7/6 и 5/4 гг. до н.э. сохранились в рассказе Иосифа Флавия о мрачных последних годах правления Ирода Великого и волнениях, последовавших за его смертью. В различных частях страны в это время во стали появляться лидеры, призывавшие к всеобщему восстанию. В Иерусалиме восставшие осадили в царском дворце римского прокуратора Сабина, его свиту и 3 000 бывших солдат Ирода, ставших на его сторону. Чтобы положить

конец волнениям Вару пришлось отправить к Иерусалиму один из трёх имевшихся у него легионов, а затем последовать за ним с двумя другими. Явившись к Иерусалиму, Вар заставил мятежников снять осаду, затем принял делегацию горожан, которых жестоко разбил за устроенные ими беспорядки. Порядок вскоре был восстановлен. Военные отряды, разосланные в разные стороны, преследовали и уничтожали разбойничьи банды. Более 2 000 захваченных в плен повстанцев были распяты на крестах [8, с. 63–64].

Эти действия показывают, с одной стороны, замечательную энергию Вара, а с другой – умное, взвешенное с точки зрения ситуации, осуществляемое им руководство. Там, где это требовалось, наместник применил силу, однако повстанцев, сдававшихся без боя, в основном отпускали по домам, подвергая наказанию лишь их предводителей. Также он распустил находящиеся при его войске арабские вспомогательные отряды, поскольку, как пишет Иосиф, «они вопреки его повелениям и желаниям совершили много насилий и грабежей из любопытства». Интересно, что Иосиф не упоминает о поборах наместника, что резко контрастирует с рассказом Веллея Патеркула о ненасытной жадности Вара, беззастенчиво грабившего управляемую им провинцию [9, с. 88].

У нас нет особых оснований особенно доверять этой характеристике, потому что Вар был, несомненно, достаточно богат, чтобы не нуждаться в этих деньгах и высокопоставлен, чтобы всерьез заботиться о своей репутации [3, с. 21].

После наместничества в Сирии известия о дальнейшей жизни и карьере Вара исчезают из поля зрения историков на целое десятилетие. Возможно, эта лакуна является результатом ограниченного характера имеющейся у нас информации источников, но также возможно, что Вар в это время выпал из фавора императора в связи с фактическим изгнанием Тиберия между 6 г. до н. э. и 4 г. н. э. Связь между Тиберием и Варом остается гипотетичной, однако в таком объяснении нет ничего невозможного. Не случайно новое появление Вара на политической сцене происходит вскоре после возвращения Тиберия из изгнания и получением им германского командования в 4 г. н.э. [3, с. 22]. Легионы встретили своего бывшего командующего с большим энтузиазмом и на протяжении 4–5 гг. н.э. совершили под руководством Тиберия ряд экспедиций в глубины Германии. В 6 г. н. э. римляне готовились предпринять крупномасштабное наступление на располагавшееся на территории Чехии королевство маркоманнов. Войска уже выступили в поход, когда в тылу у них внезапно вспыхнуло Паннонское восстание. С царём маркоманнов Марободом был немедленно заключен мир, а все имевшиеся в наличии си-

лы, включая германские вспомогательные части, были переброшены в Паннонию, где следующие три года шли тяжелейшие бои [6, с. 120].

В 7 г. н. э. Вар получил германское наместничество, сменив в этой должности знакомого ему по Сирии Гая Сентия Сатурнина. Последний имел прекрасный послужной список, а за кампанию 4–5 гг. н.э. вместе с Тиберием получил триумфальные украшения. Вместе с тем, его весьма преклонный возраст (он родился, по некоторым сведениям, в 60-х гг. до н.э.), требовал для управления одной из самых важных провинций в это тяжёлое время человека более молодого. Август всерьёз опасался, что германцы, лишь недавно усмирённые Тиберием, могут присоединиться к восставшим паннонцам и далматам, и для предотвращения этой возможности послал в Германию Вара. При имевшемся у него за плечами послужном списке, тот считался человеком решительным и, как никто другой, способным справиться с этой задачей. Несомненно, при выборе его кандидатуры также учитывалась его тесная связь с семьёй императора, а также близость к Тиберию, осуществлявшему в это время командование на Балканском театре военных действий [3, с. 23; 5, с. 600; 7, с. 398].

Вар осуществлял свои обязанности наместника на протяжении трёх лет между 7 и 9 гг. н. э., пока бушевало пламя Паннонского восстания. Едва в 9 г. н. э. римскому командованию удалось, наконец, справиться с мятежниками, как в Германии разразилась катастрофа. Три легиона (XVII, XVIII и XIX), шесть вспомогательных когорт и три кавалерийские алы, в общей сложности около 22 500 солдат, к которым следует прибавить значительное число нестроевых и obsługi, были полностью уничтожены в Тевтобургском лесу, глухой и гористой местности к северу от современного Оснабрюка [5, с. 600–610; 7, с. 398–403]. Вместе с армией погиб и командующий, который покончил с собой, чтобы не попасть живым в руки противника. Наполовину сожжённый труп Вара германцы извлекли из могилы и, вдоволь надругавшись над телом, отсекли ему голову. Предводитель восставших Арминий отослал её Марободу, чтобы таким образом убедить его примкнуть к восстанию. Маробод переправил её в Рим, где её захоронили в родовой усыпальнице Квинтилиев [9, с. 89].

В лесах Германии была потеряна целая армия, причем это произошло как раз в тот момент, когда римские мобилизационные возможности из-за Паннонского восстания были истощены до предела и у командования просто не осталось наличных резервов. Поэтому вслед за разгромом армии потеряны оказались все территории к востоку от Рейна, которыми римляне владели вот уже два десятилетия. Получив известие о разгроме, Август был до того сокрушен, что, по словам его биографа Светония, «облачился в траур, несколько месяцев подряд не стриг волос, не брился, и не раз бился головой о косяк двери, восклицая: «Квинтилий Вар, верни

мне легионы!». Разгром в Тевтобургском лесу оказался не просто поражением римской армии, это был крах политики завоевания мирового господства, которую Август торжественно провозгласил за 30 лет до того. Эта цель была очень близко, но, в конечном итоге, так и не была достигнута. Чтобы оправдаться перед современниками, Августу был нужен виновник его провала [6, с. 156; 7, с. 403–408].

Посмертная репутация Вара оказалась определена уготованной ему ролью стать козлом отпущения за провал римской политики в Германии. Вслед за Веллеем Патеркулом, который был современником описываемых событий, более поздние римские историки повторяли одни и те же обвинения: «...мягкий от природы человек, спокойного нрава, неповоротливый телом и духом, пригодный скорее к лагерному досугу, чем к превратностям войны (...) которому казалось, будто он в должности городского претора творит суд на форуме, а не командует войском в центре германских пределов» [9, с. 88]. Выше описанные события в Иудее характеризуют Вара иначе, как человека вполне решительного и в то же время разумного, способного учитывать местную специфику и успешно соединять её с римским интересом. С другой стороны, Вар был удобной для критиков фигурой, потому что, будучи мёртвым, уже не смог бы ответить на возводимые против него обвинения.

Библиографические ссылки

1. *John W. P.* Quintilius Varus // *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. 24. Stuttgart, 1963. S. 907–984.
2. *Syme R. P.* Quintilius Varus // *Prosopographia Imperii Romani*. Ed. W. P. Eck. Pars. VII, fasc. 1. S. 20–25.
3. *Eck W. P.* Quintilius Varus, seine senatorische Laufbahn und sein Handeln in Germanien: Normalität oder aristokratische Unfähigkeit // *Imperium: Varus und seine Zeit*. Münster, 2010. S. 13–28.
4. *Zanier W.* Der römische Alpenfeldzug unter Tiberius und Drusus im Jahre 15 v. Chr. Übersicht zu den historischen und archäologischen Quellen // *Imperium: Varus und seine Zeit*. Münster, 2010. S. 73–96.
5. *Timpe D.* Die «Varusschlacht» in ihren Kontexten. Eine kritische Nachlese zum Bimillennium 2009 // *Historische Zeitschrift*. 2012. Bd. 294. S. 596–625.
6. *Парфёнов В. Н.* Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб.: Алетей, 2001.
7. *Парфёнов В. Н.* Вернул ли Вар легионы? Юбилей битвы в Тевтобургском лесу и раскопки в Калькризе // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 12. СПб., 2013. С. 395–412.
8. *Лившиц Г. М.* Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. К проблеме социально-экономического строя римских провинций. Минск, 1957.
9. *Веллей Патеркул* Римская история // *Малые римские историки*. Под ред. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. М.: Ладомир, 1996.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ И АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РИМСКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В. А. Бейзер

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, beyzer.bsu@gmail.com

Эта статья посвящена анализу муниципальных законов и свидетельств античных авторов как ключевых источников по истории римского городского самоуправления. На материале нормативных актов и литературной традиции показываются принципы организации муниципальных институтов, механизмы их функционирования и трансформация роли города в политической системе Рима от Республики к Поздней Империи.

Ключевые слова: римское городское самоуправление; муниципальные законы; античные источники; римское право; муниципий.

Изучение римского городского самоуправления основывается на комплексном корпусе источников, охватывающем широкий хронологический и тематический диапазон. Центральную роль в нём играют муниципальные законы и труды античных, позднеантичных и византийских авторов, фиксирующие правовые нормы, административные практики и идеологические представления о роли города в римской цивилизации. Эти тексты позволяют реконструировать юридические основы и реальные механизмы функционирования городских институтов, проследить трансформации муниципальной автономии в условиях изменения государственного устройства и оценить место муниципиев в политической системе Рима.

Центральное место среди нормативных источников занимает *Lex Iulia Municipalis*, или «Таблицы Гераклеи» [31], датируемые концом I века до н.э. Он представляет собой свод норм, регулирующих устройство муниципалитетов в Италии, и считается краеугольным камнем развития римской муниципальной традиции.

Текст был найден выгравированным на бронзовых таблицах. Одна из таблиц позже использовалась для записи закона императора Веспасиана, благодаря чему сохранилась значительная часть оригинального текста *Lex Iulia*. Закон связывается с именем Гая Юлия Цезаря и датируется примерно 45 годом до н. э., то есть временем, когда Цезарь сосредоточил в своих руках всю полноту власти в Римской республике и инициировал масштабные реформы, в том числе касающиеся урбанистической и административной политики.

Lex Iulia Municipalis была создана для регулирования внутренней организации городов Италии, которые стали частью римской гражданской общности (*civitas*) и получили статус муниципия. Закон устанавливал унифицированную правовую основу для таких городов, чтобы обеспечить единообразие в административных и судебных практиках, усилить контроль центра и способствовать интеграции городов в государственную систему.

Закон охватывал широкий круг вопросов, касающихся порядка выборов и полномочий городских магистратов (в первую очередь дуумвиров, эдилов и квесторов), функционирования городского совета (*ordo decurionum*) [31], правил градостроительства, финансирования общественных проектов, организации общественного порядка и даже проведения религиозных обрядов и публичных празднеств. Он также регулировал судебную систему на местном уровне, устанавливая процедуры, обязательные к соблюдению при рассмотрении дел и вынесении приговоров.

Особое значение *Lex Iulia Municipalis* имеет в контексте понимания административной и социальной структуры городов Италии в поздне-республиканский период. Закон содержал чёткие положения о способах участия граждан в общественной жизни, разграничении прав и обязанностей различных категорий населения, мерах ответственности должностных лиц и правилах взаимодействия с римскими властями. Тем самым он укреплял иерархическую структуру общества, делая акцент на дисциплине и подчинении общегосударственным интересам, но вместе с тем предоставлял муниципиям определённую степень автономии в рамках римского правового поля.

Важным достоинством этого источника является исключительная детализация. Закон не просто описывает нормы, но и предлагает их конкретные реализации, например, устанавливает сроки подачи жалоб, размеры штрафов, порядок пересмотра решений. Такая конкретизация позволяет исследователям реконструировать реальные административные практики, а не только абстрактную юридическую теорию. Немаловажным является и то, что текст был предназначен для публичного размещения – он был выгравирован на бронзовых табличках и вывешен на городской площади, что подчеркивает его нормативную силу и направленность на широкое гражданское восприятие.

Историки и юристы давно обратили внимание на ценность *Lex Iulia Municipalis*. Его первые публикации относятся к эпохе Возрождения, но настоящий научный анализ стал возможен в XIX веке, когда текст был подробно изучен Теодором Моммзеном в рамках его работы над *Corpus Inscriptionum Latinarum* [25]. В последующие десятилетия текст коммен-

тировали такие специалисты, как Иосиф Моисеевич Кулик [9, с. 112–130] и Михаил Иванович Финлейсон [16, с. 14–32.], предлагая реконструкции утраченных фрагментов и выявляя параллели с другими муниципальными законами. Эти исследования доказали, что *Lex Iulia* не была уникальным документом, а представляла собой образец, использовавшийся как основа при создании городских уставов в других регионах, особенно в провинциальной Испании.

Продолжением римской юридической традиции стали муниципальные законы провинциальных городов Испании I века до н.э. – I века н.э. – *Lex Ursonis* [30], *Lex Salpensae* [29], *Lex Malacitana* [28] и *Lex Irnitana* [27]. Эти тексты, частично сохранившиеся выгравированными на поверхности бронзовых таблиц, представляют собой одни из самых ценных источников по изучению римской правовой культуры и административной практики на периферии империи. Все они являются локальными адаптациями *Lex Julia municipalis*, утверждёнными римской властью, но применяемыми в условиях конкретных провинциальных реалий.

Наиболее полно сохранившийся закон города Ирниты (*Lex Irnitana*) даёт редкую возможность изучить детально регламентированную жизнь муниципального сообщества: от порядка выборов магистратов и деятельности декурионов до норм по защите прав граждан и ответственности должностных лиц. Закон определяет статус граждан, устанавливает процедуры выборов дуумвиров, эдилов и квесторов, а также фиксирует механизмы контроля за финансовыми операциями и общественными работами, что свидетельствует о высокой степени институциональной зрелости провинциальных муниципиев.

Lex Salpensae и *Lex Malacitana*, частично идентичные и составляющие части одного правового комплекса, также проливают свет на механизмы взаимодействия местных элит с римской администрацией. Эти законы показывают, как римские нормы адаптировались к местным традициям: например, они фиксируют процедуры раздачи зерна, регламентацию строительства и даже определяют правила поведения на общественных праздниках, что подчёркивает включение местных сообществ в римскую правовую матрицу не только формально, но и в повседневной практике.

Lex Ursonis, хотя и более ранний, он остаётся важнейшим свидетельством раннего этапа римской урбанизации в провинции Бетика. Он содержит как традиционные римские юридические формулы, так и элементы, свидетельствующие о влиянии местных обычаев, что делает его бесценным примером гибкости римской правовой системы.

Эти муниципальные законы демонстрируют, что римский муниципий был не просто административной единицей, но сложным правовым

организмом, в котором сочетались элементы римской юриспруденции и местной практики [1, с. 30]. Они позволяют понять, как римские представления о гражданстве, обязанностях магистратов, юридической ответственности и коллективном управлении применялись в провинциальной среде. Таким образом, эти тексты являются основополагающими источниками для изучения не только права, но и социальной структуры, городского самоуправления и политической культуры в римской Испании.

На следующем этапе развития римской государственности ключевую роль приобретает кодификация римского права в императорский период, особенно в контексте регулирования статуса городов и функционирования муниципальных институтов. *Corpus Iuris Civilis* [26], а также более ранние своды *Codex Theodosianus* [23] и *Codex Iustinianus* [3] содержат многочисленные положения, касающиеся структуры муниципального управления, обязанностей магистратов, статуса декурионов, городских финансов и взаимодействия между местными органами власти и центральной администрацией. Эти документы позволяют проследить эволюцию римского муниципалитета от относительно автономной единицы в эпоху принципата к более централизованной модели в позднеантичное время, когда инициативу всё чаще перехватывали представители императорской бюрократии.

Особое внимание в этих кодексах уделяется обязанностям городских декурионов, включая сбор налогов, организацию общественных работ и обеспечение порядка. Вместе с тем источники фиксируют рост принудительности этих функций: участие в городской курии становится не почётной обязанностью, а тяжёлым бременем, что отражает общее изменение характера муниципального управления. Законы обязывают членов курии не уклоняться от службы, закрепляют за ними имущественную ответственность, вводят санкции за попытки выйти из состава муниципальных органов, что в совокупности свидетельствует о кризисе традиционной модели самоуправления.

Ключевым моментом в трансформации муниципального ландшафта становится *Constitutio Antoniniana* [24] 212 года, изданная императором Каракаллой. Этот эдикт распространил римское гражданство на всех свободных жителей империи, что имело далеко идущие последствия для городских общин. Муниципии, ранее чётко различавшиеся по правовому статусу (колонии, латинские муниципии, города *peregrini*), оказались в новых условиях юридического равенства. Расширение гражданства способствовало усилению процесса правовой и административной унификации, но одновременно привело к снижению значимости статуса города как юридической привилегии.

Изменение состава курий декурионов стало одним из наиболее ощутимых эффектов: в них начали входить представители более широких слоёв населения, включая новых граждан, не имевших традиционной связи с элитами. Это изменило баланс интересов внутри муниципальных сообществ, породило конфликты и ускорило процессы бюрократизации. Одновременно с этим центральная власть всё активнее использовала муниципии как инструмент налогового администрирования и социальной мобилизации, что окончательно подорвало их автономный статус. Тем не менее, даже в условиях усилившейся централизации, римские города сохраняли определённую правовую и культурную идентичность, а институты местного управления продолжали функционировать вплоть до падения Западной империи и в некоторых регионах дольше, в рамках Византии.

Наряду с юридическими актами ключевое значение имеют труды античных историков и публицистов, которые не только фиксировали события, но и формировали идеологию, и восприятие города в римском сознании. Цицерон в трактатах «О законах» [18] и «О государстве» [18] разрабатывал концепцию *res publica*, важную для понимания ранних форм самоуправления. В центре политической философии Цицерона находится идея *civitas* – сообщества свободных граждан, объединённых согласием по поводу права и общего блага. Именно такое понимание он даёт в трактате «О государстве», утверждая, что истинное государство это не просто территория или власть, а союз людей, основанный на праве (*ius*) и общей выгоде (*utilitas*) [18, с. 212–213]. Город в таком контексте не географическое образование, а форма организации гражданской жизни, отражающая высшие принципы республиканского устройства. Из этой концепции вытекает его уважение к муниципиям как важнейшим опорам римской политической структуры: именно в них римская правовая культура и гражданская ответственность воспроизводятся на локальном уровне.

Особое место в размышлениях Цицерона занимает идея воспитательной функции государства. В трактате «О законах» он говорит о том, что законы не только регламентируют жизнь общества, но и формируют добродетель гражданина [18, с. 341]. Город, и особенно муниципий, становится «школой республики» [18, с. 342], где каждый гражданин участвует в общественных делах, несёт магистратские обязанности, принимает участие в отправлении суда, почитает традиции и религию.

Цицерон с интересом относился к правовому устройству городов, их магистратурам, коллегиям и *ordo* декурионов. В его письмах к Аттику [20; 21; 22] встречаются упоминания о дуумвирах, эдилитетах и городских

советах. Он осуждает произвол провинциальных наместников, нарушавших права городов, что особенно ярко выражено в обвинительной речи против Гая Верреса, губернатора Сицилии. В этой речи Цицерон защищает автономию сицилийских городов, осуждая незаконные поборы, оскорбления священных мест и вмешательство в традиционные практики самоуправления. Здесь его позиция очевидна: правовая автономия муниципия – неотъемлемая часть римского порядка [12, с. 321].

Цицерон был убеждён, что для устойчивости государства необходимо бережное отношение к местным традициям, уважение к муниципальным институтам и сдержанность центральной власти в вопросах локального управления. Муниципии, по его мнению, – это места, где римская идея *res publica* воплощается в повседневной жизни граждан, где формируются привычки к общественному долгу, службе и правопорядку.

Не меньший интерес представляет взгляд Цицерона на город как пространство моральных практик. В сатирических и философских отступлениях он размышляет о роли города в формировании нравов, о значении общественного пространства как арены действия, суда и публичной речи. Город для него – это сцена, где гражданин проявляет достоинство (*dignitas*), верность (*fides*) и мужество (*virtus*) [19, с. 66–68].

Наконец, в поздний период жизни Цицерон всё чаще с тревогой говорит о разрушении традиционных форм городской автономии. В эпоху гражданских войн и возвышения диктатуры он ощущает, что города теряют прежнюю политическую субъектность, подчиняясь произволу имперской власти. В Филиппиках и в последних письмах он выражает горечь от того, что республиканские принципы – включая право муниципиев на самоуправление – оказались под угрозой. Город, некогда бывший крепостью римской свободы, стал лишь инструментом в руках автократии. В его представлении муниципий – это не только административная единица, но и ядро гражданского воспитания, школа республиканской добродетели, опора правового порядка. В этом смысле его идеи оказали глубокое влияние на восприятие римской городской жизни не только в античности, но и в последующие эпохи европейской политической мысли.

Важным для нас будет и труд Тита Ливия «История Рима от основания города» [13; 14; 15], который он посвятил многовековой истории Рима, от легендарного основания до своего времени. Хотя в фокусе его внимания находится в первую очередь политическая и военная история, труд Ливия чрезвычайно важен и для изучения римского муниципалитета. Через подробные описания событий, законодательных инициатив, восстаний, союзов и колонизаций, он раскрывает эволюцию городского

устройства, отношений между центром и провинциями, а также формирование римской муниципальной политики.

Прямого теоретического осмысления понятия *municipium* у Ливия нет, как, впрочем, и у большинства римских историков. Тем не менее, его сочинение изобилует материалом, важным для понимания становления муниципальной системы. На ранних этапах римской экспансии (особенно в IV–III вв. до н. э.) Ливий последовательно описывает, как покорённые или союзные общины получают статус «*civitas sine suffragio*» [13, с. 113]. Эти сообщества зачастую становились муниципиями – городами, формально включёнными в римскую систему, но с ограниченными правами. Ливий сообщает, например, о том, как такие города сохраняли местное самоуправление, но обязывались поставлять войска и уплачивать налоги.

Важным элементом повествования у Ливия является описание процесса латинизации и постепенной интеграции союзников в римскую *civitas*. Он рассказывает о римской колонизации, когда в покорённые регионы переселялись римские граждане или латинские поселенцы, и как эти новые общины становились образцами римского городского устройства. Например, в описании основания колоний Ливий подробно упоминает распределение земли, создание магистратур, формирование сената, то есть базовых элементов муниципальной структуры [13, с. 113].

Особое значение имеет описание событий войны 91–88 гг. до н.э., когда италийские союзники добились права римского гражданства. Ливий в сохранившихся фрагментах подчёркивает, что предоставление гражданства влекло за собой трансформацию бывших союзных общин в полноправные муниципии [14, с. 94]. Таким образом, Ливий фиксирует фундаментальную эволюцию правового статуса италийских городов, переход от союзных отношений к интеграции в единую политико-административную систему. Он также обращает внимание на участие городских сообществ в политических кризисах Рима. В его описании гражданских войн встречаются упоминания о том, как города поддерживали ту или иную сторону, обеспечивали логистику армий, иногда становились объектами репрессий или поощрений [13, с. 172; 14, с. 254]. Это показывает, что муниципии обладали определённой политической субъектностью, играли активную роль в масштабах империи и участвовали в решении вопросов республиканской политики.

Интересны и описания внутреннего устройства римского города. Хотя они не систематизированы, из сочинений Ливия можно извлечь сведения о деятельности магистратов, роли *ordo decurionum* (городского совета), религиозных ритуалах, связанных с жизнью города, а также о юридических актах, принимаемых на уровне муниципального управления.

Тит Ливий, не являясь исследователем городского самоуправления в современном смысле, предоставил исключительный по богатству корпус данных, позволяющий реконструировать не только политическую и правовую эволюцию муниципиев, но и их роль в истории Рима как политической, социальной и культурной силы. Его труд служит одним из ключевых исторических источников для понимания формирования римской муниципальной системы и интеграции провинциальных городов в орбиту римской цивилизации.

Кассий Дион [4; 5; 6] и Тацит [7; 8; 12] в своих исторических трудах акцентировали внимание на кризисных периодах, в которых особенно ярко проявлялась роль городов как очагов сопротивления или лояльности имперской власти. Плиний Младший в письмах к императору Траяну [10, с. 87-90] описывает конкретные случаи вмешательства проконсула в дела городов провинции Вифиния – это бесценный источник по повседневной юридической практике, экономике и структуре местной власти. Такие обращения, как реконструкция акведуков, контроль за строительством, назначение куриалов, напрямую раскрывают сложные механизмы функционирования провинциальных муниципий.

Страбон в «Географии» [11] описывает город с точки зрения их географического положения, инфраструктуры, уровня благоустройства и природных ресурсов. Эти труды дают уникальные сведения о плотности урбанизации, типологии городов и их связи с дорогами и торговыми путями. Значение имеют и трактаты технического характера: Фронтин в «О водопроводах города Рима» [17] описывает организацию водоснабжения, его регулирование и надзор, что показывает уровень развития городской инженерии и административного контроля. Колумелла и Варрон в аграрных трактатах [2], хотя и посвящены сельскому хозяйству, фиксируют взаимодействие между сельскими округами и городскими центрами.

В совокупности муниципальные законы и корпус античной письменной традиции образуют взаимодополняемую основу источниковедения римского городского самоуправления, позволяющую соединить нормативную модель и реальную практику. Нормативные тексты раскрывают целеполагание власти, архитектуру институтов и процедур, указывают рамки допустимого, тогда как авторские свидетельства демонстрируют способы функционирования этих рамок в конкретных ситуациях, механизм адаптации норм к местным условиям и напряжение между автономией города и имперским контролем. Сочетание юридического и нарративного материала задает полноценную перспективу анализа: от реконструкции магистратской компетенции и куриальных обязанностей до выявления социальных последствий гражданско-правовых реформ и кодификаций. Такой двойной оптикой достигается не только уточнение тер-

минологии и датировок, но и критическая оценка устойчивости и трансформаций муниципальных институтов в разные эпохи. Итогом становится целостная картина римского муниципалитета как правового и социального организма, в котором город выступает местом производства гражданских практик, каналом интеграции имперских норм и площадкой для политической ответственности элит и общины.

Библиографические ссылки

1. *Бокищанин А. Г.* Муниципальные законы римской Испании и проблема местного самоуправления // Вестник древней истории. 1971. № 3. С. 22–35.
2. *Варрон, Катон, Колумелла, Палладий* Античные писатели о сельском хозяйстве / Пер. с лат., вступ. ст. и комм. С. П. Маркиша. М. : Наука, 1976.
3. *Дигесты Юстиниана* / [пер. с лат. Я.Н. Бразилия; под ред. И.С. Перетерского]. М. : Госюриздат, 1953.
4. *Дион Кассий* Римская история. Кн. LVI–LX / Пер. с древнегреч. В. С. Соколова. СПб. : Алетейя, 2014.
5. *Дион Кассий* Римская история. Кн. LXXIX–LXXX / Пер. с древнегреч. В. С. Соколова. СПб. : Алетейя, 2021.
6. *Дион Кассий* Римская история. Книги LI–LV / Пер. с древнегреч. В. С. Соколова. СПб. : Алетейя, 2004.
7. *Корнелий Тацит* Сочинения : в 2 т. / Пер. с лат. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. М. : Ладомир, 1993. Т. 1.
8. *Корнелий Тацит* Сочинения : в 2 т. / Пер. с лат. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. М. : Ладомир, 1993. Т. 2.
9. *Кулик И. М.* К вопросу о правовом положении декурионов в римских муниципиях // Античный мир. М. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 112–130.
10. *Плиний Младший* Письма / Пер. с лат., вступ. ст. и примеч. М. Л. Гаспарова, С. П. Маркиша. М. : Наука, 1990.
11. *Страбон* География: В 17 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. М. : Наука, 1964.
12. *Тацит* Анналы / Пер. с лат. И. Л. Андреева. М. : Наука, 1985.
13. *Тит Ливий* История Рима от основания города. Кн. I–X / Пер. с лат. В. М. Смирин. М. : Наука, 1989.
14. *Тит Ливий* История Рима от основания города. Кн. XXI–XXX / Пер. с лат. Ф. Ф. Зелинского, П. Г. Гудзия и др. М. : Наука, 1991.
15. *Тит Ливий* История Рима от основания города. Кн. XXXI–XLV / Пер. с лат. Г. С. Кнабе, В. М. Смирин, С. П. Маркиша и др. М. : Наука, 1993.
16. *Финлейсон М. И.* К вопросу о различии между колонией и муниципием в римском праве // Право и жизнь. 1930. № 7. С. 14–32.
17. *Фронтин* О водопроводах города Рима. / Пер. с лат. Е.В. Антоненц. М. : Наука, 2002.
18. *Цицерон* Диалоги: О государстве. О законах. / Пер. В. О. Горенштейна. М. : Наука, 1966.
19. *Цицерон* Избранные сочинения / Пер. лат. Ф. Петровского, М. Гаспарова. М. : Художественная литература, 1975.

20. Цицерон Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту: в 3-х т. / Пер. лат. В.О. Горенштейна. М. : Академия наук СССР, 1950. Т. 1.
21. Цицерон Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту: в 3-х т. / Пер. лат. В.О. Горенштейна. М. : Академия наук СССР, 1950. Т. 2.
22. Цицерон. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту: в 3-х т. / Пер. лат. В.О. Горенштейна. М. : Академия наук СССР, 1950. Т. 3.
23. Codex Theodosianus URL: <https://clayhallee.medium.com/the-theodosian-code-70c09d02fc2a>. (дата обращения: 26.01.2025).
24. Constitutio Antoniniana URL: <https://www.constitutio.de/en/constitutio-antoniniana>. (дата обращения: 26.01.2025).
25. Corpus Inscriptionum Latinarum URL: <https://cil.bbaw.de/en/>. (дата обращения: 26.01.2025).
26. Corpus iuris civilis URL: <https://thelawtoknow.com/2024/12/31/corpus-juris-civilis/>. (дата обращения: 26.01.2025).
27. Lex Irnitana URL: https://www.academia.edu/2188042/The_lex_Irnitana_a_new_copy_of_the_Flavian_municipal_law. (дата обращения: 26.01.2025).
28. Lex Malacitana URL: <https://www.lexludimalacitana.es/index.php>. (дата обращения: 26.01.2025).
29. Lex Salpensana URL: <https://www.ucm.es/derecho-romano/lex-salpensana-online>. (дата обращения: 26.01.2025).
30. Lex Ursonensis URL: https://gredos.usal.es/bitstream/handle/10366/73450/Enterrar_en_Urso.pdf?sequence=1&isAllowed=y. (дата обращения: 26.01.2025).
31. Tabula Heracleensis vulgo (lex Iulia municipalis) URL: <https://ancientrome.ru/ius/library/leges/municip.html>. (дата обращения: 26.01.2025).

ЮЖНАЯ ЛИКИЯ: ТЕТРАПОЛИС АПЕРЛЫ В РИМСКОЕ И ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Н. Н. Болгов

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, Россия, bolgov@bsuedu.ru*

В работе предлагается очерк исторической географии позднеантичной Ликии. Автор считает целесообразным разделить ее на 6 микрорегионов. Важнейший из них – Южная Ликия со столицей Мирами – можно разделить на 4 микрозоны. Одной из них был район города Аперлы. В античное время здесь существовал союз 4-х городов – Тетраполис. Союзные города Аполлония, Симена и Исинда объединяли приморские и внутренние районы. Условия для сельского хозяйства здесь были плохие, поэтому неожиданный расцвет Аперл в позднеантичное время был связан с добычей пурпурной краски. Исчезновение города Симен во II в. от природных катастроф было как бы возмещено возвышением острова Долихисте в позднеантичный период. В целом микрорегион не пережил Темных веков, начавшихся с арабских набегов VII в.

Ключевые слова: Ликия; Аперлы; регион; микрорегион; Тетраполис; поздняя античность.

В последнее время определенное внимание в отечественной науке обращается на историю позднеантичных регионов Восточного Средиземноморья, в частности, Малой Азии. Не стала здесь исключением и Ликия [1, с. 208–211]. На территории Ликии сложилось 6 исторических микрозон (микрорегионов), имеющие своё историческое своеобразие:

Западная Ликия достаточно четко выделяется естественными границами – рекой Инд на западе, горным хребтом Краг на востоке, морем на юге. Главный город – Тельмесс;

Юго-Западная Ликия: за хребтом Краг весьма четко выделяется долина реки Ксанф. Здесь расположены крупные по меркам Ликии города – Ксанф, Патара, Пинара, Тлос. Это второй по важности микрорегион Ликии;

Южная Ликия имеет исключительно приморский характер. Этот микрорегион по ряду признаков можно считать важнейшим во всей Ликии. Главный город и метрополия всей Ликии – Миры Ликийские с аванпортом Андриаке;

Юго-Восточная Ликия несколько отличается от прочих микрорегионов смешанным рельефом – здесь важную роль играют как побережье, так и горы. Наиболее важные города – Лимира, Родинополь и приморские Гаги;

Восточная Ликия отделена от остальной страны естественным рубежом – горным хребтом Солим. Это достаточно узкая, но длинная по-

лоса вдоль берега, вытянутая с севера на юг, с двумя важными городами – Фаселида и Олимп;

Северная (горная) Ликия – наиболее рыхлое и территориально сложное и обширное образование, включающее в себя собственно города нагорья, не тяготеющие к какому-либо пункту побережья. Географическим и историческим центром является Ойноанда (Эноанда).

В центре нашего внимания будет Южная Ликия, которую можно разделить на собственные микрзоны, восходящие к территориям отдельных полисов. С востока на запад это: *Миры Ликийские*, их аванпорт Андриаке, а также Сура и Триса; *Кианеи* с городами их округа Истлада, Тиберисс, Тростомон (Теймиусса); *Аперлы* с союзными городами Аполлония, Симена, Исинда и остров Долихисте (Кекова), занимающие значительную часть побережья; *Фелл, Антифелл*, Себеда и остров Мегисте, от которых к западу на довольно большом расстоянии до Патары иных античных городских поселений нет, так как горы здесь подступают к самому побережью (совр. дорога Каш — Калкан).

В целом, в античной Южной Ликии больше изучена микрзона Мир Ликийских. Но местоположение и история Аперл и ее округа также заслуживают внимания.

Малоизвестный город *Аперлы* (совр. дер. Сыджак / Сичак-Искелеси), самый южный в Ликии, расположенный почти в центре прибрежного южного микрорегиона, практически не имеет письменной истории. Он упоминается в основном географами, но надписи римского времени показывают, что он имел определенное значение прежде всего как глава союза или федерации местных городов — Исинды и Аполлонии внутри страны и Симены на побережье к востоку. Его материальные остатки хорошо сохранились.

Аперлы были основаны между концом IV и началом III в. до н.э. и просуществовали до конца VII в. Федерация, которую возглавляли Аперлы – симполития с Аполлонией Сименой и Исиндой [4, р. 177–185; 8, р. 126–135; 9, р. 26–37], ближайшими городскими поселениями, которая возникла, скорее всего, еще в начале периода эллинизма. Все эти 4 города (Тетраполис) вместе входили в состав Ликийской лиги – объединения всех городов Ликии, и все вместе обладали правом одного голоса [5, р. 16; 6, р. 16]. Симполития Аперл представляет особый интерес как пример локального микросоюза внутри Ликийской лиги.

Суровый рельеф местности затруднял здесь земледелие, но, как и другие прибрежные города, город процветал благодаря производству царского пурпура (тирской краски).

Аперлы упоминает Плиний Старший (V, XXVIII, 100). Положение города, согласно «Стадиасму великого моря» (III в.), составляет 60 ста-

диев к западу от Сомены и 64 стадия к западу от Андриаке (ст. 27). Сомену также упоминает Плиний, что считается искаженным чтением Симена. Название Аперл, встречающееся в тексте Клавдия Птолемея как «Аперры», а также «Апиры» (Geogr. V, 3), следует считать искажениями. Название Аперлы подтверждается надписью, найденной у входа в залив Хассар, с этниконом в gen. pl. – Ἀπερλεῖτων. Существуют также монеты Гордиана III с этническим названием Ἀπερραιτων. В путанице между «л» и «р» в названии небольшого населённого пункта нет ничего удивительного. Более поздняя письменная традиция состоит только из списка городов в «Синекдеме» Гиерокла времен Юстиниана и более поздних списков византийских епископств. Город являлся епархией в составе митрополии Мир, столицы провинции, и входил в число важнейших епархий, будучи упомянутым на пятом месте в «Notitiae Episcopatum» Псевдо-Епифания, составленной при императоре Ираклии около 640 г.

Большинство уцелевших объектов на территории древнего города датируются I–III вв. Это был период расцвета Тетраполиса, и жители Симены, например, назывались «аперлитами из Симены». Известна надпись римского времени: «...некий Гермакт, сын Сарпедона, внук Гермакта, аперлит из города Исинды соорудил гробницу: «себе и тем, кому сам предоставит, своей жене Семибридасе дочери Гермократа, внучке Гермакта и детям, и детям детей, и еще детям этих детей, и женам их, и мужьям. Другому же никому...» [2, с. 242].

Также город продолжил чеканить в небольших количествах свои монеты (на них обычно присутствуют надписи типа APR). Обилие поселений в этом районе, где сельское хозяйство почти невозможно, и где воды крайне мало, свидетельствует о впечатляющем позднеантичном процветании, полученном преимущественно от торговли.

Город расположен между горами и побережьем, где не было надёжных источников пресной воды, а многочисленные цистерны вокруг него указывают на зависимость от дождевой воды.

Аперлы – сравнительно небольшой город близ залива, окруженный известняковыми холмами, покрытыми маками. Площадка, возвышающаяся над берегом, окружена крепостными стенами, защищающими большое количество разрушенных и практически неисследованных построек. Многие из них, очевидно, относятся к позднеантичному периоду, который, по-видимому, был наиболее активным в жизни города.

Аперлы расположены близ берега, но во время шторма бухта не обеспечивала надёжной защиты кораблей. Здесь была достаточно примитивная гавань с причалом, но без волнореза.

Важная надпись времен Диоклетиана [7, № 185] показывает, что Аперлы, казалось бы, изолированные от внутренних районов высоким

гребнем, находились на дороге, которая вела в Аполлонию и внутренний район Кианей. Строительство такой дороги отражает важность торговли. Очевидно, Аперлы были местом, где сельскохозяйственные продукты из внутренних районов доставлялись на побережье для отправки в другие места. Поскольку поблизости практически нет сельскохозяйственных угодий, для оправдания существования такого места была необходима торговля [5, р. 17].

Город окружен стенами эллинистического происхождения [4, р. 177]. Первоначально они ограничивали только верхнюю часть города, площадью около 160х200 м, но впоследствии были продлены до берега, подняты там, где они были обветшалыми, и укреплены башнями; в это время были добавлены новые ворота. Вся каменная кладка нижней части города выглядит типично позднеантичной, напоминающей кладку других зданий, но не позволяет установить точную датировку, за исключением мильевого камня эпохи Диоклетиана, использованного в качестве споллии в одной из башен [5, р. 17]. Пространство внутри стен густо покрыто руинами зданий, большинство из которых – позднеантичного характера. Многие из них – дома, другие, возвышающиеся выше, могут быть общественными зданиями. Среди них баня у берега, состоящая из нескольких комнат и облицованная имитацией эллинистической каменной кладки [5, р. 16].

Примечательно то, что город простирался далеко ниже нынешней береговой линии на расстояние примерно 50 м. На этой затопленной городской территории сохранились остатки значительных построек вдоль регулярных улиц, некоторые из которых, очевидно, позднеантичные из-за использования споллий.

Большая часть территории на суше усыпана позднеримской керамикой, среди которой нет глазурованных средневековых черепков. Остатки дают основание предположить, что город превратился в кастрон с Темных веков.

Наиболее важные руины городских строений относятся преимущественно к середине и концу II в. В 141 г. город пострадал от сильного землетрясения, и значительную часть восстановительных работ провели благодаря пожертвованиям Опрамоаса (Опрамоя) из Родиаполя [10; 3, с. 63-72]. Среди них наиболее различимы: башня (на севере города; наиболее удаленное от берега строение); фрагменты городских стен; булевтерий (здание городского совета) недалеко от берега; термы и цистерны для воды непосредственно на берегу. Остатки одеона были видны еще в конце XIX в. [5, р. 17].

В IV в. Аперлы становятся христианским городом. В следующем столетии местные власти возводят здесь небольшую церковь (в северной

части города), а позже и еще одну. Всего в городе было четыре церкви, множество надгробий и хорошие укрепления, свидетельствующие о процветании в ранневизантийское время. В контуре городских стен расположены две церкви. Нижняя, примыкающая к стыку римской и позднеантичной стен, представляет собой большую базилику, с остатками мозаик и мраморного декора V или VI вв. Другая церковь, расположенная наверху участка, представляет собой еще более крупную базилику, вероятно, собор. Есть редкие следы внутреннего убранства V-VI вв. Еще одна церковь находилась сразу за стенами, на востоке, рядом с некрополем. Это базилика со скульптурным декором VI в. [5, p. 18].

Некрополь представляет собой множество «ликийских гробниц», плюс несколько позднеантичных строений со сводчатыми потолками.

За западной стеной среди масс раковин мурекса лежат скопления фрагментов позднеримской посуды. Особенностью Аперл было огромное количество раковин улиток мурекс. В целом они были захоронены на двух участках площадью около 1600 м² (раскопки не проводились), а также в больших количествах были обнаружены сброшенными в море. Помимо пурпура они использовались в растворе для городских зданий [5, p. 18].

Экономика Аперл была построена вокруг производства этого очень дорогого красителя насыщенного пурпурного цвета, который добывают из желез *Murex trunculus*. Эксперименты, проведенные в 1909 г., показали, что для получения 1,4 г требовалось 12000 улиток. В затопленном районе найдены три керамических чана – резервуара для хранения живых улиток, пока их не наберется достаточно для переработки. Присутствие других моллюсков в кучах указывает на то, что *Murex* собирали сетями, а не вручную [5, p. 17].

Аполлония – один из внутренних членов Тетраполиса и, скорее всего, зависимый город на территории Аперл [11, S. 37-44; 12, S. 199-211]. Она стоит на холме ниже высокого хребта, отделяющего его от Аперл, в 3,5 км по прямой, но гораздо дальше по окружной дороге. Место не имеет письменной истории, но его название подтверждается надписями. Здесь, в отличие от Аперл, есть театр, а также остатки общественных и частных зданий, ликийские и римские гробницы и стена, очевидно эллинистическая. На вершине холма находятся две церкви, одна из которых построена над театром, и небольшая часовня на некрополе. Следы домов спускаются вниз по склонам. Ни одно из этих зданий не было датировано, но в целом они близки поздней античности.

Исинда – небольшой античный городок, незначительные руины которого можно видеть близ дер. Беленли. Исинда никогда не играла большой роли в регионе. Примерно с III в. до н.э. и до IV в. Исинда вхо-

дила в Тетраполис. Предположительно она была покинута в VI-VII вв. На территории, где некогда располагался город, не сохранилось крупных построек. Дошли лишь небольшие фрагменты крепостных стен, городских античных сооружений и две гробницы – ликийские саркофаги.

Территория Аперл также включала участок побережья на востоке микрорегиона с городом **Симена** (совр. Калекёй) и прилегающим к нему длинным островом Долихисте. Город связан с Аперлами лишь по морю, так как по берегу территория Тетраполиса рассечена территорией Кияней (порт Тристомон). Остатки Симены, включая театр, бани и городские стены, в основном являются классическими.

Город Симена был основан на берегу залива в V в. до н.э. и имел очень удобный порт. Во II в., в период катаклизмов и тектонических толчков, часть города ушла под воду, а оставшаяся часть была покинута жителями. Театр на горе на 150 чел., построенный из неотёсанного камня – самый маленький известный театр античного мира. У берега расположены остатки античных бань.

Расцвет острова *Долихисте*, преемника Симены, в позднеантичный период имел место уже вне нее и Тетраполиса. Долихисте (ныне Кекова), представляет собой узкий скалистый остров длиной около 8 км. Здесь вода хранится лишь в цистернах. Но это прекрасное место для торговли – большая и хорошо защищенная гавань, лучшая в Ликийи наряду с гаванью Тельмесса. Остров практически полностью покрыт руинами, которые не раскопаны. Наиболее заметна среди них большая базилика с апсидой необычайно тонкой работы. За ней, к югу, находится еще одна большая церковь.

Весь северный берег острова застроен жилыми домами, каждый со своей цистерной, а иногда и с домашними церквями. Все остатки, по мнению К. Фосса, представляются позднеантичными [5, р. 18]. На острове у западной оконечности Долихисте находится трехнефная базилика с высококачественной резной отделкой, по всей видимости, V в. Рядом находится крестообразная купель в восьмиугольнике. Сводчатое здание неизвестного назначения, на холме к югу, построено на позднеантичной кладке на эллинистическом фундаменте. Все эти остатки представляют собой пример процветающей морской культуры со значительным населением, которое жило за счет торговли [5, р. 18].

С началом мусульманских завоеваний микрорегион Аперл был постепенно заброшен, хотя какая-то жизнь на руинах, возможно, продолжалась.

Библиографические ссылки

1. *Веретенникова Е. П.* Византинизация городов Ликии в V-VII вв. // К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений – VI (7 декабря 2021 г. Воронеж). Воронеж : ВГУ, 2023. С. 208–211.
2. *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества: о. Родос IX–VII вв. до н. э. Л., 1951.
3. *Славогородская Е. П., Болгов Н. Н.* Опрамоас из Ликии — крупнейший частный эвергет Римской империи эпохи благоденствия (II в.) // *Via in tempore. История. Политология.* Том 51, №2. 2024. С. 63–72.
4. *Carter R. S.* The Submerged Seaport of Aperlae // *International Journal of Nautical Archeology.* 7. 1978. P. 177–185.
5. *Foss C.* The Lycian Coast in the Byzantine Age // *Dumbarton Oaks Papers.* 48. 1994. P. 1–52.
6. *Foss C.* The Lycian Coast in the Byzantine Age // *Foss C. Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor.* Norfolk, 1996. P. 1–52 (separate pag.).
7. *French D.* Roman Roads and Milestones of Asia Minor. Fasc. 2: An interim catalogue of milestones / *BAR International Series* 392. Oxford, 1988. № 185.
8. *Hohlfelder R. L.; Vann R. L.* Cabotage at Aperlae in Ancient Lycia // *International Journal of Nautical Archeology* 29. 2000. P. 126–135.
9. *Hohlfelder R. L.; Vann R. L.* Uncovering the Maritime Secrets of Aperlae, a Coastal Settlement of Ancient Lycia // *Near Eastern Archeology* 61. 1998. P. 26–37.
10. *Kokkinia C.* Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien. Bonn, 2000.
11. *Wurster W.* Antike Siedlungen in Lykien // *Archäologischer Anzeiger.* 1976. S. 23–7.
12. *Zimmermann M.* Untersuchungen zur historischen Landeskunde Zentrallykiens. Bonn, 1992.

ПАЛЕСТИНА И КАРТЛИ (IV–VII): РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН (ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ)

Я. В. Манохин

Борисоглебская епархия, ул. 40 лет Октября 35а, г. Борисоглебск, Воронежская область, Россия, reno2010@rambler.ru

Автор рассматривает проблему религиозно-культурного взаимодействия между царством Картли и византийской Палестиной в контексте политического конфликтного взаимодействия Иерусалимской и Иверской церквей. Ключевая роль при этом принадлежит религиозной культуре.

Ключевые слова: Палестина; Картли; религиозно-культурный обмен.

Тенденция к сужению макроисторических рамок до рамок микроистории изучения объектов взаимодействия культур в историческом контексте является положительной динамикой исторической науки, позволяющей более подробно и всесторонне исследовать ту или иную проблему. Так и вопрос о культурном взаимодействии между Византией и Грузией (Иверией) подробно рассматривается как взаимодействие не только между двумя странами, но и между их субъектами (областями, регионами и т. д.), в частности Египта, Палестины, Сирии (для империи) и царствами Лазским и Картли (для Грузии) [12; 18; 19]. Данный вопрос в исторической науке изучен достаточно подробно и представлен преимущественно в свете сирийского влияния на данный процесс. Однако, совсем не справедливо вниманием современных исследователей обделяется роль Палестины и Иерусалимской церкви в процессе данного религиозно-культурного обмена. Палестина, как и другие регионы юго-восточных территорий Византии, всего лишь изредка упоминается исследователями в контексте сирийской доминанты в исследуемом процессе. Сегодня мы имеем исследования, изучающие взаимодействие христианских этно-религиозных культур царства Картли и византийской провинции Сирии периода поздней античности. Однако, исследователи подразумевают под сирийской этно-религиозной культурой всего лишь продукт синтеза всех культур юго-восточных римских провинций (Египет, Палестина, Сирия, Кипр) [11; 12; 13]. В исследовательских работах многие элементы религиозной культуры восточных церквей называются сирийскими, порой без разграничения на более конкретные – территориальные или этнические. Как правило, это связано с тем, что непосредственное взаимодействие происходило между церковью Картли и Антиохийской церковью, а последняя в начале ранневизантийского периода

стояла во главе Диоцеза Восточных церквей, которые постепенно получали автокефалию (становились самостоятельными). На формально-административном уровне церковь Картли находилась в каноническом подчинении именно церкви Антиохийской [9]. В сфере межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений церковь Картли и Иерусалимская церковь также находились в тесной связи.

Не менее важными являются методологические концепции и подходы, применяемые сегодня в исторической науке при рассмотрении данного вопроса. На наш взгляд именно данные подходы определяют историографическую тенденцию умаления значения ключевых микроисторических элементов религиозно-культурного обмена.

Самым распространенным среди современных исследователей является подход, при котором рассмотрение исторических событий до XVIII в. происходит с секулятивных позиций, в отрыве от конфессиональной составляющей. Например, частое употребление слова «светскость» в работах почти всех современных историков [1; 11] приводит к искажению исторических ситуативных реалий. Таким образом, ключевая роль религии в человеческих обществах и государствах умалется. Фактически сам термин «секулярность» возникает в западной Европе примерно в начале XVIII в. одновременно с процессами выхода из-под власти (даже не влияния, а именно власти) Римо-Католической церкви правящих элит западноевропейских государств. Поэтому данный термин с позиции формальной логики (согласно корректности использования термина в соответствии с принципами «определения понятия») может быть применим в исторической науке исключительно к историческим событиям и процессам, начиная с XVIII в. [3; 4, с. 106]

Кроме того, при рассмотрении в секулятивном аспекте исторической ситуации, непосредственно связанной тесно с религиозной культурой, возникает проблема объективного восприятия исторической реальности. В частности, при рассмотрении вопроса о религиозно-культурном обмене в рамках межгосударственных отношений царства Картли и Византии в макроисторическом контексте, объектами исследования выступают доминирующие элементы данного процесса, «затмевая» своей количественной доминантой менее известные, но ключевые элементы. Культурные доминанты проецируются и на микроисторические факторы процесса религиозно-культурного обмена, вытесняя прочие национальные религиозно-культурные элементы.

Так, например, сирийская религиозно-культурная доминанта, обусловленная церковно-государственной политической конъюнктурой ранневизантийского периода, как в Византии, так и в Картли, почти полностью стирает палестинский след в данном процессе. То есть, современ-

ные отечественные исследователи при изучении данной проблемы выделяют исключительно сирийское влияние, поскольку исторические источники изобилуют информацией об этом, а, например, палестинские религиозно-культурные элементы просто остаются без внимания, как не ключевые и не ценные. На наш взгляд, это связано непосредственно со секулярным методологическим подходом, который умаляет значение религиозно-культурного аспекта общественной жизни, в данном случае, позднеантичных государств, отводя ему второстепенную роль и упрощая исследование религиозного влияния обобщением и поверхностным изучением. Поскольку распространённая «секулярная» концепция, как методологический подход при изучении исторической ситуации древности и средневековья не может быть объективной, то, на наш взгляд, более корректно придерживаться концепций «исторической реальности», как идеалистической, так и материалистической [17].

Согласно идеалистической концепции «исторической реальности», ключевой онтологической составляющей человеческой истории является дух, развивающийся во времени, накапливающий и перерабатывающий при этом в себе все свои прошлые опыты и состояния как совокупный опыт и знания всего человечества. Таким образом, это «духовная реальность». Принципы идеалистической концепции «исторической реальности» были сформулированы такими мыслителями, как Г.В.Ф. Гегель, Н.А. Бердяев, Б. Кроче, Р.Д. Коллингвуд и многие другие [2; 5; 7; 8]. Гегель пишет, что «всемирная история есть вообще проявление духа во времени» [5], а Николай Александрович Бердяев отмечает, что «история – это «величайшая духовная реальность», человек в ней есть «микрокосм, в котором отражается и пребывает весь реальный мир и все великие исторические эпохи» [2 с. 19] и что «Человек есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом, и историческое находится в человеке» [2 с. 12], кроме того, «нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно и нельзя выделить историю из человека, нельзя историю рассматривать вне человека и нечеловечески» [2 с. 12]. Также Н. А. Бердяев отмечает, что «историческая реальность есть прежде всего реальность конкретная, а не абстрактная» [2 с. 12]. Поэтому современная «секулярная» концепция, абстрагирующая исследователя от объективной «исторической реальности», фактически разрушает истинное представление о человеческом прошлом.

Материалистическая «марксистская» концепция определяет «историческую реальность» как естественный исторический процесс, часть развития природного мира. Карл Маркс и Фридрих Энгельс, хотя и отрицают субстанциональность «духа», называя его «сознанием», но обосновывают «духовность», как «разумность»: «это понимание истории за-

ключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порождённую им форму общения – т. е. гражданское общество на его различных ступенях – как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д.» [10, с. 418] Эволюционные представления развития общества «отцов коммунизма», как видим, уделяют «разумности», как сфере духовного человеческого сознания, ключевое значение в процессе исторического развития.

Итак, исходя из приведенных подходов идеалистической и материалистической концепций «исторической реальности», мы видим, что в историческом плане духовность берет своё начало в религии [16]. Религия на ранних стадиях и в последующих этапах развития человеческого общества, фактически до Нового Времени, играла ключевую и судьбоносную роль в истории государств и цивилизаций. Поэтому абстрагирование от данного явления, как ключевого фактора, влияющего на ход исторических событий и процессов, при изучении истории древнего мира и средних веков обрекает исследование на необъективность и предвзятость в своих выводах.

Не менее важен и наиболее часто, справедливо и обоснованно используемый в современной исторической науке цивилизационный подход, позволяющий в истории увидеть самые разные грани сложного исторического процесса в движении. Теория локальных цивилизаций (А. Дж. Тойнби) [6; 14; 15] предоставляет историку возможность изучения сложных систем, в качестве которых рассматриваются локальные цивилизации, в совокупности ее элементов, причем культура здесь считается основным элементом, а также критерием смены циклов. Данный подход позволяет рассматривать не только государства или целые цивилизации, но и локальные регионы, города или даже незначительные поселения, как отдельные самостоятельные локусы, так и в онтологическом контексте истории более крупные субъекты. Это позволяет всесторонне изучить историческую ситуацию с учетом если не всех, то большинства факторов, как глобальных, так и бытовых, влияющих на исторические события и процессы.

Разница в методологических парадигмах в историографии рассматриваемой проблемы выявляет порой противоречивые оценки исторических ситуаций, многие из которых абстрагированы от реальной исторической действительности. Поэтому, на наш взгляд, во избежание иска-

жений исторической истины, необходим корректный подбор методологических концепций для качественного исследования.

Таким образом, опираясь на принципы концепций «исторической реальности» и цивилизационного подхода, мы рассматриваем проблему религиозно-культурного взаимодействия между царством Картли и византийской Палестиной в контексте политического конфликтного взаимодействия двух древних «сверхдержав» – в общем и между двумя христианскими институциями: Иерусалимской и Иверской церквями – в частности. Ключевую роль в данном процессе занимает, собственно, сама религиозная культура, которая является определяющей в рассматриваемой нами исторической ситуации.

Библиографические ссылки

1. *Башелешвили Л. О.* Монофизиты, диофизиты и несториане в памятниках грузинской историографии «Обращение Картли» и «Житие Картли» // Тезисы докладов. М. : ИСАА МГУ, 2009. С. 14–18.
2. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. (репр.). М. : Мысль, 1990.
3. *Ван дер Звееде Э.* Осмысливая «секулярность» / Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 2 (30), 2012. С. 69–113.
4. *Гараджа В. И.* Религиоведение. М. : Аспект Пресс, 1995.
5. *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. (репр.). М. : Эксмо, 2007.
6. *Губман Б. Л.* Западная философия культуры XX века. Тула: ЛЕАН, 1997.
7. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография (репр.). М. : Наука, 1980.
8. *Кроче Б.* Антология сочинений по философии (репр.). СПб : Пневма, 2008.
9. *Кузенков П. В.* Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // Вестник ПСТГУ. Вып. 3 (53). Сер. I: Богословие. Философия, 2014. С. 25–51.
10. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы (репр.). М. : Академический Проект, 2010.
11. *Муравьев А. В.* Западные сирийцы и сложение христианского Востока в VI веке / дисс. д-ра ист. наук. Москва: НИУ «Высшая школа экономики», 2021.
12. *Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в Средние века. М. : Наука, 1979.
13. *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая школа // Палестинский сборник. Вып. 78 (15). М. : Наука, 1966. С. 130–140.
14. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М. : Айрис пресс: Рольф, 2001.
15. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. под ред. В. И. Уколовой и Д. Э. Харитоновича. М. : Айрис пресс: Рольф, 2002.
16. *Швечиков А. Н.* Религия и духовность: историко-методологический аспект // Власть. 6, 2009. С. 82–85.
17. *Щербаков Д. А.* Историческая реальность: содержание и объём понятия // Грамота. № 10 (84), в 2-х ч. Ч. 1. 2017. С. 202–208.
18. *Richard A.* Syria: Society, Culture, and Polity. New York : SUNY Press, 1991.
19. *Vööbus A.* History of Asceticism in the Syrian Orient: A Contribution to the History of Culture in the Near East. T.1. Louvain : Secrétariat du CorpusSCO, 1958.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

РАЗДЕЛЬНОЕ ВЛАДЕНИЕ НАСЛЕДСТВОМ У АНГЛОСАКСОВ: ИСТОРИЯ СУННАНБУРГА (SUNNANBURGE TALU)

И. О. Евтухов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, ewtuhow@bsu.by*

В статье анализируются англосаксонские хартии S 1447 и S 702. Автор рассматривает ряд последовательных трансформаций имени Суннанбург: из бокланда Экгферта в лоанланд Дустана, из лоанланда в бокланд, из бокланда в собственность.

Ключевые слова: раннее средневековье; англосаксы; англосаксонские хартии; бокланд; лоанланд.

Хартия S 1447 записана на отдельном листе пергамена (single-sheet charter), сложенного четыре раза. Текст на внутренней стороне занимает 15 строк. В настоящее время хартия хранится в архиве Вестминстерского аббатства (W.A.M. VIII). Цифровая копия в высоком разрешении размещена в сети интернет: <http://www.digipal.eu/digipal/page/327/>. На современный английский язык хартия переводилась трижды: Джоном Кемблом [1, р. 59–61], Бенджамином Торпом [2] и Агнес Робертсон [3].

В англосаксонистике документ известен как «История Суннанбурга» (на оборотной стороне сохранилась надпись Sunnanburge talu). Древнеанглийское talu является предком современного tale (история, повествование, нарратив). На повествовательный характер также указывают первые слова текста: «*Se fruma wæs þæt* = Начало было то, что». В каталоге англосаксонских исков Патрика Вормальда на хартию опираются позиции №№ 38–40 [4, р. 261–262].

Имение в Суннанбурге было оставлено родителями двум сыновьям: Этельстану и Эдуарду. Первый из них получил, землю, второй – хартию на нее. Система «владелец – имение» находилась в состоянии равновесия: владельческие права обеспечивались хартией, претензии к имению не предъявлялись. Следует учитывать при этом, что разделение владельческих прав не было редким в англосаксонской Англии X века. В связи с этим Алан Кеннеди обращается к 38-й главе «Книжицы Этельвольда» [5, р. 162], в которой приводится информация о судьбе наследства Эадрика

Длинного. Владения его, перешедшие по завещанию к королю Эдгару, в Хокстоне и Ньютоне купил епископ Этельвольд и получил от короля соответствующую хартию. Однако, вскоре после смерти короля Эдгара оказалось, что более ранние хартии на указанные владения были еще и у брата Эадрика Длинного Эльфвольда. «Тем временем элдормен Биртнот приехал в Или. Аббат и вся братия подошли к нему и стали просить, чтобы он во имя любви к Богу и св. Этельтрите, ради дела их церкви купил вышеупомянутые грамоты у Эльфвольда, брата Эадрика. Они сказали, что за эти грамоты они дадут Эльфвольду грамоту на Рамси и Спротон в Эссексе, в каковой грамоте у него была большая нужда, в придачу пообещали ему 30 золотых. Элдормен Биртнот сделал, как его просили. Он взял грамоты на Рамси и Спротон, которыми владела братия Или, и передал их Эльфвольду и сверх того передал Эльфвольду из собственных средств 30 золотых; взамен же он получил от него грамоты на Хокстон и Ньютон и отослал их св. Этельтрите в Или» [6, с. 189–190].

Выход системы «владелец – имение» из состояния равновесия был связан с нарушением одним из братьев принятой в обществе парадигмы поведения: «Начало было то, что женщина была украдена в Яксли у Эльфсиге сына Бирхсигес. Женщину звали Турвиф. Элфсиге затем обнаружил женщину у Вульфстана, отца Вульфгара. Тогда Вульфстан обратился к Этельстану в Санбери чтобы поручиться за нее. Тогда Этельстан пообещал дать поручительство, но он позволил ему (поручительству) не состояться и не появился в установленный день. После этого Элфсиге попросил вернуть женщину, и он (Вульфстан) вернул ее и заплатил ему два фунта как компенсацию. Тогда эрл Брихтфертх потребовал от Этельстана его вергельд из-за несостоявшегося поручительства. Тогда Этельстан сказал, что ему нечего дать ему».

Особый интерес в приведенном фрагменте представляет фраза «*Pa befeng Ælfsige þone mann æt Wulfstane Wulfgares fæder*», переводимая на современный английский язык как: «Then Ælfsige detected the person in the possession of Wulfstan, Wulfgar's father» Джоном Кемблом [1, p. 59], «Ælfsige then traced the woman to Wulfstan, Wulfgar's father» Бенджамином Торпом [2, p. 206] и «Then Ælfsige attached the woman in the possession of Wulfstan, Wulfgar's father» Агнес Робертсон [3, p. 91]. Как можно видеть все переводчики сходятся на трактовке словосочетания *befon æt Wulfstan*, как «обнаружить у Вульфстана», что вполне согласуется с вариантами словаря Босворта-Толлера: to grasp, seize, take hold of, catch [7, p. 77]. Возможно, Вульфстан обратился к Этельстану за подтверждением законности приобретения (покупки – ?) им Турвифы. Этельстан пообещал это сделать, но в назначенное время не явился. Дело было проиграно: Вуль-

фстан вернул женщину Эльфсиге и выплатил ему два фунта компенсации (стоимость рабыни – ?).

Конфликт, тем не менее, исчерпан не был. Невыполнение Этельстаном обещания о поручительстве, т. е. выход за рамки принятой в обществе парадигмы, привел к вмешательству эрла Брихтфертха, наложившего на него штраф. При этом оказалось, что средств на выплату у Этельстана нет. Встал вопрос о конфискации его имения.

Ситуацию в равновесное состояние мог вернуть брат Этельстана и совладелец имения Эдуард: «Тогда Эдуард брат Этельстана заговорил и сказал: “У меня есть документ на Санбери, который наши родители оставили мне; отдай мне землю во владение, и я заплачу твой вергельд королю”. Тогда Этельстан сказал, что он предпочел бы погибнуть в огне или наводнении, чем допустить это. Тогда Эдвард сказал: “Это хуже, если ни один из нас не будет иметь его”. Но вот, что случилось. Брихтфертх запретил Этельстану иметь землю, и он оставил ее, и поступил на службу к Вульфгару в Нортхолл». Интересная особенность данного фрагмента состоит в том, что слова Эдуарда передаются прямой речью, а Этельстана – косвенной. По мнению Скотта Томпсона Смита этот литературный прием (*the fictive mechanisms of story*) принижает (*diminishes*) Этельстана [8, p. 83]. Никаких деталей о хартии на имение не сообщается. То, что дело рассматривал суд эрла, позволяет предположить, что речь шла о фолк-ланде (споры о бокланде выносили на королевский суд). Правда, Алан Кеннеди считает, что речь идет как раз о бокланде, который рассматривается на местном уровне (*bocland disputes at a local level*) [9, p. 154].

Результатом проигранного процесса стала утрата Этельстаном земли. Последующее удаление в Нортхолл может указывать на его добровольное изгнание. Судьба обладателя хартии Эдуарда и самой хартии в документе не отражена.

Автор истории Суннанбурга продолжает свой рассказ: «Между тем судьба изменилась, и король Эдред [946–955] умер, и Эдви [955–959] наследовал королевство. Тогда Этельстан вернулся в Санбери не решив вопрос. Когда король Эдви услышал об этом он отдал имение Беорнрику, который взял владение и изгнал Этельстана».

Данный фрагмент показывает, что положение системы в 955–959 гг. было далеко от равновесного: спорная земля, переданная королем лицу, изгнавшему прежнего владельца, не выполнившего решения суда. Статус имения неизвестен, ибо о хартии, выданной Беорнрику не говорится. Более того, в документе использован глагол *sellan* (давать что-либо кому-либо), а не *bocian* (давать по хартии).

Возвращение имения к Этельстану произошло в конце 959 – начале 960 года по решению нового короля, Эдгара. Прежнее же решение суда,

судя по тексту, осталось не выполненным: «Между тем случилось так, что мерсийцы избрали Эдгара королем и дали ему все королевские права и власть. Тогда Этельстан отправился к королю Эдгару [959–975] и просил о правосудии. Тогда уитаны мерсийцев объявили, что он утратит землю, если он не уплатит вергельд (нынешнему) королю, как он должен был другому (т. е. предшествующему). Тогда у него не было чем платить, и он не согласился с тем, чтобы брат его Эдуард сделал так. Тогда король дал землю и утвердил это хартией эрлу Этельстану, иметь и жаловать в течение его жизни или (после) смерти кому он пожелает».

Обретение имением Санбери королевской хартии переводило его в статус бокланда и делало возможным возвращение системы «владелец – имение» в равновесное положение: «После этого случилось так, что Экгферт купил как землю, так и документ у эрла Этельстана со свидетельством короля и его уитанов, как его добрые заслуги, и имел и распоряжался ими до конца своих дней. Тогда по свидетельству короля, Экгферт по праву дал землю и грамоту Дунстану в качестве опекуна его вдовы и ребенка».

Положение имения Санбери после перехода к Экгферту было устойчивым: 1) землю официально приобрели у прежнего владельца, 2) вместе с имением получили выданную на него хартию короля, 3) землю и хартию передали архиепископу Дунстану для опеки над вдовой и ребенком Экгферта после смерти последнего. Таким образом, можно говорить о трансформации бокланда Экгферта в лоанланд Дунстана, ибо по королевской хартии опека не предусматривалась.

Особенность лоанланда как формы земельной собственности состояла в сохранении прав за прежним владельцем (*Land let on lease, which was never out of the possession of the lessor* [7, p. 610]). Этим обстоятельством объясняются последовавшие вскоре после передачи земли события: «Когда он умер, епископ поскакал к королю и напомнил ему об опеке и своем свидетельстве. Тогда король сказал ему в ответ: “Мои уитаны объявили все имущество Экгферта конфискованным, с помощью меча, который висел у него на бедре, когда он утопился”. Тогда король взял имущество, которым он владел двадцать гайд в Сэнде и десять в Санбери и отдал его эрлу Элфхеаху. Тогда епископ предоставил свой вергельд королю. Тогда сказал король: “Это должно быть предоставлено в обмен на христианское погребение, но я оставил все дело Элфхеаху”».

Вторая конфискация имения стала возможной после самоубийства Экгферта (выхода за рамки принятой в обществе парадигмы поведения). Проведение ее указывает на сохранение за Экгфертом владельческих прав на все переданные епископу Дунстану земли и на их статус лоанланда.

Передача земель Эльфхеаху была оформлена соответствующей хартией (S 702) [10, р. 315–317], предусматривающей свободную передачу земли в дальнейшем. Информация о прежних владельцах в документе не приводится. В результате десять гайд Суннанбурга обрели статус бокланда. Однако, Дунстан довел дело до конца: «Шесть лет после этого архиепископ купил у Эльфхеаха землю в Сэнде за 90 фунтов, и землю в Санбери за 200 манкузов золота, неоспоримые и незапрещенные любым человеком на тот день. И поэтому он решил объявить собственность над имениями, ибо он имел право дать их тем, как король дал их ему, так, как его уитаны провозгласили».

Но это была уже совсем другая история. Произошла очередная трансформация имения, на этот раз из бокланда в церковную земельную собственность, а значит об опеке над вдовой и ребенком Экгферта за счет этих земель не могло быть и речи (о ней в документе, кстати, и не упоминается).

Библиографические ссылки

1. *Kemble J. M.* Anglo-Saxon Document relating to Lands at Send and Sunbury, in Middlesex, in the Time of Eadgar: and the Writ of Cnut on the Accession of Æthelnoth to the See of Canterbury, A.D. 1020 // *Archaeological Journal*. Vol. 14. 1857. P. 58–62.
2. King Edgar. DCCCC.LXII // *Thorpe B.* Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici. A Collection of English Charters, From the Reign of King Aethelberht of Kent, A. D. DC.V. to That of William the Conqueror. With a Translation of the Anglo-Saxon. L. : Macmillan, 1865. P. 206–209.
3. History of the estates of Sunbury and Send // *Robertson A. J.* Anglo-Saxon Charters. 2nd ed. Cambridge : CUP, 1956. P. 90–93.
4. *Wormald P.* A handlist of Anglo-Saxon lawsuits. Anglo-Saxon England. Vol. 17. 1988. P. 247–281.
5. *Kennedy A. G.* Law and Litigation in the Libellus Æthelwoldi episcopi // Anglo-Saxon England. Vol. 24. 1995. P. 131–83.
6. Книжица епископа Этельвольда / Пер., предисл. и прим. А. Ю. Золотарева // Средние века, 2008. Вып. 69, № 3. С. 159–201.
7. An Anglo-Saxon dictionary... by T. Northcote Toller. Oxford: OUP, 1898.
8. *Smith Sc. Th.* Land and Book: Literature and Land Tenure in Anglo-Saxon England. Toronto : University of Toronto Press, 2012.
9. *Kennedy A. G.* Disputes about bocland: The Forum for their Adjudication // Anglo-Saxon England. Vol. 14. 1985. P. 175–195.
10. Cartularium Saxonicum... by Walter de Gray Birch. Vol. 3. A.D. 948–975, Appendix. London : Chas. J. Clark, 1893.

ПЕРВЫЕ КОРОЛИ ФРАНКОНСКОЙ ДИНАСТИИ И ИХ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ ПОЗИЦИЙ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В СИ- СТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ

Л. В. Вонсович

*Белорусский государственный университет физической культуры,
пр-т Победителей, 105, Минск, Беларусь, lora_lora@mail.ru*

Статья посвящена проблеме укрепления позиций королевской власти в средневековой Германии в правление первых представителей Франконской династии Конрада II Старшего и Генриха III Черного. В ней обозначаются основные факторы, способствовавшие усилению власти германских королей в системе управления Германского государства.

Ключевые слова: королевская власть; Франконская династия; домениальная политика; министерялы; вассально-ленные отношения.

История германской государственности вызывает большой интерес в мировой науке. Это связано с тем, что ее становление проходило в достаточно своеобразной форме. Экономические и политические процессы средневековья придали истории Германии специфическую окраску и повернули ее развитие в обратном направлении: от политического единства и национального сплочения к раздробленности и упадку всего государственного здания. Период относительного политического единства приходится на правление представителей Саксонской и Франконской династий, которые придали королевской власти статус носительницы верховных властных полномочий в Германии, обеспечивающей стабильность общества.

Правление Франконской (Салической) династии (1014–1125) имело особое значение в жизнедеятельности германского общества. С приходом к власти этой династии был возобновлен избирательный принцип, действовавший до Оттона I Великого (936–973). Первыми настоящими королевскими выборами стали выборы Конрада II 4 сентября 1024 года, которые проходили «в городе Камба на Рейне» [1, С. 775] при участии трех рейнских архиепископов, епископов и светских феодалов. После этого избранный король посетил все части государства, «сначала Лотарингию, Саксонию, Тюрингию, оттуда он через Аугсбург подался в Баварию, чтобы потом через восточных франков отправиться на Рейн и дальше в Алеманию и Эльзас» [162, S. 156].

Конрад II Старший (1024–1039), являвшийся внуком Оттона Великого по женской линии и получивший власть путем избрания на трон,

значительно «расширил власть немецких государей, распространив ее на новые территории» [3, S. 100]. Это стало возможным благодаря домениальной политике короля, с помощью которой он расширил королевский домен и практически объединил, рассеянное по стране, королевское имущество в единый комплекс. Для этого он, женившись на вдове умершего герцога Гизеле, приобрел Швабское герцогство, передал своему сыну Генриху Баварию и Швабию, двоюродному брату Конраду Младшему поручил управление Каринтией, а за собой сохранил Франконию. Такая политика Конрада II имела огромное значение для усиления позиций королевской власти. Она позволила сосредоточить в руках Франконской династии герцогскую власть практически во всем государстве, что вело к полному объединению Германии. В 1034 году в состав Германской империи вошла Бургундия, которая была присоединена к королевскому домену и передана сыну Конрада II в качестве имперского лена. Так немецкие монархи прибавили к имеющимся уже у них корону королевства Арелат. Правда, она давала мало власти. Поэтому, наверное, большинство германских государей не короновались ею. Исключение составили: Конрад II, Генрих III и Фридрих I Гогенштауфен.

Политика предшественников Конрада II, представителей Саксонской династии (919–1024), привела к усилению позиций церкви в государстве. Она со временем превратилась в грозную идеологическую, экономическую и политическую силу, способную превзойти по своему могуществу королевскую власть. Конрад решил исправить ситуацию и изменил направленность церковной политики Оттона I. Он прекратил раздачу церкви земель и привилегий в больших размерах и попытался усилить влияние на духовенство при помощи симонии. Король взимал деньги за даруемые им духовные должности и чаще всего назначал на них своих ближайших родственников. Он использовал прелатов в качестве должностных лиц государства, подвергая их за непослушание различным наказаниям вплоть до лишения бенефициев. Таким образом, «политика заискивания перед церковью во времена Конрада II сменилась политикой должностной эксплуатации духовенства» [2, S. 101].

Кроме этого, родоначальник Франконской династии попытался усовершенствовать систему управления государством, создав новые органы исполнительной власти. Для ослабления могущества герцогов и обеспечения независимости своего положения в стране, а также с целью улучшить функционирование сложившейся на протяжении столетия государственной системы, он стал возвышать мелких светских вассалов. Постепенно их значение в государстве увеличивается, и они приобретают всевозможные льготы. Такова была цель важного ленного закона – «*Constitutio de feudis*» [4, с. 152], изданного Конрадом II в 1037 году сначала для

Италии, а затем введенного и в Германии. Суть его состояло в том, что ленные поместья рыцарей становились наследственными по мужской линии и, таким образом, превращали вассалов в особое свободное сословие, которое должно было служить верной опорой королю в осуществлении его планов. Однако подобная политика в Германии не дала положительных результатов, поскольку, став рыцарями, мелкие вассалы старались придерживаться ленного права и не хотели выполнять военную службу королю более сорока дней в году, как того требовал обычай. Кроме этого подавляющее большинство таких вассалов находилось в зависимости не от монарха, а от феодальной знати, что сужало возможности королевской власти использовать их для своих целей.

Такое положение дел привело к тому, что представители Франконской династии начали искать новые рычаги управления государством. С этой целью они начали наделять бенефициями несвободных служилых людей – холопов, вольноотпущенников, чем ввел в государственную систему институт королевских министриалов. Первоначально министриалы использовались для создания независимого от герцогов войска. За полученные от короля военные бенефиции они должны были нести конную службу, не нормированную ленным обычаем. Позже служилые люди стали назначаться на высокие придворные должности, использоваться для несения гарнизонной бурговой службы, в административном управлении при дворе, в домениальном хозяйстве, а также широко участвовать в качестве свидетелей при составлении важных государственных документов, выполнять судебные и другие функции. К середине XII века министриалы приобрели настолько большое влияние в обществе, что к ним начали примыкать и многие представители разорявшейся группы «свободных господ», которые при этом сохраняли свои владения, юрисдикцию, право занимать должности графов и шеффенов. Благодаря этому, указанные выше права распространились и на некоторые разряды служилого сословия, ставшего настоящими должностными лицами короля, его «преданными помощниками и союзниками» [5, S. 97]. Таким образом, начиная с правления Конрада министриалы стали «вести практически все дела управления феодальным государством» [6, с. 89], поскольку на тот момент германская монархия не имела других органов исполнительной власти. Именно министриалы во время правления Франконской династии являлись главными рычагами, используемыми немецкими королями при осуществлении своих внешнеполитических и внутривластных планов.

Процесс оформления института королевской власти в качестве центрального органа управления государством завершил один из наиболее ярких обладателей немецкой короны – Генрих III Черный (1039–1056).

Его отец Конрад II оставил ему имперские земли в достаточно удовлетворительном состоянии. В непосредственном подчинении у короля находилась значительная часть территории государства: Франкония, Швабия, Бавария, к которым, после смерти Конрада Младшего, присоединилась и Каринтия. Только Лотарингия и Саксония сохраняли самостоятельность. Это указывает на то, что для полного подчинения страны оставалось совсем немного. Германия в это время прочно обеспечила себе гегемонию в Западной Европе и превзошла Англию и Францию на пути создания современных форм государственного устройства. Королевская власть во времена Генриха Черного достигла пика своего могущества. Действительно, она являлась суверенным общегосударственным органом, способным решать проблемы внутреннего развития страны и проводить активную внешнюю политику.

Германские короли в X – п. п. XI вв. сконцентрировали в своих руках законодательную, судебную, административную власть и в сознании средневекового человека обеспечивали стабильность общества, являлись воплощением не только божественной, но и общей воли, социального разума. Этому есть ряд объяснений.

Во-первых, в Германии, не знавшей, фактически, римского господства, развитие феодализма отличалось значительным своеобразием, а именно его замедленными темпами. Процесс феодализации встречал упорное сопротивление догосударственных форм управления – племенных герцогств, старогерманского территориального деления и т. д. Эти архаические учреждения противостояли политическим притязаниям феодалов, что способствовало более длительному сохранению централизованных, хотя и примитивных государственных форм, в виде немецкой монархии. Разложение подобных институтов шло одновременно с формированием различных слоев общества. В стране долго сохранялась свободная соседская община и аллодиальные формы землевладения, что в первый период существования германской государственности создавало возможность формирования единого политического образования с сильной центральной властью короля. Наличие значительного слоя мелких и средних аллодистов расширяло фискальные и военные ресурсы монархии и позволяло ей подчинять своему господству практически все население страны. А живучесть перенятых у франков государственно-правовых связей в стране способствовало обеспечению единой организации немецких феодалов в их завоевательных предприятиях.

Во-вторых, укреплению авторитета короля содействовали также особенности вассально-ленных отношений в германском обществе. В отличие, например, от Франции, они имели более централизованный характер, что выражалось в том, что каждый феодал обязан был, кроме

службы своему сеньору, нести военную службу непосредственно королю, являвшемуся верховным сюзереном. Благодаря этому стала возможна внешнеполитическая экспансия немецкой монархии, в ходе которой германский государь выступал как военный предводитель, а ее результаты приносили ощутимые финансовые выгоды короне. В государственно-правовом отношении принципы сюзеренитета-вассалитета помогали королю сохранять за собой положение центрального государственного органа и функции связующей и объединяющей политической силы. Для раннесредневековой Германии характерно и длительное существование ленных владений. Лены (условные земельные держания) длительное время до XI века оставались должностными, ненаследственными. Также, в отличие от Франции, в Германии вотчинники-иммунисты не приобрели в X веке полной политической самостоятельности, их права ограничивались низшей юрисдикцией. Высшая юрисдикция оставалась за королем и его представителями – графами, что также способствовало формированию сильной королевской власти.

В-третьих, в период правления Франконской династии немецкие государи имели прочную социальную опору в обществе для проведения своего политического курса и для борьбы с их главными врагами – герцогами, не желавшими сильной центральной власти. Такой опорой в борьбе с герцогским сепаратизмом стали министерялы, которые превратились в особое сословие, обязанное своим положением монархии и способное служить ей верно и преданно. Назначение служилых людей на различные высшие государственные посты способствовало укреплению центрального аппарата управления и давало возможность королевской власти осуществлять свои prerogatives.

В-четвертых, в укреплении положения королевской власти немало важную роль играл принцип дезигнации при передаче престола. В течение длительного времени сохранялся компромисс между свободными выборами монарха немецкой знатью и наследственным правом правящей династии, так как королей в большинстве случаев избирали из царствующего рода вплоть до его вымирания. Кроме этого представители Франконской династии являлись родственниками представителям Саксонской династии по женской линии, что указывает на достаточно существенные основы престолонаследия, несмотря на существование выборного принципа.

В-пятых, материальной независимости королевской власти служило домениальное землевладение, которое в X – XI вв., несмотря на его крайнюю разбросанность, представляло собой достаточно солидную величину и опору монархии. Присоединение фамильных владений пополнило

няло и приумножало общий фонд коронных земель, а это в свою очередь, увеличивало материальные основы власти немецких государей.

Тем не менее, при достаточно устойчивом положении немецкой монархии постепенно стали просматриваться противоречия между светской и духовной властью, которые при преемниках Генриха III принесли Германии хаос, раздробленность и упадок королевской власти. Церковь в лице римских пап начала претендовать на подчинение себе светских правителей и, прежде всего, германских государей. К концу царствования Генриха III королевская власть начала терять свою силу и могущество, о чем свидетельствует создание знатью антикоролевской оппозиции. Ее появление было связано и с церковной политикой монархии, и с возникновением «противоречий между централизаторскими тенденциями королей и эгоистическими интересами немецких вельмож, стремившихся к независимости» [7, s. 123].

Таким образом, королевская власть в начальный период правления Франконской династии являлась центральным органом управления в государстве и осуществляла важнейшие политические функции. Она объединяла усилия высших слоев немецкого общества для организации их господства, завоевания новых земель и охраны своих владений. Франконские государи Конрад II и Генрих III были наиболее могущественными в истории средневековой Германии. Однако со смертью Генриха III династия ослабела, что было связано с борьбой духовной и светской власти.

Библиографические ссылки

1. *Випон* Жизнь Конрада II, императора // История средних веков / Сост. М.М. Стасюлевич. СПб. : ООО «Изд-во Полигон», М. : ООО Фирма «Изд-во АСТ», 1999. С. 773–786.
2. *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel : Ernst Homann, 1875. Band 6.
3. *Deutsche Könige und Kaiser des Mittelalters.* / Hg. von E. Engel und E. Holz. – Köln, Wien : Böhlau Verl., 1989.
4. Средневековье в его памятниках / Под ред. Д. Н. Егорова. М. : Типо-Лит. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913.
5. *Stern L., Gericke H.* Deutschland in der Feudalepoche von der Mitte des 11. Jh. bis zur Mitte des 13. Jh. Berlin : Deutscher Verl. der Wiss., 1983.
6. *Колесницкий Н. Ф.* Исследование по истории феодального государства и права в Германии (IX- первая половина XII в.) // Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. М., 1959. Т. 1.
7. *Czaplinski W., Calos A., Korta W.* Historia Niemiec. 2. wyd. popr. Wrocław : Ossolineum, 1990.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРАБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ТРАДИЦИИ ДЖАЙХАНИ О ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (ИБН РУСТА, ГАРДИЗИ, ХУДУД АЛ-АЛАМ, АЛ-БЕКРИ, АЛ-МАРВАЗИ)

О. Б. Келлер

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, KellerOB@bsu.by*

В арабской географической и исторической литературе X в. учёные и исследователи выделяют 4 авторов, осветивших в той, либо иной мере исторические регионы Центральной и Восточной Европы, а также регионы Центральной Азии: 1) Абу Абд-Аллаха Мухаммада ибн Ахмада Джайхани (ал-Гайхани); 2) Балхи (Баллджил); 3) Ибн Фадлана (Ибн Фазлана) и 4) ал-Масуди. Эти четыре автора как бы заложили каждый свою традицию, которые впоследствии получили отражение у последующих арабских авторов. Безусловно, каждая из этих четырёх традиций заслуживает отдельного внимания. Однако, сегодня речь пойдёт о последователях традиции Джайхани (ал-Гайхани), послужившей основой при составлении 5 ценных средневековых источников X-XII вв. н.э. К числу этих 5 трудов современные учёные и исследователи причисляют такой источник, как Худуд-ал-Алам (982 г. н.э.), а также работы таких авторов, как Ибн Руста (Ибн-Даста) (X в.), Гардизи (XI в.), ал-Бекри (XI в.) и ал-Марвази (вторая половина XI в./первые два десятилетия XII в.). На основании информации, содержащейся в пяти последних только что упомянутых источниках мы можем составить частичное или получить более полное представление об истории славян, венгров, Моравии, Руси и т.д. в вышеозначенный период времени.

Ключевые слова: Средневековые арабские источники; традиция Джайхани (ал-Гайхани); Центральная и Восточная Европа; Ибн Руста (Ибн-Даста); Худуд ал-Алам; Гардизи; ал-Бекри, ал-Марвази.

ВВЕДЕНИЕ. Арабская географическая и историческая литература X в. Арабская географическая и историческая литература X в., и, в частности, сообщения о Восточной Европе и Центральной Азии, основывается на четырёх основных традициях: во-первых, на традиции Джайхани (ал-Гайхани); во-вторых, на традиции ал-Балхи; в-третьих, на традиции Ибн-Фадлана (Ибн-Фазлана); в-четвёртых, на традиции ал-Масуди. Среди этих четырёх традиций особое значение имеет традиция Джайхани (ал-Гайхани), названная по имени её основателя [1, S. 1].

Мы не будем сегодня останавливаться на всех вышеозначенных четырёх основных традициях, а уделим внимание лишь одной из них – а именно: традиции Джайхани (или ал-Гайхани). И попробуем установить, какие авторы и источники более позднего периода времени базируются на ней, а также какую информацию о регионах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы несут в себе эти труды.

Традиция Джайхани (ал-Гайхани). О жизни знаменитого географа Абу Абд-Аллаха Мухаммада ибн Ахмада Джайхани (ал-Гайхани) [1, S. 1] нам известно немного. Достоверно известно лишь то, что позднее мусульманская литература интенсивно пользовалась его географическими трудами, но не считала нужным в полной мере оценить память автора. И это при том, что в отличие, к примеру, от Мухаммада ибн Исхака ан-Надима, автора часто цитируемого «Фихриста», бывшего незначительным книготорговцем, Абу Абд-Аллах Мухаммад ибн Ахмад Джайхани (ал-Гайхани) являлся важным государственным деятелем, а именно: персидским визирем в Саманидской империи в период с 914 по 922 гг.

Семья Джайхани (ал-Гайхани), вероятнее всего, происходит из Хорезма. Впервые семья Джайханидов (Гайханидов) упоминается в 914 г., и, по-видимому, играет важную роль в Трансоксании на протяжении полувека. Сам Джайхани (ал-Гайхани), возможно, выступал в качестве визиря ещё, когда будущий самнидский эмир Наср ибн Ахмад был принцем [1, S. 3]. Древнейшие сведения о Джайхани (ал-Гайхани) можно найти в историческом труде Гардизи «Зайн ал-ахбар» [1, S. 4].

По словам Гардизи, Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ал-Джайхани (ал-Гайхани) очень умело вёл государственные дела в качестве визиря при саманидском эмире Насре ибн Ахмаде (914–943). Гардизи описывает его как уравновешенного, энергичного и превосходного человека, который обладал широким кругозором и написал множество значимых работ. После вступления в должность визиря он писал письма всем правителям мира и просил копии законов всех судов и канцелярий [2, р. 226]. Когда дворы Византии (Рума), Туркестана, Индостана, Китая, Ирака, Сирии, Египта, Занга, Забула, Кабула, Синда и Аравии исполнили его желание, он взял копии и «перенял» для Бухары все лучшие законы этих империй [1, S. 4].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. Фрагменты традиции Джайхани (ал-Гайхани) о Восточной Европе и Центральной Азии у 5 более поздних авторов. Труд Джайхани (ал-Гайхани) «География» пользовался большой популярностью. Им пользовались ал-Бекри, испанский мавр; помимо него палестинцы Мутаххар ибн Тахир ал-Макдиси и ал-Мукаддаси из Иерусалима; а также наряду с только что упомянутыми Наршахи из Хорасана. Ал-Идриси из Палермо тоже ссылался на него в качестве источника для своей «Географии». Поэтому правомерно утверждать, что произведение Джайхани (аль-Гайхани) «География» было известно во многих исламских странах [1, S. 34].

Мог ли этот широко читаемый трактат исчезнуть бесследно? Любой, кто знаком с методами работы арабских писателей, ответит на этот вопрос отрицательно. Начиная с XI в., в более поздней мусульманской гео-

графической литературе всё чаще проявляются черты компилятивного характера. Поэтому маловероятно, чтобы следы этого славного учёного сочинения не встречались в более поздних трудах. Более того, абсолютно точно можно доказать, что значительные разделы «Географии» Джайхани (ал-Гайхани) впоследствии были заимствованы (иногда дословно) Ибн Рустой, использованы в «Худуд ал-Алам», упомянуты Гардизи, ал-Бекри, аль-Марвази, а, возможно, и другими авторами [1, S. 34].

Первый источник: «Книга драгоценных ожерелий» или «Книга драгоценных ценностей» автора X в. Ибн Русты [3]. Говоря об использовании отдельных данных из «Географии» Джайхани (ал-Гайхани) в последующей арабской географической и исторической литературе X–XII в.в., прежде всего надлежит упомянуть автора X в. Ибн Русту (Ибн-Дасту) из Исфахана, автора X столетия. Единственная рукопись его «Книги драгоценных ожерелий» (или иначе: «Китаб ал-аляк ан-нафиса»), сохранившаяся до наших дней в Британском музее, датируется 1254 г.

Описание северных народов у Ибн Русты является параллельным текстом, встречающимся у ал-Макдиси. Буквальное соответствие между двумя текстами служит надёжным критерием их общего происхождения. То, что текст Ибн Русты представляет собой лишь фрагмент, взятый из более обширного контекста, уже подтверждается первым предложением в описании хазар; оно явно предполагает, что в оригинальном тексте печенегов рассматривали перед хазарами.

Порядок и содержание иных отдельных описаний почти дословно соответствуют персидскому варианту Гардизи. Тем не менее, надлежит подчеркнуть, что Гардизи приводит некоторые цитаты, полностью отсутствующие у Ибн Русты, например, описание военного лагеря в описании хазар, отчёт об оружии буртасов и, в особенности, описание дунайских болгар (нандуров) и моравов (мирватов) в главе о Венгрии. Принадлежат ли эти цитаты также Джайхани (аль-Гайхани)?

Многие данные указывают на то, что и Гардизи, и Ибн-Руста иногда сокращали текст Джайхани. Хотя текст Гардизи содержит больше информации, чем текст Ибн-Русты, он, вероятно, также не передал всё, что было в оригинале [1, S. 35].

Второй источник: «Худуд ал-Алам» анонимного автора, датированный 372 г. хиджры, или 982 г. по григорианскому календарю. Древнейшим персидским изданием соответствующих разделов сочинения Джайхани (ал-Гайхани) является анонимный текст под названием «Худуд ал-Алам», написанный в 372 г. хиджры, или в 982 г. по григорианскому календарю неизвестным автором [4]. Сочинение полностью называется «Худуд ал-'алам мин ал-Машрик ил ал-Магриб» и переводится как «Границы мира с востока на запад».

Это самое раннее известное географическое сочинение на персидском языке, которое было обнаружено в Бухаре в 1892 г.

Сохранилась единственная рукопись, датируемая 1258 г., которая ныне находится в Санкт-Петербурге. Первое факсимильное издание рукописи связывают с исследователем Бартольдом. Критическое издание текста было опубликовано Манучехром Сотуде в Тегеране в 1962 г. Персидский текст был переведён на английский язык В. Минорским в 1937 г. и снабжён обширными критическими комментариями.

Об анонимном авторе «Худуд ал-Алама» известно лишь то, что он был родом из Гузгана на территории современного северного Афганистана и что он посвятил свой труд местному правителю из династии Фаригунидов.

По всей видимости, он не путешествовал далеко и был лично знаком лишь с условиями своей непосредственной родины, Гузгана, а также, возможно, соседней провинции Гилян. Информацию для своего труда он черпал из устных преданий и письменных источников. Его основными источниками были «Ал-Истахри» для исламского мира и «Ал-Гайхани» для немусульманских народов! География «Худуд ал-Алам» создаёт впечатление, что она написана как комментарий к серии карт [1, S. 35].

Третий источник: «Украшение известий», или «Краса повествований», или «Жемчужины известий» – труд автора XI в. Гардизи. Всё, что известно о Гардизи, почерпнуто из его исторического труда «Украшение известий» (или иначе: «Зайн ал-Ахбар») [5].

К сожалению, его автобиографические сведения весьма скудны. Нисба Гардизи указывает на то, что он был родом из города Гардиз (на территории современного восточного Афганистана).

Гардизи участвовал в походах султана Махмуда ибн Субук-Тегина и был очевидцем его великих побед в Индостане, Сигистане, Хорасане, Хорезме и Ираке. По всей видимости, он был учеником ал-Бируни; по крайней мере, в одном месте своего труда он выражается следующим образом: «Так говорит автор этой книги, Абу Саид Абд ал-Хай ибн ад-Даххак, и так мы слышали от Абу-р-Райхана Мухаммада ибн Ахмада ал-Бируни, да помилует его Аллах».

По словам Эте, Гардизи написал свой исторический труд во время правления султана Газы Абд ар-Расида ибн Махмуда (441/1049–444/1052), которому он его и посвятил.

Исторический труд Гардизи «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») состоит из трёх основных частей: 1) История; 2) Хронология; и 3) Этнология [1, S. 37].

Четвёртый источник: «Книга путей и стран» автора XI в. ал-Бекри. Ал-Бекри жил в мавританской Испании в XI в. и собирал сведения о Во-

сточной Европе из различных источников. Он завершил свой труд «Книга путей и стран» (или иначе: «Китаб ал-масалик ва-ль-мамалик») в 1086 г. и умер в 1094 г.

В 1878 г. А. Куник и барон Розен опубликовали девять отрывков из этого труда [6], основанных на рукописи 3034 из Нур-и Отманиджа в Стамбуле, с примечаниями де Гёдже. А. П. Ван Леувен и А. Ферре опубликовали новое критическое издание, основанное в общей сложности на десяти рукописях.

В отрывке № 9 ал-Бекри, следуя традиции Джайхани (ал-Гайхани), описал северные народы, за исключением славян и русов. Однако, ал-Бекри значительно сократил и изменил отрывки из Джайхани.

Его глава о русах, а также недавно обнаруженное описание венгров (Ungulus) были включены в последние издания. Дюсен опубликовал французский перевод описания северных народов.

Например, он вычеркнул предложение из описания хазар и вставил его в свой рассказ о венграх (маггар), что становится очевидным при сравнении отрывка о хазарах у Ибн Русты с информацией о венграх у ал-Бекри: ал-Бекри просто удалил слова в скобках в рукописи Ибн Русты, поскольку слова «затем в землю Тифлис» не имеют смысла и могут быть объяснены только тем, что автор оставил их на месте, удалив несколько строк в своей рукописи. То, что он вычеркнул из описания хазар, он включил в расширенном виде в рассказ о венграх.

«География» Абу-и-Фиды содержит краткое описание венгров, текст которого во многом идентичен тексту ал-Бекри.

Хотелось бы отметить такой момент, что рассказы об обращении печенегов в ислам и хазар в иудаизм восходят не к традиции Джайхани (ал-Гайхани), как показывают параллельные тексты, а к другим, пока неизвестным источникам [1, S. 45].

Пятый источник: Труд «Природа животных» персидского автора второй половины XI в. – первых двух десятилетий XII в. Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази. Ал-Марвази, как следует из его имени, был родом из Мерва и был врачом при дворе сельджукского султана Малик-Саха и его преемников вплоть до Сангара. Биография Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази, в основном, неизвестна. Неизвестны годы его рождения и смерти. Тем не менее, достоверно известно, что он жил во второй половине XI в. и в первых двух десятилетиях XII в. Ал-Марвази был не только влиятельной политической фигурой, но и высокообразованным человеком. Он считался почитателем Авиценны, которого называл «философом Ибн Синой».

Ал-Марвази завершил свой главный труд «Природа животных» (или иначе: «Табай ал-хайаван») около 1120 г. [7]. Вероятно, он умер вскоре

после этого в преклонном возрасте. Труд ал-Марвази сохранился в рукописи 1369 г., хранящейся в Индийском офисе в Лондоне.

Трактат разделён на две основные части. Первая часть содержит 21 главу. Первые шесть глав отражают интересы образованного мусульманина (адаб) и посвящены общим темам, таким, как обычаи царей, учёных, отшельников, суфиев и этике. Главы с седьмой по пятнадцатую посвящены географическим пояснениям: VII. Персы; VIII. Китайцы; IX. Турки; X. Византийцы (Рум); XI. Арабы; XII. Индийцы; XIII. Абиссинцы; XIV. Экватор; XV. Внешние земли (атраф) и острова. Главы с 16 по 21 посвящены антропологическим вопросам. Вторая часть содержит зоологический трактат и описание животного мира. Минорский отредактировал текст в 1942 г., добавив английский перевод и подробные комментарии к главам VIII, IX, XII, XIII и XV. Число письменных источников, использованных ал-Марвази, было весьма ограниченным [1, S. 46].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, данный материал содержит информацию как об одной из четырёх ключевых традиций арабской средневековой географической и исторической литературы X ст., имеющей самое прямое и непосредственное отношение к Восточной Европе и Центральной Азии (о Джайхани или ал-Гайхани традиции), так и о тех пяти авторах/источниках средневековых арабских авторов, которые базировались на ней (Ибн Руста, Худуд-ал-Алам, Гардизи, ал-Бекри и ал-Марвази).

Библиографические ссылки

1. Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: die Gayhani-Tradition (Ibn Rusta, Gardizi, Hudud al-Alam, al-Bakri und al-Marwazi). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001.
2. Barthold W. Turkestan down to the Mongol Invasion. London: Oxford University Press London, 1928.
3. Известия о Хозарах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869.
4. Hudud al-'Alam The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D. translated and explained by V. Minorsky. London: Oxford University Press, 1937.
5. Гардизи Абу Са'ид 'Абд ал-Хайй б. Зохах Украшение известий // Бартольд В. В. Отчёт о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. СПб.: Тип. Имп. АН, 1897. С. 78–126.
6. Куник Л. А., Розен В. Р. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1. СПб., 1878.
7. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942.

КОНЦЕПЦИЯ «ИСЛАМСКОГО ПРИЗЫВА» В ТРУДЕ АЛЬ-МАВАРДИ «ЗАКОНЫ ВЛАСТИ И РЕЛИГИОЗНОЕ ПРАВЛЕНИЕ»

Н. В. Кошелева

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, uddijana@gmail.com

В статье проводится анализ концепции «исламского призыва» (даавата) в трактате аль-Маварди «Законы власти и религиозное правление», классическом произведении исламской политико-правовой мысли XI в. В частности, исследуется, каким образом аль-Маварди интегрировал концепцию «призыва» в рамках государственного управления. Исследование показывает, что у аль-Маварди даават выступает как функция правителя по распространению ислама, как юридическое условие перед началом джихада, а также в качестве практического инструмента государственной политики, интегрированного в разные административные структуры халифата.

Ключевые слова: «Исламский призыв»; даават; аль-Маварди; «Законы власти и религиозное правление»; «Аль-ахкам ас-султанийа»; государственное управление в исламе; фикх; политико-правовая мысль; джихад; суннитское право; имам; мухтасиб; правовой статус немусульман; Аббасидский халифат.

Концепция «исламского призыва» (الدعوة, даават) занимает важное место в политической теории ислама, представляя собой не только религиозную обязанность отдельных мусульман, но и ключевую функцию исламского государства. В трактате «Законы власти и религиозное правление» (الأحكام السلطانية والولايات الدينية, «Аль-ахкам ас-султанийа ва-ль-вилайат ад-диниййа» или «Аль-ахкам ас-султанийа») выдающийся багдадский правовед XI в. Абу аль-Хасан аль-Маварди (ок. 974–1058) систематизировал исламскую политико-правовую доктрину, в которой даават предстает не как абстрактная религиозная категория, а как конкретная государственная функция, интегрированная в структуру халифата.

Объектом исследования является политико-правовая теория средневекового ислама, представленная в трактате аль-Маварди «Законы власти и религиозное правление»; предмет исследования – концепция «исламского призыва» (даавата) в интерпретации аль-Маварди. Цель исследования состоит в выявлении содержания концепции даавата в трактате аль-Маварди, определении ее места в структуре исламского государства и особенностях ее реализации через институты халифата.

Абу аль-Хасан Али ибн Мухаммад ибн Хабиб аль-Маварди родился в Басре в 974 г., отец занимался торговлей розовой водой – отсюда происходит нисба «аль-Маварди» [5, р. 1]. Басра в то время была одним из ведущих центров образования и науки в мусульманском мире, что обес-

печило аль-Маварди качественную богословскую и юридическую подготовку. Он изучал исламскую юриспруденцию (фикх) под руководством знаменитого правоведа-шафиита Абу Касима Абд аль-Вахида ибн Хасана аш-Шаймари [6, р. 52]. Для дальнейшего образования аль-Маварди переехал в Багдад, где продолжил обучение под руководством известных богословов столицы.

Аль-Маварди принадлежал к шафиитской школе исламского права (мазхаб аш-Шафии), но при этом хорошо разбирался во всех мазхабах суннитского ислама. Это знание позволило ему в трактате «Аль-ахкам ас-султанийа» свободно представлять мнения по спорным вопросам трех суннитских правовых школ – ханафитской, шафиитской и маликитской. Последнюю школу права – ханбалитский мазхаб, – Маварди игнорировал, демонстрируя свое пренебрежение к ней [3, р. 31].

Аль-Маварди был убежденным суннитом, что имело важное значение в контексте эпохи, когда Багдад находился под контролем шиитской династии Буидов (934–1062). Суннитская ориентация делала его естественным союзником аббасидских халифов в их стремлении восстановить религиозную легитимность.

Аль-Маварди заслужил расположение и установил тесные отношения с Аббасидами. Он даже отказал буидскому правителю Ирака Абу Тахиру Фирузу Хосрову, известному более как Джалал ад-Дауля (1027–1044 гг. эмирата) в титуле «малик аль-мулюк» (царь царей), хотя другие улемы уже присвоили ему этот титул [5, р. 2]. Эти отношения имели взаимовыгодный характер: халифы нуждались в теоретическом обосновании своей власти в условиях политической слабости, а аль-Маварди получал высокие государственные назначения и возможность реализовать свои политические идеи. Несмотря на свою суннитскую идентичность, аль-Маварди также смог найти общий язык и с шиитами-Буидами, которым требовалась легитимация их власти через халифов. Он служил верховным судьей и дипломатом при обоих халифах (аль-Кадире и аль-Каиме) и был непосредственно вовлечен в попытки восстановить аббасидский авторитет. В 1032 г. халиф аль-Каим (1031–1075 гг. правления), например, направил его в дипломатическую миссию к Буидскому эмиру Абу Калиджару для получения присяги верности (байа) новому халифу [4, с. 79].

Аль-Маварди умер в Багдаде в 1058 г., оставив после себя политико-правовое наследие, представленное, в частности, в наиболее значимом его трактате «Аль-ахкам ас-султанийа», который до сих пор остается фундаментальным источником исламской политико-правовой мысли. В нем излагаются принципы управления исламским государством с особым акцентом на обязанности и полномочия халифа, правителей

провинций, главных министров, судей и других должностных лиц, а также на отношения между различными уровнями государственной власти.

Аль-Маварди писал свой труд в исторический момент, когда Аббасидский халифат одновременно оказался под несколькими угрозами. Еще в 1010–1011 гг. Фатимидская империя предприняла активное наступление через организованный «исламский призыв», возглавляемый сетью исмаилитских миссионеров. Наиболее опасным проявлением этой угрозы стало признание в 1010 г. эмиром Куфы и Мосула Кирваша ибн аль-Мукаллада фатимидского халифа аль-Хакима верховным правителем. Хотя этот эпизод был недолгим, он вынудил халифа аль-Кадира (991–1031) принять срочные контрмеры: в ноябре 1011 г. он созвал собрание улемов – суннитов и двундешатников, издавших Багдадский манифест – документ, публично осуждавший фатимидские претензии на халифат.

Но не менее опасной для халифата была и угроза с востока. Нарождающаяся Сельджукская империя в 1040 г. разбила газневидского султана Масуда I в битве при Данданакане и начала стремительное продвижение на запад, через Иран к Ираку и Фарсу. Эта экспансия поставила под угрозу власть персидской династии Буидов, которые де-факто контролировали Багдад. Осознавая опасность, Буиды начали искать союзников среди Фатимидов, тогда как Аббасидский халиф начал сближаться с Сельджуками. Кульминацией этого альянса стало прибытие основателя сельджукского государства Торгул-бека в Багдад в декабре 1055 г. по приглашению халифа аль-Каима (1031–1075).

В этой обстановке множественных угроз и конкурирующих силовых центров работал аль-Маварди. Его трактат был призван служить не просто учебником политической теории, а практическим инструментом укрепления Аббасидского халифата в условиях политической фрагментации между враждующими силами – Буидами, Сельджуками и Фатимидами.

Несмотря на то, что шиитский даават представлял серьезную угрозу для Аббасидского халифата в период написания трактата аль-Маварди, прямого внимания этой теме в «Аль-Ахкам ас-султанийа» уделено относительно мало. Это кажущееся противоречие объясняется несколькими причинами, связанными с жанром произведения, политической стратегией автора и методологией исламской правовой мысли того времени. Трактат аль-Маварди относится к нарождавшемуся специфическому жанру исламского правоведения, известному позже как фикх аль-сиясат (فقه السياسة) (юриспруденция управления) или аль-ахкам ас-султанийа (законы власти), которое было посвящено административному праву. Такой

жанр по своей природе избегает прямой теологической полемики и сектантских споров. Литература фикха имела дело с практическими юридическими вопросами, а не с доктринальными разногласиями о природе имамата или легитимности различных претендентов на власть. Стратегия аль-Маварди заключалась не в прямом опровержении шиитских доктрин и презентации «суннитской версии» даавата, а в изложении суннитской теории халифата таким образом, чтобы она автоматически исключала альтернативные интерпретации. По всей видимости аль-Маварди, как и другие суннитские правоведы, сознательно избегал детальной разработки концепции «исламского призыва», поскольку этот термин был прочно ассоциирован с фатимидской идеологической системой и организованной пропагандой против Аббасидов.

Рассматриваемому произведению уже предшествовали работы в области политико-правовой мысли: Ибн аль-Мукаффа (VIII в.) разработал первую концепцию унификации государственного управления и правовых норм; Абу Йусуф (VIII в.) создал первый трактат по исламскому налогообложению и государственным финансам с юридическим обоснованием; аль-Фараби (X в.) заложил теоретический фундамент исламской политической теории, синтезируя греческую философию с исламской мыслью. Современником аль-Маварди был ханбалитский правовед Абу Йала аль-Фарра (990–1066 гг.), написавший сходный трактат с аналогичным названием.

Уникальность произведения аль-Маварди заключается в том, что он впервые создал всеобъемлющий труд по политической теории, охватывающий все двадцать государственных институтов и функций. Это был не богословский трактат о теории имамата, а практическое руководство по административному управлению халифатом. В дальнейшем доктрина халифата аль-Маварди стала основополагающей для всего суннитского мира.

Значимость «Аль-ахкам ас-султанийа» обуславливает необходимость рассмотреть это произведение с точки зрения оценки места исламского призыва в теории халифата аль-Маварди.

Термин دعوة восходит к арабскому корню د-ا-و (da-‘a-wa), который имеет широкое семантическое поле: «призывать», «звать», «приглашать», «молить». В коранической традиции этот корень встречается в различных контекстах и имеет различные значения.

Буквально с первых страниц произведения даават выступает в качестве функции и ответственности правителя по распространению ислама. Так, даават в значении коранического призыва к немусульманам появляется в нескольких местах. Во-первых, в главе «Обязанности имама (правителя)» сказано: *«Шестая обязанность имама: джихад против того,*

кто противится исламу после призыва к нему, пока он не примет ислам или не войдет в договор подданства зимми, чтобы религия Аллаха восторжествовала над всякой другой религией...» [1, с. 40; 2, с. 16].

В главе «О наделении полномочиями командующего джихадом», посвященной назначению военачальников [1, с. 69–93; 2, с. 38–59], исламский призыв представлен наиболее явно. Он так же, как и в предыдущем случае, связан с обращением к немусульманам и предстает как юридическое условие до начала сражения с неверными. В частности, аль-Маварди проводит фундаментальное различие между двумя категориями противников.

Относительно тех, кто получил призыв, он пишет: *«Что касается тех, кого достиг призыв к исламу, но они его отвергли и отвернулись, то у командующего войском в отношении их есть два варианта – выбрать из них наиболее благоприятный для мусульман и наиболее вредоносный для противника: либо совершать внезапные набеги на них ночью и днем с убийством, захватом в плен и сожжением их имущества, либо предупредить их о войне и выступить против них в открытом сражении»* [1, с. 72; 2, с. 40]. Эта норма устанавливала правовую максиму: получение призыва изменяло правовой статус противника.

В противоположность этому, аль-Маварди категорически запрещал военные действия против тех, кто не получил даават: *«Вторая категория – это те, до кого не дошел призыв к исламу... Запрещается совершать на них внезапные набеги с убийством и сожжением их имущества до тех пор, пока они не будут призваны к исламу, пока им не будут разъяснены чудеса и знамения Пророка..., и пока им не будут представлены доказательства, способные побудить их к принятию ислама»* [1, с. 72; 2, с. 40]. Эту норму он обосновывал кораническим аятом: *«Зови к пути Господа с мудростью и хорошим увещанием...»* (Коран, 16:126 (125)). Аль-Маварди, комментируя данный аят, указывал, что «мудрость» (الحكمة) может означать как пророчество, так и Коран, а «доброе увещание» (الموعظة الحسنة) – это призыв через коранические повеления и запреты [1, с. 72; 2, с. 41].

Аль-Маварди встраивает даават в правовую структуру джихада, делая его обязательным предварительным условием военных действий. В этом же разделе он пишет: *«Если он начнет сражаться с ними до призыва к исламу и до предостережения доводами, и убьет их без предупреждения, то за это полагается выкуп крови»* [1, с. 73; 2, с. 41].

Данная норма устанавливает юридическую ответственность военачальника, нарушившего требование предварительного даавата. Аль-Маварди, следуя шафиитской правовой школе, определяет размер компенсации как равный тому, что выплачивается за убийство мусульмани-

на, подчеркивая тем самым правовую защищенность тех, кто не получил возможности принять ислам.

Важно отметить, что аль-Маварди указывает на историческую ограниченность категории «не получивших призыв». Он пишет: *«Такие люди сегодня немногочисленны ввиду той победы, которую Всевышний даровал миссии Своего Пророка, разве что это народы, неизвестные нам, за пределами тюрков и ромеев, которых мы встречаем в восточных пустынях и отдаленных западных областях»* [1, с. 72; 2, с. 40]. Эти слова свидетельствует о том, что в XI в. «внешний» даават, то есть призыв к немусульманам, рассматривался как исторически реализованная миссия в отношении большинства известного мусульманам мира.

Аль-Маварди уделял особое внимание правовому статусу «людей Писания» (أهل الكتاب) и политеистов в исламском государстве. В контексте даавата он определил статус зимми (أهل الذمة) для заключивших договор с мусульманским государством иудеев и христиан, которые получали право прекращения военных действий против них и право защиты [1, с. 222–223; 2, с. 159]. То есть в отношении этой категории «исламский призыв» не являлся императивом. При этом ученый оставлял открытой возможность добровольного принятия ислама их стороны.

Он писал, что если кто-то из них примет ислам в ходе войны, то его имущество будет защищено и не может быть захвачено как военная добыча [1, с. 88; 2, с. 53–54].

В отношении военнопленных аль-Маварди описывал четыре возможных исхода: казнь, обращение в рабство, выкуп, помилование [1, с. 88; 2, с. 54]. Аль-Маварди подчеркивал, что принятие ислама пленными значительно изменяло их социальный статус, который определялся по-разному разными представителями школ права. Это создавало прагматический стимул для обращения среди военнопленных, поскольку укрепляло мусульманскую общину.

Как уже было отмечено выше, аль-Маварди трактовал «исламский призыв» к язычникам как юридическое условие перед началом джихада; при этом он не рассматривал его в качестве самостоятельной стратегии внутренней государственной политики.

Забота о вере в халифате или то, что позднее будет определяться как «внутренний» даават, осмысливалась аль-Маварди через призму защиты существующего исламского порядка посредством правовой, административной и контрольной функций, а не через активное духовное воздействие на мусульман. Эти функции были распределены между различными должностями: имама-правителя (الإمام), который нес ответственность за защиту веры и ее границ; кадия (القاضي) и наместника провинции (الوالي), обязанных судить на основе шариата; имама молитвы (إمام الصلاة),

который должен был соблюдать процедурные требования богослужения; мухтасиба – должностного лица (متولي الحسبة), который занимался «повелением одобряемого и запрещением порицаемого».

Такой подход контрастирует с позднейшим развитием концепции «внутреннего даавата» как отдельной стратегии консолидации верующих через проповедь и другие механизмы с целью их нравственного совершенствования. Развитие этой интерпретации даавата у суннитов началось несколько позднее. Поколение спустя подход к религиозному обновлению мусульманской уммы предложил аль-Газали (ок. 1058–1111). Знаменитый ханбалит Ибн Тамийа (1263–1328) разработал салафитскую концепцию даавата, подчеркивая необходимость внутреннего исправления уммы путем возврата к практике ранних поколений. Однако полная концептуализация «внутреннего даавата» как отдельной, самостоятельной стратегии миссионерской деятельности произойдет значительно позже – в XX в. с появлением таких движений, как «Таблиги Джамаат».

Для аль-Маварди «внутренний даават» как отдельная категория еще не имела смысла: вера защищалась через право, а не через политику воздействия на мусульман. К примеру, аль-Маварди не выделял пятничную проповедь как инструмент внутреннего воздействия. В главе «О назначении имамов молитвы» он рассматривал пятничную молитву сугубо как юридический и административный институт [1, с. 165–167; 2, с. 115–117]. При этом его внимание было сосредоточено преимущественно на квалификациях имама, порядке назначения имамов и процедурных аспектах молитвы, а не на содержании или функциях проповеди. Примечательно, что содержание проповедей аль-Маварди представил в главе «О паломничестве», где подробно обсуждал четыре проповеди хаджа, хотя описание их содержания также носило процедурный характер [1, с. 174–176; 2, с. 123–125]. Это указывает на то, что он рассматривал проповеди как частные юридические нормы для разных контекстов, а не как единую функцию воздействия на верующих.

В главе «О должности рыночного надзора» аль-Маварди описывает должность мухтасиба – надзирателя за рынками и общественными нравами, который должен *«повелевать одобряемое и запрещать порицаемое»* [1, с. 349; 2, с. 260].

Это классическая кораническая формула – *«и пусть будет среди вас община, которая призывает к добру, приказывает одобренное и удерживает от неодобряемого...»* (Коран, 3:100 (104)) – представляла собой социальную форму даавата.

Таким образом, исламский призыв аль-Маварди рассматривал не как миссионерскую кампанию по распространению веры, как это делали шииты. Юридическая направленность текста также исключала интерпре-

тацию «исламского призыва» с точки зрения богословских споров и моральных обязательств. Он встраивал «внешний» даават, реализуемый правителями и военачальниками, в институциональную структуру средневекового исламского халифата – ученый устанавливал его как юридическое требование, несоблюдение которого влекло правовые последствия, вплоть до выплаты компенсации за кровь. Следуя логике юридических норм, аль-Маварди различал получивших и не получивших «призыв», мусульман и немусульман, зиммиев и воюющих неверных. «Внутренний» даават – в отношении мусульман – был растворен в функциях защиты и поддержания религиозного порядка через систему должностных лиц, особенно через имамов молитвы и мухтасибов. При этом аль-Маварди закрепил в суннитской исламской политико-юридической мысли понимание даавата не как индивидуальной религиозной обязанности, а как функции государственного администрирования.

Библиографические ссылки

1. *Аль-Маварди, Абу аль-Хасан Али ибн Мухаммад ибн Хабиб* Аль-ахкам ас-султанийя ва-ль-вилайат ад-динийя (الأحكام السلطانية والولايات الدينية) / Аль-Маварди / под ред. А. Джад. Каир : Дар аль-Хадис, 2006. (араб. яз.)
2. *Al-Mawardi* The Ordinances of Government: Al-Aḥkām al-Sultāniyyah w'al-Wilāyāt al-Dīniyya / Translated by Wafaa H. Wahba. Reading : Garnet Publishing Limited, 1996.
3. *Hurvitz N.* Competing Texts: The Relationship Between al-Mawardi's and Abu Ya'la's al-Ahkam al-sultaniyya. Cambridge : Harvard Law School, 2007.
4. *Hanne E. J.* Putting the Caliph in His Place: Power, Authority, and the Late Abbasid Caliphate. Madison : Fairleigh Dickinson University Press, 2007.
5. *Wan Naim Wan Mansor* Abu Hasan Al-Mawardi: The First Islamic Political Scientist / Wan Naim Wan Mansor. Kuala Lumpur : IAIS Malaysia, 2015.
6. *Kharisma E.* Al-Mawardi's Leadership Concept and Its Relevance to Indonesian Democracy // Journal of Law Justice. 2025. Vol. 3, iss. 1. P. 47–62.

КОНЦЕПТ AL-HIND В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛЬ-БИРУНИ

Т. В. Шахзад

ГУО средняя школа № 132, ул. П. Глебки, 86, Минск, Беларусь,
tanya_shahzad@mail.ru

Что такое Индия для исламского мира в XI веке? В период правления династии Омейядов появляются сведения о различных географических пунктах Индии, торговых путях и ввозимых товарах, описание Индии и соседних с ней стран, сведения о культуре и быте их населения. Однако это краткие сведения, которые не дают полной информации. На основании произведений аль-Бируни в статье указывается, что такое Индия для ученого. Изучаются главы произведений аль-Бируни, в которых он описывает различные регионы Индии (города и их расположения, реки, расстояние между городами и как до них добраться), определяет границы Индии.

Ключевые слова: аль-Бируни; Индия; индийцы; Синд; Хинд.

Произведения, в которых аль-Бируни упоминает либо описывает Индию – «Индия», «Канон Мас'уда», «Наука о звездах» и «Минералогия». Основным источником по теме статьи является «Индия». Основные главы «Индии» для рассмотрения:

Глава XVIII, содержащая различные сведения об их стране, реках, море и некоторых расстояниях между их областями и границами.

Глава XXV, где рассказывается о реках Индии, их истоках и их течении через различные области.

Глава XXXI – о разнице расстояний между областями, которую мы называем «Разностью двух долгот».

Из «Канона Мас'уда» рассматривается книга пятая:

Глава девятая. Об общем характере обитаемой части земли и определение ее климатов по долготе и широте. Глава десятая. Закрепление долгот и широт городов в таблицах.

В тексте «Минералогии» аль-Бируни дает некоторые сведения об особенностях климата Индии и драгоценных камнях, добываемых в Индии [4, с. 104, 204].

В «Науке о звездах» аль-Бируни содержится карта мира и описание обитаемого мира, по которым можно определить примерное расположение Индии по представлениям ученого [2, с. 99–102]. На карте (см. рисунок 1) Индия окружена океаном и на северо-востоке граничит с Китаем [2, с. 101; 8, р. 1080].

В книге «Индия» в главе XVIII (содержащая различные сведения об их стране, реках, море и некоторых расстояниях между их областями и

границами) географическое описание Индии аль-Бируни дается вместе с описанием всей обитаемой части мира. Подобно всем арабским географам, аль-Бируни придерживался теории греков об «обитаемой четверти» земли, а именно половины ее северной полусферы [3, с. 195, 603; 7, р. 155–156]. Здесь ученый очерчивает примерные границы Индии: «В восточной половине [земли] море проникает в северный материк так же, как суша в западной половине выступает к югу [в море]. Часто оно углубляется в сушу, образуя свои заливы и лиманы [у устьев рек]. Это море в большинстве случаев называется по находящемуся в нем [острову] или по расположенному напротив него [берегу]. Здесь нам нужна та его часть, которая расположена напротив страны индийцев и называется по ним [Индийским морем].

После этого представь себе, что в обитаемой части мира есть высокие горы, связанные друг с другом как позвонки спинного хребта, которые простираются по средним ее широтам, от востока на запад в длину, проходя через Китай, Тибет, [страну] тюрков, потом – Кабул, Бадахшан, Тохаристан, Бамийан, ал-Гур, Хорасан, Мидию, Азербайджан, Армению, Византию (Малую Азию), [страну] франков и ал-Джалалика... Земля индийцев – это одна из тех равнин, которую охватывают с юга упомянутое Индийское море, а с других сторон – те высокие горы, откуда стекают на нее ее воды» [3, с. 196; 7, р. 156].

Следовательно, Индия представляет собой равнину, которая с севера, запада и востока окружена горами. Горы в свою очередь составляют часть длинной горной цепи, которая тянулась от Китая на востоке и пересекала всю Азию и Европу по широте, достигая земли франков и галисийцев. Середина земли индийцев лежит вокруг города Канаудж [3, с. 196; 7, р. 157].

Далее идет описание отдельных городов, расстояний между городами (в днях пути, в фарсах), указание в каком направлении находятся указанные в тексте города (относительно рек): «Город Канаудж, расположенный к западу от реки Ганг, очень велик, но большая его часть ныне разрушена и заброшена, потому что местопребывание царя было перенесено из него в город Бари, находящийся к востоку от Ганга. [Расстояние] между двумя городами – три или четыре дня пути» [3, с. 196; 7, р. 157]. Также здесь упоминаются некоторые государства индийцев (царства). Однако ученым они рассматриваются не отдельно, а как часть Индии.

Что касается Кашмира, ученый пишет следующее: «...он находится на равнине, которую окружают высокие непроходимые горы. Его южной и восточной частями владеют индийцы, а западной частью – различные цари: ближайшей частью Болор-шах, далее Шугнан-шах, и до границ Бадахшана – Вахан-шах. Северная часть и некоторые области на востоке

Кашмира принадлежат тюркам Хотана и Тибета [3, с. 202; 7, р. 165]. Однако при этом аль-Бируни использует названия «кашмирцы», «жители Кашмира», «царь Кашмира», но не идентифицирует жителей и правителей Кашмира как индийцев. Однако один раз в «Минералогии» ученый использует выражение «индийцы из Кашмира» [4, с. 270], которое может указывать как на место, где проживают указанные аль-Бируни индийцы (т. е. Кашмир), а также и на Кашмир как часть Индии.

Таким образом, аль-Бируни дает географическое расположение Индии, а также указывает местонахождение некоторых ее рек, городов и государств. Он приводит расстояние между различными областями Индии. Часто это делается на основании данных индийцев. При этом ученый отмечает, что нет возможности проверить данные индийцев, так как они не придерживались точности при определении расстояний между своими городами. Также в этой главе аль-Бируни кратко описывает животный мир и климатические условия в Индии (например, описание сезона дождей и снега по регионам и месяцам).

Многие города и страны, которые перечисляет аль-Бируни можно идентифицировать предположительно.

В главе XXV (где рассказывается о реках Индии, их истоках и их течении через различные области) аль-Бируни описывает реки Индии согласно пуранам. Далее дает краткое описание горной цепи, которая является границами Индии и простирается на Запад: «Мы должны представить себе, что горы окружают землю индийцев по ее границам. Горы, окружающие ее с севера, – снежные горы Химава́нт. Посреди них лежит земля Кашмира, и они простираются до страны тюрков. Холода на этих горах непрерывно увеличиваются вплоть до того места, где кончается обитаемая земля, и до горы Меру. Поскольку эти горы простираются в длину, то реки, текущие из них по направлению к северу, проходят через земли тюрков, тибетцев, хазар и славян и впадают либо в Море Джурджана, либо в Озеро Хорезма, либо в Море Понта, либо в Северное Море Славян. А реки, текущие из них по направлению к югу, протекают через землю индийцев и впадают в Великое Море, достигая его поодиночке или слившись попарно» [3, с. 241; 7, р. 214].

Далее ученый указывает: «Реки земли индийцев [текут] или из холодных северных гор, или из восточных гор. Собственно, это одна и та же [горная цепь], которая тянется на восток и сворачивает к югу, достигая Великого Моря и отдельными частями врезаясь в него у места, известного под названием Плотина Рамы. Эти горы отличаются между собой по жаре и холоду, которые в них бывают» [3, с. 241; 7, р. 214].

Далее аль-Бируни описывает в каком направлении текут реки, через какие регионы и вблизи каких городов, какие реки между собой объединяются, а также возле каких населенных пунктов они впадают в море.

Согласно кратким данным в главе XXVI (о форме неба и земли по учению индийских астрономов) Индия представляет собой полуостров: «Подобным же образом большая часть Индии выше области Синд вдаётся в море и, кажется, даже переходит за линию экватора к югу» [3, с. 250; 7, р. 226].

В главе XXXI (о разнице расстояний между областями, которую мы называем «разностью двух долгот) аль-Бируни приводит примеры вычисления расстояний между двумя городами, вычисление окружности Земли. Он вносит некоторые поправки в вычисления индийцев. Но при это говорит, что мнение индийцев по данному поводу (вычисление расстояния) не верны. Также указывает названия мест, широты которых ему удалось определить. А также пишет: «Мы не проходили далее упомянутых мест по стране индийцев и не узнали из их книг долгот и широт [других местностей]» [3, с. 241; 7, р. 214].

Маршруты, приведенные аль-Бируни, охватывают более обширный регион Индии и некоторые новые области, которое ранее не упоминались мусульманскими географами.

В «Каноне Мас'уда» в главе девятой (об общем характере обитаемой части земли и определение ее климатов по долготы и широты) аль-Бируни дает описание обитаемой части земли, а также приводит представления об этом у руфов, индийцев, греков, персов. А далее указывает таблицу различных положений, связанных с широтами климатов [1, с. 435–442; 65, р. 541–545].

В главе десятой (закрепление долгот и широт городов в таблицах) аль-Бируни пишет: «В этой главе я поместил таблицы, содержащие долготы городов и их широты, после усердных стараний по их уточнению путем [изучения] соотношения положений одних из них относительно других и расстояний между ними. Все это не взято на веру из книг, ибо там это запутано и искажено, поскольку одни долготы отсчитываются от островов ас-Са'ада, а другие – от западного берега Окружающего моря, тогда как между ними – десять заманов, [то есть градусов]. Некоторые же долготы отсчитываются с востока, хотя [они] –дополнения отсчитываемых с запада» [1, с. 442; 6, р. 546]. А далее приводит таблицу географических координат более чем 600 пунктов, преимущественно городов различных стран и областей. Вначале приводятся пункты, находящиеся южнее экватора, затем на экваторе, между экватором и I климатом, в каждом из семи климатов и севернее VII климата; в каждом климате пункты перечисляются с запада на восток. Помимо координат населен-

ных пунктов стран ислама аль-Бируни приводит здесь ценные сведения об экваториальной Африке, Индии (более 70 пунктов). Восточной Европе и областях восточных тюрков. Про некоторые города аль-Бируни дает краткие примечания, например, «Главный город хазар – развалины по берегу реки Итиль» (т. е. Волги), «Сутканд – на реке Хасарт, известной под названием реки Шаша» (Сырдарьи), «Баку – место добычи белой нефти» и т. д. [1, с. 23].

Следует обратить внимание на один из регионов, описываемый аль-Бируни – Синд. Арабские географы называли Синдом Белуджистан и нижнюю часть долины р. Инд, которые они отличали от остальной части Индостанского полуострова, то есть Хинда [4, с. 500].

В сочинениях «Индия» и «Канон Мас'уда» аль-Бируни использует следующие слова:

Al-hind, hind – которые можно перевести как Индия и как Хинд.

Al-sind, sind – которые будут обозначать определенный регион под названием Синд, реку Синд или область реки Синд.

Можно увидеть это на следующих примерах:

«[Или же], если наблюдать одно и то же затмение в стране Синд и в аль-Андалусе, то время его в этих странах будет так же свидетельствовать о том, что мы упомянули, и при этом определится, что пол день в Синде – это время восхода в аль-Андалусе, а полдень жителей аль-Андалуса есть время захода [Солнца] в Синде [1, с. 81].

Хронологические таблицы – «Александр в землях Востока и Птолеми после него, каждый из которых носил имя Птолемей: Александр после убийства Дария – овладел после Фарса Хорасаном, Индией и Синдом и взял пограничные области Китая. Он отравился при возвращении в Вавилоне, а гроб его был перенесен в Александрию» [1, с. 166; 5, р. 152].

«Земля Синда лежит к западу от Канауджа. Из нашей страны мы прибываем в Синд через землю Нимруз, я имею в виду землю Сиджистана; а в Хинд [мы прибываем] со стороны Кабула, хотя это не обязательно: в Хинд можно прибыть с любой стороны, если преодолеть различные препятствия [в пути]» [3, с. 198; 7, р. 158].

В таблице в главе десятой «Канона Мас'уда» аль-Бируни приводит следующие названия областей и государств – al-sind, sind, al-hind, которые в русском переводе «Канона Мас'уда» переводятся как ас-Синд, Синд, Индия соответственно.

В «Индии» ученый упоминает различные государства индийцев, определяет их жителей как индийцев. Отметим, что население Синда аль-Бируни определяет в качестве «жителей Синда». Если же рассматривать географический аспект данного вопроса – Синд и частично Кашмир являются частью региона, который ученый называет al-hind.

Библиографические ссылки

1. *Беруни Абу Райхан* Избранные произведения : в 7 т. Ташкент : Фан, 1976. Т. 5. Ч. 1 : Канон Мас'уда.
2. *Беруни Абу Райхан* Избранные произведения : в 7 т. Ташкент : Фан, 1975. Т. 6. : Книга вразумления начаткам науки о звездах.
3. *Бируни, Абу Рейхан* Индия. М. : «Ладомир», 1995.
4. *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Изд. 2-е. СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2011.
5. *Al-Bīrūnī Abū Rayḥān Muḥammad B. Aḥmad* Al-Qānūn'L-Mas'ūdī (Canon Masudicus) : in 2 vol. Hyderabad, 1955. Vol. 1.
6. *Al-Bīrūnī Abū Rayḥān Muḥammad B. Aḥmad* Al-Qānūn'L-Mas'ūdī (Canon Masudicus) : in 2 vol. Hyderabad, 1955. Vol. 2.
7. *Al-Bīrūnī Abū Rayḥān Muḥammad B. Aḥmad* Kitāb fī Tahqīq-ī-Ma li'l-Hind or Al-Bīrūnī's India (Arabic Text). Hyderabad, 1958.
8. *S. Maqbul Ahmad* Kharīṭa // The Encyclopaedia of Islam. Leiden: Brill, 1997. Vol. IV. P. 1077–1083.

ЮБІЛЕЙНЫЯ ГАДЫ Ё ГІСТОРЫІ СЯРЭДНЯВЕЧНАГА КАСЦЁЛА

А. К. Шымак

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, г. Мінск, Беларусь,
helenaszymak@gmail.com*

У артыкуле разглядаецца гісторыя фарміравання традыцыі абвяшчэння юбілейных гадоў у касцёле. Адзначаюцца некаторыя тэалагічныя падставы юбілеяў, а таксама асаблівасці святкаванняў у розныя пантыфікаты. Аўтарам звяртаецца увага на тое, як юбілеі ўплывалі на міжнародныя адносіны паміж краінамі Усходняй Еўропы.

Ключавыя словы: юбілейны год; касцёл; папа рымскі; міжнародныя адносіны.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ГОДЫ В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Е. К. Шимак

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, helenaszymak@gmail.com*

В статье рассматривается история формирования традиции объявления юбилейных лет в католической церкви. Отмечаются некоторые богословские основания для юбилеев, а также особенности празднования в разные понтификаты. Автор обращает внимание на то, как юбилеи влияли на международные отношения между странами Восточной Европы.

Ключевые слова: юбилейный год; католическая церковь; папа римский; международные отношения.

Традыцыя адзначаць юбілейныя гады ў касцёле мае вельмі глыбокія карані, якія бяруць свой пачатак ў Старым Запавеце. Пяцідзясяты год назывўся юбілейным. Ён быў вельмі цесна звязаны з біблейскай традыцыяй шабату (ад габрэйскага слова «скончыць», «перастаць»). Гэта свята адначалі кожны тыдзень, было абавязковым утрыманне ад працы, пры гэтым меліся глыбокія рэлігійныя матывы. У святле Бібліі кожны шабат – гэта маленькі юбілей. Лічба дзён тыдня вызначае чарговы юбілей. Праз «тыдзень году» адбываецца год шабату – гэта значыць кожныя пяцьдзясят гадоў трэба было адзначаць юбілейны год. Стары Завет прадугледжваў падчас шабату не толькі паяднанне з Богам, але і супакой паміж людзьмі [5, с. 38, 41–42].

Упершыню юбілейны год быў абвешчаны ў 1300 г. Папа Баніфацый VIII урачыста адкрыў святкаванне юбілею і абвясціў, што за наведванне базылікі святога Пятра і святога Паўла можна атрымаць поўны адпуст. Першы юбілей суправаджаўся значым уздымам колькасці пілігрымаў, якія жадалі наведаць месцы пахаванняў апосталаў. У Латэранскай базіліцы святога Яна захавалася старажытная фрэска Джота, прысвечаная гэтай падзеі.

Першапачаткова планавалася, што наступныя юбілейныя гады будуць адзначацца кожныя сто год, але ўжо папа Клімент VI распарадзіўся, каб яны адбываліся згодна з біблейскай традыцыяй – раз у пяцьдзясят гадоў. Булай *Unigenitus Dei Filius* юбілей быў прызначаны на 1350 г. Нягледзячы на чуму і разбуральны землятрус, які абрынуўся на Рым у 1349 г., больш за паўтара мільёна пілігрымаў прыбылі ў горад на ўрачыстасці. Папа дамагаўся перамір'я ў вайне паміж Францыяй і Англіяй, каб зрабіць падарожжы пілігрымаў бяспечнымі [4].

8 красавіка 1389 г. папа Урбан VI выдаў булу *Salvator noster Unigenitus*, згодна з якой юбілейныя ўрачыстасці павінны былі праходзіць кожныя 33 гады (па колькасці гадоў зямнога жыцця Хрыста, але гэта ідэя так і не замацавалася). Такім чынам ўрачыстасці былі перанесены і замест 1400 г. яны адбываліся ў 1390 г. Святкаванне юбілейных гадоў адбывалася на фоне ўнутранага крызісу касцёла, звязанага з так званым Авіньёнскім палонам рымскіх пантыфікаў. З 1309 па 1377 гг. рэзідэнцыя папаў знаходзілася ў Авіньёне, што істотна паўплывала і на колькасць пілігрымаў, якія прыяжджалі ў Рым.

Папа Марцін V абвясціў юбілейным 1425 г. З гэтага часу з'явілася практыка чаканкі памятнага медаля і адкрыцця Святых дзвярэй у Латэранскай базыліцы святога Яна [3, с. 15]. Мікалай V у папскай буле *Immensa et innumerabilia* ад 19 студзеня 1449 г. абвясціў наступны Святы год на 1450 г., тым самым устанавіўшы дату юбілейных святкаванняў кожныя 50 гадоў. 19 красавіка 1470 г. папская була *Ineffabilis Providentia*, у якой выразна згадвалася наведванне базылік святога Пятра, святога Паўла, святога Яна на Латэране і базылікі Маці Божай Снежнай, абвясціла, што, пачынаючы з 1475 г., па загаду папы Паўла II, юбілейныя ўрачыстасці будуць праводзіцца кожныя 25 гадоў. Папа Павел II не дажыў да абвешчанага юбілею і ўжо наступны пантыфік Сікст IV пацвердзіў абвешчэнне юбілею 1475 г. [11]

Святкаванне 1500-годдзя патрабавала асаблівай увагі, асабліва на мяжы стагоддзяў. 12 красавіка 1498 г. папская була *Consueverunt Romani Pontifices* прыпыніла ўсе далейшыя індульгенцыі на гэты год і была пацверджана папскай булай *Inter multiplices* ад 28 сакавіка 1499 г. Папская була *Pastores Aeterni Qui* ад 20 снежня 1499 г. ўстанавіла, што толькі

пенітэнцыярыі базілікі святога Пятра маюць права адпуская грахі. Папа Аляксандр VI упершыню адкрыў Святыя дзверы базілікі святога Пятра. Ён хацеў, каб адкрыццё было адзначана магутнай падзеяй, якую ён знайшоў у жэсце адчынення Святых дзвярэй.

Былі прынятыя меры, каб праз гэтыя дзверы праходзілі пілігрымы падчас юбілейных гадоў. Пазней такая практыка была распаўсюджана таксама і на тры іншыя патрыярхальныя базілікі. Адчыняць Святыя дзверы базілікі святога Пятра было прывілеем выключна для папы, а ў трох іншых базіліках – для яго легатаў. Святыя дзверы павінны былі заставацца адчыненымі днём і ноччу і ахоўваліся па чарзе чатырма святарамі.

На першы погляд можа скласціся ўражанне, што святкаванне юбілейнага году датычылася толькі Рыму і яго галоўных базылік. Але гэта не зусім так. Прытрымліваючыся старазапаветнай трацыцыі рымскія пантыфікі імкнуліся таксама да ўсталявання міру і паміж краінамі. Можна заўважыць тэндэнцыю, што ў межах юбілейных гадоў, альбо напярэдадні іх, ажыўляліся дыпламатычныя кантакты з папствам і ва ўсходнеславянскім рэгіёне. Папскія паслы імкнуліся ўсталяваць мір паміж Маскоўскай дзяржавай і Вялікім Княствам Літоўскім. У кастрычніку 1500 г. папа Аляксандр VI накіраваў свайго легата Пятра Ісвальеза да Ягелонаў, каб заключыць перамір'е паміж узначаленымі імі дзяржавамі і іх суседзямі, каб пачаць сумесную барацьбу з асманамі. Перашкодай на гэтым шляху сталі адносіны Вялікага Княства Маскоўскага і Вялікага Княства Літоўскага. Дагавор, падпісаны ў 1494 г. паміж Іванам III і Аляксандрам Ягелончыкам і падмацаваны шлюбным саюзам Аляксандра і Алены Іванаўны, аказаўся ненадзейным. Абодва бакі мелі намер аднавіць ваенныя дзеянні, якія і пачаліся ў 1500 г. [10, s. 35–36].

У 1525 г. Еўропа перажывала вялікія рэлігійныя і палітычныя падзеі, звязаныя з рэфармацыяй. Але папа Клемент VII усё ж абвесціў чарговы юбілейны год. Абвяшчэнне юбілею не адбывалася ў адзін момант. Вялася грунтоўная падрыхтоўка таксама і ў сферы міжнародных адносін. У Рыме 30 красавіка 1523 г. была абвешчана ўрачыстая була *Monet nos veritas*, якая заклікала еўрапейскіх манархаў да заключэння трохгадовага перамір'я паміж варагуючымі бакамі [9, s. 271–274, № 236]. Папа Адрыян VI і Клімент VII, які змяніў яго, імкнуліся арганізаваць агульнахрысціянскі антыасманскі паход. Не апошняю ролю ў ім мусіла адыграць Карона Польская. Рымкая курыя імкнулася завязаць на гэтай аснове перамовы і з Масквой. Але такія захады толькі адштурхоўвалі Жыгімонта I Старога ад ідэі антыасманскай лігі. Тэрыторыі Кароны Польскай і Вялікага Княства Літоўскага неаднаразова рабіліся непераадольнымі для папскіх пасольстваў.

Якраз у гэты час з Рыма ў Маскву прыбыў яшчэ адзін папскі пасол Францішак, біскуп Скарэнскі. Ніканаўскі летапіс паведамляе, што разам з паслом вялікага князя прыйшоў з Рыму Міця Малой, перакладчык, а з ім таксама прыбыў да вялікага князя ад папы рымскага Клімента Іван Франчужаў, біскуп [6, с. 311]. Папа выступаў адным з пасрэднікаў ва ўрэгуляванні адносін паміж Масквой і Вільняй. Юбілейны год мог стаць добрай глебай, каб вырашыць усе неспрыяльныя палітычныя абставіны і ўзняць пытанне аб далучэнні Масквы да антытурэцкай барацьбы і царкоўнай уніі. Пасля заключэння перамір'я з Жыгімонтам I Васіль III адпусціў усіх паслоў. З рымскім легатам, які так нічога і не дасягнуў па галоўных для папы пытаннях, былі адпраўлены ў снежні 1526 г. Геранім Трусаў і Цімафей Ладыгін [2, с. 128–129].

У 1550 г. быў абвешчаны Паўлам III і пацверджаны Юліем III чарговы юбілей. Напярэдадні разгортвалася цікавая дыпламатычная гульня. У 1547 г. царом Іванам IV у германскія княствы быў накіраваны нейкі Ганс Шлітэ. Перад ім была пастаўлена задача запрасіць у Маскву спецыялістаў розных прафесій. У 1548 г. на сустрэчы з імператарам Карлам V Шлітэ заявіў аб тым, што Іван IV мае намер працягваць палітыку Васіля III і што ён жадае далучыцца да каталіцкай царквы. У 1550 г. Шлітэ дараваў нейкаму Іягану Штэйнбергу званне «лацінскага і нямецкага канцлера пры цары». З гэтай нагоды была складзена адпаведная дамова, дзе адзін бок дараваў ганаровае званне, а другі браў на сябе абавязацельствы выконваць інтарэсы Расіі. Гэтая дамова грунтавалася на сцвярджэнні Шлітэ, што маскоўскі князь канчаткова вырашыўся прыняць каталіцтва. Штэйнбергу былі прадастаўлены паўнамоцтвы весці перамовы з папам і імператарам і прасіць для Івана IV каралеўскую карону. У верасні 1551 г. Штэйнберга прыняў ужо папа Юлій III [7, с. 344].

Наступны юбілейны год адзначаўся ў 1575 г. Гэта быў першы юбілей пасля Трыдэнцкага Сабору, таму ён быў вельмі падрыхтаваны і перажываўся ў духу паглыблення веры і аднаўлення каталіцкай царквы. Што датычыцца ўсходняга рэгіёну Еўропы, то ён, перш за ўсё, узгадваўся ў Рыме ў сувязі з перыядам безкаралеўя ў Рэчы Паспалітай. Менавіта тады папскія нунцыі сачылі за перадвыбарнай барацьбой, а таксама аналізавалі шансы кандыдатуры Івана IV [1, с. 69–76, №20].

Разважаючы над абставінамі святкавання юбілеяў у каталіцкай сярэднявечнай царкве, можна заўважыць вялікае значэнне біблейскіх старазапаветных традыцый, уплыў кожнага асобнага пантыфікату, а таксама міжнародны характар юбілейных гадоў. Абвяшчэнне юбілею прыносіла не толькі рэлігійныя плёны ў выглядзе шматлікіх пілігрымак, зацвярджэння новых каталіцкіх супольнасцяў, аднаўлення духоўнага

жыцця. Юбілейныя гады сталі добрай нагодай для ўсталявання міру падчас войнаў і наладжвання міжнародных кантактаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Вержбовский Ф. Ф.* Викентий Лаурео, Мондовский епископ, папский нунций в Польше, 1574–1578, и его неизданные донесения кардиналу Комскому, статс-секретарю папы Григория XIII, разъясняющие политику Римской курии в течение вышеуказанных лет, по отношению к Польше, Франции, Австрии и России, собранные в Ватиканском архиве. Варшава : Типог. О. Бергера, 1887.
2. *Глушакова Ю. П.* Неопубликованные источники из Ватиканского архива // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 128–132.
3. *Дрозд Ю.* Гісторыя Юбілейных гадоў у Каталіцкім Касцёле // Ave Maria. 2025. № 1–2. С.14–15.
4. *Задворный В.* Климент VI // Католическая энциклопедия. URL: <http://xn--j1al4b.xn--p1acf/page/2002> (дата обращения: 9.10. 2025)
5. *Крэміс Я.* Заклік да паяднання. Мінск: Про Хрысто, 2007.
6. Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей ; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М. : Наука, 1965. Т. 12.
7. *Пирлинг П.* Россия и папский престол. М. : Современные проблемы, 1912.
8. Святое Евангелле (Секцыя па перакладзе літургічных тэкстаў і афіцыйных дакументаў Касцёла Камісіі Божага Культы і Дысцыпліны Сакрамэнтаў пры Канферэнцыі Каталіцкіх Біскупаў Беларусі). Мінск: Про Хрысто, 2012.
9. Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, actiones, res gestae... Sigismundi...Primi...per Stanislaum Gorski...collecte et in tomos XXVII digestae : w XVIII t. – Posnaniae, 1853. Т. VI : 1522–1523.
10. *Baczkowski K.* Próby włączenia państw jagiellońskich do koalicji antytureckiej przez papieża Aleksandra VI na przełomie XV i XVI wieku // Nasza Przyszłość. 1994. Т. 81. S. 56–75.
11. Historia Jubileuszy. URL: <https://www.iubilaeum2025.va/pl/giubileo-2025/giubilei-nella-storia.html> (дата обращения: 10.10. 2025)

ПОЛИТИКА ТЕЛА: ЗАПРЕТ НА ЦЕРКОВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ В XIII в.

Д. Н. Пинчук

*Международный университет «МИТСО», ул. Казинца, 21, г. Минск, Беларусь,
smotrilisa@gmail.com*

Статья посвящена анализу практики посмертного отказа в церковном погребении как инструмента политической борьбы Святого Престола в XIII веке. На примере кейсов Раймунда VI Тулузского, Манфреда Сицилийского и Михаила VIII Палеолога исследуется, как запрет на захоронение в «освященной земле» превращался из канонического наказания в мощное средство символического уничтожения памяти и легитимности политических оппонентов папства.

Ключевые слова: Отлучение от Церкви; церковное погребение; Святой Престол; средневековая знать; XIII век.

ВВЕДЕНИЕ. В XIII веке Святой Престол активно утверждал доктрину верховенства духовной власти над светской. Папская булла «*Unam Sanctam*» стала кульминацией данного процесса. Документ, изданный папой Бонифацием VIII, 18 ноября 1302 года, утверждал верховенство папской власти и первостепенную важность принадлежности и подчинения католической Церкви [1, с. 246].

Одним из эффективных инструментов давления на «непослушных» светских правителей стал посмертный отказ в церковном погребении для тех, кого отлучили от Церкви. Данный механизм был юридически закреплен в XIII в. декретами папы Григория IX (1227–1241 гг.) [2]. Находясь на стыке канонического права, политической деятельности и символической коммуникации, данная практика позволяет глубже понять природу папской власти, а также механизмы формирования политической памяти в средневековом обществе.

В основу исследования лег комплекс разнообразных по своему характеру источников. Нарративная база представлена как византийскими, так и западноевропейскими хрониками и документальными сводами, включающими материалы о Раймунде Тулузском и Манфреде Сицилийском [3; 4; 5; 6; 7]. Ключевое значение для анализа канонически-правового аспекта имеют документы папской канцелярии, в частности, декреты Григория IX [1; 2]. Особый пласт составляют литературные источники («Божественная комедия» Данте, «эпитафия Манфреда»), позволившие проанализировать символическое восприятие посмертного наказания в средневековом обществе [8; 9].

Труды С. Рансимена и Дж. Норвича и Э. Канторовича заложили фундамент понимания политического контекста конфликтов папства со светской властью [10; 11; 12]. Работы, посвященные истории тела и политической символике (Ж. Вигарелло), предоставили необходимый теоретический инструментарий [13]. При этом авторская позиция формировалась путем междисциплинарного подхода, объединившего методы политической истории, исторической антропологии и анализа ритуалов для комплексного изучения феномена запрета на погребение.

Актуальность данной работы заключается в том, что в ней запрет на погребение системно анализируется не как второстепенное каноническое наказание, а как целенаправленный политический и символический инструмент в борьбе за верховенство духовной власти. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на природу конфликта между светской и духовной властью в позднее Средневековье.

Объектом исследования является политика Святого Престола в отношении светской знати в XIII веке. Предмет исследования – практика запрета на погребение как инструмент давления на светскую власть в XIII в. Цель исследования – проанализировать практику посмертного отказа в церковном погребении как форму политической и символической борьбы Святого Престола за верховенство духовной над светской властью в XIII веке.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Выявить канонические основания и политические мотивы применения запрета на погребение.
2. Проанализировать на примере конкретных кейсов (Раймунд VI Тулузский, Манфред Сицилийский, Михаил VIII Палеолог) процедуру реализации санкции и её последствия.
3. Рассмотреть ритуальные и символические аспекты, сопровождавшие отказ в погребении (эксгумация, перезахоронение на границах, использование атрибутов).
4. Исследовать стратегии наследников и сторонников отлученных правителей, направленные на смягчение или отмену санкции.
5. Оценить эффективность данного инструмента с точки зрения достижения политических целей папства.

Хронологические рамки исследования охватывают XIII век – период наивысшего могущества папства, от понтификата Иннокентия III до Бонифация VIII, отмеченного интенсивной борьбой духовной и светской власти.

Методологическая основа включает историко-системный подход, позволяющий рассмотреть практику запрета как элемент политической системы папства. Также применяются историко-антропологические ме-

тоды для анализа символического значения погребальных ритуалов и метод кейсов для глубокого изучения конкретных исторических примеров.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. Рассмотрение данной практики целесообразно начать с дела Раймунда VI, графа Тулузского, которое как нельзя лучше демонстрирует, как борьба с ересью становилась инструментом решения политических задач и сколь бескомпромиссной могла быть позиция Святого Престола в отношении непокорной знати. Крупнейший землевладелец Лангедока был отлучен от Церкви трижды. Терпимое отношение к катарам окончательно разрушило отношения между графом и папой Иннокентием III [14, с. 1]. Последователи данного религиозного движения квалифицировались Святым Престолом как еретическая секта. Попытка Пьера де Кастельно, папского легата, убедить Раймунда искоренить катаров в Южной Франции провалилась. Решающим поводом для ужесточения позиции папы стала последующая смерть посланника, как предполагалось, от меча оруженосца графа [15, с. 49].

Папа Иннокентий III так и не простил Раймунду VI пособничество катарам. Тем не менее, граф не терял надежду и завещал похоронить себя как рыцаря ордена госпитальеров святого Иоанна [5, с. 246].

В августе 1222 г. Раймунд VI тяжело заболел, находясь в доме своего друга Гюка Жана в Сен-Сернене. Предчувствуя приближение смерти, граф пожелал получить отпущение грехов, для чего пригласили Журдена, аббата Сен-Сернена. Князя поразила афазия – расстройство речи, однако это не помешало ему выразить покаяние в обильных слезах, крепко сжимая руку прелата в знак покорности перед Богом [6, с. 312].

Один из рыцарей-госпитальеров, который присутствовал при этом, снял мантию и прикрыл тело графа. Владыка Лангедока сделал над собой усилие и поцеловал крест на плаще. Часть присутствующих встретила этот жест ропотом, попытавшись сбросить накидку с графа, но рыцари не допустили осквернения тела. Умершего доставили в Дом госпитальеров в Тулузе, однако из-за наложенных Церковью ограничений, усопший так и не был захоронен в земле [6, с. 312].

Раймунд VII дважды направлял прошения – в 1230 и 1234 гг. – папе Григорию IX, но так и не добился разрешения похоронить отца достойным образом. В июле 1247 года папой Иннокентием IV было санкционировано расследование в рамках которого было подготовлено досье Раймунда VI. В документе приводились факты, например, что граф всячески помогал госпитальерам, снабжал пшеницей монахов Лепинаса, предоставлял льготы цистерцианскому аббатству Калерс [6, с. 313]. Однако эти доводы, вопреки ожиданиям, не возымели действия на Святой Престол, что подчеркивает политическую, а не сугубо религиозную подоплеку конфликта.

Гийом Пюилоранский, французский хронист, в «Истории альбигойских деяний» свидетельствовал, что во второй половине XIII века, останки Раймунда VI всё ещё находились в коридоре Дома Госпитальеров в Тулузе [7, с. 215]. Оставленное без присмотра тело со временем было изъедено крысами, а череп вытащили из гроба и сохранили госпитальеры [14, с. 102].

В 1998 г. во время раскопок в отеле Сен-Жан в Тулузе, на месте бывшего Великого приората госпитальеров, был обнаружен средневековый саркофаг. Предполагалось, что там могли находиться остатки Раймунда VI. Однако данное соображение так и осталось гипотезой. Доминик Боди, мэр Тулузы, в связи с данным открытием попросил папу Иоанна Павла II снять отлучение с Раймунда VI, но ответа не последовало [16].

Такое отношение к Раймунду VI, со стороны современной католической Церкви, частично объясняется трактовкой ереси в христианской традиции. Отчуждение от истинного вероучения, по мнению католической Церкви, ведёт к духовной смерти, что является тяжким преступлением. Потворствуя катарам, граф, таким образом, способствовал распространению учения, смертельно опасного для души каждого христианина. Ересь можно рассматривать как хулу на Святого Духа, выраженную в сознательном отрицании истинного учения о Боге. Такой грех, согласно Евангелию от Матфея, не прощается ни в этом, ни в будущем веке, так как отчуждает человека от истинного Света [17].

Однако желание графа получить отпущение грехов и его попытки добиться от Святого Престола прощения на IV Латеранском соборе иллюстрировали, что вопрос отлучения крупнейшего землевладельца Лангедока вышел далеко за пределы церковной юрисдикции. В корне противостоянии Иннокентия III и Раймунда VI лежала битва за политический вес и влияние в Южной Франции, которая явно не ограничивалась борьбой с катарами.

Если в случае с Раймундом VI предлогом для отлучения служила борьба с ересью, то конфликт с Манфредом Сицилийским носил откровенно политический характер. Судьба его останков наглядно иллюстрирует, насколько далеко было готово зайти папство в символическом уничтожении уже поверженного светского противника. Он был отлучен от Церкви трижды за отказ присягнуть на верность и уступить Сицилию Святому Престолу [11, с. 80]. Погиб в битве при Беневенто в 1266 году, потерпев поражение от Карла Анжуйского [11, с. 81]. Останки опознали соратники сицилийского короля, попавшие в плен к анжуйцам, например, Джордано Д'Альяно [18].

Не имея возможности похоронить Манфреда в «освященной земле», Карл Анжуйский приказал вырыть могилу у моста через реку Калоре. Королю Манфреду были оказаны не религиозные, но воинские почести. Карл Анжуйский повелел войскам пройти мимо захоронения, при этом каждый солдат должен был положить камень на место упокоения. Воздвигнутый каменный курган символизировал доблесть короля, погибшего в гуще сражения [18].

Карл Анжуйский не случайно два дня искал тело Манфреда, а потом торжественно захоронил его у большой римской дороги, где она пересекалась с городским мостом Беневенто. Новый сицилийский король желал сохранить свидетельство одной из своих крупнейших побед и при этом экспонировать успех на всеобщее обозрение [18].

Однако длительное противостояние со Святым престолом не закончилось смертью Манфреда. В мае 1266 г. папа Климент IV всё еще питал ненависть к усопшему. В письме кардиналу Оттобоне Фиески глава Римской Церкви писал: «Наш дорогой сын Карл, прославленный король Сицилии, мирно владеет всем королевством, включая разложившийся труп этого вонючего человека, его жену, его детей и сокровища» [18]. Предположительно, по инициативе Бартоломео Пиньянтелли, католического епископа Козенцы, спустя 7 месяцев после сражения при Беневенто, останки сицилийского короля извлекли из земли. Данное действие сопровождалось процессией с незажжёнными и перевернутыми свечами, что являлось частью ритуала, символизирующего духовное угасание и отлучение человека не только из сообщества живых, но и из сообщества мертвых, находящихся в лоне Церкви [18].

Новым местом упокоения Манфреда предположительно стал каменистый берег реки Гарильяно, за пределами Неаполя и Папской области [10, с. 94]. Существует предположение, что его останки могли быть найдены в апреле 1614 г., при строительстве нового моста, через реку Лири в Чепрано. У стен разрушенного старого римского моста был найден саркофаг, небольшой по размерам, не более метра в длину, который предназначался, вероятно, для хранения костей. На мраморной крышке была надпись: «HIC IACEO CAROLI MANPHREDUS MARTE SUBACTUS CESARI HERDI NON FUIT URBELOCUS SUM PATRIS EX ODIIS AUSUS CONFLIGERE PETRO MARS DEDIT HIC MORTEM, MORS MIHI CUNCTA TULIT = Здесь покоится Манфред, побежденный королем Карлом, не похороненный в городе, я также был преемником императора, отцовская ненависть влекла меня к воинственной ярости, я боролся против Святой Церкви, она убила меня, и смерть отняла у меня все». Текст эпитафии нам известен, только благодаря упоминанию его в сочинении «Книга моста» архипресвитера Паскуале Онорати [9]. Такой

выбор места для захоронения останков сицилийского короля приобретает символическое значение, учитывая, что именно здесь 11 октября 1254 г. Манфред Сицилийский покорился и принёс клятву верности папе Иннокентию IV, а также то, что здесь же проходила граница между территорией, принадлежавшей Церкви и «оскверненной» землей [19].

Эксгумация тела Манфреда Сицилийского показывает, как далеко готов был зайти Святой Престол в отношении непокорных королей, отлученных от Церкви. Такое отношение к сыну Фридриха II со стороны Церкви являлось посланием и назиданием для тех, кто желал оспорить главенство духовной власти над светской. Оно же свидетельствовало о слабости Римской Церкви, к примеру, Данте Алигьери в «Божественной комедии» трактовал перезахоронение короля, как желание Святого Престола искоренить всякую память о Манфреде, в том числе не допустить возникновения почитания сицилийского короля как человека, бросившего вызов крупнейшей церковной институции Западной Европы [8, с. 296]. Тело короля – это не просто труп, это символ власти, «тело политическое». Папство, манипулируя «телом физическим», тем самым уничтожало «тело политическое» [13, с. 300].

Практика посмертного отлучения не ограничивалась западноевропейскими правителями. Ее жертвой пал и византийский император Михаил VIII Палеолог. Глава империи оказался при смерти в статусе отлученного как от православной, так и католической Церкви. Ни одна из сторон не оценила должным образом попытки василевса примирить две крупнейшие христианские конфессии. Лионская уния 1274 г. была отвергнута большинством православного духовенства [20, с. 119]. А папа Мартин IV обвинил в провале этого соглашения Михаила VIII, отлучив императора от Церкви. Причины данного решения, при более детальном рассмотрении гораздо глубже. Понтифик являлся протеже Карла Анжуйского, у которого были сложные отношения с Византией. Отлучение от Церкви Михаила VIII в некоторой степени легитимизировало в перспективе дальнейшее вторжение в Византию, с целью восстановления Латинской империи на Ближнем Востоке [10, с. 232].

Основатель династии Палеологов умер в Пахомии во Фракии в декабре 1282 г [4, с. 488]. Когда император находился при смерти, пригласили священника. Михаил VIII причастился, прочитал Символ Веры и, упав на подушку, умер [3, с. 490]. Умершего в ту же ночь перенесли в только что отстроенный новый монастырь, однако отпевать не стали. Андроник, сын Михаила VIII, опасаясь осквернения тела, приказал зарыть императора недалеко от обители, поглубже, дабы дикие звери не добрались до усопшего [4, с. 123]. Через три года останки перенесли в

монастырь Христа в Силимврию, ближе к Константинополю. Наследник так и не решился перенести прах отца в столицу [21, с. 470].

Однако применение запрета на погребение не было тотальным. Его суровость напрямую зависела от текущей политической конъюнктуры и стратегии выбранной понтификом. Ряд случаев, таких как посмертная судьба императора Оттона IV и короля Афонсу II, показывает, что папство могло идти на уступки. К примеру, Оттон IV, император Священной Римской империи, перед смертью в 1218 г. был освобожден от отлучения епископом Зигфридом I Хильдесхаймским и был захоронен по всем христианским традициям в коллегиальной церкви Святого Власия в Брауншвиге [22, с. 289]. Тем не менее, существует альтернативное мнение историка Э. Канторовича, согласно которому низложенного монарха забили до смерти розгами монахи, пока низложенный король исповедовался в грехах, валяясь в ногах у аббата [12, с. 75].

Технически только папа Римский мог снять отлучение, наложенное Святым Престолом, однако папа Гонорий III не стал заниматься эксгумацией тела. В отличие от Иннокентия III и своих некоторых будущих преемников, он чаще старался искать компромиссы, избегая силового решения проблем [23, с. 252].

Афонсу II, король Португалии, несмотря на наложенные ограничения, также был упокоен в монастыре Санта-Круш в Коимбре. Тем не менее, его сын Саншу II добился от Римской курии реабилитации имени отца, понимая, что посмертное отлучение наносит непоправимый урон политическому престижу династии [24, с. 12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Практика отлучения и, в особенности, посмертного отказа в христианском погребении стала мощным инструментом политической борьбы Святого Престола. Цели этого наказания часто выходили далеко за рамки вероучительных причин, как в случаях с Раймундом VI (борьба с катарами и непокорным вассалом) и Манфредом Сицилийским (борьба за власть в Италии). Это свидетельствует о стремлении папства утвердить свой примат не только в духовной, но и в светской сфере. Запрет на погребение в освященной земле был не просто актом посмертного наказания, а мощным символическим жестом. Он был призван стереть память об усопшем как о добром христианине, лишить его посмертной легитимности и предотвратить возникновение его культа как мученика или святого (что ярко иллюстрирует эксгумация тела Манфреда).

Несмотря на декларируемую строгость, применение этого наказания не было универсальным. Судьба останков отлученного напрямую зависела от текущей политической конъюнктуры, упорства его противников и лояльности его наследников. Случаи Оттона IV и Альфонса II, которые в итоге были погребены по церковным канонам, демонстрируют, что

папство могло идти на компромиссы, когда это было политически выгодно или когда жесткая позиция уже выполнила свою задачу.

Упорство, с которым папство отказывалось снять отлучение с уже умерших правителей (как с Раймунда VI), подчеркивает, что некоторые конфликты воспринимались как фундаментальные вызовы самой власти Церкви.

Для знати, чей статус во многом определялся родом и церемониалом, невозможность быть погребенным согласно своему рангу была тяжелым ударом по репутации. Это заставляло наследников, как Раймунда VII, годами добиваться отмены запрета для отца, а также приводило к поиску альтернативных форм погребения (как воинские почести Манфреду), которые хоть отчасти, но компенсировали социальный ущерб.

Таким образом, запрет на погребение в освященной земле для отлученной знати в XIII веке был не столько каноническим наказанием за грех, сколько политическим оружием, элементом символической коммуникации и инструментом в сложной борьбе за власть и влияние между Святым Престолом и светскими правителями средневековой Европы. «Политика тела», реализуемая через запрет на погребение, раскрывает суть папской власти в XIII столетии как власти, стремящейся подчинить себе не только земную жизнь правителей, но и их посмертную судьбу и память. Эта практика была не просто наказанием, а ключевым элементом символического языка, на котором папство вело диалог со всем христианским миром, утверждая себя как высший арбитр в вопросах жизни, смерти и спасения.

Библиографические ссылки

1. Христианское вероучение: догматические тексты учительства церкви III–XX вв. / Пер. с фр. Н. Соколовой, Ю. Куркиной. СПб. : Изд-во св. Петра, 2002.
2. Декреталии Папы Григория IX (*Liber Extra*). Кн. 3, Тит. 28, Гл. 12 URL: <https://www.thelatinlibrary.com/gregdecretals3.html> (дата обращения: 08.10.2025)
3. Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской духовной академии [Текст]. Т. 1: Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах. Кн. 1: Царствование Михаила Палеолога, 1255–1282 / Пер. под ред. проф. Карпова. СПб. : в Тип. Департамента уделов, 1862.
4. *Григора Н.* История ромеев = *Romaïke historia* / Пер. с греч. Р. В. Яшунского. СПб. : Свое издательство, 2013.
5. *Cartulaire général de l'ordre des hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem (1110-1310)*. Т. 2. Paris : Ernest Leroux, 1897.
6. *Macé L.* «Pour la rémission de mes péchés et pour que la victoire me soit accordée». Les comtes de Toulouse et l'ordre de l'Hôpital de Saint-Jean de Jérusalem (XIIe–XIIIe siècle) // *Les ordres religieux militaires dans le Midi (XIIe–XIVe siècle)*. Toulouse : Éditions Privat, 2006. P. 295–318.

7. Recueil des historiens des Gaules et de la France. Tome 19. Paris : Imprimerie nationale, 1880.
8. Данте А. Божественная комедия / Пер. с итал. О. Чюминой. М. : Эксмо, 2007.
9. Arcese F. Ceprano, il ponte in pietra di Paolo V // Ceprano City. — 2025. — 3 marzo. URL: <https://cepranocity.wordpress.com/2025/03/03/ceprano-il-ponte-in-pietra-di-paolo-v/> (дата обращения: 09.10.2025).
10. Рансимен С. Сицилийская Вечерня: история Средиземноморья в XIII в. / пер. с англ. С. В. Нейсмарк. СПб. : Евразия, 2007.
11. Норвич Д. История Сицилии / Пер. с англ. В. Желнинова. М. : АСТ, 2018.
12. Канторович Э. Император Фридрих II / Пер. с нем. Л. В. Ланника и И. П. Стребловой. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2022.
13. Вигарелло Ж. Тело короля // История тела: в 3 т. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. С. 480
14. Ольденбург З. Костер Монсегиора. История альбигойских крестовых походов / Пер. с фр. О. И. Егоровой. СПб.: Алетейя, 2001.
15. Sumption J. The Albigensian Crusade. L. : Faber & Faber, 1978.
16. L'Église catholique d'Ariège demande pardon pour la croisade contre les Albigeois // Le blog de Viure al Pais - France 3 Régions. 2016. 20 septembre. URL: <https://france3-regions.blog.franceinfo.fr/le-blog-de-viure-al-pais-france3/2016/09/20/leglise-catholique-dariege-demande-pardon-pour-la-croisade-contre-les-albigeois.html> (дата обращения: 09.10.2025)
17. Библия. Синодальный перевод. Евангелие от Матфея, глава 12, стихи 31–32 // Азбука веры: православная энциклопедия. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.12&r/> (дата обращения: 09.10.2025).
18. De Simone G. L'ultimo viaggio di Manfredi di Svevia // PontelandolfoNews. URL: <https://www.pontelandolfonews.com/cultura/lultimo-viaggio-di-manfredi-di-svevia/> (дата обращения: 09.10.2025).
19. Volterri R., Pavat G. Il mistero dell'ultima dimora di Manfredi, Re di Sicilia (di Roberto Volterri e Giancarlo Pavat) – II Parte // Il Punto Sul Mistero. URL: <http://www.ilpuntosulmistero.it/il-mistero-dellultima-dimora-di-manfredi-re-di-sicilia-di-roberto-volterri-e-giancarlo-pavat-ii-parte/> (дата обращения: 09.10.2025)
20. Шамбаров В. Е. Быль и легенды Запорожской Сечи. Подлинная история малороссийского казачества. М. : ООО «ТД Алгоритм», 2017.
21. Буровский А. М. Византийская цивилизация. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2022.
22. Ehlers C. Die Bestattung Ottos IV in der Braunschweiger Stiftskirche St. Blasius im Kontext der deutschen Königgrablegen. Tradition oder Innovation? // Otto IV: Traum vom welfischen Kaisertum. Petersberg : Imhof, 2009. S. 289–295.
23. Моусова Е. История крестовых походов. М. : АСТ ; Санкт-Петербург : Астрель-СПб, 2010.
24. História de Portugal: Reis e Dinastias. URL: https://www.academia.edu/41576922/Hist%C3%B3ria_de_Portugal_Reis_e_Dinastias/ (дата обращения: 21.05.2024)

«LEYES DE MOROS» КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК КАСТИЛИИ XIV ВЕКА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СТРУКТУРА, КОНТЕКСТ

Е. А. Сидорович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, ekaterina.sidorovich@alum.uca.es*

Статья посвящена анализу юридического памятника XIV в. «Leyes de moros», представляющего собой адаптацию исламского правового текста к социально-политическим реалиям Кастильской короны. На основе историографических работ испанских арабистов и издания Королевской академии истории рассматриваются происхождение, структура и язык сборника. Данный юридический памятник является переработкой маликитского трактата *Kitab al-Tafrī*. Особое внимание уделено гражданско-правовой направленности текста, исключаяющей ритуальные предписания шариата, и особенностям альхамиядо, в котором соединяются кастильская лексика и арабские термины. «Leyes de moros» рассматривается как свидетельство правовой аккультурации и взаимодействия исламской и христианской традиций в поликонфессиональном социальном пространстве Кастилии XIV века.

Ключевые слова: Кастилия; мудехары; фикх; альхамиядо; правовая культура; маликитский мазхаб.

Юридический памятник «Leyes de moros» (в пер. с исп. – «Законы мавров») представляет собой уникальное свидетельство правовой аккультурации [1] мусульманского меньшинства Королевства Кастилия и Леон эпохи позднего Средневековья. Значимость этого текста не ограничивается рамками истории права: в нём прослеживаются сложные процессы преобразования исламской традиции под властью христиан – сочетание различных культурных и языковых элементов, взаимное влияние правовых систем и адаптация фикха к новым условиям XIV в.

Научный интерес к «Законам мавров» восходит к публикации Королевской академии истории Испании [2] в середине XIX века. Данный трактат представляет собой анонимное кастильское сочинение без даты, которое по палеографическим признакам П. де Гайанос отнёс к XIV в. [2, р. 3]. Издание основывалось на копии, выполненной около 1794 г. по заказу академика М. Абельи, в то время как оригинал считался утраченным. Однако современные исследования внесли существенные коррективы в представления о судьбе рукописи: оказалось, что оригинальный манускрипт, долгое время считавшийся безвозвратно потерянным, был обнаружен в Швеции – в Университете Уппсалы, среди архива шведского испаниста Г. Тиландера.

До появления фундаментального труда Х. Лопеса Ортиса «Мусульманское право» в 1932 г. [3] «*Leyes de moros*» оставался единственным известным трактатом исламской юриспруденции на романсе — староиспанском языке. Выдающийся историк Э. де Инохоса и Наверос отметил влияние римского права на формирование мусульманского законодательства в Испании [4, р. 320], особенно в вопросах наследования и договоров. А Х. А. Санчес Перес, изучавший мусульманское право, впервые обратил внимание на совпадения между «Законами мавров» и трактатом *Kitab al-Tafrī* (араб. كتاب التفریع), созданного маликитским правоведом Ибн аль-Джаллабом в X в., выявив структурное сходство отдельных титулов и терминов [5]. Позднее С. Аббуд-Хаггар в своей докторской диссертации и последующих публикациях подтвердила эту гипотезу, доказав, что «*Leyes de moros*» представляет собой перевод и адаптацию *al-Tafrī*, выполненную в кастильской мудехарской среде и опирающуюся на принципы маликитского мазхаба [6].

Объектом данной статьи является памятник кастильского права XIV в. «Законы мавров» как текст, отражающий взаимодействие исламской и христианской правовых традиций в условиях поликонфессионального социального пространства позднесредневековой Кастилии. *Предметом* исследования выступают структура, язык и правовое содержание данного сборника законов, рассматриваемые в контексте трансформации фикха и его адаптации в среде кастильских мудехаров. *Цель* работы — раскрыть характер и значение «*Leyes de moros*» как юридического и культурного феномена, демонстрирующего процессы синкретизма и аккультурации в среде мусульманских общин, находившихся под властью кастильской короны в XIV в.

Методологическая база нашего исследования объединяет **аналитический, компаративистский, лингвистический и хронологический подходы**, что обусловлено его междисциплинарным характером. Применение **аналитического метода** предоставило возможность подробно рассмотреть структуру и содержание сборника, выявить внутреннюю логику расположения титулов и их корреляцию с практическими потребностями мудехарских общин. **Компаративистский метод** применён для сопоставления «*Leyes de moros*» с другим юридическим корпусом — арабским трактатом *al-Tafrī* Ибн аль-Джаллаба. Такое сопоставление позволило определить формы адаптации норм шариата и специфику включения мусульманских юридических категорий в структуру кастильского права. **Лингвистический инструментарий** в исследовании выражен в акценте на язык как на форму юридического мышления. Изучение аль-хамиядо-гибридности текста и взаимодействия старокастильской лексики с арабской терминологией дало возможность рассматривать источник как

продукт **правовой билингвальности**. И, наконец, **хронологический принцип** использован для соотнесения текста сборника с этапами эволюции кастильского законодательства XIII–XIV вв., что позволило выявить историческую динамику юридической адаптации мусульманских норм и контекст их перевода на старокастильский язык.

Появление мусульманской общины в Кастилии стало следствием территориальной экспансии христианских королевств в ходе Реконкисты. После завоевания Толедо в 1085 г. Альфонсо VI и закрепления королевской власти в Кастилии-ла-Нуэве, Эстремадуре и частично Андалусии значительная часть мусульманского населения предпочла остаться, приняв статус подданных короны. Эти мусульмане, или мудехары (араб. *مدجن* – «укрощённый») [7, р. 425], сохраняли веру, религиозные обычаи и внутренние общинные структуры, находясь в то же время под контролем христианской администрации. Их правовое положение определялось как системой *ius municipale*, так и особыми грамотами — капитуляциями (исп. – *capitulaciones*, *pleytos*), предоставленными монархом после завоевания конкретного города местным иноверцам. Данные документы гарантировали свободу культа, неприкосновенность имущества и ограниченную судебную автономию в обмен на признание верховной власти монарха и выплату налогов. Таким образом, мудехарские общины представляли собой пространство двойной принадлежности – исламской по культуре и христианской по внешней юрисдикции. Именно в этой среде возникла необходимость в адаптации исламского права к кастильской правовой системе.

В историографии традиционно «*Leyes de moros*» рассматривается как свод норм права, созданный в среде кастильских мусульман и записанный на кастильском языке с отдельными транслитерированными арабскими терминами. С лингвистической точки зрения период создания данного памятника совпадает с эпохой глубокой языковой трансформации Кастилии, когда официальное делопроизводство и законодательство переходили с латыни на старокастильский язык. Этот процесс был инициирован при Фернандо III Святом (1217–1252) и получил дальнейшее развитие при его сыне Альфонсо X Мудром (1252–1284), чьи реформы, направленные на кодификацию и унификацию *ius commune* («*Siete Partidas*»), окончательно закрепили романсе в качестве языка светского законодательства. Наконец, при Альфонсо XI (1312–1350) была проведена систематизация правовой системы Кастилии.

В ходе данной политики этот монарх добился кодификации источников права и установил чёткую иерархию юридических норм: первое место занимали королевские ордонансы как прямое выражение воли монарха; второе – местные фуэрос, сохранявшие действие обычного права от-

дельных городов и общин; а в качестве консультативного общего права признавались «Семь Партид» [8].

В русле более широкой тенденции к унификации правового пространства Кастильской короны в XIII–XIV вв. были предприняты шаги по переводу и систематизации правовых норм, регулирующих жизнь мудархарских общин, с арабского языка на старокастильский. Эта работа имела не только административное значение, но и выражала стремление вписать мусульманское население в общее юридическое поле королевства, позволяя при этом сохранять их собственные правовые традиции в адаптированной форме. Таким образом, перевод и адаптация норм стали инструментом интеграции, обеспечивая баланс между политическим верховенством короны и внутренней автономией общин.

Трактат, положенный в основу «Законов мавров», систематизировал совокупность производных, конкретных норм исламского права на основе общих принципов и служил практическим руководством для судей в Андалусии и Магрибе. Сравнительный анализ арабской и кастильской версий выявил структурные расхождения, интерполяции и поздние добавления, отражающие динамическую рецепцию исламского права в христианской юрисдикции.

«Законы мавров» характеризуются редукцией ритуально-богословских разделов шариата: в нём отсутствуют нормы, касающиеся культа, и сохранены лишь положения гражданского права. Эта специфика исторического источника может свидетельствовать о сознательной адаптации исламских правовых принципов к кастильской юридической системе при сохранении внутренней логики фикха.

Сборник включает 307 титулов [2, р. 11–235], систематизированных по тематическому принципу, которые соответствуют 11 книгам *al-Tafrī*. Его содержание охватывает ключевые разделы частного и процессуального права: в неё входят нормы, регулирующие брачные и семейные отношения, торговые сделки и имущественные обязательства, уголовные правонарушения и наказания, судебные процедуры и свидетельства, а также долговые и наследственные вопросы. Структура сборника свидетельствует о компилятивном и интертекстуальном характере текста: некоторые главы воспроизводят арабский оригинал почти дословно, другие – сокращены и перетолкованы. Важной чертой памятника является его практическая направленность: многие нормы подробно разъясняют порядок сделок, найма, аренды, долговых обязательств и взаимодействий с «чужими» – христианами и евреями. Более того отдельные положения относительно хозяйственной деятельности несут в себе потенциал реконструирования экономической жизни мусульманской общины. Таким образом, данный юридический текст может использоваться в качестве

внутреннего источника по социально-экономической истории кастильских мудехаров.

Язык памятника демонстрирует гибридную билингвальную природу, характерную для письменной культуры мудехаров, существовавшей на пересечении исламского и кастильского миров. В тексте сочетаются староиспанская лексика и арабская терминология, что отражает процесс глубокой лексической и культурной интерференции, которую известный русский лингвист Н. С. Трубецкой характеризовал как формирование *Sprachbund* – языкового союза, возникающего в результате длительного и интенсивного контакта между разными этнокультурными общинами [9, р. 17-18]. Например, *açidaque* (от араб. الصَّدَاق – брачный дар), *annafasa* (от араб. النفقة – содержание, алименты), *alquilar* (от араб. الإجارة – наём, аренда). Такая языковая ситуация отражала условия билингвизма и правового синкретизма, когда мусульманские нормы сохранялись в переводе на язык, понятный кастильской администрации.

Это является свидетельством того, как перевод и правовой дискурс становились средствами кросс-культурного юридического синтеза, обеспечивая сосуществование различных правовых систем в рамках единого политического пространства.

Таким образом, значение юридического памятника «*Leyes de moros*» заключается в его синкретическом и многоуровневом характере. Этот текст объединяет три пласта исторической реальности: исламскую правовую мысль, кастильскую законодательную практику и живой язык мудехарской повседневности. В нём проявляется правовой и культурный синкретизм, свойственный пограничным сообществам [10, с. 187], где разные традиции не противопоставляются, а вступают в диалог и взаимную интерференцию. Он позволяет реконструировать не только юридическую систему, но и ментальную географию многоуровневого пограничного мира, в котором последователи ислама и христианства сосуществовали в едином, хотя и внутренне дифференцированном, социальном пространстве.

Библиографические ссылки

1. Glick T. F. Acculturation as an Explanatory Concept in Spanish History / T. F. Glick // Comparative Studies in Society and History. 1969. Vol. 11, No. 2. P. 136–154.
2. Tratados de legislación musulmana: 1. Leyes de moros, del siglo XIV. 2. Suma de los principales mandamientos y devedamientos de la ley y çunna. Madrid : Real Academia de la Historia, 1853.
3. López Ortiz J. Derecho musulmán. Barcelona : Labor, 1932.

4. *Hinojosa y Naveros E.* Historia del Derecho romano, según las más recientes investigaciones: en 2 t. / E. Hinojosa y Naveros. Madrid : Imprenta de la Revista de Legislación, 1880-1885. T. 2.
5. *Sánchez Pérez J. A.* Partición de herencias entre los musulmanes del rito malequí con transcripción anotada de dos manuscritos aljamiados. Madrid, 1914.
6. *Abboud Haggag S.* Las Leyes de moros son el escrito de Al-Tafri' // Cuadernos de Historia del Derecho. 1997. № 4. P. 163–201.
7. *Dozy R.* Supplement to Arabic Dictionaries (Supplément aux dictionnaires arabes) / R. Dozy. Leyde : Brill, 1927.
8. Ordenamiento de leyes que d. Alfonso XI hizo en las Cortes de Alcalá de Henares el año de mil trescientos y quarenta y ocho. Madrid : D. J. Ibarra, impresor de camara de S. M., 1774. p.
9. Actes du premier Congrès international de linguistes à La Haye, du 10–15 avril 1928 // Congrès international des linguistes. Leiden : A. W. Sijthoff, 1928. P. 17–18.
10. *Варьяш И. И.* Переживание контактов в средневековой Испании // Испанский альманах. Вып. 1: Власть, общество и личность в истории. М. : Наука, 2008. С. 187–194.

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

РЫНОК НЕДВИЖИМОСТИ В ГОРОДЕ ТАБОРЕ В ЭПОХУ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Н. С. Соколов

*Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник, ул. Нижне-
Покровская, 22, Полоцк, Беларусь, 17is.sakalou.m@pdu.by.*

В статье рассматривается рынок недвижимости города Табора в эпоху Тридцатилетней войны. Анализируются спрос и предложение на рынке в данную эпоху. Выясняется стоимость недвижимости и её изменчивость.

Ключевые слова: Табор; Тридцатилетняя война; рынок недвижимости; спрос и предложение.

Изучение истории рынка недвижимости является весьма актуальной темой, которой уже много лет занимаются в различных странах.

Если говорить о чешской историографии, то помимо традиционной для любой страны темы в изучении экономической истории, а именно ремесла, она занимается изучением налогов, кредитного рынка, внешней торговли.

Однако изучением рынка недвижимости она занимается в гораздо меньшей степени и фактически данная тема практически не изучена.

Если говорить об изучении этого вопроса касательно города Табора, то в первую очередь стоит отметить Карла Тира. Данный исследователь посвятил ряд работ своему родному городу, в том числе и по истории старых домов города. В своём двухтомном издании он разместил информацию о всех домах, включая также всех их владельцев за весь период существования города [1; 2].

Правда, данная работа ценна больше как источник, т. к. К. Тир не ставил себе задачи серьёзного анализа.

В другой своей работе, посвящённой городским укреплениям, он разместил хронику событий города, в том числе и периода Тридцатилетней войны. В ней он привёл ценные известия о количестве домов и их распределении между городскими кварталами, а также о налогах, выплачиваемых с них [3, s. 113].

Помимо этого он привёл и данные о количестве населения города в конце войны, а также количестве заселённых и пустующих домов.

Но здесь он не приводил цены, и в целом уделил данному вопросу немного внимания. Его главной целью было показать опустошение города, и одним из примеров была его незаселенность.

Помимо К. Тира, данную тему затронул и Франциск Славик, который в своей работе, посвящённой Табору, привёл примеры стоимости домов в городе в начале Тридцатилетней войны [4, s. 84]. Но снова данной теме было уделено совсем немного внимания.

Из современных исследователей, занимавшихся изучением города в рассматриваемую эпоху, стоит отметить Томаса Стернека [5]. Исследователь посвятил свою работу Табору в эпоху Тридцатилетней войны, однако в основе рассматривал политические и военные действия, а экономические аспекты не получили серьёзного изучения.

Таким образом, на данный момент сохраняется необходимость изучения рынка недвижимости Табора в эпоху Тридцатилетней войны, чему и посвящается данная работа.

Стоит рассмотреть и проблемные моменты изучения данной тематики. Несмотря на хорошую степень сохранности источников по данному вопросу, представленные торговыми книгами, созданными для фиксации сделок по недвижимости, существует ряд проблем.

Велись сразу несколько книг, но каждая из них могла вести своё количество времени. Одна книга могла охватывать небольшой период времени, но при этом содержать примерно такое же количество договоров, как книга, охватывающая более значительный промежуток. Некоторые книги пересекаются только отдельными годами. Из-за этого создаётся проблема получения реального уровня операций на рынке недвижимости в рассматриваемую эпоху. Ведь если начать выдёргивать из всех книг договора, то в какой-то период их можно накачать, а в другой наоборот убавить. К тому же сделки по купле-продаже недвижимости содержатся не только в торговых книгах. Они могут попасться в самых разных. В том числе и в самих торговых книгах попадаются договора по ссудным операциям, завещаниям и прочие, хотя по ним существовали отдельные книги.

Таким образом, наилучшим решением для исследования рынка недвижимости является использование по отдельности только тех книг, которые охватывают весь изучаемый период времени.

Поэтому данная работа основана на торговой книге города, охватывающей период с 1616 по 1709 год [6].

Мы разбили рассматриваемую эпоху на 6 частей. Последняя по охвату немного больше, чем остальные, т. к. в конце войны, спрос на куплю-продажу недвижимости сократился до минимума.

С момента начала войны спрос на недвижимость резко сократился, что не вызывает удивления. Начало боевых действий и продолжительная осада Табора явно не способствовали развитию данного типа операций. Уже после победы императора Фердинанда II очень медленно, но уверенно, начинается рост, пик которого достиг в середине 30-х гг., закончившись также уверенным падением, которое было ещё более сильным, чем в начале рассматриваемого периода.

Несмотря на сильное падение спроса в начале войны, цены сохраняли стабильность, а с увеличением спроса на недвижимость также начали увеличиваться. При последующем падении спроса они в начале тоже резко упали, а потом резко поднялись. Однако, с учётом количества договоров, однозначно говорить о росте всё же не стоит. Необходимо отметить, что все сделки по купле-продаже недвижимости в городе Таборе в эпоху Тридцатилетней войны проводились в мейсенских грошах, только однажды сделка была скреплена в рейнскими золотыми.

Нельзя забывать и про инфляцию, которая стала расти ещё до войны, а во время неё лишь возросла.

Как мы видим, спрос за весь рассматриваемый период времени был весьма нестабильным. Спад вначале сменился ростом в первой половине 30-х гг., а уже во второй половине – серьёзным спадом. При этом цены в этот момент начинают расти. Однако они не достигли уровня начала войны. При этом спрос является эластичным по цене.

Вызвано это было событиями, связанными как с войной, так и с проводимой после Белой горы политикой.

Табор, как и все города, подвергся репрессиям со стороны королевской власти. Помимо этого, были размещены и войска, содержание которых ложилось на плечи горожан. Конфискации имущества, непомерные налоговые выплаты, религиозное угнетение, связанное с политикой рекатолизации, насилие со стороны солдат вынуждали жителей города мигрировать. В результате, уже после войны в 1651 году, на 184 заселённых дома приходилось 165 пустых [3, s.184]. При этом всё население Табора составляло 858 человек, т. е. в среднем на один дом приходилось по 2,5 человека. Что говорит об отсутствии детей во многих семьях, а также является признаком серьёзного обеднения. Из всех имеющихся данных видно, что демографическая ситуация, сложившаяся после войны, была катастрофой.

В связи с серьёзным сокращением населения и его обеднением, а также наличием большого числа пустующих домов, спрос на покупку недвижимости резко упал. Стоит отметить, что при этом предложение к концу войны чисто физически возросло. Если на начало войны общее

число домов составляло 289, то на конец их было 349. Это ещё больше поспособствовало упадку рынка.

Однако почему начала расти цена? Стала ли инфляция единственной причиной?

Для начала нужно не забывать и о весьма маленьком количестве сделок, чтобы можно было точно судить о росте цен. Но прежде чем ответить на данный вопрос, необходимо разобрать ещё один важный момент.

Им является элитность кварталов города и социальное расслоение. Так, на 1621 год в Новобранском квартале на начало войны было 74 дома, при этом с них налогов поступало только 0,10% от их общего количества. В Садовом квартале было 83 дома, а налогов поступало 0,070%. При этом в Клотском квартале было 61 дом, но на них приходилось 57,5% налогов. В Хотсовском квартале имелось 71 дом, на который приходилось 42,4% налогов [3, s. 113].

Из этого следует, что на два из четырёх кварталов приходились по сути все городские налоги, однако это не означает, что в этих кварталах общая сумма была распределена равномерно. Сам Тир отмечал, что большая часть горожан налогами не облагалась [3, s. 113]. Многие платили мало, а некоторые и вовсе ничего, из чего Тир делает выводы, что хозяева домов были либо мертвы, либо сбежали из города.

Таким образом, лишь небольшой процент горожан, принадлежавших к верхней прослойке, живущий в Клотском и Хотсовском районе (которые можно называть элитными кварталами), оплачивали основную часть налогов.

А что мы видим на рынке недвижимости? Насколько он был элитарным, если большая часть населения не могла себе позволить даже выплату налогов?

Для измерения социального неравенства обычно используется индекс Джини.

Для этого мы тоже решили применить индекс Джини, но немного по-другому. Мы рассмотрим социальное неравенство на примере купли/продажи недвижимости. Для этого мы разбили цены домов на четыре части: от 500 до 1000 коп мейсенских грошей и выше. Это были самые дорогие дома. От 200 до 500 коп мейсенских грошей. Эта группа представляет дома для довольно зажиточных, но не самых богатых людей города. Третья группа – от 100 до 200 коп мейсенских грошей. Данная группа включает в себя уже дома для не особенно зажиточных горожан, но и не бедных. Четвёртая группа включает самые дешёвые дома, которые могли быть даже заброшенными. Их стоимость – до 100 коп. Это были уже дома для бедных.

Собрав все договора за первое десятилетие и распределив их по данным группам, получилось, что на сделки по самым дорогостоящим домам приходилось 20%, на сделки по зажиточным – 32,7% и столько же по средней стоимости. На самые бедные дома приходилось 14,5%.

Таким образом мы видим, что больше 60% сделок приходилось на дома не самые дорогостоящие и не самые бедные. Это дало индекс Джини в 0,37, который является хорошим уровнем для современных развитых стран. Безусловно нельзя полученные данные интерпретировать как низкое социальное расслоение в городе. Необходимо понимать, что раз большая часть населения не платила налогов, то вряд ли у них нашлись бы деньги на покупку недвижимости, тем более элитной. Тем больше у человека доход, тем лучшее он бы для себя приобретал. Всего за десять лет было совершено 55 покупок домов разной стоимости и меньше четверти из этих покупок приходится на дома самого низкого качества. Однако это говорит нам о том, что даже часть явно небогатой группы населения могла себе позволить купить хоть и простенький, но дом, благодаря чему мы видим относительное социальное равенство на рынке недвижимости. Тем не менее для большинства населения доступ на рынок недвижимости был в лучшем случае доступен в качестве продавца, а не покупателя. Однако изменилось ли что-нибудь из этого в конце Тридцатилетней войны?

Мы взяли последнее десятилетие и распределили его таким же образом. Ниже приводится сравнительная таблица:

Группы населения по уровню покупательской способности за первое и последнее десятилетие

1618-1628 гг.	1638-1648 гг.
Самые богатые дома 20%	Самые богатые дома 4,4%
Богатые дома 32,7%	Богатые дома 52,2%
Средней стоимости 32,7%	Средней стоимости 21,7%
Дома самого низкого качества 14,5%	Дома самого низкого качества 21,7%

Из таблицы видно, что сделки на покупку дорогих домов резко сократились, при этом количество сделок на покупку самых дешёвых домов наоборот увеличилось. Это показывает понижение уровня доходов и покупательской способности. Самые богатые люди города стали покупать простое жильё, достойное и стоящее чуть дешевле, что и привело к сильному увеличению доли сделок на дома для зажиточных людей. Однако если по данным сделкам сравнить общую долю богатых и зажиточных и общую долю средних и бедных, то получится, что первые увеличились в своём количестве, а другие уменьшились.

Людей менее богатых стало меньше среди участников в сделках на рынке недвижимости, хотя и незначительно. Однако если мы ещё посчитаем индекс Джини по той же схеме, что и по первому десятилетию, то получим результат в показателе 0,49. Социальное расслоение выросло на 32,4% или в 1,3 раза. При этом количество сделок по купле/продаже упало на 58,2% или в 2,4 раза.

Если эти данные сопоставим с вторым десятилетием, то мы лишь увидим плавное изменение:

Таким образом, можно сказать, что цены начали повышаться за счёт уменьшения доли менее зажиточной части населения. В результате выросшая группа богатой части населения старалась покупать более дорогостоящие дома, и это подняло медианную цену. При этом из-за упадка спроса в целом цена не смогла даже вернуться на начальный этап.

В итоге получается картина, в которой в результате войны, репрессий, конфискации, рекатолизации, сильного превышения предложения над спросом, рынок недвижимости к концу войны рухнул.

Осталось разобрать последний аспект, а именно сезонность сделок. В какое время года дома покупали больше?

Если в начале Тридцатилетней войны самыми популярными месяцами для купли/продажи домов были январь и февраль, то в конце самыми популярными месяцами стали август, ноябрь, апрель.

Если рассматривать за весь период в целом, не разбивая на десятилетия, то самыми популярными месяцами для сделок являются июнь, январь, август, октябрь, ноябрь, апрель.

Как мы видим, дома активно покупали как зимой, так и летом и осенью. Только весной данный тип операций был не очень популярен. Поэтому в целом можно говорить, что сезонность не являлась влияющим фактором на сделки недвижимости.

Таким образом, за период Тридцатилетней войны рынок недвижимости в городе Таборе рухнул. Причинами послужили репрессии, эмиграция, сильное превышение предложения над спросом. Огромная инфляция, которая разразилась в Чехии ещё до войны, а во время достигла своего пика, из-за сильно упавшего спроса, не смогла особенно повлиять на цены. Фактор сезонности тоже не имел никакого влияния. Во-первых, спрос на покупку недвижимости в городе имелся во все поры года, а во-вторых, цены не зависели от роста спроса так очевидно, как по логике должно было быть. На рынок недвижимости доступ имелся у всех слоёв населения, кроме самых нищих.

Правда, если в начале в купле/продаже преобладали зажиточные и люди среднего достатка, то в конце в основном зажиточные. Доля низших слоёв сокращалась.

Библиографические ссылки

1. Thir K. Staré domy a rodiny táborské. Na památku založení města před pěti sty léty. D. 1. Tábor : Nákl. obce kral. města Tábora, 1920.
2. Thir K. Staré domy a rodiny táborské. Na památku založení města před pěti sty léty. D. 2. Tábor : Nákl. obce kral. města Tábora, 1920.
3. Thir K. Hradiště hory Tábor jako pevnost v minulosti. Tábor : Nákl. obce kral. města Tábora, 1895.
4. Slavík F. Panství Táborské: a bývalé poměry jeho poddaných. Tábor : Nákl. K. Janského, 1884.
5. Sterneck T. Táborská pevnost za třicetileté války: (dobývání města v letech 1620-1621 a 1648). České Budějovice : Bohumír Němec - Veduta, 2025.
6. Kniha trhová 1616–1709. URL: <https://digi.ceskearchivy.cz/130730/1> (дата обращения: 25.03.2025).

ВЛИЯНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИЕРАРХИИ НА ЦЕРКОВНУЮ ПОЛИТИКУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XV – НАЧАЛА XVI в.

Д. О. Рубисов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, danniil.rubisov@mail.ru*

Ключевой проблемой взаимоотношений католической и православной церквей в ВКЛ в XV – начале XVI вв. была практика повторного крещения (*rebaptizatio Ruthenorum*) при переходе из православия. Несмотря на Флорентийскую унию 1439 г., местное католическое духовенство активно противостояло литургической автономии православных. Попытки как монархов, так и православной церковной иерархии найти решение противоречия через обращение в Рим наталкивались на сопротивление католического духовенства внутри государства.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; Киевская митрополия; католическая иерархия; православная иерархия; церковная уния.

Отличительной чертой ВКЛ является ее поликонфессиональность. С конца XIV века одним из ключевых событий в ВКЛ стало закрепление на государственном уровне привилегированного статуса католической церкви. Наличие верховной иерархии в ВКЛ, более того, привилегированное на законодательном уровне положение адептов/верующих латинского обряда, не могло не привести к контактам и влиянию на православную церковь ВКЛ. Одной из подобных проблем XV – начала XVI вв. стал вопрос требования от католических иерархов повторного крещения при переходе из православия в католичество, т. н. «*rebaptizatio Ruthenorum*». В 1422 г. повторное крещение приняла вторая супруга короля польского Владислава-Ягайло Софья Гальшанская [7, с. 256]. Повторно были крещены супруги Витовта Анна (вероятно, дочь Святослава Ивановича Смоленского), а также княжна Ульяна [7, с. 256]. По всей вероятности, даже Ягайло был крещен повторно при переходе в католичество [5, с. 152].

Проблему существования на территории ВКЛ двух отдельных Церквей, а именно вопроса взаимного «недоверия», попытались разрешить Владислав-Ягайло и Витовт посредством обращения к папе. В послании отцам собора от 25 августа 1417 г. Витовт и Ягайло просили рассмотреть вопрос о перекрещивании, ссылаясь на авторитет польских теологов, поддерживали убеждение в действительности крещения в Восточной Церкви, а также обращали внимание, что повторное крещение

отталкивает «русинов» от перехода в католичество и затрудняет работу миссионеров [10, s. 82; 5, с. 152].

На собор в 1418 г. прибыл представитель Восточной Церкви, Григорий Цамблак, в рамках униатской политики монархов. Митрополит поддерживал универсальный подход и равенство обрядов [5, с. 156]. Не известна реакция собора на послание Витовта и Ягайло, однако подобный взгляд не был принят польским католическим духовенством [10, s. 82]. Униатский проект монархов, знакомых с восточным обрядом, не видевших проблем в сохранении литургической автономии, не увенчался успехом.

Взаимное «недоверие» двух обрядов имело к тому времени уже долгую историю. В католических текстах времен Ягайло зачастую термин «неверный» (*infidelis*) употребляется как синоним русина-схизматика [14, s. 176]. В условиях провала унии политика Ягайло изменилась в направлении укрепления доминирования Католической Церкви [14, s. 176]. Конфликт приобрел особое значение в период заключения Ферраро-Флорентийской унии в 1439 г. и после нее. На момент проведения Ферраро-Флорентийского собора (1438–1445 гг.), где активно разбирался вопрос церковной унии с представителями восточного христианства, католическая церковь не являлась единой. Еще до начала действия собора во Флоренции свою работу начал Базельский собор (1431–1449 гг.). Участники собора 25 июня 1439 г. лишили сана папу Евгения IV, а 5 ноября избрали нового папу Феликса V.

До 1434 г. официально польское государство и его католические иерархи по политическим причинам поддерживали папу Евгения IV. После раздвоения Собора на Базельский и Феррарский польское правительство объявило нейтралитет и не разорвало отношения с папой [13, s. 212]. В ВКЛ *de-facto* главой Католической Церкви был виленский епископ Матей из Троков, во многом сторонник Базельского собора. Послания самого Собора свидетельствуют, что епископ Матей был проинформирован о низложении Евгения IV [12, s. 177–178].

Во Флоренции акт унии в 1439 г. подписал киевский митрополит Исидор, возведенный папой Евгением IV в достоинство кардинала и папского легата. Обратный путь Исидора в подвластную ему Киевскую митрополию с собора пролегал через Польское Королевство и ВКЛ. В 1440 г. митрополит прибыл в Буду, где издал окружное послание, призывая католиков к терпимости и беспристрастности к православным [5, с. 175].

По прибытии в Польшу Исидору было разрешено отслужить мессу по восточному обряду в Кракове [5, с. 176]. Летом 1440 г. киевский митрополит был уже в ВКЛ. Решающий голос по вопросам унии имел виленский епископ. Наличие собственного, к тому же несовершеннолетне-

го, монарха позволяло Матею из Трок не ориентироваться на польскую позицию. Виленский епископ практически парализовал деятельность Исидора на землях ВКЛ и Ливонии.

Церковная уния угрожала финансовому обеспечению Виленской диоцезии. Местные православные жители платили церковную десятину в епископскую казну. Объединение церквей приводило к необходимости разделить юрисдикции иерархов, при потере католической стороной значительной части доходов [13, с. 234].

Позже, после урегулирования ситуации в Католической Церкви при Евгении IV и Мартине V, будут начаты судебные процессы против католической иерархии. Кардинал Исидор организует судебный процесс против Матея из Трок по обвинению в провале унии: перекрещивание православных, нарушение канонической территории диоцезии. По материалам процесса виленский епископ имел контакты с Москвой [4, с. 79].

Заключение церковной унии в 1439 г. не могло изменить ситуацию с требованием повторного крещения со стороны католического духовенства. Проблема лежала в неоднозначной трактовке положений Флорентийской унии: от номинального признания папы главой церкви до четко артикулированной догматической эмблематики [6, с. 43]. В ВКЛ католическое духовенство заняло позицию, признающую только латинскую форму обрядов [9, с. 235].

Вопрос о непризнании крещения имел место и при поставлении римским понтификом Пием II в 1459 г. митрополита Григория Болгарина. В присяге виленского епископа Яна Лосовича от 4 мая 1468 г. сказано: «Всех еретиков, схизматиков и мятежников против государя и его наследников, как только сможет, преследовать и с ними бороться» [6, с. 44]. Также Казимир Ягеллончик о необходимости основать монастыри отцов-бернардинцев писал папе, дабы они привели к единству церкви «еретиков и схизматиков», которых в ВКЛ было еще много [6, с. 44].

В 1467–1469 гг. выходец из ВКЛ Александр Солтан предпринял путешествие по Европе, где был удостоен аудиенции папы Павла II и по ее результатам принял церковную унию. Также известно свидетельство, данное брату Александру Ивашке Солтану от папы Сикста IV от 1471 г., где римский понтифик позволяет без повторного крещения («*sine baptismatae*») стать католиком восточного обряда [6, с. 45]. Позиция Ватикана не оказалась решающей.

Александр Солтан, не имея свидетельства о переходе в католическую веру, был обруган местным священником, когда подошел к Причастию в кафедральном соборе Св. Станислава [6, с. 45].

Категорическое противление литургической традиции православных со стороны католического духовенства ВКЛ поставило православ-

ное сообщество перед фактом, что эти вопросы необходимо решать через непосредственные контакты с Римом. В 1476 г. киевский митрополит Мисаил направил послание папе Сиксту IV.

В послании декларировалось признание постановлений Флорентийской унии 1439 г., признавалось Исхождение Святого Духа не только от Отца, но и от Сына, но при этом осуждалась практика повторного крещения, проводимая местными католическими иерархами. Исследователями, в частности Н. Грушевским и И. Мончаком, было отмечено, что основной целью документа могла быть именно проблема притеснения со стороны местного католического духовенства [5, с. 206; 1, с. 533].

При этом сама уния понималась в послании Мисаила достаточно широко, учитывая равенство традиций и обрядов восточных христиан с западной церковью [1, с. 534; 2, с. 70]. Автономистская позиция восточных христиан ВКЛ в литургическом плане никак не могла быть принята высшим католическим духовенством ВКЛ. В своем исследовании Н. Заторский выдвигает предположение, что первое послание митрополита Мисаила 1474 г., недошедшее до нас, вполне вероятно, не дошло и до адресата, папы Сикста IV. По мнению исследователя, причиной этого стало то, что посол, который должен был доставить послание в Рим, Антонио Бонумбре, разделял взгляды католического духовенства ВКЛ [3, с. 36]. В целом папский легат Антонио Бонумбре так и не доехал до Рима, занявшись вопросами померанской диоцезии [3, с. 34–35].

Римский понтифик не дал конкретного ответа, ограничившись буллой. Тем не менее, это не изменило коренным образом ситуацию с повторным крещением в ВКЛ, поскольку последующие митрополиты ВКЛ получали свое утверждение в Константинополе. Победой монарха стало избрание во второй половине XV в. митрополитов – выходцев из ВКЛ и признание православным духовенством получения подтверждения у монарха всех выбранных впоследствии митрополитов. Подтверждение же со стороны патриархата являлось номинальным.

Идея универсальности Флорентийской унии не исчезла и в период предстоятельства митрополита Иосифа Болгариновича. Новый митрополит Иосиф был избран на киевскую кафедру 10 мая 1500 г. в присутствии патриаршего посла и местных епископов [2, с. 73–74]. При этом еще до своего восшествия на киевскую кафедру смоленский епископ, по всей вероятности, мог отправить послание патриарху Нифонту. До нас дошел только ответ патриарха. Основной смысл послания Иосифа можно реконструировать из ответного послания патриарха от 5 апреля 1498 г. В послании Иосиф жаловался на притеснения со стороны католического духовенства и желании их привести православных к унии [8, стлб. 267].

Можно предположить, что и Константинопольский патриархат, скорее всего, понимал унию именно в универсальном ключе, при котором никакие притеснения со стороны католического духовенства [5, с. 213]. Из ответа патриарха Нифонта следует, что Иосифу Болгариновичу следует на все вопросы со стороны католического духовенства отвечать, что он не может их решать без ведома Константинополя, но вполне допускается киевскому митрополиту принимать такую форму общения с католической церковью, при которой сохраняется восточный обряд в юридическом и литургическом аспекте [8, стлб. 269].

Возможно, именно этот универсальный принцип отношения к церковной унии, а также внутривосточная и внешнеполитическая ситуация в ВКЛ побудили митрополита Иосифа Болгариновича обратиться по этому вопросу в Рим. Уже 20 августа 1500 года митрополит Иосиф Болгаринович отправляет послание папе римскому Александру VI. Послание Иосифа во многом повторяет послание митрополита Мисаила 1476 г. В тексте, однако, отсутствует часть о притеснениях со стороны местного католического духовенства ВКЛ и перекрещивании. Однако, как известно из косвенных источников, папа Александр VI получил сведения об этом, вероятнее всего, от посла [5, с. 214–215].

Послание митрополита Иосифа Болгариновича было отправлено с родственником митрополита, принявшим ранее католичество, Ивашкой Сопегой. Его посольство прибыло в Рим 11 марта 1501 г., где к этому времени уже находился посол от польского короля (и, возможно, от виленского бискупа Войцеха Табора), каноник и декан виленской капитулы Эразм Циолек, который проявлял, по словам И. Мончака, большую активность для того, чтобы представить свое посольство от всех христиан ВКЛ [5, с. 217].

Возможно, из-за активности Эразма Циолека папа Александр VI не дал никакого специального ответного листа на послание митрополита Иосифа Болгариновича. По вопросам церковной унии римский понтифик дал две буллы: одну, адресованную виленскому бискупу Войцеху Табору (26 апреля 1501 г.), и вторую – великому князю Александру Ягеллончику (7 мая 1501 г.)

По своему содержанию эти послания можно считать ответом римского понтифика на послание Иосифа Болгариновича. Кроме того, в этих посланиях содержится то, что устно мог передать римскому понтифику посол Иван Сопега. Как заметил И. Мончак, римский понтифик и приближенное к нему духовенство не совсем так восприняли основной посыл послания митрополита Иосифа, интерпретировав его несколько иначе. Однако важным стало то, что в результате посольства Ивана Сопеги и Эразма Циолека в глазах папы предстала не две поместные церкви (во-

сточной Киевской и западной латинской), а практически одна церковь, которую возглавлял епископ виленский Войцех Табор. Но в этой церкви присутствует некое количество верующих «русинов», которые хотят объединиться с Римом, но единственной для них преградой является перекрещивание [5, с. 221–222].

Важно подчеркнуть, что послания папы Александра VI проливают свет и на отношение Рима к той форме унии, которую предлагает митрополит Иосиф Болгариневич. Из текста послания виленскому епископу Войцеху Табору известно, что римский понтифик не может принять под свое попечение киевского митрополита, поскольку тот принял подтверждение свое на митрополичий престол от Константинопольского патриархата [11, р. 177]. Из послания римского понтифика королю и великому князю Александру Ягеллончику уточняется, что для католической церкви тот Константинопольский патриархат, что находится под владычеством турок, давно отпал от общения с ними. В тоже время киевский митрополит Иосиф взял благословение не от истинного «Константинопольского патриарха», а от отпавших «схизматиков» [11, р. 181].

Можно предположить, митрополит Иосиф Болгариневич не совсем разбирался в той ситуации, которая сложилась в отношениях между Константинополем и Римом. Делая ставку на универсальность Флорентийской унии, митрополит Иосиф планировал сохранить автономию юридическую и литургическую своей митрополии от местного католического духовенства. При этом, попытки митрополита Иосифа решить вопрос с «*rebaptizatio Ruthenorum*». Как отмечает И. Мончак, само послание римского понтифика виленскому епископу Войцеху Табору не имело четкого запрета на повторное крещение, но предполагало лишь то, что повторное крещение не обязательно [5, с. 222].

Таким образом, важно отметить, что проблема «недоверия» со стороны католического духовенства ВКЛ к литургической автономии православных иерархов была главной магистралью их взаимоотношения, которая для римской курии, после заключения Флорентийской унии 1439 г. практически не являлась главной преградой. При этом в исключительных случаях это приводило к спорам католического духовенства ВКЛ с католическими иерархами Западной Европы. При этом для православного духовенства ВКЛ сохранение своей литургической автономии, особенно во второй половине XV – начале XVI вв. было главной задачей. Вполне возможно, что католическое духовенство в ВКЛ, приветствуя идею заключения церковной унии по латинскому образцу, вполне могло тормозить всякие попытки заключения церковной унии в ВКЛ, противостоя автономным тенденциям Киевской митрополии.

Библиографические ссылки

1. *Грушевський М.* Історія України-Руси : в 10 т. Т. 5. Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV-XVII в. Нью-Йорк : Видавниче Товариство «Книгоспілка», 1955.
2. *Гудзяк Б.* Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський Патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000.
3. *Заторський Н.* «Послання Мисаїла до папи Сикста IV» 1476 року : реконструкція архетипу. Львів : УКУ, 2018.
4. *Любы А. У.* Унутрыпалітычная барацьба ў Вялікім княстве Літоўскім у 30-40-ыя гг. XV ст. : дысэртацыя на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук : 07.00.02 : абаронена 23.11.06 : зацверджана 14.03.07. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Мінск, 2006.
5. *Мончак І.* Флорентійський екуменізм у Київській Церкві : Унійна ідея у помісній еклезіяльній традиції. Львів : УКУ, 2012.
6. На перехресті культур: монастир і храм Пресвятої Трійці у Вільнюсі. Вільнюс : Вільнюський університет, 2017.
7. *Полехов С. В.* Браки князя Свидригайла Ольгердовича // По любви, въ правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина. Сб. ст. М., 2014. С. 235–268.
8. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 39 т. СПб, 1872–1927. Т. 4.
9. *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М. : ЦНЦ Православная Энциклопедия, 2007.
10. *Chodyncki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska : zarys historyczny, 1370—1632. Warszawa : Kasa im. Mianowskiego Instytut Popierania Nauki, 1934.
11. Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae Illustrantia v.1 (1075-1700) / Coll. p. Athanasia Welykyj. Romae : Analecta OSBM : Series II, Sectio III, 1953.
12. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskie. T. 1., zeszyt 1 (1387–1468). Kraków : Komisja Historyczna Polskiej Akademii Umiejętności, 1932. .
13. *Lewicki A.* Unia florencka w Polsce. Kraków : Nakładem Akademii Umiejętności, 1899.
14. *Mironowicz A.* Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2003.

ПРЫМЯНЕННЕ НОРМАЎ ЗВЫЧАЁВАГА ПРАВА ПРЫ РЭГУЛЯВАННІ МАЁМАСНЫХ АДНОСІН НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў XVI–ПАЧАТКУ XVII ст.

Д. А. Бодрыкава

*Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, вул. Маскоўская, 15,
г. Мінск, Беларусь, daria.alekseyuk@gmail.com*

У артыкуле былі вызначаны асаблівасці прымянення нормаў звычайнага права пры рэгуляванні маёмасных адносін на тэрыторыі Беларусі ў XVI – пачатку XVII ст. Прааналізаваны змены ў выкарыстанні нормаў права пры рэгуляванні маёмасных адносін. Робіцца выснова аб паступовым выцясненні норм звычайнага права з рэгулявання маёмасных адносін у азначаны перыяд, звязаным з ускладненнем сацыяльна-эканамічных адносін у грамадстве і развіццём заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: маёмасныя адносіны; Вялікае Княство Літовскае; звычайнае права; заканадаўства.

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ОБЫЧНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В XVI–НАЧАЛЕ XVII в.

Д. А. Бодрикова

*Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15,
г. Минск, Беларусь, daria.alekseyuk@gmail.com*

В статье были определены особенности применения норм обычного права при регулировании имущественных отношений на территории Беларуси в XVI – начале XVII вв. Проанализированы изменения в использовании норм права при регулировании имущественных отношений. Делается вывод о постепенном вытеснении норм обычного права из регулирования имущественных отношений в указанный период, связанном с усложнением социально-экономических отношений в обществе и развитием законодательства Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: имущественные отношения; Великое княжество Литовское; обычное право; законодательство.

Перыяд XVI – пачатку XVII ст. з’яўляецца важным этапам у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага: канчаткова аформілася адміністрацыйна-тэрытарыяльна структура дзяржавы, магнацкае і шляхецкае землеўла-

данне, была распрацавана і прынята агульнадзяржаўная сістэма права і судовая сістэма. Асаблівую эвалюцыю ў дадзены гістарычны перыяд спазнала і прававое рэгуляванне маёмасных адносін: калі на пачатку XVI ст. звычайнае права яшчэ даволі шырока выкарыстоўвалася пры рэгуляванні маёмасных адносін, то ў другой палове XVI ст. – пачатку XVII ст. яго нормы былі паступова выцеснены і трансфармаваны пісаным правам. Звычайнае права было адной з найстаражытнейшых крыніц права у Вялікім Княстве Літоўскім і ўяўляла сабой сістэму няпісаных агульнапрынятых прававых нормаў, якія ўзніклі непасрэдна з грамадскіх адносін, існавалі і ўжываліся на працягу доўгага часу і былі зацверджаны і ўхвалены як грамадствам, так і дзяржаўнымі органамі ўлады. У Вялікім Княстве Літоўскім звычайнае права панавала да сярэдзіны XV ст., а потым пачало паступова выцясняцца пісаным правам, у якім многія нормы звычайнага права набылі форму закона ў выглядзе шматлікіх грамат, лістоў, прывілеяў, соймавых пастановаў, статутаў і іншых прававых актаў [15, с. 72].

Да вывучэння звычайнага права як крыніцы пісьмовага права ў Вялікім Княстве Літоўскім звярталіся на працягу апошніх стагоддзяў, як айчыныя і замежныя даследчыкі, прысвячаючы гэтай крыніцы права, як раздзелы сваіх манаграфій, так і асобныя навуковыя артыкулы. Да гэтай праблемы звярталіся ў сваіх публікацыях Т. І. Доўнар [3; 4], Я. А. Юхо [16; 17], Дз. В. Шчэрбік [14] і іншыя. Аналіз права “старыны” як сацыяльнага канцэпту ў прававых адносінах Вялікага Княства Літоўскага зрабіў А. І. Дзярновіч [2]. Асобная манаграфія, прысвечаная звычайнаму праву, належыць украінскаму даследчыку гісторыі права І. Б. Усенку [13]. Да вызначэння звычайнага права як крыніцы па шлюбна-сямейных адносінах звярталіся ў сваіх манаграфіях Г. В. Дзербіна [1] і Н. У. Сліж [10]. Аднак такі важны аспект, як рэгуляванне маёмасных адносін нормамі звычайнага права, асобна ў гістарыяграфіі не разглядаўся.

Звычайным правам у Сярэднявеччы рэгуляваліся ўсе праваадносіны ў грамадскім жыцці: абавязкі розных катэгорый насельніцтва, сямейна-шлюбныя, маёмасныя, крымінальныя і інш. На асобных тэрыторыях дзейнічала сваё рэгіянальнае, звычайнае права, якое вызначала асаблівасці існавання дадзеных тэрыторый. Вялікі князь быў вымушаны лічыцца са звычаямі асобных зямель пад час выдання абласных прывілеяў тэрыторыям Вялікага Княства Літоўскага (Полацкай, Віцебскай, Смаленскай і іншым землям) [8, с. 62–69, 167–172, 213–218]. З аналізу гэтых прывілеяў вынікае, што яны амаль што не давалі новых правоў асобным землям дзяржавы (часцей за ўсё былі ўдзельным княствам ці галоўным гарадам), а пацвярджалі існуючае права, у тым ліку адметныя мясцовыя звычаі, маёмасныя і асабістыя правы жыхароў

гэтых зямель. Абласныя прывілеі мелі галоўнай мэтай абарону інтарэсаў людзей пэўнай тэрыторыі, асабліва пры супярэчнасцях паміж вярхоўнай і мясцовай уладамі і перш за ўсё ў галіне падаткаабкладання і суда. Як адзначае Т. І. Доўнар «па сутнасці, яны былі мясцовымі законамі, у якіх утрымліваліся нормы звычайнага права, хоць ужо дастаткова і перапрацаванага» [4, с. 6].

Так у прывілеі Полацкай зямлі, выдадзеным вялікім князем літоўскім і каралём польскім Жыгімонтам Старым 23 ліпеня 1511 г. і пацверджаным іншымі вялікімі князямі ў 1547, 1580, 1593 гг., былі вызначаны некаторыя нормы грамадзянскага права, якія закраналі маёмасныя адносіны і адпаведна былі адлюстраваны ў прывілеях іншым землям: трыманне і распараджэнне вотчыннай маёмасцю; распараджэнне спадчынай пасля смерці ўласніка і інш [8, с. 167–172]. Таксама ў дадзеным прывілеі азначана, што вялікі князь абяцае судзіць палачан паводле норм мясцовага права і старых судоў не перасуджваць.

У прывілеі Віцебскай зямлі, выдадзеным вялікім князем літоўскім і каралём польскім Аляксандрам 16 ліпеня 1503 г. і пацверджаным іншымі вялікімі князямі ў 1509, 1541, 1547, 1561, 1582 і 1592 гг. былі замацаваны асобныя нормы грамадзянскага права, якія закраналі маёмасныя адносіны – недатыкальнасць набытай і спадчыннай маёмасці (арт. 2, 3, 4, 13, 23), права на распараджэнне маёмасцю (арт. 37) [8, с. 67–69], – якія таксама мелі ў аснове некаторыя мясцовыя нормы звычайнага права.

З кансалідацыяй зямель у Вялікім Княстве Літоўскім у XV–XVI ст., распрацоўкай агульнадзяржаўнага заканадаўства, звычайнае права паступова саступае пісьмоваму праву, ў якім некаторыя нормы звычайнага права набылі форму закона, або былі значна трансфармаваны. Так Статутам 1529 г. была прадугледжана, што пад час рагляду справы ў судзе пры адсутнасці пісанай законам нормы, трэба судзіць «подле старого обычая» [11, р. VI, арт. 5, 25]. Аднак у Статуце 1566 г. было ўжо адзначана, што суды павінны судзіць толькі на падставе пісанага права [5, р. I, арт. 1]. Статутам 1588 г. яшчэ дакладней было растлумачана выкарыстанне крыніц права і барацьба з розначытаннямі паміж пісаным статутным і звычайным непісаным правам: «Судзіць і сказываці... толькі водлуг сего статуту і артыкулаў, у ім апісаных... А гдзе бы чаго в том статуце не даставала, тады суд, прыхіляючыся да бліжшае справядлівасці водле сумлення свайго і прыкладам іншых праў хрысціянскіх то адправаваці і судзіці маець» [12, р. IV, арт. 54]. Як адзначае Г. Дзёрбіна, паводле Статута 1588 г. прыярытэт закону як крыніцы права быў неаспрэчны, а ў выпадку прагалу ў праве суддзі карысталіся субсідыярнымі крыніцамі хрысціянскага права (рымскім, саксонскім, магдэбургскім або кананічным) на падставе прынцыпу справядлівасці, які даваў магчымасць суддзям

улічыць тагачаснае праваразуменне і звычаі, якія здаўна існавалі ў грамадстве [1, с. 23].

Адметным з’яўляецца тое, што паралельна з дзеяннем агульнадзяржаўных норм права, на асобных тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага працягвалі распаўсюджвацца нормы абласных прывілеяў, нададзеных гэтым землям, у якіх да гэтага часу таксама працягвалі захоўвацца спасылкі як на статутныя нормы, так і на нормы звычайнага права [8, с. 67–69, 167–172].

Што датычыцца рэгулявання асобных відаў маёмасных адносін нормамі звычайнага і пісанага права, а таксама іх трансфармацыі і эвалюцыі на працягу XVI – пачатку XVII ст., то перш за ўсё трэба адзначыць, што пэўны час звычайнае права не прызнавала права ўласнасці на зямлю, а толькі права на ўладаранне ёй на час карыстання [15, с. 434]. Ворная зямля была ўладаннем вялікай патрыярхальнай сям’і, якая складалася з некалькіх пакаленняў, дзе кожны член сям’і меў пэўныя правы на гэту зямлю. У будучым, з распацоўкай норм агульнадзяржаўнага пісанага права, гэта норма была замацавана Статутам 1529 г., згодна якому, уласнік бацькоўскага землеўладання мог без згоды сваякоў распараджацца толькі трэцяй часткай сваёй маёмасці. На думку Н. Сліж у звычайнае права Вялікага Княства Літоўскага тэрмін «траціна» прыходзіць з візантыйскага права і замацоўваецца ў грамадстве ў якасці нормы звычайнага права. У чэрвені 1566 г. Берасцейскі сойм прыняў закон аб неабмежаваным распараджэнні маёнткамі, які быў унесены ў Статут 1566 г., а потым і ў Статут 1588 г. [12, р 2. арт. 41] і такім чынам норма траціны перастала існаваць.

Рэгуляванне такіх маёмасных адносін, як атрыманне, карыстанне і набыццё маёмасці таксама першапачаткова вызначалася прынцыпамі старыны і нормамі звычайнага права. Так, згодна са звычайным правам здзелкі заключаліся звычайна ў прысутнасці вартых даверу сведак і суправаджаліся выкананнем пэўных рытуальных дзеянняў (рукабіццё, памятнае, магарыч). У XVI ст. пісьмовая форма рэгулявання маёмасных адносін пачынае пераважаць над вуснай і была замацавана ў Статутах [3, с. 51]. Калі спачатку для доказу ўласнасці на маёмасць было дастаткова прадставіць сведак, то з развіццём прававых адносін у грамадстве, гадоўнымі становяцца пісьмовыя доказы. Так, згодна з арт. 5 агульназемскага прывілея 1506 г. шляхта, якая валодала землямі, але не мела дакументаў на іх валоданне, пакідалася пры маёнтках у выпадку пацвярджэння сведкамі іх права ўласнасці [9, с. 87].

Як азначае Я. А. Юхо першапачаткова ў адпаведнасці з нормамі звычайнага права адбываўся пераход маёмасці ў спадчыну [15, с. 434]. Спадчыннікамі першай чаргі з’яўляліся сыны. Замужнія дачкі

спадчыннікамі не з'яўляліся, бо атрымалі сваю частку маёмасці, калі ўступалі ў шлюб. Незамужнія дачкі мелі права на чацвёртую частку маёмасці, памер якой вызначаўся завяшчаннем бацькоў. У выпадку адсутнасці завяшчання і ўзнікнення спрэчак паміж дачкамі размяркоўвалася чацвёртая частка ўсёй маёмасці. На думку Н.Сліж вылучэнне на карысць дачок большай часткі маёмасці пагражала эканамічнай небяспекай для сям'і і роду. Таму чвэрць была больш прымальнай доляй на пасаг, чым траціна [10, с. 34]. У далейшым гэтыя і іншыя нормы былі замацаваны Статутамі Вялікага Княства Літоўскага.

З распрацоўкай і ўсталяваннем норм пісага права спадчына па звычайным праве не адмянялася, а набывала форму спадчыны па законе. Так у Статуце 1529 г. былі змешчаны асобныя артыкулы, якія рэгламентавалі атрыманне ў спадчыну. Так у раздзеле 4 «Аб спадчыннасці жанчынамі і аб выдачы дзяўчын замуж» вызначалася, якім чынам спадчыну атрымліваюць удава і дзеці памерлага землеўласніка, а ў раздзеле 5 «Аб апекунах» вызначаліся некаторыя нормы складання тастаментаў. У Статуце 1566 г. захаваўся раздзел «Аб апекунах», а раздзел які непасрэдна рэгуляваў спадчынныя маёмасныя адносіны набыў назву «Аб праве пасагу» (у адпаведнасці са Статутам 1588 г. «Аб праве пасагу і вене») і быў пашыраны. У Статут 1566 г. быў уведзены асобны раздзел 8 «Аб тастаментах», які вызначаў парадак складання тастаменту, асоб якія маглі ствараць тастаменты і якія маглі атрымліваць маёмасць у спадчыну. Статутам 1588 г. адзначаныя вышэй раздзелы былі пашыраны новымі артыкуламі, некаторыя іх нормы былі зменены або ўдакладнены.

Аналізуючы матэрыялы справаводства Вялікага Княства Літоўскага XVI – пачатку XVII ст. намі было адзначана, што паступова спасылка на нормы звычайнага права амаль знікае з дакументаў, звязаных з уладкаваннем маёмасных адносін, саступаючы месца нормам статутаў Вялікага Княства Літоўскага, а згадка аб прававых нормах паводле старадаўняга звычаю захоўваецца пры апісанні сумеснага карыстання пэўнай маёмасцю, выплаце ўсталяваных старым звычаям падаткаў і інш. [6; 7; 16].

Такім чынам, на працягу XVI – пачатку XVII ст. прымяненне нормаў звычайнага права пры рэгуляванні маёмасных адносін на тэрыторыі Беларусі перыяду Вялікага Княства Літоўскага было значна абмежавана ўвядзеннем і паўсюдным выкарыстаннем нормаў агульнадзяржаўнага пісанага права, што было абумоўлена як развіццём пісанага права ў дадзены перыяд, так і з ускладненнем сацыяльна-эканамічных адносін у грамадстве на злome Сярэднявечча і ранняга Новага часу. Нормы звычайнага права былі ў некаторых выпадках значна трансфармаваны або запісаны ў нормы пісанага права ў выглядзе шматлікіх грамат, лістоў, прывілеяў, соймавых пастаноў, статутаў і іншых прававых актаў, аднак

нягледзячы на дамінаванне пісанага права ў адзначаны перыяд, працягвалі ў пэўнай форме існаваць і выкарыстоўвацца ў грамадстве Вялікага Княства Літоўскага.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Дзёрбіна Г.* Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу. Мінск : Тэхналогія, 1997.
2. *Дзярновіч А. І.* «Старына»: публічны вобраз і сацыяльны канцэпт // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. Мінск : Беларус. навука, 2010. Т. 2 : Пратарэнесанс і Адраджэнне. С. 429–438.
3. *Доўнар Т. І.* Грамадзянскае права феадальнай Беларусі XV–XVI стагоддзяў. Мінск : БДУ, 1997.
4. *Доўнар Т. І.* Праблема прававых крыніц Беларусі перыяду Вялікага княства Літоўскага // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. 2008. № 1. С. 29–32.
5. *Доўнар Т. І., У. М. Сатолін Я. А. Юхо* Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. Мінск: Тэсей, 2003.
6. Метрыка Вялікага княства Літоўскага: кніга 70 (1582–1585): кніга запісаў № 70 (копія канца XVI ст.). Мінск : Беларуская навука, 2008.
7. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага: кніга № 272 (1576–1579): кніга судовых спраў № 58 (копія канца XVI ст.). Мінск : Беларуская навука, 2015.
8. *Пазднякоў В. С.* Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: абласныя прывілеі: крыніцазнаўчы дапаможнік. Мінск : БелНДІДАС, 2018.
9. Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній: крыніцазнаўчы дапаможнік. Мінск : БелНДІДАС, 2015.
10. *Сліж Н.* Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. Смаленск: Інбелкульт, 2015.
11. Статут Велікога Княжества Литовского 1529 года. Минск : Издательство Академии наук БССР, 1960.
12. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Мінск: БелСЭ, 1989.
13. *Усенко І. Б.* Правовы звычай як джерело українського права, IX–XIX ст. Київ : Наукова думка, 2006.
14. *Щербик Д. В.* Вопросы становления писаного права в Великом Княжестве Литовском в конце XIV – начале XVI века // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. 2019. № 6. С. 103–110.
16. *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універсітэцкае, 1992.
17. *Lietuvos metrika.* [Kn. 224] : (1522–1530). 4-oji Teismų bylų knyga : (XVI a. pabaigos kopija). Vilniaus : Vilniaus universiteto leidykla, 1997.

РОЛЯ БУЙНЫХ ФЕАДАЛАЎ У АРГАНІЗАЦЫІ ВАЙСКОВАЙ СІСТЭМЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА НА МЯЖЫ XVII–XVIII стст.

Ф. Ю. Бохан

*Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, вул. Крапоткіна, 25, г. Мінск, Беларусь,
frantishek.bohan@gmail.com*

У артыкуле даследуецца крызіс вайскавай сістэмы ВКЛ, які развіваўся на мяжы XVII і XVIII стагоддзяў. Асаблівая ўвага надаецца ролі буйных феадалаў у працэсе дэградацыі абарончага патэнцыялу дзяржавы. Прааналізаваны актыўны ўдзел войска ВКЛ у міжусобных канфліктах буйной шляхты і шырокамаштабная карупцыя з боку ваеначальнікаў. Аўтар прыходзіць да высновы, што менавіта дэструктыўны ўплыў буйных феадалаў на вайсковую сістэму стаў ключавым фактарам у страце абароназдольнасці ВКЛ і прадвызначыў заняпад краіны ў XVIII ст.

Ключавыя словы: ВКЛ; Рэч Паспалітая; шляхта; буйныя феадалы; армія.

РОЛЬ КРУПНЫХ ФЕОДАЛОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII вв.

Ф. Ю. Бохан

*Национальный исторический архив Беларуси, ул. Кропоткина, 25, г. Минск, Беларусь,
frantishek.bohan@gmail.com*

В статье исследуется кризис военной системы ВКЛ, развернувшийся на рубеже XVII и XVIII веков. Особое внимание уделяется роли крупных феодалов в процессе деградации обороноспособного потенциала государства. Проанализировано активное участие армии ВКЛ в междоусобных конфликтах крупной шляхты и широкомасштабная коррупция со стороны военачальников. Автор приходит к выводу, что именно деструктивное влияние крупных феодалов на военную систему стало ключевым фактором в утрате обороноспособности ВКЛ и предопределило упадок страны в XVIII веке.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Речь Посполитая; шляхта; крупные феодалы; армия.

Мяжа XVII і XVIII стагоддзяў у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага адзначаецца пераходам ад эпохі магутнасці да перыяду глыбокага заняпаду, які паклаў пачатак страты дзяржаўнасці. Адным з найбольш адчувальных праяў крызісу стала імклівая дэградацыя войска ВКЛ, што пагаршала абароназдольнасць краіны і стварала ўмовы для знешніх

уварванняў. Дадзенае даследаванне прысвечана аналізу прычын гэтага працэсу, у прыватнасці, ролі буйных феадалаў (таксама вядомых як магнатаў) у правакацыі арганізацыйных праблем і фінансавых махінацый у вайсковай сістэме ВКЛ XVII–XVIII стст. У артыкуле прасочваецца, як структурныя недахопы і палітычная ангажаванасць войска прывялі да яго заняпаду як грамадскага інстытута.

Для разумення праблемы найперш неабходна разгледзіць, як войска ВКЛ функцыянавала ў дакрызісны перыяд. У сярэдзіне XVII ст. армія з’яўлялася нерэгулярнай і склікалася выключна ў ваенны час альбо па адпаведным рашэнні сойма Рэчы Паспалітай. Войска структуравалася на два ўзроўні і камплектавалася з трох асноўных крыніц. Першай з іх было кампутавае войска – найбольш баяздольны і прафесійны кампанент арміі, які фарміраваўся з салдат-наймітаў і прадстаўнікоў спецыфічных служылых саслоўяў (казакоў, татараў і зямлян). Акрамя яго існавала менш якаснае, але большае па памеры “паспалітае рушэнне” – апалчэнне ўсёй шляхты краіны, чыя традыцыя склікання ўзыходзіла яшчэ да часоў Сярэднявечча. У сукупнасці войска налічвала да 22–25 тысяч чалавек, што дазваляла з пераменным поспехам супрацьстаяць уварванням на тэрыторыю краіны і захоўваць яе незалежнасць, нягледзячы на заняцце амаль усёй тэрыторыі падчас войн 1654–1667 гг. [11].

Аднак падчас наступнага буйнога ўварвання – Вялікай Паўночнай вайны – войска ВКЛ не толькі не змагло спыніць шведскіх заваёўнікаў, але і скарацілася пасля вайны да 6 тысяч салдат. Гэта трактуецца сучаснымі гісторыкамі як апагей крызісу XVIII ст.

Хуткія пераўтварэнні ў ваеннай сферы ВКЛ абумоўлены зменай каштоўнасцей шляхты і, у прыватнасці, вайсковых лідараў.

З канца 1660-х гг. войска ператварылася ў інструмент міжусобнай барацьбы шляхецкіх групавак, якія ствараліся ваеначальнікамі, што ўзвысіліся па выніках войн супраць Расіі і Швецыі. Асабліва метадычна выкарыстоўваў вайсковы рэсурс ва ўласных мэтах Вялікі гетман ВКЛ Міхал Казімір Пац. У першыя гады на гетманскай пасадзе Пац распусціў харугвы, якія не былі падначаленыя яму асабіста. Гэта дазволіла ператварыць войска ВКЛ у цалкам лаяльную гетману арганізацыю [1].

З дапамогай салдат М. К. Пац пачаў ажыццяўляць напады на маёнткі сваіх палітычных супернікаў. Асабліва пацярпела ад гэтых дзеянняў маёмасць біржанскай галіны роду Радзівілаў у Жамойці. У 1678–1679 гг. войска на чале з гетманам спустошыла ўладанні Радзівілаў і мястэчка Біржы, якое з’яўлялася цэнтрам гэтых уладанняў [17, s. 165]. Іншую частку маёнткаў Пац захапіў і перадаў у карыстанне ўласнай сям’і і бліжэйшым паплечнікам са сваёй групойкі [6, с. 147–148; 7, с. 38–39; 82].

Ад дзеянняў групоўкі пацярпела не толькі варожая шляхта. Прыхільнікі Паца адкрыта супрацьстаялі манарху Яну III Сабескаму, які знаходзіўся ў канфлікце з гетманам ВКЛ яшчэ да свайго абрання на трон Рэчы Паспалітай. Асабістая варожасць паміж Сабескім і Пацам прыводзіла да выпадкаў сабатажу на дзяржаўным узроўні. Восенню 1674 г. войска ВКЛ са спазненнем далучылася да ваеннай кампаніі, арганізаванай Сабескім для вызвалення паўднёвых рэгіёнаў Рэчы Паспалітай ад турэцкай навалы. Падчас паходу стасункі паміж гетманам і манархам чарговы раз абвастрыліся. Гэтыя спрэчкі прывялі да таго, што Пац распусціў па дамах усё войска ВКЛ, якое правяло на вайне менш за месяц, і такім чынам сарваў далейшыя баявыя дзеянні [1].

Не менш разбуральным працэсам для краіны стала ўсведамленне шляхтай таго, што войска можа служыць сродкам уласнага ўзбагачэння. На працягу 1680–1690-х гг. выхадцы з роду Сапегаў здзяйснялі фінансавыя махінацыі, у выніку якіх сямейства набыло значныя сумы, выведзеныя з дзяржаўнага скарбу.

Аўтарамі карупцыйнай схемы выступалі падскарбій ВКЛ Бенедыкт Павел і вялікі гетман ВКЛ Казімір Ян Сапегі. Карыстаючыся паўнамоцтвамі, Б. П. Сапега складаў штогадовыя кампуты (каштарысы) на войска, у якіх завышаў патрабуемыя заробкі на аднаго салдата, што значна павялічвала агульныя выдаткі. Выдзеленыя дзяржавай грошы траплялі ў рукі брата падскарбія, вялікага гетмана К. Я. Сапегі, які афіцыйна адказваў за распараджэнне вайсковым скарбам. Звесткі пра павышэнне заробку ўтойваліся ад салдат, таму залішкі, а часам і ўвесь адведзены бюджэт, гетман пакідаў сваёй сям’і [4, с. 25; 13, с. 65–68].

Схема не губляла актуальнасці ў сувязі з працяглай вайной супраць Турцыі, на вядзенне якой войску ВКЛ штогод выдзялялася каля 2 млн. злотых. Сітуацыю пагаршала практыка рэгулярнага перагляду кампутаў на кожным сойме, што дазваляла падскарбію патрабаваць усё большыя сумы. Прыблізны памер выкрадзеных сродкаў быў агучаны на пазнейшых судовых працэсах супраць Сапегаў. Коштам пастаянных нявыплат заробкаў салдатам, за 12 гадоў Сапегі накапілі суму каля 20 млн. злотых [13, с. 67].

Такім чынам, нават калі ўлічыць гэтыя паказанні як гіпербалізаваныя, сума ў 2 млн. злотых, якая выдзялялася на ўтрыманне 8 тысяч салдат усё роўна нашмат перавышала патрэбы. Бо ў гады Паўночнай вайны за такую суму ўтрымлівалася ўсё мабілізаванае войска Рэчы Паспалітай памерам у 48 тысяч чалавек. Гэта сведчыць пра фінансавыя злоўжыванні з боку Сапегаў [9, арк. 54].

Кампенсаваць нізкія заробкі салдатам Сапегі спрабавалі ўжо згаданай практыкай пастою ў чужых маёнтках. Вялікі рэзананс набыў ін-

цыдэнт, які адбыўся ў 1693 г. ва ўладаннях віленскага біскупа К. Бжастоўскага. Падчас чарговага паходу на Асманскую імперыю войска на чале з К. Я. Сапегам без дазволу стала на пастой у царкоўных уладаннях і разгарнула прымусовыя рэквізіцыі правіянту. Гэта выклікала бурную рэакцыю біскупа, які адлучыў Сапегаў ад царквы, і ў далейшае вырашэнне спрэчак былі вымушаны ўмяшацца не толькі клірыкі Рэчы Паспалітай, але і дэлегаты ад Папы Рымскага [16, s. 353–354; 17, с. 166].

Звесткі пра ўдзел салдат у шматлікіх злачынствах і шырокае выкарыстанне войска ў неваенных справах значна падрывалі яго прэстыж. Шырока распаўсюдзіліся ўхіленні шляхціцаў ад службы, а скліканне паспалітага рушэння стала рэдкай з’явай. Параўнальна заможная арыстакратыя, якой было што губляць, перакладала адказнасць за абарону краіны на самыя бедныя пласты шляхты – зямлян, шляхетнасць якіх пацвярджалася менавіта фактам ваеннай службы. Падзенне прэстыжу вайскавай службы ўсведамляла і вайсковае кіраўніцтва: сын згаданага гетмана К. Я. Сапегі зрабіў сваю кар’еру не ў айчынай, а ў аўстрыйскай арміі [5, с. 549].

Заканаммерным наступствам непапулярнасці вайскавай службы сталі праблемы з камплектацыяй войска ВКЛ. Яшчэ адной прычынай скарачэння дзяржаўнага войска было функцыянаванне прыватных армій – баявых адзінак буйных феадалаў, якія ўтрымліваліся за іх кошт. Гэта з’ява існавала ў ВКЛ з канца XVI ст. і была абумоўлена недахопам дзяржаўнага скарбу на патрэбы абароны краіны. Дазвол буйной шляхце збіраць уласныя харугвы ўспрымаўся як шлях папаўнення менавіта дзяржаўнага войска ў ваенны час з дапамогай прыватных сродкаў. Дадзеная мера паказала эфектыўнасць у войнах сярэдзіны XVII ст., калі ўзнікла стратэгічная патрэба хутка спыняць уварванні праціўніка на тэрыторыю краіны [11]. Аднак у мірны час непадкантрольнае ўраду войска стала выкарыстоўвацца для міжусобнай барацьбы шляхты. Напрыклад, прыватныя арміі з’яўляліся асноўнай сілай супрацьлеглых бакоў у Грамадзянскай вайне ў ВКЛ 1696–1702 гг. У адрозненне ад дзяржаўнага войска, буйныя феадалы набіралі ў свае арміі не толькі шляхту, але і рэкрутаў з уласных маёнткаў, вядомых як «выбранцы». Пры паступленні сялянскія рэкруты вызваляліся ад іншых павіннасцей і з ахвотай ішлі ў войскі [3, с. 175–176; 10, с. 95–97; 12, с. 28]. Колькасны склад усіх прыватных армій у ВКЛ можна падлічыць шляхам аналізу сіл, што прынялі ўдзел у Грамадзянскай вайне 1696–1702 гг.

На баку Сапегаў знаходзілася армія да 4–5 тысяч чалавек. Аналагічную колькасць салдат выставілі іх праціўнікі з кааліцыі Агінскіх, Вішнявецкіх, Пацеяў і Радзівілаў, якія сабралі паасобку да тысячы чалавек [2, с. 76]. Такім чынам, у канцы XVII ст. прыватныя арміі сукупна

складали да 10 тысяч чалавек, што было супастаўляльна з намінальным памерам дзяржаўнага войска ВКЛ.

Шматлікія арганізацыйныя праблемы адбіліся на баявых якасцях жаўнераў. У перыяд з 1667 г. па 1733 г. войска ВКЛ не атрымала ніводнай самастойнай перамогі ў баі. У некаторыя гады сабраная і ўжо аплочаная армія не выходзіла за межы княства, па сутнасці, не выконваючы сваіх асноўных абавязкаў. Рэгулярныя нявыплаты і палітычная ангажаванасць арміі прывялі да распаўсюджвання дэзерцірства. Нярэдкай з'явай стала дзяржаўная здрада салдат. У 1672 г., падчас вайны з Турцыяй, частка татарскіх харугваў узбунтавалася з-за нявыплачанага заробку і перайшла на бок праціўніка. Вялікі размах набылі паўстанні ў войску ВКЛ у першыя гады Вялікай Паўночнай вайны, якія праявіліся ў здачы ворагу цэлых абарончых пунктаў, што спрыяла поспеху шведскага ўварвання ўглыб краіны [8, с. 91–93].

Удзел жаўнераў у шляхецкіх міжусобіцах, выключная карумпіраванасць кіраўніцтва і поўная небяздольнасць войска падштурхнулі эліты ВКЛ да высновы, што ўтрыманне вялікай арміі за дзяржаўны кошт стала немэтазгодным. Вынікам такіх разважанняў стала ваенная рэформа 1717 г., якая цалкам пераглядала прынцыпы камплектацыі войска ВКЛ.

Па яе ўмовах у краіне ўпершыню ў гісторыі была створана пастаянная армія памерам у 6200 чалавек. Войска стала валодаць зафіксаваным бюджэтам, што дазволіла спыніць фінансавыя махінацыі з боку гетманаў [4, с. 25]. Параўнальна невялікая дзяржаўная армія дапаўнялася шэрагам прыватных, якія па сутнасці сталі галоўным элементам абароны краіны. Харугвы буйных феодалаў заставаліся фармальна падначаленымі ўрадам і не патрабавалі на сябе дзяржаўных выдаткаў. Разам з тым, не была скасавана практыка склікання паспалітага рушэння, і ў ваенны час ВКЛ магла кратна павялічыць колькасць свайго войска.

Тым не менш, рэформа вырашыла толькі бягучыя дзяржаўныя праблемы і не дапамагла аднавіць абароназдольнасць краіны. З пачатку XVIII ст. краіны-суседкі ВКЛ пачалі праводзіць пераўтварэнні ва ўласных узброеных сілах і давялі іх памер да некалькіх соцень тысяч салдат. Супрацьстаяць такім выклікам не толькі ВКЛ, але і Рэч Паспалітая ўжо не мелі ніякіх магчымасцей.

Такім чынам, дзейнасць буйных феодалаў у арганізацыі войска ВКЛ прывяла яго ў цяжкі крызіс, які быў абумоўлены ўзнікненнем тэндэнцыі выкарыстання арміі яе ваеначальнікамі ва ўласных мэтах. Удзел войска ў асабістых канфліктах буйных феодалаў абрынуў прэстыж службы як з'явы ў вачах адзінай вайсковаабавязанай групы насельніцтва – шляхты. Акрамя гэтага, цяжкую шкоду рэпутацыі і дзяржаўнай маёмасці нанесла карупцыя. У такіх умовах войска не жадала выконваць свае абавязкі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Бабятыньскі К.* Кар’ера і вайсковая дзейнасць гетмана ВКЛ Міхала Казіміра Паца / К. Бабятыньскі // Беларускі гістарычны агляд. 2008. URL: <https://www.belhistory.eu/archives/2041> (дата звароту: 11.11.2025).
2. *Віцько Д. В.* Міжусобная барацьба магнатаў групавак у Вялікім Княстве Літоўскім у канцы XVII – пачатку XVIII ст.: дыс. на суісканне вуч. ступені канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 2007.
3. *Волкаў М.* Беларусь у Вялікай Паўночнай вайне (1700–1721 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2017. № 8. С. 8–18.
4. *Волошин А.* Преобразования в поэтапной компута-литовской армии в 1698–1717 гг. // Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. Санкт-Петербург, 2017. Ч. 2. С. 11–30.
5. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. Мінск : БелЭн, 2006.
6. *Калодзей Р.* Жамойцкі соймак як прыклад антыкараляўскай апазіцыі ў першыя гады панавання Яна III Сабескага // Arche. 2015. № 12. С. 143–163.
7. *Канечная Д.* Паміж Пацамі, Радзівіламі і Сапегамі: нялёгка выбар Аляксандра Гілярыя Палубінскага ў часы Яна III Сабескага // Arche. 2016. № 3. С. 38–51.
8. *Катлярчук А.* Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў. Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2007.
9. НГАБ. Фонд 694. Радзівиллы, князья. Воп. 1. Спр. 236. Инструкции сенаторам и послам. Речи сенаторов, послов в сейме, в том числе английского посла и др. документы, относящиеся к деятельности сейма Речи Посполитой и воеводских сеймиков.
10. *Ракуціс В.* Міліцыя Радзівілаў у XVIII ст. // Arche. 2012. № 6. С. 92–137.
11. *Рахуба А.* Мабілізацыйны высілак ВКЛ пад час вайны 1654–1667 г. // Беларускі гістарычны агляд. 2008. URL: <https://www.belhistory.eu/archives/2057> (дата звароту: 11.11.2025).
12. *Сагановіч Г. М.* Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. / Г. М. Сагановіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1994.
13. *Hundert Z.* Skład i liczebność wojska litewskiego podczas wojny z Turcją w latach 1690–1691 na podstawie akt instytucji skarbowo-wojskowych z lat 1691–1692 // Zapiski Historyczne. 2024. T. 89, z. 3. S. 63–95.
14. *Konopacki A.* Tatarzy litewscy czy Lipkowie? Rozważania historyczno-semantyczne oraz propozycje terminologiczne // Wschód muzułmański w ujęciu interdyscyplinarnym. Ludzie – teksty – historia. Białystok, 2017. S. 291–307.
15. *Rachuba A.* Marcin Aleksander Ogiński // Internetowy Polski Słownik Biograficzny. 1978. URL: <https://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/marcjan-aleksander-oginski-1632-1690-kanclerz-wielki-litewski> (Data dostępu: 11.11.2025).
16. *Sawicki M.* Sejmiki litewskie 1695 r. wobec klątwy rzuconej na wojewodę wileńskiego i hetmana wielkiego litewskiego Kazimierza Jana Sapiechę // Wobec sejmików. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku. Białystok, 2024. T. 2. S. 349–367.
17. *Sawicki M.* “Wojskowe awantury”: armia litewska wobec społeczeństwa w II połowie XVII wieku : zarys problematyki // Studia Historyczno-Wojskowe. Zabrze, 2009. T. 3. S. 163–170.

ПАДАТКІ І ПАВІННАСЦІ ГАРАДСКОГА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ Ў 30–50-я гг. XIX ст. У КАНТЭКСТЕ САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАГА РАЗВІЦЦА

В. М. Лянцэвіч

*Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, пр-т Ракасоўскага, 65,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, liantsevich.volga@yandex.by*

Артыкул прысвечаны аналізу падатковай сістэмы і павіннасцяў гарадскога насельніцтва Беларусі ў першай палове XIX ст. Разглядаюцца падушны падатак, гільдзейскія зборы, земскія і дапаможныя выплаты, а таксама спецыфічныя абкладанні для габрэйскага насельніцтва (скрынкавы і свячны зборы). Асабліва ўвага надаецца натуральным павіннасцям – пастойнай, падводнай, дарожнай і рэкруцкай – якія найцяжэй леглі на гарадскую беднату і жыхароў мястэчак. Аўтар паказвае злоўжыванні з боку гарадской эліты, адкупшчыкаў і чыноўнікаў, а таксама рост нядоімак, што сведчыць аб цяжкасці падатковага прыгнёту і неспрыяльных сацыяльна-эканамічных умовах для насельніцтва гарадоў і мястэчак.

Ключавыя словы: падатковая сістэма; мяшчане; купцы; габрэйскае насельніцтва; падушны падатак; гільдзейскія зборы; пастойная павіннасць; падводная павіннасць.

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В 30–50-е гг. XIX в. В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

О. М. Ленцевич

*Белорусский государственный экономический университет, пр-т Рокоссовского, 65,
г. Минск, Беларусь, liantsevich.volga@yandex.by*

Статья посвящена анализу налоговой системы и повинностей городского населения Беларуси в первой половине XIX века. Рассматриваются подушная подать, цеховые оброки, земские и вспомогательные платежи, а также специфические налоги для еврейского населения (коробочный и свечной оброк). Особое внимание уделено натуральным повинностям – постоянной, подводной, дорожной и рекрутской, – которые наиболее тяжело ложились на городскую бедноту и мещан. Показаны злоупотребления со стороны городской элиты, помещиков и чиновников, а также рост недоимок, что свидетельствует о тяжести налогового гнёта и неблагоприятных социально-экономических условиях для населения городов и местечек.

Ключевые слова: налоговая система; мещане; купцы; еврейское население; подушная подать; цеховые оброки; постоянная повинность; подводная повинность.

Даследаванне падаткова-павіннаснай сістэмы гарадскога і месчачковага насельніцтва Беларусі ў перадрэформенны перыяд з'яўляецца актуальным, паколькі дазваляе выявіць механізмы фарміравання падатковага ціску, злоўжывання мясцовых улад і іх уплыў на сацыяльна-эканамічнае становішча гарадоў і мястэчак. Перыяд 1830–1850-х гг. цікавы тым, што ў гэты час спалучаліся старажытныя натуральныя павіннасці (пастойная, падводная, рэкруцкая) з увядзеннем новых грашовых абкладанняў, што стварала супрацьлегласць паміж юрыдычнымі правамі саслоўяў і рэальнай практыкай збору падаткаў. Вывучэнне гэтага перыяду дазваляе прасачыць трансфармацыю сістэмы павіннасцяў, узровень сацыяльнай няроўнасці і механізмы ўплыву дзяржаўных інстытутаў на жыццё розных груп насельніцтва.

Практычная значнасць артыкула заключаецца ў магчымасці параўнання гістарычных і сучасных мадэляў падаткаабкладання, аналізу ўплыву падатковага ціску на сацыяльна-эканамічнае развіццё гарадоў, а таксама ў даследаванні механізмаў абароны правоў меншасцяў (габрэі) і бяднейшых слаёў гарадскога грамадства. Артыкул можа быць карысны для параўнання гістарычных і сучасных фінансавых і прававых механізмаў, разумення вытокаў сацыяльнай няроўнасці і цяжару падатковых абавязкаў для гарадской беднаты, а таксама служыць адукацыйным рэсурсам пры вывучэнні гісторыі гарадоў і сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі ў XIX ст.

Сістэма рознага роду павіннасцяў (грашовых і натуральных) як на карысць дзяржавы, так і на патрэбы горада, у той ці іншай ступені, закранала ўсе падатныя саслоўі. Мяшчане выплочвалі падушны падатак, які з 1839 г. пераводзіўся на срэбра і дасягаў 2 рублёў 38 кап. Падушны падатак з вольных людзей спаганяўся ў памеры 2 рублёў 9 кап., з аднадворцаў і грамадзян – 1 рубель 1 кап. Адсутнасць аброку ў мяшчан кампенсавалася тым, што іх падушны падатак больш чым удвая перавышаў падушны падатак сялян (95 кап.). Напрыканцы 1830-х гг. ён быў часткова зніжаны з прычыны вялізных памераў нядоімак [1, с. 75].

Памер абкладання гільдзейскіх купцоў вызначаўся 1/4 % з абвешчаных імі капіталаў. Апублікаваныя і архіўныя матэрыялы сведчаць, што грашовыя зборы гэтым не абмяжоўваліся. Яны ў значнай ступені вызначаліся мясцовымі патрэбамі канкрэтнай губерні. Напрыклад, у справах губернатара Гродзенскай і Мінскай губерняў за 1830–50 гг. вызначаецца, што апроч падушнага падатку (2 рублі 38 кап.), спаганяўся яшчэ земскі збор па 35 кап. з мяшчан і асаблівы земскі збор на паляпшэнне сістэмы каралеўскага канала па 3 кап. Акрамя таго, з мяшчан спаганялі 5-капеечны дапаможны збор [2–3]. З купцоў I-й гільдыі дапаможнага збору па законе ад 8 кастрычніка 1835 г. спаганялі па 36 рублёў 95 кап. (з

хрысціян), і па 30 рублёў 24 кап. (з габрэяў); з купцоў II-й гільдыі – па 14 рублёў 70 кап.; з купцоў III-й гільдыі – у губернскім горадзе па 3 рублі 70 кап., у павятовых і заштатных – па 84 кап [4]. На паляпшэнне кара-леўскага канала па законе ад 20 красавіка 1836 г. з купцоў таксама збіраўся асаблівы земскі збор у памеры 1/8 % ад капіталу, г.зн. з купца I-й гільдыі – 18 рублёў 75 кап., II-й гільдыі – 7 рублёў 50 кап. і III-й гільдыі – 3 рублёў [4; 5].

Улады гарантавалі недатыкальнасць рухомай і нерухомай маёмасці мяшчан і купцоў. Аднак, нягледзячы на юрыдычную абарону і наяўнасць саслоўных правоў, становішча купецтва нярэдка знаходзілася ў залежнасці ад стаўлення да іх прадстаўнікоў мясцовых улад [6, с. 130].

Габрэйскае насельніцтва названыя падаткі выплочвала ў падвоеным памеры: з аб'яўленага купцамі капіталу хрысціяне выплочвалі 1 %, а габрэі – 2 % [7, с. 529]. Акрамя таго, габрэі выплочвалі скрынкавы і свячны зборы. «Особый денежный сбор под названием коробочного или кружечного, – указваў І. Зяленскі, – предназначается на общественные потребности евреев, как-то: на облегчение средств к безнедоимочному взносу податей и исправному отбыванию повинностей, на уплату общественных долгов; на учреждение и содержание еврейских училищ; на пособие евреям, поступающим в земледельцы, на предметы общественного призрения и благотворительности. Свечной же сбор назначается исключительно на устройство еврейских училищ и поступает в ведение министерства народного просвещения» [8, с. 664]. Скрынкавы збор дзяліўся на агульны і прыватны. Агульны скрынкавы збор спаганяўся з жывёлы і птушкі, каторая забівалася, продажу кашэрнага мяса; прыватны – з даходаў ад габрэйскіх дамоў, крам і свіранаў, з прамысловых устаноў, а таксама за нашэнне габрэйскага адзення. Калі агульны скрынкавы збор аддаваўся на водкуп (1 раз на 4 гады), то прыватны спаганяўся непасрэдна з тых, хто падлягаў гэтаму збору. Сума свячнага збору штогод вызначалася для кожнай губерні асобна міністэрствам унутраных спраў, затым размяркоўвалася паміж габрэйскімі таварыствамі і збіралася з дапамогай раскладкі. Памер скрынкавага збору з розных прадметаў складаўся самімі таварыствамі і зацвярджаўся губернскім упраўленнем. Напрыклад, з фунта ялавічыны ў Мінску бралі 3 кап., а ў Навагрудку – 2,5 кап. Гэта прыводзіла да таго, што размеркаванне скрынкавага збору паміж таварыствамі было нераўнамерным. Калі ў Мінску на адну рэвізскую душу прыходзілася 4 рублі 68 кап., то ў Навагрудку – 2 рублі 5 кап. У сярэднім жа скрынкавы збор складаў 3 рублі 44 кап. на душу [8, с. 665, 668].

На падатных саслоўях горада ляжалі і так званыя неакладныя зборы. Да іх адносіліся пошліны за пасведчанні на шынкі і ярлыкі на правоз

віна, пошліны за пасведчанні на права гандлю, паштовы збор, збор за пашпарты, за гербавую паперу і інш.

Гараджане з нізкімі даходамі неслі асноўны цяжар падаткаў і іншых павіннасцяў, пры гэтым іх збор часта адбываўся без належнага кантролю і ў хаатычным парадку. Як паведамляў віцебскі губернатар: «По обозрении производства дел и счетоводства городских дум, магистратов, сиротских домов и кагалов замечены чрезвычайно значительные беспорядки, расклад и сбор податей и другие повинности производятся без всякой отчетности. Сбор доходов и распоряжения об опеках находятся в полной запущенности» [9]. Пра гэта ж сведчаць архіўныя матэрыялы [10].

«Сборщик податей, рекрутский староста и раввин, действующие под влиянием зажиточных членов общества, составляют такой триумвират, против которого ни один еврей не решится сказать ни слова» [8, с. 663]. Відавочна, што кіраўніцтва горада, займаючы вядучую ролю ў гарадскім кіраванні, выкарыстоўвала сваё становішча ў асабістых інтарэсах. Пра гэта сведчыць шэраг дакументаў. Напрыклад, галосны гарадской думы мінскі купец Леапольд Дэльпац захапіў у свае рукі такі пункт даходаў, як арэнда за невялікі кошт сенажаці ў гарадскім садзе. Ён жа неаднаразова браў падрады на пабудову розных гарадскіх будынкаў. Галосны думы купец Ліхтэрман валодаў водкупам на гарадское асвятленне, а купцы Сыркін і Ляхоўскі арандавалі гарадскія млыны [11]. Асвятленне ў Гродне доўгі час знаходзілася ў руках купца Мытансона, а затым перайшло да паліцмайстара [12].

Практыка аддачы на водкуп прыватным асобам асобных відаў падаткаў, адсутнасць кантролю за імі з боку ўлад білі па ўсіх групам падатных саслоўяў горада, у тым ліку і па сялянах, каторыя прывозілі свае тавары на гарадскі рынак. Віленскі ваенны губернатар у сваім данясенні паведамляў аб злоўжываннях адкупшчыкоў нумарных і вагавых збораў у гарадах Гродзенскай губерні: яны збіралі ўнёскі не толькі з «купцов, пожелавших взвешивать или перемеривать свои товары, но и со всех других торговцев» [13]. Часам гараджане аплочвалі грашовыя падаткі за абавязкі, якія павінны былі выконваць на практыцы самастойна ў натуральнай форме. Так, з прашэння жыхароў Гродна вынікае, што «обыватели принуждены на свой счет удерживать в Гродно десятников и производит оным жалование, на что выбираются городовым магистратом деньги в значительном количестве, т.е. более одной тысячи рублей серебром в год, но таковых десятских в большей части вовсе не имеется, ибо занимаются сторонними услугами, а обыватели сами должны отбывать ночную варту по два раза в месяц» [14]. У сваіх справах габурнатары адзначаюць больш за 30 пазіцый, па якіх неабходна было выплочваць падаткі [15; 3].

Найцяжэйшай павіннасцю для гараджан з'яўляўся прыём войскаў на пастой. Пастойная павіннасць адбывалася ў асноўным натурай; у некаторых гарадах збіраліся грошы для найму памяшканняў пад вайсковыя каманды [15]. З жыхароў губернскага і 8 павятовых гарадоў Гродзенскай губерні ў 50-я гг. XIX ст. на наём кватэр штогод збіралася да 5,5 тыс. рублёў. Акрамя гэтага 6 тыс. дамоў былі заселены воінскімі камандамі, 500 з якіх – афіцэрскім складам [16, ч. 2, с. 756].

Пры раскладцы пастойнай павіннасці была маса злоўжыванняў. Аб няправільных дзеяннях дум і кватэрных камісій гаворыцца ў многіх дакументах; прывядзем толькі некаторыя з іх. У 1830 г. мяшчане Гродна даносілі губернатару, што «обыватели чрезвычайно стесняются увеличенным военным постоем, ибо в самом меньшем доме только пространство 5 или 6 локтей, ставятся 5 и более военных нижних чинов. Через таковые неправильные и отяготительные над узаконенными повинности пришли обыватели до крайности такой, что не находятся в силах не токмо удерживать свое семейство, но и уплачивать государственную подать» [14]. Слоні́мскі жыхар Лямпарт у 1837 г. пісаў на імя цара: «Меня и живущего со мной брата возненавидел городничий и разоряет нас постоем. Я обращался с жалобою к начальнику губернии и уездному судье, но эти дела даже еще не открыты» [17]. Часам багатыя гараджане за пэўную суму вызваляліся ад пастоя [18]. Воінскі пастой уключаў не толькі прадастаўленне жылля, але часта і кармленне ніжніх воінскіх чыноў, якія атрымлівалі толькі муку і крупы. Гэта моцна абцяжарвала жыццё найбяднейшых гараджан, таму яны часцей аддавалі перавагу грашовым плацэжам замест натуральнага выканання абавязкаў. Так, мяшчане Гродна ў канцы 50-х гг. у дасланым Сенату прашэнні пісалі: «Изъясняя, что в министерстве внутренних дел составлен проект о замене натуральной постоянной повинности денежной, просим распорядиться о скорейшем приведении помянутого проекта» [19].

Не менш цяжкай была і падводная павіннасць. Як адзначаў П. Баброўскі, «подводная повинность, уменьшая производительные силы, увеличивает издержки производства, ибо она принуждает работника уменьшать свои расходы, или вводит его в нищенство» [16, ч. 2, с. 580]. Падводы неабходны былі для папраўкі і будаўніцтва паштовых і ваенна-камунікацыйных дарог, для перавозкі воінскіх часцей і арыштантаў, а таксама чыноўнікаў, якія праязджалі па справах службы. Гэта павіннасць ажыццяўлялася, галоўным чынам, самімі гараджанамі. Толькі ў некаторых гарадах, як напрыклад у Бабруйску, «подводы доставлялись по подряду, с согласия жителей, которые платят за каждую по 2 рубля медью» [15]. Падводная павіннасць клалася на плечы найбяднейшай часткі жыхароў. У сувязі з гэтым прывядзем выказванне чыноўніка міністэр-

ства ўнутраных спраў Дэравіза, каторы праводзіў рэвізію ў гарадах Мінскай губерні: «Некоторые лица и в особенности богатые или вовсе не отправляют повинности, или исполняют оную далеко не в том размере, как определено раскладкой. Например, купцу Дельпешу определено было поставить в 1840 и 1841 гг. по 8 подвод и по 10 человек пеших рабочих. Распространяя эту раскладку на 1842 и 1843 гг., он должен был поставить 32 подводы и 40 рабочих, но действительно поставлено только 8 подвод, а рабочих вовсе не ставил. Следуя тому же расчету, коллежская ассесорша Семенкевичева должна была поставить в 4 года 40 подвод и 40 рабочих, но она не поставила ни одной подводу, ни рабочего. Помещик Кистер, имеющий в городе большой каменный дом и пользующийся от него значительным доходом, вместо определенных по раскладке 24 подвод и 24 рабочих поставил в 4 года 50 подвод, следовательно к 1844 г. осталось за ним в недоимке 46 подвод и 96 рабочих. Между тем, как с некоторых беднейших жителей взяты подвода на счет несуществующей еще раскладки 1844 г.» [18].

У 30–50 гг. падводная павіннасць рэзка павялічваецца. Па дадзеных П. Баброўскага, з 1854 па 1857 гг. яна ў параўнанні з 1850–1853 гг. паднялася ў 2,5 разы, а ў 1860 г. падвод і рабочих было пастаўлена столькі, колькі ў 1856 і 1857 гг. разам узятых [16, ч. 2, с. 578].

Рэкруцкую павіннасць неслі ўсе падатныя катэгорыі. Купецтва было вызвалена ад пастаўкі рэкрутаў у 1775 г. [6, с. 131]. Гэта павіннасць, падкрэсліваў Баброўскі, «есть самая тяжелейшая из всех налогов... Усиленные наборы, следующие несколько лет сряду, тяжело ложатся на производительность и богатство страны, уже потому только, что отнимают из массы народа слишком много здоровых и свежих сил более всего способных к труду» [16, ч. 2, с. 568–569].

Як бачым, падводную, дарожную, пастойную, рэкруцкую і іншыя павіннасці гараджане выконвалі таксама як і сяляне; часам адпрацоўкі пераводзіліся на грошы.

Становішча местачковых жыхароў было яшчэ больш складаным, чым гарадскіх. Яркую яго характарыстыку дае гродзенскі губернатар у данясенні віленскаму ваеннаму губернатару за 1840 г. Ён піша: «Жители местечек... большей частью освобождаются от барщины, ... облагаются чиншем или платежом за землю ... и исполняют различные натуральные повинности по назначению владельца. Евреи... и другие ремесленники, занимая землю под заселение, обязуются за оную платежом чинша и исполнением также некоторых повинностей по добровольному условию с владельцами» «Жители местечек никаких особых прав не имеют, ибо состоят преимущественно из крестьян тех же помещиков и евреев; первые из них, т.е. крестьяне, называющиеся так же по принятому в некоторых

местах обыкновению мещанами, т.е. местечковыми жителями, большей частью освобождаются от барщины и взамен того облагаются чиншем или платежом за занимаемую для своего употребления землю и, сверх того, исполняют разные натуральные повинности по назначению владельца. Евреи же, в некоторых значительных местечках проживающие, свободного состояния люди, как-то разные ремесленники и мастеровые, занимая под свое заселение землю, обязываются за оную платежом чинша и исполнением также некоторых повинностей по добровольному условию с владельцами. Насчет перехода местечек из одного владения в другое особых постановлений не имеется, но они переходят обыкновенным порядком из рук в руки наравне с другими населенными имениями по праву наследства или продажи и купли» [20, с. 521].

Агульны падатковы прыгнёт гараджан, частку каторага яны ўвогуле выплаціць не маглі і заставаліся нядоімшчыкамі, быў вельмі цяжкім. Аб гэтым згадваецца ва ўсіх, без выключэння, апублікаваных і архіўных матэрыялах. Па дадзеных П. Баброўскага, на працягу 10 гадоў, з 1843 па 1853 гг., нядоімкі ў Гродзенскай губерні патроіліся (з 443022 рублёў да 1432518), а ў саслоўі мяшчан і цэхавых яны павялічыліся ў 11 разоў (з 72840 рублёў да 836806). Як паведамляў віцебскі губернатар, «весьма значительные долги и наконец накопление недоимок почти превышает всякую возможность к уплате» [9]. «Мещане, – пісаў магілёўскі губернатар, – едва имеют дневное пропитание и с большим трудом уплачивают подати» [21]. Усё гэта прывяло да таго, што органы ўлады вымушаны былі спецыяльнымі пастановамі ад 1855, 1856 і 1857 гг. зняць значны працэнт нядоімак. Аднак, напрыклад, яшчэ і ў 1857 г. на мяшчанах Гродзенскай губерні лічылася 30682 рублі нядоімак [16, ч. 2, с. 753]. Відавочна, большая частка іх ляжала на местачковых жыхарах, таму што ў 1852 г. на гараджанах Гродзенскай губерні нядоімак лічылася 85365 рублёў, у 1853 г. – 96775 рублёў, а ў 1858 г. – 67698 рублёў [16, ч. 2, с. 755]. Па дадзеных Зяленскага, у 1860 г. на кожнага мешчаніна-хрысціяніна прыходзілася па 2 руб. 53 кап. нядоімак, на мешчаніна-габрэя – па 1 руб., а на грамадзяніна – па 57 кап. [8, ч. 2, с. 569–570].

Такім чынам, сістэма падаткаў і павіннасцяў у гарадах і мястэчках Беларусі ў 30–50-я гг. XIX ст. была надзвычай складанай і шматузроўневай, ахоплівала ўсе падатныя групы і ўключала як грашовыя, так і натуральныя абавязкі. Мяшчане, нягледзячы на юрыдычную абарону сваёй маёмасці і саслоўныя правы, неслі асноўны цяжар падушнага падатку, дапаможных і земскіх збораў, а таксама шэрагу іншых плацяжоў, у тым ліку скрынкавага і свячнага для габрэйскага насельніцтва. Адсутнасць кантролю і практыка водкupu падаткаў прыводзілі да злоўжыванняў з

боку заможных гараджан і мясцовых улад, што значна павышала абцяжаранасць для найбяднейшых слаёў насельніцтва.

Асабліва цяжкімі былі натуральныя павіннасці: воінскі пастой, падводная, дарожная і рэкруцкая павіннасці, каторыя не толькі скарачалі вытворчы патэнцыял гараджан, але і паглыблялі іх эканамічную залежнасць. Пастаянныя злоўжыванні пры размеркаванні абавязкаў і зборы недаплат, а таксама адсутнасць сістэмнага кантролю прыводзілі да масавых нядоімак, якія ў некаторых губернях павялічваліся ў дзясяткі разоў за дзесяцігоддзе.

Становішча жыхароў мястэчкаў было яшчэ больш складаным: яны часта вызваліліся ад паншчыны, але абкладаліся чиншам і выконвалі натуральныя павіннасці на карысць уладальнікаў зямлі, а габрэйскія рамеснікі таксама выконвалі падобныя абавязкі па дамоўленасці. Такім чынам, агульны падатковы ціск уключаў шырокі спектр плацяжоў і абавязкаў, частку якіх немагчыма было сплаціць, што рабіла бяднейшыя слаі гарадоў і мястэчкаў уразлівымі і залежнымі ад волі мясцовых улад і заможных гараджан.

Ключавым вынікам даследавання з'яўляецца тое, што грашовыя і натуральныя павіннасці ў 30–50-я гг. XIX ст. выступалі не толькі як фінансавы інструмент для дзяржавы і горада, але і як сродак сацыяльнай дыферэнцыяцыі і кантролю над насельніцтвам, што істотна ўплывала на яго эканамічны патэнцыял, сацыяльную структуру і прававы стан розных груп.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Лютый А. М.* Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. Минск. : Наука и техника, 1987.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 24. Воп. 1. Д. 163. Л. 28; Д. 251. Л. 6–7.
3. Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы (ДГА Літвы). Ф. 378. Воп. 50. Д. 608. Л. 3–5; Воп. 49. Д. 203. Л. 37–39.
4. ДГА Літвы. Ф. 378. Воп. 49. Д. 203. Л. 37–39; Воп. 50. Д. 608. Л. 3–5, 14–15.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ г. Гродна). Ф. 1. Воп. 4. Д. 508. Л. 1.
6. Гісторыя Беларусі : У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). Минск : Экаперспектыва, 2005.
7. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.). 2-е выд. Мінск : Беларуская навука, 2023.
8. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб. : [Главное управление Генерального штаба] ; [Т. 15] : Минская губерния. Ч. 1. 1864.
9. НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Д. 8032. Л. 6–7.
10. НГАБ. Ф. 24. Воп. 1. Д. 70. Л. 23.

11. НГАБ. Ф. 24. Воп. 1. Д. 149. Л. 1–5.
12. НГАБ г. Гродна. Ф. 1. Воп. 13. Д. 918. Л. 1.
13. ДГА Літвы. Ф. 378. Воп. 40. Д. 2713. Л. 263–266.
14. НГАБ г. Гродна. Ф. 1. Воп. 3. Д. 774. Л. 26–27.
15. ДГА Літвы. Ф. 378. Воп. 48. Д. 1374. Л. 28–31.
16. *Бобровский П. О.* Гродненская губерния. СПб. : тип. Деп. Ген. штаба, 1863. Ч. 1–2.
17. НГАБ г. Гродна. Ф. 2. Воп. 3. Д. 683. Л. 6.
18. НГАБ. Ф. 24. Воп. 1. Д. 97. Л. 2–4.
19. НГАБ г. Гродна. Ф. 2. Воп. 7. Д. 2065. Л. 1–2.
20. Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов: В 3 т. Т. 3. Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVIII – первой половине XIX века (1772–1860). Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1961.
21. НГАБ. Ф. 1. Воп. 1. Д. 639. Л. 4–5.

КРУПНОЕ ПОМЕЩИЧЬЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ БЕЛАРУСИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1861–1914 гг.): СТРУКТУРА, ЭВОЛЮЦИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. Е. Веремейчик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, Verameichyk@bsu.by*

В статье на основе широкого круга источников, включая материалы статистических обследований землевладения, и с опорой на фундаментальные труды по аграрной истории России, анализируется феномен крупного помещичьего землевладения (латифундий) на территории белорусских губерний (Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской и части Виленской) в 1861–1914 гг. Исследуется динамика сокращения дворянского землевладения, его структура и концентрация. Особое внимание уделяется социальному и фамильному составу крупнейших землевладельцев, их роли в экономической жизни региона. В статье рассматриваются основные формы хозяйственной деятельности в латифундиях, выявляется степень их адаптации к капиталистическим отношениям, включая использование наемного труда, развитие промышленных производств и системы арендных отношений. Отдельно анализируется роль ипотечного кредита, в частности операций Государственного Дворянского земельного банка, как механизма поддержки и одновременно фактора мобилизации помещичьих земель. Делается вывод о ключевой, но противоречивой роли латифундий в аграрной эволюции Беларуси, сочетавшей в себе элементы капиталистической модернизации с сохранением значительных полукрепостнических пережитков.

Ключевые слова: аграрная история Беларуси; пореформенный период; Российская империя; крупное помещичье землевладение; латифундия; дворянство; Государственный Дворянский земельный банк; капиталистическая эволюция; структура землевладения; аренда; аграрный строй.

Аграрный вопрос, являлся стержневым в социально-экономической и политической истории Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Отмена крепостного права в 1861 г. дала старт процессу буржуазной трансформации страны, однако ее характер и темпы во многом определялись сохранением крупного помещичьего землевладения. Если в целом по Европейской России помещичье хозяйство постепенно уступало доминирующие позиции крестьянскому, то в западных губерниях, составляющих территорию современной Беларуси, ситуация имела ярко выраженную специфику. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что именно здесь концентрация земельной собственности в руках узкой группы латифундистов достигала максимальных по империи значений. Эти «дворянские гнезда», часто принадлежавшие представителям старинной польско-литовской аристократии, выступали

не просто как хозяйствующие субъекты, но и как важнейшие центры социально-политического влияния. Понимание механизмов их функционирования, адаптации к новым рыночным условиям и неизбежной деградации является ключом к анализу предпосылок и хода революционных событий 1905–1917 гг. в данном регионе.

Объектом исследования выступает крупное частное (преимущественно дворянское) землевладение на территории Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской и сопредельных уездов Виленской губерний. Предметом – динамика, структура, социально-экономическая характеристика и кредитно-финансовые механизмы функционирования этих имений в период 1861–1914 гг.

Историография проблемы достаточно обширна и представлена как классическими трудами, так и современными исследованиями. Фундаментальный вклад в изучение помещичьего хозяйства пореформенной России внес А.М. Анфимов. В своей монографии «Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX - начало XX века)» он на огромном статистическом материале вскрыл «консерватизм, косность, хозяйственный паразитизм» крупных землевладельцев, доказав, что латифундии являлись сильнейшим тормозом общественного прогресса [1].

И. Д. Ковальченко, анализируя аграрный строй России в целом, выделил два пути буржуазной аграрной эволюции – «прусский» (медленная трансформация помещичьего хозяйства) и «американский» (фермерский). Он отмечал, что в западных районах, включая Литву и Юго-Запад, помещичье хозяйство (в отличие от большинства других регионов) занимало ведущее положение на рынке и могло оказывать определяющее воздействие на ход аграрного развития [2].

Особую ценность для нашего исследования представляют работы, сфокусированные на региональной специфике и конкретных аспектах проблемы. Л. П. Минарик в своем труде «Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.» приводит ценные данные по фамильному составу и экономической деятельности латифундистов Беларуси, выделяя такие фамилии, как Пусловские, Радзивиллы, Потоцкие, Хрептович-Бутеневы и Святополк-Мирские [3]. Вопросы ипотечного кредитования и роли банков в поддержке дворянства глубоко проанализированы в работах Н. А. Проскуряковой, исследовавшей земельный кредит в общероссийском масштабе [4], и А. П. Житко, чья статья посвящена непосредственно деятельности Дворянского земельного банка в Беларуси. А. П. Житко справедливо отмечает, что банк, созданный для поддержки потомственных дворян, постепенно трансформировался в бессловный институт, спо-

собствуя переходу земли к «более предприимчивым, экономически сильным» владельцам [5].

Источниковая база исследования опирается, в первую очередь, на опубликованные материалы правительственной статистики. Ключевым источником являются данные «Статистики землевладения 1905 г.», изданные Центральным Статистическим Комитетом. В частности, материалы по 50 губерниям Европейской России [6] и «Статистическій Справочникъ по аграрному вопросу» под редакцией Н. П. Огановского и А. В. Чаянова [7] позволяют выявить точные данные о распределении земель по категориям владельцев, сословиям и размерам владений. Эти источники дают неопровержимые доказательства высочайшей концентрации земли в руках дворянства именно в западных губерниях. Административно-территориальное деление, являвшееся рамкой для функционирования имений, представлено в выпусках ЦСК «Волости и гмины 1890 года» по Минской [8], Витебской [9] и Гродненской [10] губерниям. Важные сведения о механизмах расширения крестьянского землевладения (и, соответственно, сокращения помещичьего) через Крестьянский Поземельный Банк содержатся в брошюре «Какъ крестьянамъ увеличить свое землевладѣніе» [11].

Таким образом, сочетание макростатистических данных из первоисточников с глубокими аналитическими выводами, представленными в историографии, позволяет провести комплексное исследование заявленной темы.

Отмена крепостного права нанесла сокрушительный удар по экономической монополии дворянства, однако в его руках по-прежнему оставались огромные земельные массивы. Пореформенный период стал временем неуклонного сокращения дворянского землевладения, однако темпы и характер этого процесса в белорусских губерниях имели существенные отличия от центрально-российских.

Ключевой особенностью региона была беспрецедентная концентрация земли. Статистические данные начала XX века красноречиво свидетельствуют об этом. Обратимся к итогам обследования 1905 года. В «Статистическомъ Справочникѣ. Землевладѣніе въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи за 1905 годъ» приводятся данные о распределении частной земельной собственности по сословиям владельцев [6, с. 4–5]. Если в целом по 50 губерниям в руках дворян находилось 52,1% всей частновладельческой земли (53,2 млн. десятин), то в губерниях Северо-Западного края (куда входили Витебская, Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская) и Юго-Западного этот показатель был значительно выше.

Более детальный анализ, представленный в «Статистическом Справочникѣ по аграрному вопросу» (1917 г.), позволяет конкретизировать эту картину. В разделе «Распредѣленіе частновладѣльческихъ земель по группамъ владѣній» приводятся данные по 47 губерниям Европейской России на 1905 год. Общая площадь частных владений составляла 101,7 млн десятин. Из них на долю дворян приходилось 53,2 млн десятин, или 52,4% [7, с. 8, 10].

Рассмотрим распределение по размерам владений. Крупнейшие латифундии (свыше 10 000 десятин) составляли ничтожную долю от общего числа владельцев (0,2%), но концентрировали в своих руках 23,8% всей частновладельческой земли – 24,2 млн десятин. В то же время на долю мелких владений (до 50 десятин), составлявших 54,6% всех собственников, приходилось лишь 3,2% земли [7, с. 8–9].

Эта диспропорция была особенно ярко выражена в Беларуси. Именно здесь располагались имения, входившие в категорию гигантских. В Гродненской губернии, согласно данным ЦСК 1890 г., насчитывалось 8 уездов, 168 гмин (административная единица, аналогичная волости в польских губерниях) и 792 сельских общества [10, с. 6]. В Минской губернии было 9 уездов и 164 волости [8, с. 4–5], в Витебской – 11 уездов и 183 волости [9, с. 4–5]. Вся эта сложная административная система на низовом уровне была пронизана сеткой частных латифундий, чьи границы зачастую не совпадали с крестьянскими наделами и административными единицами, создавая сложную чересполосицу и экономическую зависимость крестьянских обществ от помещика.

Процесс мобилизации земли, т. е. ее переход от дворянства к другим сословиям (купцам, мещанам и, в особенности, крестьянам), шел в Беларуси медленнее, чем в центре. А.М. Анфимов, анализируя эти процессы, отмечал, что «наибольшей устойчивостью отличалось дворянское землевладение в Прибалтике, Литве и Белоруссии» [1, с. 31]. Причин тому было несколько. Во-первых, это покровительственная политика правительства, особенно усилившаяся после польского восстания 1863 г. и направленная на поддержку «русского» (хотя де-факто часто обрусевшего польского или немецкого) дворянства в крае. Во-вторых, более высокая доходность имений, обусловленная близостью к европейским рынкам сбыта (лес, лен, спирт) и более интенсивными формами ведения хозяйства (винокурение, лесопилки).

Тем не менее, и здесь дворянство неуклонно теряло землю. С 1877 по 1905 гг. площадь дворянского землевладения в 50 губерниях Европейской России сократилась с 73,1 млн десятин до 53,2 млн, то есть на 27,2% [7, с. 10]. Этот процесс шел в основном за счет продажи земель крестьянам, активно пользовавшимся ссудами Крестьянского Поземельного Бан-

ка. Специальные издания разъясняли крестьянам механизмы покупки земли как у частных владельцев, так и у самого Банка, а также правила залога земель для получения ссуд [11, с. 3–5].

Несмотря на это сокращение, именно на начало XX в. концентрация земли в белорусских губерниях оставалась вопиющей. Л.П. Минарик, проведя колоссальную работу по выделению группы «крупнейших земельных собственников» (владельцев свыше 50 000 десятин), установила, что на 1905 г. в эту группу входило 283 фамилии, владевших 24,1 млн десятин. И значительная часть этих латифундий располагалась именно в западных губерниях [3, с. 3–5].

Таким образом, статистический анализ источников показывает, что аграрный строй Беларуси в пореформенный период характеризовался доминированием крупного латифундиального землевладения. Концентрация земли в руках узкой группы дворян-аристократов здесь была значительно выше среднероссийских показателей. Хотя и в этом регионе шел процесс «мобилизации» земли и сокращения дворянских владений, он протекал медленнее и был отягощен как политическими, так и экономическими особенностями края. Эта статистическая рамка позволяет нам перейти к анализу социального облика и хозяйственной деятельности тех, в чьих руках находились эти земельные богатства.

За безликими статистическими данными о миллионах десятин скрывались конкретные фамилии и судьбы, составлявшие элиту не только региона, но и всей империи. Анализ социального и семейного состава крупнейших землевладельцев Беларуси является ключом к пониманию их экономической стратегии и политического влияния.

Как уже отмечалось, белорусские губернии были средоточием гигантских состояний. Л. П. Минарик в своем исследовании приводит конкретные данные по персональному составу крупнейших помещиков. Значительная часть этих фамилий имела польские или литовские аристократические корни. Это были Радзивиллы, Потоцкие, Пусловские, Тышкевичи, Хрептович-Бутеневы.

Например, в Минской губернии располагались огромные владения Пусловских. В частности, им принадлежали имения Телеханы (41 378 дес.), Пески (11 774 дес.), Шиловичи-Альбертин (9 497 дес.) и другие. Князья Святополк-Мирские владели в той же губернии имениями Мир-Замирье (8 251 дес.), Уша (1 056 дес.) и Городея (1 478 дес.), а также значительными землями в других регионах. Графам Хрептович-Бутеневым принадлежали родовые имения, известные с XV-XVI вв., в том числе Щорсы и Негнеевичи в Минском уезде (10 692 дес.) и Вишнево в Ковенской губернии (19 132 дес.) [3, с. 70–74].

Эти данные показывают, что основу латифундиального землевладения составляли старинные, унаследованные «гнёзда» (майораты), передававшиеся из поколения в поколение. Это во многом определяло консерватизм хозяйственных практик, нежелание расставаться с землей даже при ее низкой доходности и стремление сохранить «статус-кво» любыми способами, в том числе активно прибегая к государственным субсидиям и кредитам.

Сословный состав был преимущественно дворянским, однако пореформенная эпоха вносила свои коррективы. Происходила постепенная «буржуазная» инфильтрация. Землю, пусть и в меньших масштабах, начинали приобретать купцы, почетные граждане и даже разбогатевшие крестьяне.

Однако в сегменте латифундий (свыше 10 000 дес.) дворянская монополия оставалась практически незыблемой вплоть до 1914 г.

Переход от барщинной системы к капиталистической в белорусских латифундиях шел по так называемому «прусскому» (юнкерскому) пути, что подробно теоретически обосновано в трудах И.Д. Ковальченко. Этот путь подразумевал медленное перерастание крепостнического хозяйства в буржуазное при сохранении у помещика не только земли, но и политической власти, и полуфеодалных методов эксплуатации крестьянства.

Основными формами этой эксплуатации в пореформенный период стали отработочная и издольная системы. Крестьяне, страдавшие от малоземелья (о чем косвенно свидетельствуют брошюры, призывающие к переселению и покупке земли [12], были вынуждены арендовать у помещика землю, расплачиваясь за нее своим трудом на господской запашке («отработки»). Эта система, по сути, являлась прямым пережитком барщины и тормозила как развитие помещичьего, так и крестьянского хозяйства.

Однако было бы неверным представлять все латифундии как исключительно паразитические и стагнирующие. А. М. Анфимов, критикуя косность помещичьего хозяйства в целом, все же признавал наличие в нем и капиталистических элементов. В белорусских губерниях, в силу их географического положения (близость к портам Балтики и рынкам Царства Польского и Германии), эти элементы были выражены сильнее, чем в Центрально-Черноземном регионе.

Во-первых, это касалось лесного хозяйства. Огромные лесные массивы, которыми изобиловали Минская и Могилевская губернии, становились объектом хищнической, но весьма прибыльной капиталистической эксплуатации. Лес шел на экспорт, принося владельцам латифундий твердую валюту.

Во-вторых, многие имения обзаводились собственными промышленными предприятиями, работавшими на местном сырье. Л.П. Минарик указывает, что крупнейшие землевладельцы активно вкладывались в акционерные предприятия и развивали собственное производство [3, с. 73]. Классическим примером для Беларуси являлось винокурение. Винокуренные заводы были неотъемлемой частью практически любого крупного имения. Они перерабатывали собственный картофель и зерно в спирт, который являлся высоколиквидным товаром. Также развивались лесопильные, кирпичные, дегтярные заводы.

В-третьих, в передовых имениях (хотя их доля и была невелика) происходил переход к вольнонаемному труду и использованию сельскохозяйственной техники. Однако в большинстве хозяйств капиталистическая организация (работа по найму, использование машин) причудливо переплеталась с отработочной системой, создавая гибридные, малоэффективные формы хозяйствования.

Особое место в экономической структуре латифундий занимала аренда. Не имея возможности или желания вести собственное капиталистическое хозяйство на всей огромной территории, помещики сдавали значительную часть земель в аренду. Аренда была двух типов:

1. Крупная предпринимательская аренда. Землю (часто целые имения или «фольварки») арендовали капиталистические предприниматели (нередко из купцов или иностранцев) для ведения интенсивного хозяйства, ориентированного на рынок.

2. Мелкая «крестьянская» аренда. Это была самая массовая форма. Крестьяне арендовали небольшие участки пашни, сенокосы, пастбища. Как уже говорилось, плата за эту аренду часто взималась не деньгами, а трудом (отработки), что ставило крестьянина в кабальную зависимость от помещика и консервировало полукрепостнические отношения.

М. В. Неручев в своей работе «Русское землевладѣніе и земледѣліе» (1877 г.) ярко критиковал хищническую эксплуатацию земли через посредников-арендаторов, проводя параллели с Ирландией и отмечая, что это приводит к нищете населения [13, с. 3]. Хотя он писал о южных губерниях, эта характеристика во многом была применима и к белорусским латифундиальным хозяйствам, где аренда часто вела не к развитию, а к истощению земли.

Таким образом, экономический облик крупного помещичьего хозяйства в Беларуси был крайне противоречив. С одной стороны, мы видим гигантские латифундии, принадлежавшие старой аристократии и сохранявшие полуфеодальные методы эксплуатации (отработки). С другой — эти же хозяйства демонстрировали элементы капиталистической адаптации: ориентацию на экспортные отрасли (лес, спирт), создание промыш-

ленных предприятий и использование наемного труда. Однако этот «прусский» путь развития был медленным, болезненным и не решал главной проблемы – аграрного перенаселения и малоземелья крестьянства, что неумолимо вело регион к социальному взрыву.

Эволюция помещичьих хозяйств в пореформенный период не может быть понята без анализа ключевого финансового инструмента, который, с одной стороны, был призван спасти дворянство от разорения, а с другой – объективно способствовал мобилизации земельной собственности. Речь идет о системе государственного и частного ипотечного кредита.

После 1861 г. поместное дворянство, лишившись дарового труда крепостных, столкнулось с острой нехваткой оборотного капитала для перестройки хозяйства на капиталистических рельсах. Многие имения были заложены еще в дореформенных кредитных установлениях. Необходимость выплачивать долги и одновременно инвестировать в хозяйство (покупка инвентаря, наем рабочих) ставила многих на грань банкротства.

В этих условиях правительство Александра III, проводившее политику поддержки «первенствующего сословия», пошло на создание специального кредитного учреждения. В 1885 г. был учрежден Государственный Дворянский земельный банк (ГДЗБ).

Как справедливо указывает А. П. Житко в своем исследовании, посвященном деятельности этого банка в Беларуси, он создавался именно с целью поддержки землевладения потомственных дворян [5, с. 33–34]. Банк предоставлял долгосрочные (до 48 лет) и сверхльготные ссуды под залог дворянских имений. Процент по ссудам был значительно ниже, чем в частных акционерных земельных банках, которые также активно развивались в этот период [4, с. 4–5].

В белорусских губерниях, где концентрация дворянского землевладения была максимальной, деятельность ГДЗБ приобрела огромный размах. Латифундисты, владевшие десятками тысяч десятин, активно закладывали свои имения, получая под них колоссальные ссуды. Эти средства, однако, далеко не всегда шли на модернизацию хозяйства. А.М. Анфимов отмечал, что значительная часть полученных кредитов шла на личное потребление, уплату старых долгов или попросту «проедалась», усугубляя, а не решая проблему.

Сборник «Россия сельская» также подтверждает, что Дворянский банк был ключевым элементом экономической политики, направленной на консервацию дворянского землевладения [14, с. 40–41]. Банк неоднократно получал субсидии от казны, чтобы покрыть убытки от невозврата ссуд и иметь возможность продолжать льготное кредитование.

Несмотря на свою охранительную, сословную задачу, Дворянский банк объективно стал мощнейшим фактором мобилизации земли. Полу-

чив ссуду, помещик часто не мог ее обслуживать. Недоимки по платежам росли. В конечном итоге банк был вынужден назначать имения в продажу с публичных торгов.

И здесь происходила трансформация: банк, созданный для дворян, начинал продавать заложенные имения представителям других сословий – купцам, мещанам, зажиточным крестьянам, которые были готовы предложить за землю реальную цену. При продаже имений долги просто переводились на новых владельцев. Таким образом, банк постепенно превращался в «бессословный». Этот процесс, по сути, означал принудительный переход земли из рук деградирующей аристократии в руки нового, «буржуазного» класса собственников. Н. А. Проскурякова в своем исследовании, посвященном земельному кредиту, подчеркивает именно эту двойственную роль: с одной стороны – поддержка, с другой – ускорение мобилизации [4, с. 4–7].

Параллельно с Дворянским банком действовал Крестьянский Поземельный Банк (создан в 1882 г.), миссией которого была выдача ссуд крестьянам (частным лицам, товариществам и целым обществам) на покупку земли [11, с. 4–8]. Основными продавцами этой земли выступали те же дворяне. Таким образом, государство кредитовало обе стороны процесса: дворян – чтобы они не разорялись, и крестьян – чтобы они покупали дворянскую землю.

В белорусских губерниях этот процесс имел свою специфику. Из-за высокого спроса на землю (аграрное перенаселение) и ее относительно высокой доходности (по сравнению с неурожайным центром), цены на землю росли. Помещики, особенно владельцы огромных латифундий, часто дробили свои имения на части и распродавали их через Крестьянский банк, извлекая значительную выгоду.

Таким образом, система ипотечного кредита, задуманная как «спасательный круг» для поместного дворянства, на деле лишь отсрочила его крах, но не смогла его предотвратить. Она обнажила нежизнеспособность многих латифундиальных хозяйств в новых капиталистических условиях. Кредит превратил землю из сословной привилегии в товар, объект залога и купли-продажи. К 1914 году значительная часть дворянских имений в Беларуси была заложена и перезаложена в Дворянском и частных банках, что делало их экономическое положение крайне неустойчивым накануне великих потрясений.

Проведенный анализ крупного помещичьего землевладения на территории Беларуси в 1861–1914 гг. позволяет сделать ряд выводов.

1. Аграрный строй пореформенной Беларуси характеризовался доминированием латифундиальной системы. Концентрация земельной собственности в руках узкой группы дворян-аристократов (часто польско-

литовского происхождения, как Радзивиллы, Потоцкие, Пусловские) была одной из самых высоких в Европейской России, что подтверждается данными статистических источников.

2. Эволюция этих латифундий в капиталистическую эпоху шла по медленному и мучительному «прусскому» пути, сочетавшему в себе архаичные формы эксплуатации (отработки, кабальная аренда) с элементами буржуазной модернизации. Последние были выражены сильнее, чем в центре России, в силу ориентации на экспортные отрасли (лесное хозяйство, винокурение).

3. Несмотря на отдельные примеры успешной адаптации, большинство латифундий демонстрировало низкую экономическую эффективность и хозяйственный консерватизм. Это вынуждало помещиков прибегать к массовому ипотечному кредитованию.

4. Ключевую роль в финансовой поддержке дворянства играл Государственный Дворянский земельный банк. Однако деятельность этого банка имела двойственный эффект. Задуманный как сословный инструмент консервации, он на деле стал механизмом принудительной мобилизации земли, переводя ее из рук неэффективных аристократических собственников в руки новых, более предприимчивых владельцев.

К 1914 г. крупное помещичье землевладение в Беларуси, несмотря на всю свою внешнюю мощь, было глубоко подорвано изнутри. Оно лишалось экономической монополии под давлением растущего крестьянского и нового «буржуазного» землевладения и было опутано гигантскими ипотечными долгами. Эта экономическая слабость, помноженная на острейшее социальное напряжение в деревне, вызванное малоземельем и полукрепостническими пережитками, сделала белорусские губернии одним из очагов аграрной революции 1917 г.

Библиографические ссылки

1. *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX - начало XX века). М. : Наука, 1969.

2. *Ковальченко И. Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М. : POSCПЭН, 2004.

3. *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX - начала XX в.: Землевладение, землепользование, система хозяйства. М. : Советская Россия, 1971.

4. *Проскурякова Н. А.* Земельный кредит и буржуазно-аграрная эволюция России в конце XIX – начале XX веков : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02. М., 1993.

5. *Жытко А. П.* Дзейнасць Дваранскага зямельнага банка ў Беларусі па падтрымцы дваранскага землеўладання. 1886–1914 гг. // Гісторыя Беларусі: новае ў

даследаванні і выкладанні : матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 27 сакавіка 1999 г. Мінск : БДПУ, 1999.

6. Статистический Справочникъ. Землевладѣніе въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи за 1905 годъ. СПб. : Типографія «Т-ва Художественной Печати», 1907.

7. Статистическій Справочникъ по аграрному вопросу. Выпускъ 1: Землевладение и Землепользование / под ред. Н. П. Огановскаго и А. В. Чаянова. М. : Универсальная Библіотека, 1917.

8. Статистика Российской Империи. XV. Выпускъ 22. Волости и гмины 1890 года. XXII. Минская губернія. СПб. : Издание Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1890.

9. Статистика Российской Империи. XV. Выпускъ 5. Волости и гмины 1890 года. V. Витебская губернія. СПб. : Издание Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1890.

10. Статистика Российской Империи. XV. Выпускъ 11. Волости и гмины 1890 года. XI. Гродненская губернія. СПб. : Издание Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1890.

11. Какъ крестьянамъ увеличить свое землевладѣніе при помощи Крестьянскаго Банка и землеустроительныхъ комиссій. СПб., 1909.

12. *Баръ Ф.* Общинное землевладѣніе, малоземелье, переселеніе и земледѣльческій, экономическій и торговый кризисъ въ Россіи. СПб. : Типографія В. Киршбаума, 1886.

13. *Неручев, М. В.* Русское землевладѣніе и земледѣліе. М. : Университетская типографія (М. Катковъ), 1877.

14. Россия сельская. XIX – начало XX века / отв. ред. А. П. Корелин. М. : РОС-СПЭН, 2004.

ЗНАЧЭННІ СЯМ'І У ЦЫНСКІМ ГРАМАДСТВЕ СКРОЗЬ ПРЫЗМУ ТРАДЫЦЫЙНЫХ СЯМЕЙНЫХ КАШТОУНАСЦЕЙ

Г. Ф. Філімонова

*Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 65, г. Мінск,
Беларусь, annafilimonovaf@mail.ru*

У артыкуле разглядаецца роля сям'і ў кітайскім грамадстве з улікам традыцыйных сямейных каштоўнасцяў. Аналізуюцца асноўныя элементы сямейнай структуры і ўзаемаадносін, якія закладзены ў канфуцыянскай філасофіі і фармуюць культурную аснову кітайскага грамадства. Разглядаецца ўплыў сям'і як фундаментальнай ячэйкі на фарміраванне асобы, сацыяльных роляў і маральных норм.

Ключавыя словы: сям'я; грамадствы; традыцыі; жыццё; культура.

ЗНАЧЕНИЕ СЕМЬИ В ЦИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А. Ф. Филимонова

*Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, г.
Минск, Беларусь, annafilimonovaf@mail.ru*

В статье рассматривается роль семьи в китайском обществе с учётом традиционных семейных ценностей. Анализируются основные элементы семейной структуры и взаимоотношений, заложенные в конфуцианской философии и составляющие культурную основу китайского общества. Рассматривается влияние семьи как фундаментальной ячейки на формирование личности, социальных ролей и моральных норм.

Ключевые слова: семья; общество; традиции; быт; культура.

З найстаражытных часоў 中国家庭 (кітайская сям'я) служыла правобразам арганізацыі ўсёй дзяржавы Паднябеснай. Сямейная прылада адлюстроўвала тыя ж прынцыпы і ідэі, на якіх будавалася дзяржаванараў у цэлым. Таксама можна замяніць, што іерогліф сям'я і дзяржава амаль ідэнтычныя, у свой склад уваходзіць графема 国, што можна сказаць узаемаадносіны паміж сям'ёй і дзяржавай склаліся яшчэ здаўна.

Правільныя ўзаемаадносіны паміж бацькам і сынам гарантавалі належныя сувязі паміж кіраўніком і падначаленым. Кожнаму члену тава-рыства адводзілася свая роля і становішча. Ніжэйшы чыноўнік, абавязаны падпарадкоўвацца вышэйстаячаму начальству, набываючы досвед і веды, у канчатковым выніку мог падняцца па сацыяльнай іерархіі і за-

няць значную пасаду. Аналагічна, любы сын, беспярэчна які выконваў волю аднаго з бацькоў, пры нараджэнні сваіх спадчыннікаў займаў супрацьлеглую пазіцыю ў гэтай двухбаковай сістэме ўзаемаадносін. Менавіта з-за гэтай асаблівасці А. Швейгер-Лерхенфельд надаў адмысловую ўвагу апісанню сямейнага жыцця кітайцаў: «Мы не можам змясціць тут ні геаграфічных, ні культурных апісанняў велізарнай тэрыторыі, якая цяпер пад кітайскім кіраваннем» [1].

Напрыклад, роля жанчыны ў цынскім грамадстве з пункту гледжання асноўных каштоўнасцей і народнага побыту кітайцаў мае вялікае значэнне, паколькі ў дзяржаве пануюць старажытныя патрыярхальныя адносіны. Дзяржава тут у сутнасці ўяўляе сабой вялікае сямейства, а сям'я – маленькая дзяржава. Адсюль вынікаюць абставіны, якія надаюць унікальны адбітак нацыянальнаму характару кітайцаў, іх ладу жыцця, маральным асновам і філасофскім поглядам».

Такім чынам, сям'я і дзяржава абаяпіраліся на падобныя асновы, парушэнне якіх на найнізкіх узроўнях магло прывесці да парушэння традыцый і на вышэйшых. Аднак абедзве гэтыя структуры ў значнай ступені існавалі незалежна адна ад адной.

Калі зразумець, чаму традыцыйнае кітайскае грамадства ў прававой сферы больш арыентавалася на маральныя нормы, то адказ трэба шукаць у двух аспектах: вяршэнстве сям'і ў кітайскай культуры і ў светапоглядзе сялянства.

У грамадстве, дзе сям'я з'яўляецца асновай сацыяльнай арганізацыі, адносіны паміж людзьмі падтрымліваліся сеткай пачуццяў і асабістых прыхільнасцяў.

У такой сітуацыі лепшы стрымальны фактар – маральныя і этычныя стандарты, што прымушала людзей паважаць перш за ўсё нормы маралі, а не фармальныя артыкулы закона. Прасцей кажучы, адносіны рэгуляваліся «хатнім правам».

Ва ўмовах земляробчых абшчын развіццё залежала ад кліматыка-геаграфічных фактараў і ўзроўню тэхнічнага прагрэсу, што не дазволіла дасягнуць высокага матэрыяльнага дабрабыту.

Ва ўмовах такой выявы жыцця чаканні і запатрабаванні народа былі вельмі сціплымі, што спрыяла фармаванню простых крытэраў задаволенасці: «ціхае жыццё і дастатак у гаспадарцы». Пры такім падыходзе для базавага функцыянавання абшчыны палажэнняў «хатняга права» было больш чым дастаткова.

У кітайскім грамадстве існаваў шэраг канцэпцый, якія вызначалі ўспрыманне кітайцамі сувязі паміж натуральнымі законамі і парадкам узаемадзеяння чальцоў грамадства. Вэй Чжэнтун вылучае чатыры ключавыя паняцці, якія ілюструюць гэтую сувязь:

Дао 道. Дао можна трактаваць як (разумнасць, рацыянальнасць), гэта значыць як разумную аснову, на якой будуецца ўсе справы і адбываюцца падзеі паўсядзённага жыцця.

Лі 李 – гэта паняцце, якое таксама можна вызначыць як дао, а таксама як фа (закон). Ці, як і дао, служыць крытэрам адрознівання правільнага і памылковага, праўдзівага і ілжывага.

Ці 氣 – рытуал. Ці галоўная функцыя заключаецца ва ўсталяванні межаў, у рамках якіх працякае жыццё чалавека. Ці арганічна спалучаецца з законам і розумам, звязана з дао.

Фа 法 – закон. Ён рэгламентуе нормы зносін паміж людзьмі ў дзяржаве. Гэтыя нормы заснаваныя на маральных крытэрах і цесна звязаныя з ці. Закон адыгрываў вырашальную ролю [2].

Такім чынам, першыя два паняцці – Дао і Ці – уяўляюць сабой нябесныя пачаткі, а другія – Ці і Фа – з'яўляюцца іх вытворнымі, прыстасаванымі да чалавечых узаемадзеянняў. Асноўная роля ці складаецца ў вызначэнні рамак, у межах якіх працякае жыццё чалавека. Ці арганічна спалучаецца з законам і разумнасцю, звязана з Дао.

Фа – закон. Ён вызначае нормы зносін паміж людзьмі ў дзяржаве. Гэтыя нормы фарміруюцца на аснове маральна-маральных крытэрыяў і цесна звязаныя з ці. Закон становіўся ключавым рэгулятарам грамадскіх адносін. Такім чынам, першыя два паняцці – Дао і Ці – з'яўляюцца нябеснай дадзенасцю, у той час як і Фа – іх вытворнымі, адаптаванымі для рэгулявання чалавечых узаемадзеянняў.

З найстаражытных часоў кітайская сям'я ўвасабляла ў сабе мадэль уладкавання ўсёй дзяржавы Паднябеснай. Сям'я была мініяцюрным адлюстраваннем тых жа прынцыпаў і канцэпцый, на якіх будавалася дзяржава ў цэлым. Правільныя адносіны паміж бацькам і сынам забяспечвалі парадку іерархіі паміж кіраўніком і падданым. Кожнаму члену таварыства адводзілася пэўная роля і месца.

Дробны чыноўнік, падпарадкоўваючыся вышэйшатаму начальніку і набіраючыся вопыту і ведаў, мог рушыць наперад па сацыяльных усходах і заняць больш высокую пасаду.

Аналагічна, любы сын, беспярэчна падпарадкоўваючыся бацьку, пасля нараджэння ўласных спадчыннікаў пераходзіў на процілеглы полюс гэтай двухбаковай сістэмы ўзаемаадносін.

Дзяржава – па сутнасці, вялікая сямейства, а сямейства – маленькая дзяржава. Адсюль вынікаюць умовы, якія надаюць асаблівы, арыгінальны адбітак як нацыянальнаму характару кітайцаў, так і ўсяму іх ладу жыцця, асновам маральнасці і маральна-філасофскіх поглядаў. Аўтаномія сям'і і традыцыйныя асновы грамадства ў Кітаі: погляд на куль-

турныя прыярытэты. Сям'я і дзяржава ў традыцыйным Кітаі засноўваліся на адзіных прынцыпах, парушэнне якіх на ніжэйшых узроўнях магло прывесці да парушэння традыцый і ў верхніх пластах грамадства. Пры гэтым гэтыя дзве структуры функцыянавалі практычна незалежна адна ад адной. Калі разабрацца ў прычынах, па якіх традыцыйнае кітайскае грамадства ў пытаннях права больш абапіралася на нормы маралі, то адказ трэба шукаць у двух аспектах: у ролі сям'і ў грамадстве і ў сялянскім светапоглядзе.

У грамадстве, дзе сям'я з'яўлялася асновай сацыяльнай структуры, адносіны паміж людзьмі будаваліся на пачуццях і асабістых прыхільнасцях. У такой сістэме галоўную ролю адыгрывалі маральныя крытэрыі, а не законы. Гэта азначала, што паводзіны стрымліваліся «хатнім правам».

Ва ўмовах сялянскай абшчыны развіццё вызначаліся клімата-геаграфічнымі ўмовамі і ўзроўнем агра-тэхнікі, што абмяжоўвала даходы і магчымасць росту.

У рамках канфуцыянскай традыцыі існавала некалькі канцэпцый, якія фарміруюць розныя бакі міжасобасных адносін. Адной з ключавых была ідэя «трох вяршэнствуючых» 三位统治者(сань ган – тры апоры або тры асновы), паводле якой грамадства будавалася па прынцыпе: «мудры кіраўнік» 明智的统治者 – вяршэнствуючы ў адносінах да чыноўнікаў, бацька 父亲 – у адносінах да сына, муж. Такі прынцып меркаваў безумоўнае падпарадкаванне: чыноўнік, сын і жонка павінны былі падпарадкоўвацца адпаведна кіраўніку, бацьку і мужу, а тыя ў сваю чаргу быць годнымі прыкладам для сваіх падначаленых.

Гэтыя адносіны засноўваліся на маральна-этычных нормах. Канфуцыянскія навукоўцы вылучалі пяць якасцяў, неабходных для гармоніі ў грамадстве: чалавекалюбства, справядлівасць, рытуал, мудрасць і давер – так званыя «пяць пастаянных» 五个常数.

Гэтыя каштоўнасці служылі крытэрам узаемадзеяння паміж членамі грамадства: кіраўніком і падпарадкаваным, бацькам і сынам, старэйшым і малодшым братамі, мужам і жонкай, сябрамі.

У цэлым, у Цынскім грамадстве сям'я займала цэнтральнае месца ў сістэме сацыяльных адносін і выканвала асноўную функцыю захавання культурных каштоўнасцей і традыцыйнага ладу жыцця.

Традыцыйныя сямейныя каштоўнасці, такія як павага да старэйшых, пакорнасць, сямейная адказнасць і падтрымка, не толькі фарміравалі ўнутраны свет грамадзяніна, але і вызначалі яго арыенціры ў жыцця. Менавіта праз прызму гэтых каштоўнасцей будзецца сістэма маральных і этычных норм, што ў сваю чаргу ўмацоўвала сацыяльную гармонію і стабільнасць у грамадстве эпохі Цын.

Такім чынам, сям'я ў кантэксце Цынскай эпохі была не толькі малой сацыяльнай адзінкай, але і важным фактарам захавання культурнай ідэнтычнасці, вызначала тып чалавечых адносін і мадэль паводзін, якія прадвызначалі ўзаемаадносіны паміж народамі і грамадскім жыццём у цэлым.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Швейгер-Лерхенфельд А. Ф.* Семейная и народная жизнь китайцев. URL: <https://eykumena.ru/semeynaya-i-narodnaya-zhizn-kitaycev>. (дата обращения: 10.09.2025).

2. *Вэй Ч.* История Династии Суй. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/VII/SuiSu/text2.htm> (дата обращения: 10.09.2025).

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПЕРИОДЫ ДИНАСТИЙ МИН И ЦИН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДРАМАТИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА ИМПЕРАТРИЦЫ У ЦЗЭТЯНЬ

Е Хуашэн

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск, Беларусь, 827385183@qq.com

В статье рассматривается эволюция модели социального поведения женщин в эпохи Мин и Цин (1368–1912 гг.) через призму трансформации образа императрицы У Цзэтянь в традиционной китайской драме. В период династии Мин под влиянием неоконфуцианства Чжэн-Чжу социальная модель женского поведения имела строгие рамки: запрещалось политическое участие, четко фиксировались семейные роли, что воплотилось в образ «укощенной» или даже «демонизированной» У Цзэтянь. В эпоху Цин под влиянием маньчжурской культуры и других социальных факторов жесткие социальные границы модели женского поведения ослабли, что нашло выражение в трансформации образа У Цзэтянь в сторону этического компромисса. Изменение характера этого знаменитого женского персонажа китайской драмы свидетельствовало о трансформации социальной модели женского поведения эпох Мин и Цин от абсолютного женского послушания к некоторому социальному послаблению в рамках традиционного общества.

Ключевые слова: эпохи Мин и Цин; модель социального поведения женщин; драматический образ У Цзэтянь; неоконфуцианство Чэн-Чжу.

В китайской традиционной историографии долгое время существовала тенденция андроцентризма, в рамках которой женщины нередко оказывались ограничены вспомогательными повествованиями. Период Мин и Цин, являясь временем расцвета и упадка феодальной монархии, представляет собой ключевой этап эволюции моделей женского поведения. В эпоху Мин активно продвигалась неоконфуцианская доктрина, формировавшая строгие нормативы женских ролей. В эпоху Цин неоконфуцианская этика была унаследована и дополнена гендерными особенностями маньчжурской культуры, а совокупность внутренних и внешних кризисов Нового времени создавала обусловила дальнейшую трансформацию женских ролей.

Выбор образа У Цзэтянь (武则天) основан на том, что театр выступал как публичная сфера мнений, где персонажи подчинялись гендерным представлениям и социальным нормам своего времени. У Цзэтянь, как единственная женщина-правительница, принявшая титул хуанди, стала объектом пристального внимания литераторов. Ее образ эволюционировал от роковой красавицы до политического деятеля, и эта динамика точ-

но отражает изменения моделей женского поведения в эпохи Мин и Цин. Как отмечает китайский литературовед Го Индэ в труде «Исследования легенд минско-цинских писателей»: «Образ женщины в драматургии глубоко соотносится с тем, как эпоха определяет женские роли» [1].

У Цзэтянь (690–705 гг. правления) – единственная законная императрица в истории Китая. Она вошла во дворец в качестве наложницы и в 690 г. и официально провозгласила себя императором, оставаясь у власти до отречения.

В политической практике У Цзэтянь проявила ярко выраженные реформаторские черты. Она нанесла удар по знатым родовым кланам, активно развивала систему государственных экзаменов (впервые ввела дворцовый экзамен и военный экзамен), разрушив монополию аристократии на занятие должностей. Уделяя внимание развитию сельского хозяйства и шелководства, она проводила политику поощрения земледелия и шелководства, снижения налогов и повинностей, способствуя устойчивому социально-экономическому росту [2, с. 115–133]. Она укрепляла управление приграничными территориями и содействовала консолидации многонационального государства. Вместе с тем её правление сопровождалось и спорами: стремясь укрепить власть, она опиралась на жестоких чиновников, расправлялась с политическими противниками, а в поздние годы вела роскошный образ жизни – всё это стало важным материалом для последующей конструкции её образа.

Образ У Цзэтянь до эпохи Мин и Цин не был неизменным, а многократно корректировался в зависимости от гендерных представлений и политических потребностей различных эпох. Официальные исторические источники династии Тан дают У Цзэтянь оценку в духе «и заслуги, и ошибки». Они признают её политические способности, но вместе с тем критикуют сам факт пребывания женщины у власти [3, с. 81]. С оформлением и распространением учения Чжу Си в эпоху Сун нормы трёх основ (三纲) и пяти постоянств (五常) были включены в систему небесного принципа (天理), а этические предписания почтения к мужчине и власти мужа над женой получили метафизическое обоснование. Участие женщин в управлении стало главным объектом критики сунских учёных. Например, Сыма Гуан (司马光) в «Всеобъемлющем зеркале для управления» (资治通鉴) хотя и фиксирует её политические достижения, но куда больше подчёркивает нелегитимность женского правления, представляя её как антипод конфуцианских норм [4, с. 6490].

В этот период Юань формируется классическая структура театральных пьес, которые наследуют сунскую логику критики и усиливают образ У Цзэтянь как жестокой и кровожадной правительницы. Популярность исторических романов конца эпохи Юань и начала правления ди-

насти Мин закрепляет нарратив о том, что женское вмешательство в политику неизбежно приводит к бедствиям. Образ У Цзэтянь постепенно отрывается от исторической реальности и превращается в символ нарушения этических норм, что становится прямой основой для демонизации ее образа в драматургии Мин.

Эпоха Мин является периодом процветания традиционных норм, регулирующих социальные женские роли. Император Чжу Юаньчжан (1328–1398) продвигал неоконфуцианство и посредством трёх механизмов – закона, образования и социального наставления. При нём модель поведения женщин была ограничена рамками добродетельной жены и любящей матери, а политическое участие женщин рассматривалось как источник бед для государства [5, с. 89]. Эта модель абсолютного послушания проецировалась в драматургию, формируя негативные нарративы образа У Цзэтянь, в основе которых лежало отрицание легитимности женщин у власти и укрепление норм их социального повиновения.

В эпоху Мин принципы трёх подчинений и четырёх добродетелей были возведены в ранг правовых норм, сформировав систему женских ограничений, где этика управляла законом. В «Уложении Великой Мин. Законы о семьях» (大明律·户律) говорилось: «Если женщина совершает преступление, то, за исключением прелюбодеяния и случаев, требующих заточения до казни, за остальные проступки отвечает её муж, принимающий её под надзор» [6, с. 207]. Тем самым законодательно закреплялось личностное подчинение женщин мужчинам. «Предписания предков династии Мин» (皇明祖训) прямо устанавливали: «Императрицам и наложницам запрещено вмешиваться в государственные дела; нарушившие подлежат низложению» [5, с. 89].

Государство в больших масштабах составляло нравоучительные тексты, такие как «Четыре книги для женщин» (女四书), и распространяло их через конфуцианскую систему, клановые структуры (внутриклановое правосудие) и сельские соглашения (договоры о правилах поведения в общинах). В «Лежуань» (Жизнеописания добродетельных женщин) в «Истории Мин» (明史·列女传) вошли биографии 359 добродетельных женщин – значительно больше, чем 47 подобных биографий в «Истории Сун» (宋史·列女传) [7, с. 7893–7901]. Культ верности связывал женщин с супружеской верностью и семейными обязанностями: любое нарушение трактовалось как угроза общественному порядку.

Женщины эпохи Мин были исключены из государственной системы образования; лишь немногие семьи высокопоставленных чиновников давали им домашнее обучение, которое ограничивалось «Четырьмя книга-

ми для женщин» и домашними навыками. Целью такого образования было воспитание мягкости и покорности. Эта образовательная монополия лишала женщин знаний, необходимых для участия в общественных делах и консервировала их домашнюю роль.

Образ У Цзэтянь в минской драме строится на отрицании легитимности её власти, что укрепляет норму абсолютного неприятия женщины в политике. В репрезентативном произведении «У Цзэтянь меняет девиз правления» (武则天改元) она изображена как демоническая фигура, убивающая собственных детей и узурпирующая власть [8, с. 15].

Как отмечал теоретик минской драмы Люй Тяньчэн (吕天成) в трактате «Пиньцзюй» («Оценка пьес» 曲品): «Минские авторы, описывая У Цзэтянь, непременно подчёркивают её зло; зло же не в человеке, а в самом факте женского вмешательства в управление» [9, с. 67].

Такая интерпретация драматического персонажа не была изолированным художественным приемом, она соотносилась с реальными механизмами контроля над поведением женщин. Например, вмешательство наложницы императора Чжу Цзяньшэнь (1465–1487 гг. правления) Вань в назначение чиновников вызвало резкое сопротивление и осуждение со стороны бюрократических кругов [10, с. 3505–3506]. Эти случаи подтверждали дурную славу У Цзэтянь, созданную драмой, и укрепляли социальное представление о том, что выход женщины за пределы своей роли разрушает общественный порядок.

В период династии Цин, унаследовавшей с одной стороны неоконфуцианскую этическую систему Мин, а с другой привнесшей гендерно-культурные особенности маньчжуров произошло частичное ослабление строгой социальной модели поведения женщин. С одной стороны, произошло признание её политических способностей при одновременной критике нарушения ею этических норм. В традиционном обществе маньчжуров женщины имели большую социальную активность: могли участвовать в племенных совещаниях, управлять имуществом. После основания династии Цин, несмотря на проведение политики китаизации, маньчжурские женщины сохранили традиции участия в делах рода [11, с. 432], что создало предпосылки для пересмотра социальной модели

В 1850–1860-х гг. династия Цин столкнулась с Тайпинским восстанием и иностранной агрессией, и традиционная социальная структура оказалась на грани распада. Правительство Цин нарушило запрет на неучастие женщин в общественных делах и позволило женщинам заниматься благотворительностью и вспомогательной военной деятельностью. Например, в Сянцзюне был создан женский лагерь для размещения семей солдат и поддержания порядка в армии; женщины на местах участвовали в медицинском обслуживании и тыловой помощи [12, с. 89]. В

Шанхае и Гуанчжоу женщины создавали благотворительные общества для помощи беженцам, а семьи некоторых чиновников участвовали в дипломатических мероприятиях (например, в приёме иностранных делегаций). Эти изменения были отражены в театре: в постановке цзинцзюй (пекинской опере) «Солнце и Луна над Небом» (日月凌空) конфликт между У Цзэтянь и министрами интерпретируется как противостояние реформ и консерватизма, её политика наделяется прогрессивным смыслом [13, с. 387].

Кризисы наследования в императорской семье Цин также создавали возможности для вовлечения женщин во власть. С 1661 по 1688 гг. при вступлении на престол малолетнего императора Канси (1661–1722 гг. правления), императрица-вдова Сяочжуан (1613–1688) фактически руководила государством, оказывая влияние через воспитание императора, политическое посредничество и руководство ключевыми решениями, хотя формально не являлась правителем [14, с. 405].

В 1861 г. после смерти императора Сяньфэна (1831–1861) малолетние императоры Тунчжи (1861–1875 гг. правления) и Гуансуй (1875–1908 гг. правления) последовательно вступили на престол. Императрица-вдова Цыси (1835–1908), стремясь к реальной власти, совершила переворот и устранила политических противников. Под предлогом несовершеннолетия императора она дважды вела правление «из-за занавеси» в 1861–1908 гг. [15, с. 8937–8943]. Эти практики сопровождались изменением содержания драматического образа У Цзэтянь с демонического на частичное оправдание ее действий, насколько это можно было сделать в рамках традиционной неоконфуцианской этики.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

В условиях господства неоконфуцианской идеологии периода Мин поведение женщин характеризовалось исключительным повиновением в семье и обществе. Через механизмы правового регулирования, образовательной монополии и социального наставления государство Мин создало жёсткую систему контроля над социальными ролями женщин, ограничив их сферой семьи и домашнего хозяйства. Сценический образ У Цзэтянь в этот период подвергся демонизации, суть которой заключалась в категорическом отрицании легитимности политической власти женщин для укрепления патриархальной этики. Драматургия выступала инструментом идеологического воздействия, транслируя в общество представление о том, что выход женщины за пределы предписанной роли неизбежно ведёт к социальной катастрофе.

В эпоху Цин, под влиянием гендерно-культурных особенностей маньчжурского общества и масштабных внутренних и внешних вызовов (Тайпинское восстание, иностранная агрессия, кризисы престолонасле-

дия), модель поведения женщин начала трансформироваться в сторону больших социальных послаблений. Династия Цин была вынуждена допустить женщин к большому их участию в общественных делах – благотворительной деятельности, вспомогательном военном обеспечении. Фиксировались также случаи влияния женщин на политику через институт регентства. Сценический образ У Цзэтянь также изменился. В драматических произведениях эпохи признавались её политические способности и реформаторская деятельность, однако этическая критика узурпации власти сохранялась. Такая трансформация отражала попытку общества найти компромисс между традиционными нормами и изменившимися социальными реалиями. При этом расширение социальных ролей женщин в период Цин носило вынужденный и ограниченный характер, не затрагивая основ конфуцианской этики. Сценическая трансформация образа У Цзэтянь убедительно демонстрирует, что традиционная китайская драматургия функционировала не только как форма художественного творчества, но и как механизм социального контроля и трансляции гендерных норм. Театр выступал публичной сферой, где конструировались и воспроизводились представления о допустимых границах поведения, а исторические персонажи становились символами для утверждения или критики тех или иных социальных практик.

Библиографические ссылки

1. Го Иньдэ (郭英德). Исследование литераторов-авторов чуаньци эпох Мин и Цин (明清文人传奇研究). Пекин: Пекинское педагогическое издательство (北京师范大学出版社), 1992.
2. Лю Сю (刘昫) и др. Книга Тан. Цзюань 6: Биография императрицы У Цзэтянь (《旧唐书》卷六《则天皇后本纪》). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 1975.
3. Оуян Сю; Сун Ци (欧阳修、宋祁). Новая книга Тан. Цзюань 4: Биография императрицы У Цзэтянь (《新唐书》卷四《则天皇后传》). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 1975.
4. Сыма Гуан (司马光). Всеобъемлющее зеркало по управлению. Танские летописи (资治通鉴·唐纪). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 1956.
5. Чжу Юаньчжан (朱元璋). Заповеди династии Мин (皇明祖训). Под ред. У Сянсяна (吴相湘). Тайбэй: Тайваньское коммерческое издательство (台湾商务印书馆), 1965.
6. Чжу Юаньчжан (朱元璋). Уголовный кодекс династии Мин (大明律). Под ред. Хуай Сяофэна (怀效锋). Пекин: Юридическое издательство (法律出版社), 1999.
7. Чжан Тинъюй и др. (张廷玉等). История Мин. Биографии добродетельных женщин (明史·列女传). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 1974.

8. Аноним (佚名). «Изменение девизов правления У Цзэтянь» (武则天改元) // Сборник древних пьес. Первая серия (古本戏曲丛刊初集). Пекин: Коммерческое издательство (商务印书馆), 1954.
9. Лю Тяньчэн (吕天成). Описание жанра цюй (曲品). Под ред. У Шуиня (吴书荫). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 1990.
10. Чжан Тинъюй и др. (张廷玉等). История Мин. Том 113: Биография фаворитки Вань Гуйфэй (《明史·后妃传一·万贵妃传》). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 1974.
11. Старые маньчжурские архивы (满文老档). Под ред. Архива №1 Китая (中国第一历史档案馆). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 1990.
12. Сюэ Фучэн (薛福成). Записки «Юньань бицзи» (庸庵笔记). Шанхай: Шанхайское издательство древних книг (上海古籍出版社), 2000.
13. Редакционная комиссия по истории пекинской оперы (中国京剧史编辑委员会). История китайской оперы. Том «Цин» (中国京剧史 (清代卷)). Пекин: Издательство Китайской драмы (中国戏剧出版社), 1999.
14. Правдивые записи династии Цин. Том «Шицзу». Цзюань 46 (《清实录·世祖实录》卷四十六). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 1986.
15. Проект истории династии Цин. Биографии императриц II. Биография императрицы Сяоцинсянь (《清史稿·后妃传二·孝钦显皇后》). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 1977.

OPERA PERFORMANCES IN THE MING DYNASTY COURT

Lu Weiran

Belarusian State University, Nezalezhnasti av., 4, Minsk, Belarus
Luweiran1221@qq.com

The court opera performances in the Ming Dynasty were carried out by specialized institutions and were closely related to various activities such as royal sacrifices and birthday banquets. Its development showed the characteristics of clear institutional division of labor and the gradual integration of performance content with folk opera. During the Ming Dynasty, the core court agencies responsible for opera performances were divided into the Zhonggu Department and the Jiaofang Department, each with distinct responsibilities. As folk opera matured in the late Ming Dynasty, the Zhonggu Department and Jiaofang Department inevitably introduced and studied folk opera works. The court provided exquisite costumes and props for opera performances, and the transfer of these materials to the public also promoted the development of folk opera actors' character creation and the pursuit of costumes and props.

Keywords: Ming Dynasty; palace; opera performance; Zhonggu Department; Jiaofang Department.

ОПЕРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРИ ДВОРЕ ДИНАСТИИ МИН

Лу Вейжан

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, Luweiran1221@qq.com*

Придворные оперные представления в эпоху династии Мин проводились специализированными учреждениями и были тесно связаны с различными мероприятиями, такими как королевские жертвоприношения и праздничные банкеты. Развитие придворной оперы демонстрировало особенности чёткого институционального разделения труда и постепенной интеграции содержания постановок с народной оперой. В эпоху династии Мин основные придворные учреждения, ответственные за оперные представления, были разделены на департамент Чжунгу и департамент Цзяофан, каждый из которых имел свои обязанности. По мере развития народной оперы в конце династии Мин, департаменты Чжунгу и Цзяофан неизбежно вводили и изучали народные оперные произведения. Двор предоставлял изысканные костюмы и реквизит для оперных представлений, а передача этих материалов публике также способствовала развитию мастерства актёров народной оперы в создании образов и стремлению к созданию костюмов и реквизита.

Ключевые слова: династия Мин; дворец; оперное представление; департамент Чжунгу; департамент Цзяофан.

The Chinese imperial court has held ancestral temple sacrifices every year since ancient times. The sacrifices are often accompanied with music, singing and dancing. Songs and dances were often at birthday banquets held in daily life. The previous Dynasties created and supported institutions dedicated to those arts.

By the Ming Dynasty, the Zhonggu Department and the Jiaofang Department were responsible for matters such as ceremonies and entertainment in the palace.

1. Zhonggu Department. Throughout the ages, there has been a Jiaofang Department in the palace, which was in charge of matters related to the palace's acceptance of internal ceremonial prescriptions or other art - related issues. In the Ming Dynasty, it has been divided into two departments: Zhonggu Department and Jiaofang Department:

鐘鼓司，掌印太監一員，僉書、司房、學藝官無定員，掌管出朝鐘鼓，及內樂、傳奇、過錦、打稻諸雜戲 [1, p.1820]

“Zhonggu Department has one member of the eunuch status who was in charge of the seal. There is no fixed number of people in the headquarters deputy, execution room, and apprentice artists. It is in charge of the ringing of bells and drums when the Emperor goes to court, as well as various entertainment activities such as palace instruments, ChuanQi, brocades, and rice harvesting.

The Zhonggu Department was run by eunuchs; the eunuch Liu Jin was the most typical one of them. Because he held the post of Zhonggu Department, and by virtue of his position, he won the favor of Ming Xianzong and Ming Wuzong.

(劉瑾) 日進鷹犬、歌舞、角抵之戲，導帝微行。帝大歡樂之，漸信用瑾 [2]

“Liu Jin presented hawks, dogs, songs, dances, Operas, wrestling games, etc. to the Emperor every day to lure the Emperor to travel incognito. The Emperor felt himself very happy, and gradually he has been trusted Liu Jin and appointed him to arrange that incognito travelling.

During annual celebrations and autumn harvests, the Zhonggu Department was responsible for performing various skills, with more than 200 performers participating in various activities.

During the reign of Ming Shenzong (明神宗, 1572 CE – 1620 CE), the activity of the palace troupe expanded. In addition to being responsible for various traditional palace activities, the Zhonggu Department also was to study folk Opera. That so-called “folk Opera” was the “Yiyang (弋陽), Haiyan (海鹽) and Kunshan (昆山) accents”, which were popular among the people at that time.

In the late Ming Dynasty, performances in the palace became more and more frequent. Ming Shenzong even set up a new “Yuxi Palace”, where nearly 300 actors concentrated themselves in “Folk Opera”.

“In order to be filial to his biological mother, Ming Shenzong set up Sizhai, equipped with more than 200 attendants, and asked them to learn Opera both inside and outside the palace. Every time the Queen Mother came to the courtyard, Ming Shenzong would bring over newly composed Operas from outside the palace for the Queen Mother to watch. For example, they once performed “Hua Yue Ci Huan Ji” (華嶽賜環記).”

內廷諸戲劇俱隸 (鐘鼓司), 皆習相傳院本, 沿金元之舊, 以故其事多與教坊相通, 至今上始設諸劇於玉熙宮, 以習外戲, 如弋陽、海鹽、崑山諸家俱有之。其人員以三百爲率, 不復屬 (鐘鼓司), 頗采聽外間風聞, 以供科譚 [3, p. 798–799]

“All Operas in the palace are under the jurisdiction of the Zhonggu Department. They all learn Operas passed down from generation to generation and follow the old system of the Jin Dynasty and Yuan Dynasty. Therefore, the responsibilities of Zhonggu Department are mostly the same as those of the previous Dynasty.”

Now the Emperor began to place the stage in Yuxi Palace and arranged for people to learn Opera outside the palace, such as Yiyang, Haiyan, Kunshan and other Operas. The staff of Yuxi Palace is allocated to 300 people and was no longer affiliated with the Zhonggu Department. It attaches great importance to adopting rumors and anecdotes from outside the palace and uses them to make jokes.”

2. Jiaofang Department. In addition to the Zhonggu Department, the Jiaofang Department, which had been affiliated to the Ministry of Rites, was responsible for the music and dance in the Ming Dynasty palace. In addition to accompanying banquets with songs and dances, it was also responsible for Opera performances.

The official position of the Jiaofang Department was the ninth rank. Their work was used to perform singing and dancing performances on occasions mainly such as receiving tribute envoys from foreign countries in the palace, honoring banquets for scholars, ending the term of the chief minister, and special favor banquets. Even when Hanlin Academy (翰林院) officials held their meetings, the Jiaofang Department was in charge of it:

(教坊司), 專備大內承應。其在外庭, 維宴外夷朝貢使臣, 命文武大臣陪宴乃用之。蓋延唐鴻臚寺, 宋班荊館故事, 所以柔服遠人, 本殊典也。又賜進士恩榮宴亦用之, 則聖朝加重科制, 非他圖可望。其他臣僚, 雖至貴倨, 如首輔考滿, 特恩賜宴始用之。惟翰林官到任, 命教坊官俳供役, 亦玉堂壹佳話也 [4, p. 271–272].

“Jiaofang Department was responsible for the internal performances of the palace. When foreigners came to pay tribute and court officials were to accompany the foreign envoys at the banquet, the Jiaofang Department was also responsible for providing performances, which made an external responsibility of the Jiaofang Department.

The establishment of Jiaofang Department was a continuation of the old system of Honglu Temple (鴻臚寺) of Tang Period and Banjing Hall (班荆館) of Song Period. The purpose was to convince foreigners. This was a special grace. In addition, Jiaofang Department was also used for entertaining scholars. That was because that Dynasty had attached great importance to the imperial examination system, and other systems had no comparison with that.

As for officials, unless there used to be special circumstances, the Jiaofang Department was to get ready. For example, when the term of appointment of the prime minister was up, the Jiaofang Department was to be in. In another situation, when Hanlin officials held their meeting, they also let the Jiaofang Department to be responsible for their banquet music. That was also something that the Hanlin Academy could be proud of."

In addition to singing and dancing performances, Jiaofang Department offers Opera too. In the early Ming Dynasty, ZaJu still had a strong influence in the north, and the court loved ZaJu too. Ming Taizu liked "Pipa Ji" very much, but because he did not like its own Southern tune, he ordered the Jiaofang Department to change "Pipa Ji" to the Northern tune. With the accompaniment of the musical instruments Zheng(箏) and Pipa(琵琶), the song was sung in a ZaJu style:

(明太祖) 日令優人進演... 色長劉杲者, 遂撰腔以獻, 南曲北調, 可於箏琵琶被之; 然終柔緩散戾, 不若北之鯁鱗入耳也 [5, p.240]

“Ming Taizu asked actors to perform “Pipa Ji” every day... Liu Gao (劉杲), an official in charge of musicians in the Jiaofang Department, wrote a composition of his own, which had been formed with a script from the South and a tune from the North. Nevertheless, Ming Taizu always believed that the tune was too soft and not as powerful as the sonorous ones of the North.”

Thus, we can conclude that as early as the reign of Ming Taizu, the Jiaofang Department has already been responsible for performing Operas. At that time, the performances of the Zhonggu Department and Jiaofang Department musicians had their foundations on Northern Opera mainly.

However, after the Ming Xianzong and Ming Xiaozong periods, Southern Opera became popular among the people, and various tunes in Yuyao, Haiyan, and Yiyang became quite popular one after another.

Since the Ming Shenzong, Kunqiang (昆腔) has become even more popular. The tone and system of folk Opera have undergone tremendous changes, and the tastes of the court and Emperors had been updated accordingly.

In the Ming Dynasty, in addition to being responsible for the internal performance activities of the palace, the Jiaofang Department also supervised folk Yue Hu.

When the number of personnel of Jiaofang Department in the palace was insufficient, folk Yue Hu made a reserve and supplement.

It was not just the palace troupe size be flexibly adjusted, it also enabled exchanges between palace and folk Operas.

Once the Jiaofang Department had been mixed with folk Yue Hu, the folk performance methods and content made a significant impact on the palace life, and that forced the palace to put special regulations about it:

樂戶統於 (教坊司), 司有一官以主之, 有衙署、有公座, 有人役刑杖簽牌之類, 有冠有帶, 但見客則不敢拱揖耳 [6, p.6409]

“Yue Hu is under the management of the Jiaofang Department. The Jiaofang Department is an official department with government offices, officers, slaves, torture instruments, interrogation tools, etc. Staff can also wear official clothes, but when meeting guests, they should not bow down.”

During the Ming Dynasty, Ming Shenzong ordered the inner court to study “folk Opera” also, and all kinds of folk Operas became available. After that, even the palace troupes performed Southern Operas. The Emperors of the Ming Dynasty loved Southern Operas, especially ChuanQi, which had promoted the vigorous development of folk Operas.

There should be a strict distinction between the cases of responsibility of the Jiaofang Department and Zhonggu Departments. If there was a banquet in the inner court, it should all be subordinate to the Zhonggu Department; if there was a performance in the imperial court, the Jiaofang Department was in charge.

However, in the late Ming Dynasty, as the development of folk Opera had become more and more mature, it made an inevitable trend for both Zhonggu and Jiaofang Departments to introduce and learn folk Opera works.

In addition, various costumes, props, equipment, etc. for Opera performances in the palace became even more sophisticated because they had been supplied and supported by the royal department.

In addition, those exquisite costumes and props were introduced to the people, and naturally, they got possibilities to play many different roles. Especially those, who had good family and big financial resources, strived to pursue the gorgeous and novel Opera costumes and props.

References

- 1.[清] 張廷玉等.明史/志/第 50 卷/職官 3/宦官.收錄於漢籍全文資料庫. 臺北: 中央研究院歷史語言研究所.= [Qing Dynasty] Zhang Tingyu et al. Ming History/Records/Vol.50/Officials 3/Eunuchs. Included in the Hanji Full- text Database. Taipei: Academia Sinica/Institute of History and Philology.
URL:<https://hanchi.ihp.sinica.edu.tw/ihpc/hanjiquery?@138^595831984^807^^^702020240002005000010017^1@@1935522798#top>
- 2.[清] 張廷玉等.明史/列傳/第 192 卷/宦官 1/劉瑾.收錄於瀚籍全文資料庫. 臺北: 中央研究院歷史語言研究所.= [Qing Dynasty] Zhang Tingyu et al. History of Ming Dynasty/Biographies/Vol.192/Eunuchs 1/Liu Jin. Included in the Hanji Full Text Database. Taipei: Academia Sinica/Institute of History and Philology.
- 3.[明] 沈德符.萬曆野獲編補遺/卷 1/禁中演戲. 北京: 中華書局; 1959. 頁 938. = [Ming Dynasty] Shen Defu. Ming Shenzong Yehuobian Supplement/Vol.1/performance in the Forbidden City. Beijing: Zhonghua Book Company; 1959. Chinese.
- 4.[明] 沈德符.萬曆野獲編.北京: 中華書局; 1959. 頁 938. = [Ming Dynasty] Shen Defu. Records of the Ming Shenzong Period. Beijing: Zhonghua Book Company; 1959. Chinese.
- 5.[明] 徐渭.南詞敘錄/收錄於中國古典戲曲論著集成/第 3 冊.北京: 中國戲劇出版社; 1959. 頁 418. = [Ming Dynasty] Xu Wei. Records of Nan Ci /Included in the Collection of Chinese Classical Opera Works/Vol.3.Beijing: China Opera Publishing House; February 1959. Chinese.
- 6.[清] 餘懷, 李金堂校注.板橋雜記.上海: 上海古籍出版社; 2000. 頁 138. = [Qing Dynasty] Yu Huai, Li Jintang, ed. Banqiao Miscellaneous Notes. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House; 2000. Chinese.

CONSTRUCTION OF THE MOGAO CAVES AND GROTTOS AT DUNHUANG

Xi Yue

Belarusian State University, Nezalezhnasti av., 4, Minsk, Belarus

The existing Mogao cave area stretches over 1,600 meters and contains a total of 735 caves. There are 492 caves with murals and sculptures, housing 3,390 colored sculptures and approximately 45,000 square meters of murals. The earliest cave at Mogao began its human-based history in 366 CE during the Fu Qin (苻秦) Dynasty and continued through 11 dynasties, concluding in 1368 during the Yuan Dynasty. During the Ming dynasty, starting with the Jiajing (嘉靖) Emperor's closure of the Jiayuguan Pass (1524 CE), the period of decline of the Mogao Caves began. In the 26th year of the Guangxu era of the Qing dynasty (1900 CE), the Cave of Scriptures was discovered in the Mogao Caves, and the period of researches began.

Keywords: Mogao caves; Scriptures; Dunhuang; Buddhism; Chinese Dynasties.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕЩЕР И ГРОТОВ МОГАО В ДУНЬХУАНЕ

Си Юе

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск, Беларусь,

Протяженность пещерного комплекса Могао составляет более 1600 метров, и в общей сложности здесь насчитывается 735 пещер. В 492 пещерах находятся фрески и скульптуры, в том числе 3390 скульптур и около 45 000 квадратных метров фресок. История древнейшей пещеры Могао, основанной человеком, началась в 366 году н. э. во времена династии Фу Цинь (苻秦) и продолжалась на протяжении 11 династий, завершившись в 1368 г. при династии Юань. В эпоху династии Мин, с закрытия императором Цзяцзин (嘉靖) прохода Цзяюйгуань (1524 г. н. э.), начался период упадка пещер Могао. В 26-м году правления императора Гуансюя династии Цин (1900 г. н. э.) в пещерах Могао была обнаружена Пещера Писаний, и начался период исследований.

Ключевые слова: пещеры Могао; Священные Писания; Дуньхуан; буддизм; китайские династии.

The Dunhuang Caves primarily consist of several large cave complexes, including the Mogao (莫高) Caves (also known as the Thousand Buddha Caves), the Western Thousand Buddha Caves, and the Yulin (榆林) Caves. The Mogao Caves are located 25 kilometers southeast of Dunhuang city, on the eastern side of the Mingsha Mountain, and are the largest cave complex in

Dunhuang. The earliest cave at Mogao began its human-based history in 366 CE during the Fu Qin (苻秦) and continued through 11 dynasties, concluding in 1368 during the Yuan Dynasty. The existing Mogao cave area stretches over 1,600 meters and contains a total of 735 caves, divided into southern and northern sections. There are 492 caves with murals and sculptures, housing 3,390 colored sculptures and approximately 45,000 square meters of murals. The architecture, colored sculptures, and murals of the Mogao Caves together have created the complex that one can consider as a world of Buddhist paradise. The evidence for determining the earliest construction date of the Mogao Caves comes from the inscription on the stele originally located in the Cave 332 (Early Tang), known as the “Da Zhou Li Jun Mogao Caves Buddha Niche Stele” [1]. This stele was erected in the first year of the Shengli (聖歷) era of the Wu Zhou (五周) dynasty (698 CE) by Li Kerang (李克讓).

The inscription tells us a story: in the second year of the Jianyuan era of the Former Qin Dynasty (366 CE), a monk named LeZhun (乐尊) traveled to this area. At that time, as the sun set, it cast slanted rays on the Sanwei Mountain (三危山), making it appear as if thousands of golden lights and images of countless Buddhas were shimmering among the peaks. Moved by this divine light, the monk bowed in worship with utmost sincerity. In his heart, he believed this place to be a sacred land of the Buddha. Subsequently, he began to carve the first Buddha niche into the cliff. Following him, another monk named Faliang also traveled here and carved the second cave nearby. This marks the origin of the Mogao Caves [2]:

…莫高窟者，厥初秦建元二年，有沙门乐尊，戒行清虚，执心恬静。尝杖锡林野，行至此山，忽见金光，状有千佛，遂架空凿岩，造窟一龕。次有法良禅师，从东届此，又于尊师窟侧，更即营造。伽蓝之起，滥觞于二僧…

...The Mogao Grottoes originated in the second year of the Jianyuan era of the Qin Dynasty. There was a monk named Le Zun, who had been pure in his precepts and tranquil in his mind. Once, while walking in the wilderness with his staff, he came to this mountain and suddenly saw a golden light, which appeared to be a thousand Buddhas. He then carved a niche in the rock. Later, the Zen Master Fa Liang came from the East and built another grotto next to Le Zun's. The origin of the monastery began with these two monks...

According to the “Comprehensive Record of the Mogao Caves (敦煌莫高窟内容总录)” among the caves that can be dated, there are 7 from the late Sixteen Kingdoms period, 18 from the Northern Wei, 15 from the Northern Zhou, 70 from the Sui, 228 from the Tang (including 44 from the Early Tang, 80 from the Peak Tang, 44 from the Tibetan period, and 60 from the Late Tang), 32 from the Five Dynasties, 43 from the Song (including renovations), 82

from the Western Xia (including renovations), and 10 from the Mongol Yuan period [3].

The primary chambers of the Dunhuang Grottoes can be categorized into six types: central tower-pillar caves, Vihara caves, bucket-shaped caves, Nirvana caves, huge Buddha caves, and back partition caves [4]. During the Ming dynasty, starting with the Jiajing (嘉靖) Emperor's closure of the Jiayuguan Pass (1524 CE), the population of Shazhou began to migrate inward to the Central Plains, leading to a period of decline for the Mogao Caves. [5]

嘉靖三年秋 (1524 CE) · 擁二萬騎圍肅州 · 分兵犯甘州 ·九疇因力言賊不可撫 · 乞閉 (嘉峪) 關絕貢 · 專固邊防 · 可之 ·

In the autumn of the third year of Jiajing (1524 CE), he led 20,000 cavalry to besiege Suzhou, and divided his troops to attack Ganzhou... Jiu Chou strongly argued that the rebels could not be appeased, and requested that the (Jiayuguan) Pass be closed to cut off tribute, focusing solely on strengthening border defenses. This was approved."

People had nearly forgotten that artistic palace in the northwest desert. In the 26th year of the Guangxu era of the Qing dynasty (1900 CE), the Cave of Scriptures was discovered in the Mogao Caves, containing many scrolls, texts, embroidery, silk paintings, and ritual objects of the V–X centuries, which hold a significant research value.

References

1. Su Bai. Buddhist Grottoes in China: Archaeological Study of Chinese Buddhism from the III to VIII Centuries (宿白, 中國佛教石窟寺遺跡: 3至8世紀中國佛教考古學). Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2010. P. 7.
2. Dunhuang Academy. Li Jun's Stele of the Mogao Grottoes (敦煌研究院, 李君莫高窟佛龕碑). No. Z1101.
3. Dunhuang Cultural Relics Research Institute. A Comprehensive Catalogue of the Contents of the Mogao Grottoes (敦煌文物研究所, 敦煌莫高窟內容總錄, 北京). Beijing: Cultural Relics Publishing House, 1982. P. 177–184.
4. Xiao Mo. Studies on Dunhuang Architecture (蕭默, 敦煌建築研究, 北京). Beijing: Machinery Industry Press, 2003. P. 295.
5. Zhang Tingyu. History of Ming Dynasty: Hami (張廷玉, 明史·哈密). Vol. 329.

JEWISH COMMUNITY OF KAIFENG: FROM THE ORIGINS TO DECLINE

Meng Tianxiang

*Belarusian State University, Independence av., 4, Minsk, Belarus,
mengtianxiang99@gmail.com*

This article examines the history of the Kaifeng Jewish community from its settlement during the Northern Song Dynasty to its eventual dissolution in the 19th century. The study analyzes the factors contributing to the community's decline. The author argues that their assimilation was driven by a combination of state policies – such as mandatory intermarriage and the assignment of Han surnames during the Ming Dynasty – and catastrophic events, specifically the Yellow River floods. Furthermore, the author highlights how economic isolation resulting from the "Sea Ban" policy severed ties with other Jewish communities, leading to the cessation of religious practice after the death of the last rabbi. The paper concludes that the community did not merely fade, but underwent an irreversible process of sinicization and loss of institutional identity.

Keywords: Kaifeng; Jewish community; China; sinicization; ethnic integration; assimilation.

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА КАЙФЭНА: ОТ СОЗДАНИЯ ДО УПАДКА

Мэн Тяньсян

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, mengtianxiang99@gmail.com*

В статье рассматривается история еврейской общины Кайфэна с момента ее поселения во времена династии Северная Сун до окончательного распада в XIX в. В работе анализируются факторы, способствовавшие упадку общины. Утверждается, что их ассимиляция была обусловлена сочетанием государственной политики, включая обязательные межэтнические браки и присвоение китайских фамилий в эпоху Мин, а также катастрофическими событиями, в частности наводнениями на реке Хуанхэ. Кроме того, автор подчеркивает, как экономическая изоляция, вызванная политикой «морского запрета», привела к разрыву внешних связей с другими еврейскими общинами и прекращению религиозной практики после смерти последнего раввина. Делается вывод, что исчезновение общины стало результатом необратимого процесса китаизации (синизации) и утраты институциональной идентичности.

Ключевые слова: Кайфэн, еврейская община; Китай; китаизация (синизация); этническая интеграция; ассимиляция.

In the 8th century, Arabs expanded eastward and occupied the Bukhara region of Uzbekistan, which had been settled by Jews in the 6th century. With

the development of China's commercial economy and the opening-up policy of the Tang Dynasty (618–907) at this time, many Jews moved east to settle in China, but they were mistaken for Muslims and called the “Blue Hat Huihui” [1]. The most famous of these, the Kaifeng Jews, were an entire Jewish community that moved from Bukhara in the late 10th century. Kaifeng was the capital of China's Northern Song Dynasty (960–1127) and an important commercial city in the world. At this time, the Chinese government generally adopted a tolerant policy towards the Jews, allowing them to maintain their religious beliefs and living customs [2, p.57]. In 1163, the first synagogue was built in Kaifeng. At that time, Kaifeng had already been occupied by the Jin Dynasty (1115–1234), but the Kaifeng Jewish community still used the Song's calendar system in the inscriptions on the synagogues [3, p.110-111]. Emperor of the Song Dynasty used the phrase “return to my China, abide by the customs of your ancestors, and stay in Kaifeng” to characterize the Jews who had settled in Kaifeng, expressing the acceptance of the Jews by the highest rulers of China at that time [4, p.176]. Later some Jews left Kaifeng for other Chinese regions because of war. There are more than ten cities with recorded footprints of Jewish activities [4, p.177–179].

During the Yuan Dynasty (1271–1368), the famous Italian traveler Marco Polo and the Moroccan envoy Ibn Battuta came to China and both mentioned Jews in China in their travelogues. Ibn Battuta wrote, “Hangzhou is a very beautiful city, and the second neighborhood of Hangzhou is inhabited by Jews... The number of people is great” [5]. This can be assumed that after the occupation of Kaifeng, the capital of the Northern Song Dynasty, by the Jin armies of the Jurchen people in 1127, some of the loyal Jews had fled southward with the Northern Song regime and lived in Hangzhou, the new capital of the Southern Song Dynasty (1127–1279), and that some of the Jews continued to reside in Hangzhou during the Yuan Dynasty, following the fall of the Southern Song Dynasty by the Mongol Empire.

In 1279, the Kaifeng Synagogue was rebuilt [3, p.110-111]. However, the Yuan dynasty prohibited Jews from practicing kosher and circumcision and forced them to eat Mongolian food. In terms of ethnic policy, the Jews, along with other ethnic groups from West and Central Asia, were united as the Semu people. The official name “Hui Hui” (now known as the Hui in China) was adopted as the name for the Semu people [6, p.24].

During the Ming Dynasty (1368–1644), the Kaifeng Jewish community reached its peak, comprising over 500 families with a population of approximately 5,000 people. This figure does not include Kaifeng Jews and their descendants who migrated to other regions of China [7, p.29]. But this is more a result of the policies at the time. Jews were granted seven Han surnames by the Ming emperors. In the early Ming dynasty, laws were enacted regarding

inter-ethnic marriages, forcing Jews and other minorities to marry Han Chinese. Many Kaifeng Jews also participated in the imperial examinations and entered China's administrative departments. According to the "Record of the Temple of Reverence for Daoist Scriptures" stele left by the Kaifeng Jews (made in 1512), their work was strictly in accordance with the traditional Chinese social order of "scholars, farmers, artisans, and merchants" [8, p.211]. This proves that they accepted the traditional Chinese understanding of professions. Furthermore, each time the Kaifeng synagogue was repaired, its architectural style gains more sinicization [3, p.112]. Therefore, although historically the Kaifeng Jewish community was the most numerous during the Ming dynasty, the Kaifeng Jews accelerated their sinicization by blood and culture [9, p.125].

The late Ming Dynasty was plagued by constant warfare. During the Qing dynasty (1636–1912), the Kaifeng Jewish community and synagogue, the predominantly Chinese Jewish community, were deeply affected by the two Yellow River floods of 1642 and 1841. Especially the Yellow River flood in 1642, coupled with the continuous warfare at the end of the Ming Dynasty, caused the population of the Kaifeng Jewish community to plummet to around 2,000. The Kaifeng synagogue collapsed, and many religious texts were lost. Although the Kaifeng synagogue was rebuilt in 1663 and some religious texts were recovered, only seven Jewish families remained in Kaifeng at that time [7, p.29]. The Kaifeng Jewish community never regained its former glory.

In 1850, with the death of the last Rabbi of the Kaifeng Jewish community, there was no longer anyone in the congregation who could recognize Hebrew, and there was an end to Jewish religious life and to the Jewish people's identity in their own right [10, p.114]. In 1850, when the London Society for Promoting Christianity Among the Jews sent people to Kaifeng to investigate, they discovered that the Kaifeng Synagogue, located in the southwest corner of the Fire God Temple, resembled a Chinese temple and was in a state of disrepair. Many Jews living nearby, in order to survive, had begun dismantling the synagogue's wood and bricks to sell.

When American missionary W.A.P. Martin visited Kaifeng in 1866, the Kaifeng Synagogue was already in ruins [3, p. 113–114]. The abandonment of the Kaifeng synagogue also marks the end of the existence of the Kaifeng Jewish community. Around this time, Jews in Shanghai, the United Kingdom and the United State of America attempted to help the Jewish community in Kaifeng revive its religious traditions, but all efforts came to nothing [8, p. 202–205].

In addition, Jewish community of Kaifeng throughout its existence was also closely related to Kaifeng's economic development. Kaifeng was once an important city in China, especially during the Northern Song Dynasty when it

served as the capital and attracted Jewish immigrants. It was also a prosperous city during the Jin, Yuan, and Ming Dynasties. However, by the late Ming Dynasty and the Qing Dynasty, Kaifeng had lost its former glory because of wars and policies. By the late Qing Dynasty, its population making it merely a medium-sized city. The decline of the city naturally constrained the development of its residents, including many young people of the Kaifeng Jewish community who left to seek other opportunities. Slow economic development in Kaifeng led to increasing poverty and decline among the Kaifeng Jewish community, leaving them unable to rebuild their churches and maintain community development.

Another important reason of Kaifeng Jewish community declining was that the Sea ban policy since the Ming and Qing Dynasties severely limited Kaifeng's interaction with other countries, thus restricting religious exchanges between the Kaifeng Jewish community and other Jewish groups. This led to the death of the last rabbi in the Kaifeng Jewish community in 1850, leaving no successor. Religious ceremonies ceased, and the religious beliefs of the Kaifeng Jews gradually faded until they eventually disappeared.

As the environment changed and the years passed, these Jews gradually sinicized their religious beliefs and continued to intermarry, so that today there is almost no difference between their appearance and cultural traditions and those of the Han or Hui people in China. Nowadays, the People's Republic of China does not recognize them as an independent minority, and they had no properly functioning community institutions. Some descendants of Kaifeng Jews only have memories of Judaism within their families and in terms of self-identity, but lack institutional, religious, and cultural structures.

In conclusion, the Kaifeng Jewish community, established in the 10th century, ultimately dissolved through a combination of coercive integration policies, natural disasters, and economic isolation. Despite reaching its zenith during the Ming Dynasty with over 500 families, the community faced sinicization through state-mandated intermarriage, assignment of Han surnames, and participation in the imperial examination system. The Yellow River floods of 1642 and 1841 catastrophically reduced the population from 5,000 to merely seven families, destroying the synagogue and erasing religious knowledge. Compounding this, Kaifeng's economic decline and Ming-Qing's Sea Bans severed contact with global Jewish networks, preventing rabbinical succession. When the last rabbi died in 1850, religious practice ceased entirely. By the late 19th century, the synagogue lay in ruins, and communal identity had evaporated. Today, descendants possess only fragmented familial memories, unrecognized as a distinct minority – an epitaph for a community that vanished through passive, irreversible assimilation.

References

1. 蓝帽回回. 世纪中国 (Blue Hat Huihui. Century China) // 汉译《圣经》之考察 (Исследование китайских переводов Библии). URL: <http://www.godoor.net/text/shengjing/sjj13.htm> (date of access: 12.11.2025).
2. 李湖. 中以关系: 历史与现状 (Lihu. Chian-Israeli Relations: History and Present Situation) // 国际政治研究 (International Politics Studies). 1993. № 4. P. 57–62.
3. 張倩紅. 歷史上的開封一賜樂業教清真寺 (Zhang Qianhong. The Jewish Synagogue in Ancient Kaifeng) // 二十一世紀 (Twenty-first Century). 1990. № 49. P. 110–114.
4. 潘光旦. 关于中国境内犹太人的若干历史问题 (Pan Guangdan. Some Historical Issues Concerning the Jews in China). 北京: 北京大学出版社 (Beijing: Peking University Press), 1983.
5. While A. Chinese Researches // Internet Archive [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/chineseresearche00wyliuoft> (date of access: 28.11.2025).
6. Dillon M. China's Muslim Hui Community: Migration, Settlement and Sects. Richmond: Curzon Press, 1999.
7. 高亢. 来华犹太移民的历史记忆: 两种文明的交往 (Gao Kang. Historical Memories of Jewish Immigrants to China: Interactions Between Two Civilizations) // 安阳工学院学报 (Journal of Anyang Institute of Technology). 2023. Vol. 22. № 3. P. 28 – 32.
8. 江文汉. 中国古代基督教及开封犹太人 (Jiang Wenhan. Ancient Chinese Christianity and the Jews of Kaifeng). – 北京: 知识出版社 (Beijing: Knowledge Press), 1982.
9. Jiang Yonglin. The Mandate of Heaven and The Great Ming Code. – Washington: University of Washington Press, 2011.
10. 张倩红. 历史上的开封犹太社团 (Zhang Qianhong. The Kaifeng Jewish Community in History) // 企业观察家 (Business Observer). 2016. № 3. P. 113–115.

МЕХАНИЗМЫ БРИТАНСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СФЕРЕ РАДИОВЕЩАНИЯ И КИНЕМАТОГРАФА

Е. А. Лукина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, yekaterina_lukina_99@mail.ru*

Военная пропаганда Великобритании в годы Второй мировой войны отличалась разнообразием подходов и охватывала все аспекты пропагандистской деятельности. Эта особенность эволюционировала в создание пропагандистских механизмов, направленных на формирование определённого восприятия у гражданского населения, военнослужащих как внутри государства, так и за его пределами. В данной работе анализируется использование механизмов военной пропаганды в британском радиовещании и кинематографе во время Второй мировой войны. Особое внимание уделяется специфике работы радиостанции Би-би-си, новостным кинохроникам и производству документальных короткометражных фильмов того времени. Основная цель данной статьи – определить и проанализировать механизмы военной пропаганды, применявшиеся в радио- и киноиндустрии Великобритании в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: механизмы военной пропаганды; Великобритания; Министерство информации; Би-би-си; кинохроника.

С того времени, как радиовещание стало популярным в конце 1920-х годов, оно находилось под управлением британского правительства. Ориентация на военную пропаганду стала более выраженной после Мюнхенского соглашения, которое было заключено в 1938 году. Это нашло свое отражение в структурных изменениях Британской радиовещательной корпорации. В 1938 году в рамках этой структуры были учреждены специализированные подразделения, занимавшиеся прослушиванием и перехватом радиосигналов. Ключевой задачей подразделений являлся сбор и дешифровка сведений, полученных с зашифрованных радиочастот, используемых немецким правительством [8]. С 1939 года начали свою работу Заокеанская и Европейская службы радиовещательной корпорации.

Функционирование указанных подразделений сводилось к организации радиовещания в пределах конкретных регионов. Сфера действия Заокеанской службы транслировалась на Северную Африку, Ближний и Дальний Восток. Такие страны, как Индия, Кения, Япония и Китай, являлись приоритетными направлениями военной пропаганды Великобритании. Европейская служба несла ответственность за трансляции, предназначенные для европейской аудитории.

По мере расширения зоны вещания Лондонского радио, происходило увеличение лингвистического разнообразия и охвата передач Би-би-си. В 1939 году Би-би-си осуществляла вещание на семи языках, а к 1943 году это число увеличилось до тридцати четырех. К концу Второй мировой войны, языковой спектр, используемый в радиопередачах Би-би-си, достиг сорока пяти различных языков. Эти целенаправленные усилия позволили Би-би-си эффективно доносить информацию до широкой международной аудитории во время войны [1, с. 21].

С 1938 года управление деятельностью Би-би-си было возложено правительством на Министерство информации. В круг его ключевых обязанностей входили финансовая поддержка корпорации, предоставление актуальных сведений, а также проведение цензуры радиовещания. Отдельное внимание и усиленный контроль были установлены над работой Европейской службы, особенно в отношении контента, транслируемого на немецкую аудиторию.

Характерной чертой новостных радиопрограмм Би-би-си являлось лаконичность вещания и четкая структурированность. Радиоэфир преимущественно наполнялся новостями и передачами, посвященными культуре. Продвижение позитивного имиджа британского правительства среди граждан Великобритании реализовывалось посредством трансляции выступлений и заявлений политических лидеров. Тем не менее, в первые месяцы войны этот подход не принес ожидаемых результатов. К примеру, обращение Н. Чемберлена «Bow Bells» 3 сентября 1939 года спровоцировало негативную реакцию у населения. Личные записи, собранные организацией Mass Observation и архивом Би-би-си, ярко иллюстрируют ожидания аудитории: жительница Бирмингема, занимавшаяся торговлей рыбой и жареным картофелем, слушала радио дома с 10 утра, когда Би-би-си сообщила об истечении срока ответа Германии в 11 часов, и сочла речь Чемберлена, когда она наконец-то прозвучала, «слишком сдержанной» [5].

В 1942 году обязанности Министерства информации перешли Управлению политической войны (the Political Warfare Executive, PWE). Основной задачей PWE, связанной с Би-би-си, являлось поддержание и укрепление имиджа корпорации в радиоэфире. Для ее осуществления был создан механизм, сущность которого заключалась в том, что в новостных программах Би-би-си транслировалась достоверная информация, представленная британским правительством. В противовес этому «Управление по ведению политической войны» (Political Warfare Executive), курировавшее «черную» пропаганду, адресованную населением и военным в странах «оси», основала собственные радиостанции Research Units (RU), GS1, которые распространяли информацию от «неизвестного

источника». В результате, численность слушателей радиопрограмм, транслируемых Британской вещательной корпорацией, увеличилась до 17 миллионов человек [6].

Министерством информации и «Управлением по ведению политической войны» также осуществлялся механизм предоставления населению Великобритании возможности сравнения новостных сведений местных радиопрограмм с немецкими. Данная мера была введена британским правительством ввиду опасений относительно возникновения недовольства среди граждан из-за сокращения объёма радиовещания.

Таким образом сфера радиовещания находилась под контролем Министерства информации и «Управления по ведению политической войны». Их ключевой задачей было поддержание положительного имиджа Би-би-си. Для этого осуществлялись такие механизмы как создание подпольных радиостанций, а также намеренный допуск зарубежных радиовещательных организаций на территорию Великобритании для обеспечения возможности сопоставления информации, предоставляемой местными радиостанциями. Как следствие предпринятых мер, к завершению военных действий наблюдался рост аудитории Би-би-си. Это свидетельствует об эффективности выбранной стратегии по укреплению доверия к национальному вещателю в информационном пространстве.

Британская киноиндустрия в период войны была представлена преимущественно новостными репортажами и документальными фильмами. Создание пропагандистских кинокартин осуществлялось различными ведомствами, включая Королевские военно-воздушные силы, кинематографическое подразделение Военного министерства и др. Основным источником финансирования для кинематографических инициатив выступало Министерство информации. В сфере его юрисдикции находилась также организация, известная как «Британский совет по классификации фильмов» (BBFC), чья деятельность касалась осуществления цензурного контроля над кинопродукцией [7, р. 218].

По заказу Министерства информации были созданы фильмы социального и пропагандистского характера, тематика которых касалась преимущественно добровольного вступления гражданского населения в вооруженные силы, переход промышленности для реализации военных потребностей. Так в фильме «Transfer of skill» 1940 года была показана логичная цепочка действий по приспособлению предприятий легкой и тяжелой промышленности, узких специалистов к нуждам военного времени. В качестве иллюстраций демонстрировались следующие примеры: переориентация ювелиров на создание манометров для танковых деталей; применение гравировщиками поворотного двигателя с использованием поворотного двигателя в производстве навигационных калькулято-

ров (индикаторов курса Баттенберга); выпуск взрывателей с замедлением для зенитных снарядов специалистами по часовым механизмам; пере-профилирование компании, ранее специализировавшейся на производстве удочек, на изготовление деталей для пулеметов (в фильме показаны испытательные стрельбы из пулемета BESA) и др. [3].

В британском кинематографе периода Второй мировой войны часто освещалась роль женщин. Кинофильм «Women at war», выпущенный в 1941 году при содействии Министерства информации, демонстрирует многогранность женской деятельности в военное время. В фильме показаны как традиционные обязанности, такие как воспитание детей, так и новые сферы, связанные с обороной страны, включая службу в женских военизированных подразделениях и оказание медицинской помощи раненым [4].

Военное министерство и Королевские военно-воздушные силы осуществляли производство документальных кинолент. Основная тематика этих кинохроник включала в себя освещение бомбардировок немецких территорий британской авиацией, демонстрацию действий британских войск в североафриканском регионе, на территории Италии, а также, ближе к завершению войны, отображение условий содержания военнопленных в Китае. В качестве иллюстративного примера можно привести кинофильм под названием «Japanese prisoners of war at Kowloon», созданный в 1945 году производственным подразделением Королевских военно-воздушных сил. В указанном фильме запечатлена колонна японских военнопленных, находящихся под конвоем охраны. Японские пленные запечатлены в ожидании процедуры обыска, сидя на земле, в то время как их личные вещи подвергаются проверке на предмет наличия оружия или иных запрещенных к хранению предметов [3].

На основании изложенного выше материала можно заключить, что сфера радиовещания находилась под контролем Министерства информации и «Управления по ведению политической войны». Их ключевой задачей было поддержание положительного имиджа Би-би-си и антифашистская пропаганда на территориях стран «оси». Основными инструментами данной политики стали создание подпольных радиостанций, намеренный допуск зарубежных радиовещательных организаций на территорию Великобритании для разоблачения недостоверной информации противника, предоставляемой местными радиостанциями. Все эти меры привели к тому, что, к завершению военных действий наблюдался рост аудитории Би-би-си. Это свидетельствовало об эффективности избранной стратегии по укреплению доверия к национальному вещателю, поддержанию его авторитета в информационном пространстве и раскрытию дезинформации противника.

Основными институтами по формированию политики в области кинематографии являлись Министерство информации, Военное министерство и Королевские военно-воздушные силы. Центральными темами кинолент того времени были: добровольное участие граждан в вооруженных силах, переориентация промышленного сектора на производство военной продукции, роль женщин в условиях военного времени, операции британской авиации над территорией Германии, боевые действия британских войск в Северной Африке и Италии. К концу войны в кинематографе также стали появляться фильмы, затрагивающие условия содержания военнопленных в Китае. Последний сюжет нуждается в отдельном исследовании. На основании этих данных, можно сделать заключение о том, что тематическая направленность фильмов являлась ключевым механизмом военной пропаганды. Государственные структуры через кинематограф продвигали определенные нарративы, направленные на поддержание морального духа населения и мобилизацию ресурсов для военных нужд.

Библиографические ссылки

1. *Артемов В.* Би-Би-Си: история, аппарат и методы радиопропаганды. М. : Искусство, 1978.
2. Film «Japanese prisoners of war at Kowloon» // Imperial War Museums. URL: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060029022> (date of access: 05.10.2025).
3. Film «Transfer of skill» // Imperial War Museums. URL: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060006209> (date of access: 17.09.2025).
4. Film «Women at war» // Imperial War Museums. URL: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060009785> (date of access: 01.10.2025).
5. *Hendy D.* / "This country is at war" / D. Hendy. History of the BBC. URL: <https://www.bbc.com/historyofthebbc/100-voices/ww2/country-at-war> (date of access: 10.06.2025).
6. *Nicholas, S.* The People's Radio: The BBC and its Audience, 1939–1945 / S. Nicholas // Cambridge university press. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/millions-like-us/peoples-radio-the-bbc-and-its-audience-19391945/57728C763C530C3C3A11AFA9AB19A46A> (date of access: 01.08.2025).
7. *Taylor P. M.* Munitions of the mind, a history propaganda from the ancient world to the present area. New York ; Manchester: Manchester Univ. Press, 2003.
8. *Tsuda, S.* / 記憶をめぐる戦い—第二次世界大戦時における英国のプロパガンダ政策 (中) / S. Tsuda. — Hosei : Univ. of Hosei, 2019. URL: https://hosei-ecats.library.jp/da/repository/00022539/shakai_66_3_p169.pdf (date of access: 15.07.2025) = Цуда, С. / Борьба за память — политика пропаганды Великобритании во время Второй мировой войны (часть средняя) / С. Цуда // Hosei : Univ. of Hosei, 2019. — URL: https://hosei-ecats.library.jp/da/repository/00022539/shakai_66_3_p169.pdf (дата обращения: 15.07.2025)

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ЧЕХИИ ПОСЛЕ 1993 Г. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

М. В. Королик

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск, Беларусь, korolikm@mail.ru

В статье анализируется процесс формирования и эволюции политики памяти в Чешской Республике после 1993 г. Исследуется переход от либеральной парадигмы 1990-х годов к правоконсервативному дискурсу в начале XXI в., требовавшему радикального пересмотра коммунистического прошлого. Ключевое внимание уделяется институционализации этого процесса через создание Института изучения тоталитарных режимов (ÚSTR) и продвигаемой им спорной концепции «третьего сопротивления». Отмечается критика данной концепции академическим сообществом из-за недостаточной источниковой базы, а также односторонний характер образовательных программ ÚSTR. В заключении подчеркивается устойчивое противоречие между государственным заказом на критику прошлого, принципами академической объективности и общественным восприятием.

Ключевые слова: политика памяти; Чешская Республика; постсоциалистическая трансформация; Институт изучения тоталитарных режимов (ÚSTR); «третье сопротивление»; историческая память.

Данная статья подготовлена в рамках НИР «2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг.).

Демонтаж социализма в странах Центральной и Восточной Европы поставил перед постсоциалистическими государствами указанных регионов ряд нетривиальных задач. Необходимо было решать вопросы трансформации экономического уклада и производства, избирать другой внешнеполитический вектор развития и искать свое место в новой реальности. Важнейшей задачей для центральноевропейских государств, в частности для Чехии, стал поиск своей идентичности и формирование «политики памяти». Изучение становления и развития политики памяти, а также исследование ее инструментов и процессов институционализации, представляется необходимым для понимания современных общественно-политических процессов в Чешской Республике.

Победа «Бархатной революции» в 1989 г. ознаменовала собой крах социалистического строя в Чехословакии. Новые политические элиты и их лидер В. Гавел, являлись представителями чехословацкого дисси-

дентского движения. Опираясь на принципы защиты прав человека, демократии и исторического развития чехов и словаков как части западного мира, институты и практики предшествующего социалистического периода должны были подвергнуться пересмотру и демонтажу. С целью разрешения данной проблемы, в период с 1989 по 1993 гг., в Чехословакии был принят ряд нормативно-правовых актов, которые определяли государственную позицию в отношении коммунистического прошлого. Среди них необходимо выделить закон о судебной реабилитации осужденных, приговоры которых противоречили принципам демократического общества (1990 г.) и закон о возвращении в пользу государства имущества Коммунистической партии Чехословакии (1990 г.) [9, 12]. В 1991 г. был принят так называемый закон «О времени несвободы», согласно которому коммунистический режим, находившийся у власти с 1948 по 1989 год, нарушал права человека и законы государства, таким образом формируя однозначную государственную позицию к коммунистическому периоду Чехословакии [11].

Демонтаж единого государства чехов и словаков на рубеже 1992 и 1993 гг. не оказал значительного влияния на политику памяти и национальную идентичность чехов. Н. В. Коровицына отмечает, что возникновение современного чешского государства в 1993 г. воспринимается чехами скорее неочевидным событием, чем закономерным итогом исторического развития. В 1990-е гг. в Чехии национальные принципы постепенно вытеснялись принципами гражданскими, что явилось результатом внутренней политики В. Гавела. В результате, согласно социологическим исследованиям, которые проводились с середины 1990-х гг. до начала 2000-х гг., национальная идентичность для чехов занимала лишь пятое место в структуре идентичностей [2, с. 185].

Тем не менее, в начале XXI в. структура политики памяти в Чехии начала претерпевать качественные изменения. Новая политика в отношении прошлого и позитивно сформулированное понятие патриотизма оказались на первом плане общественных и экспертных дискуссий в Центральной Европе [6, с. 14]. На этом историческом отрезке политика памяти все чаще акцентировала свое внимание на определенных нарративах и воспоминаниях, став основой для критики либерального «переходного» периода предыдущего десятилетия.

Правый поворот в чешской политике, который возглавили правоцентристские силы, например, Гражданская демократическая партия В. Бенды, поставил перед чехами вопрос об радикальном переосмыслении коммунистического прошлого страны. Главная претензия правых выражалась в том, что, по их мнению, верный курс либеральных экономических реформ должен был быть дополнен бескомпромиссной политикой

памяти, которая критически переосмыслит «тоталитарное», а именно коммунистическое, прошлое [8, с. 65–70].

Также следует отметить, что изменения в политике памяти в первой половине и середине 2000-х гг. в Центральной Европе и в Чехии в частности, совпали с новым витком «войн памяти», что было характерным для исторических и мемориальных процессов во всех западноевропейских странах [4, с. 35–37]. Именно в это время в регионе, а конкретно в Польше, Чехии и Словакии, создаются специализированные институты, которые занимаются изучением определенных образов прошлого и имплементируют произведенный дискурс о прошлом в общественное поле посредством политических программ, законов, образовательных и культурных мероприятий.

С 2007 г. в Чехии действует *Ústav pro studium totalitních režimů* (ÚSTR) – Институт изучения тоталитарных режимов, который является государственным инструментом по «производству» исторической памяти. Деятельность института главным образом сосредоточена на двух аспектах. Во-первых, он занимается активным продвижением концепции «третьего сопротивления». Во-вторых, учреждение разрабатывает, распространяет и внедряет образовательные проекты и программы [7].

Традиционно в чешской историографии были приняты две концепции сопротивления. Первое сопротивление (чеш. *První odboj*) представляет собой австро-венгерский период чешской истории, а также Первую мировую войну. Целью первого сопротивления было стремление к созданию собственного национального государства и обретению независимости, что было достигнуто с провозглашением Чехословакии в 1918 г. Второе сопротивление (чеш. *Druhý odboj*) охватывает собой период с 1939 по 1945 гг. Утрата собственной государственности через демонтаж и оккупацию нацистами Чехословакии занимает важнейшее место в исторической памяти чехов [1, с. 19–20]. Внутреннее сопротивление чехов, которое включает в себя ряд важных событий, например, ликвидация Р. Гейдриха и Пражское восстание, дополняется внешним сопротивлением, а именно деятельностью чешского правительства в изгнании и действиями чехословацких военных частей и соединений в составах армий антигитлеровской коалиции.

Институтом изучения тоталитарных режимов была сделана попытка ввести в дискурс о прошлом концепцию «третьего сопротивления», под которым имеется ввиду изучение социалистического периода в чешской истории с целью установления фактов и событий, которые свидетельствовали бы об активном сопротивлении и противодействии населения коммунистическим властям.

В то же время, концепция «третьего сопротивления» (чеш. *Třetí odboj*), вокруг которой сосредоточена исследовательская деятельность ÚSTR, является довольно спорной и очень дискуссионной. В отличие от первых двух концепций, которые являются общепринятыми как в академической среде, так и в чешском общественном и историческом сознании, концепция, продвигаемая институтом, не обладает сопоставимым кредитом доверия ни в одной из указанных групп [5, с. 49]. Такое положение обусловлено тем, что за редким исключением, подавляющее большинство антикоммунистических действий сопротивления не оставили после себя значительных исторических следов и очень слабо представлены в документах. По этой причине, ведущие чешские историки склоняются к тому, что несмотря на отдельные эпизоды выступлений населения против коммунистических властей в 1940-е и 1950-е гг., очень сложно говорить об организованном движении сопротивления в социалистической Чехословакии, на чем в своей деятельности пытается делать акцент институт изучения тоталитарных режимов.

Несмотря на однозначную оценку чешскими историками рассматриваемой концепции, представители института четко и последовательно продолжают ее поддержку и разработку, проводя систематические исследования в данном проблемном поле. Это особенно ярко выражено в публикации биографий известных чешских деятелей, которые занимали строго антикоммунистическую позицию. Среди таких изданий института следует отметить биографии кардинала Й. Берана и одного из главных символов событий Пражской весны Я. Палаха. Институт обладает своим печатным органом – журналом «Память и история» (чеш. «*Paměť a dějiny*»), на страницах которого выходят в свет исследования, которые проводятся на базе института.

Работа института в части формирования концепции третьего сопротивления была активно поддержана представителями правых политических партий. Их усилиями в 2011 г. был принят и ратифицирован «Закон об участниках сопротивления и сопротивления коммунизму». Фактически, данный нормативно-правовой акт официально вводит в общественный дискурс концепт «третьего сопротивления», несмотря на довольно неоднозначное отношение к нему как в профессиональной исторической академической среде, так и в публичном сознании. Согласно данному закону, лица, которые в период с 25 февраля 1948 г. по 1 января 1990 г. участвовали в вооруженной организационной борьбе против коммунистического режима наделялись особыми правами. Был установлен официальный статус для лиц, осужденных по политическим статьям и диссидентам, по которому они были приравнены к участникам второго сопротивления в годы Второй мировой войны [10]. Процесс обсуждения и

принятия данного закона сопровождался бурными дискуссиями и дебатами в чешском парламенте.

Предпочтение вооруженного сопротивления любым другим ненасильственным формам вызвал особенно острые споры, так как этим положением ставилось под сомнение деятельность подавляющего большинства диссидентов. Впоследствии резкой критики это различие было отменено и закон был ратифицирован чешским парламентом 17 ноября 2011 г. Дата ратификации была выбрана не случайно, так как 17 ноября является днем Бархатной революции 1989 г. и государственным праздником соответственно.

В этой связи от внимания исследователей ускользает второй аспект деятельности института – образовательный. Этот вид активности не привлекает к себе такое же внимание, как политическая борьба за внедрение концепции третьего сопротивления. Вместе с тем именно через общественно-образовательные программы происходит имплементация этого дискурса в историческую память современных чехов. Интеграция подобных концепций в образовательные и учебные программы должны основываться на принципах критического мышления и политической нейтральности. С этой точки зрения, образовательная деятельность института, которая посвящает свою деятельность формированию особой исторической памяти и взгляда на коммунистическое прошлое, вызывает ряд острых вопросов. Предлагаемые институтом образовательные программы сосредоточились на определенных, исключительно негативных сторонах коммунистического режима (идеология, репрессии и т.д.). Вместе с этим ими полностью игнорируются вопросы роли государственного социального обеспечения, интеллектуальная история, история повседневности и многие другие аспекты чешской социалистической действительности [7].

Такой односторонний подход к прошлому вызывает справедливую критику со стороны чешских историков. В результате на сегодняшний момент оформилась довольно значительная разница между историками из академических исследовательских учреждений и Института исследований тоталитарных режимов. Это связано с тем, что профессиональным историкам важно сохранить академическую независимость и придерживаться своих взглядов как в политических, так и в академических дискуссиях, не взирая на давление текущей политической конъюнктуры. Свою роль в противостоянии между академической наукой и институтом играет и разница поколений. Деятельность института во многом обеспечивают молодые исследователи, которые получили свое образование в высших школах на Западе и не имеют такой преемственности с национальной чешской историографией, как иные академические исследовате-

ли. В целом, деятельность учреждения, которое, как уже ранее оговаривалось, проводит свои исторические исследования без определенной источниковой базы, сама по себе является довольно проблемной. Эти аспекты демонстрирует избирательность чешских элит в части использования определенного набора инструментов конструирования исторической памяти, которые далеки от принципов объективности [3, с. 17–23].

Таким образом, крушение социалистического режима в Чехословакии обусловило необходимость формирования новой политики памяти как ключевого элемента национальной идентичности, причем на начальном этапе постсоциалистической трансформации доминировала либеральная парадигма, акцентировавшая гражданские, а не этнонациональные принципы. Однако в начале XXI в. обозначился идеологический сдвиг в сторону правоконсервативного дискурса, требовавшего радикального пересмотра коммунистического прошлого и отношения к нему. Институционализация этого дискурса была осуществлена через создание в 2007 г. Института изучения тоталитарных режимов как государственного органа по формированию исторической памяти. Центральным элементом деятельности ÚSTR стала разработка и продвижение концепции «третьего сопротивления», репрезентирующей социалистический период через призму антикоммунистической борьбы. При этом данная концепция сталкивается с методологической критикой в чешской академической среде ввиду недостаточной документальной и фактологической обоснованности тезиса об организованном сопротивлении.

Несмотря на научные дискуссии, концепция была официально легитимирована на государственном уровне с принятием в 2011 г. Закона об участниках сопротивления коммунизму. Образовательные программы ÚSTR, фокусирующиеся на репрессивных аспектах режима при игнорировании других его измерений, не демонстрируют объективного и всестороннего подхода к изучению национального прошлого. В итоге политика памяти в Чехии характеризуется устойчивым противоречием между государственно-политическим заказом на критическое переосмысление прошлого, принципами академической объективности и проблемами публичного восприятия современных подходов к политике исторической памяти.

Библиографические ссылки

1. *Кирчанов М. В.* «Институты памяти» Чехии и Словакии и формирование образов Второй мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 28, № 2. 2022. С. 17–26.
2. *Коровицына Н. В.* Современная чешская нация: проблемы идентичности // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН, (4). 2018. С. 184–189.

3. Миллер А. И., Липман М. Историческая политика в 21 веке. М. Липман. М. : Новое литературное обозрение, 2002.
4. Сабанчиев Р. Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, № 1(43). 2018. С. 33–38.
5. Трофимов П. А. Эволюция чешской и словацкой идентичностей после 1989 г. // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. № 2. 2024. С. 40–52.
6. Bahna M. Context Matters: Measuring Nationalism in the Countries of the Former Czechoslovakia // Nationalities Papers. 2019. P. 2–19.
7. Czech Republic: From the Politics of History to Memory as Political Language // Cultures of History Forum. URL: <https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debates/from-the-politics-of-history-to-memory-as-political-language> (дата обращения: 12.09.2025).
8. Kopeček M. From Narrating Dissidence to Post-Dissident Narratives of Democracy: Anti-totalitarianism, Politics of Memory and Culture Wars in East-Central Europe 1970s–2000s. // Central European Culture Wars: Beyond Post-Communism And Populism. 2021. P. 28–84.
9. Ústavný Zákon zo 16. novembra 1990 o navrátení majetku Socialistického zväzu mládeže ľudu Českej a Slovenskej Federatívnej Republiky // Zbierka zákonov Slovenskej republiky. URL: <https://www.slov-lex.sk/ezbierky/pravne-predpisy/SK/ZZ/1990/497/19910101.html>. (дата обращения: 12.09.2025).
10. Zákon № 262/2011 Sb. o účastnících odboje a odporu proti komunismu // Zakony pro lidi. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2011-262#:~:text=Z%C3%A1kon%20C4%8D.,odboje%20a%20odporu%20proti%20komunismu>. (дата обращения: 12.09.2025).
11. Zákon z 13. novembra 1991 o dobe neslobody [Электронный ресурс] // Zbierka zákonov Slovenskej republiky. URL: <https://www.slov-lex.sk/ezbierky/pravne-predpisy/SK/ZZ/1991/480/19911129>. (дата обращения: 12.09.2025).
12. Zákon z 23. apríla 1990 o súdnej rehabilitácii [Электронный ресурс] // Zbierka zákonov Slovenskej republiky. URL: <https://www.slov-lex.sk/ezbierky/pravne-predpisy/SK/ZZ/1990/119/>. (дата обращения: 12.09.2025).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XX –НАЧАЛЕ XXI в.

Р. Р. Траскевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, Rafael.traskevich@bk.ru*

В статье предпринята попытка выявить основные тенденции, приоритеты и противоречия в политике Европейского союза на Ближнем Востоке в конце XX - начале XXI в. Этот период стал ключевым для формирования ЕС в качестве нового актора на мировой арене, что совпало с масштабными трансформациями и новым распределением влияния мировых держав на Ближнем Востоке после окончания холодной войны.

Ключевые слова: Европейский союз; Ближний Восток; внешняя политика; Евро-средиземноморское партнёрство; ближневосточное урегулирование; арабо-израильский конфликт; война в Ираке; война в Ливии; «Арабская весна».

В работе дана общая характеристика политики Европейского союза на Ближнем Востоке, анализируются основные внешнеполитические инициативы ЕС, включая Средиземноморскую политику, участие в квартете по ближневосточному урегулированию и др., а также отношение ЕС к крупным военным конфликтам на Ближнем Востоке конце XX- начале XXI в. Актуальность исследования заключается в том, что анализ эффективности инструментов, который использовал ЕС, достижения, а также допущенные ошибки данной политики позволяют понять тенденции, всю сложность геополитической ситуации на Ближнем Востоке. Также исследование данной темы позволяет прогнозировать развитие ситуации в условиях новых вызовов. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе эволюции подходов ЕС через призму ключевых кризисов – от Барселонского процесса до «Арабской весны», что позволяет выявить системные проблемы формирования единой внешней политики.

1 ноября 1993 г., вступил в силу Маастрихтский договор, на мировой политической арене образовался новый актор, Европейский союз. Важнейшим элементом его функционирования стала общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) [1].

Ближний Восток стал одним из ключевых направлений внешнеполитического курса ЕС.

Важнейший аспект ближневосточной политики ЕС – попытки урегулирования арабо-израильского конфликта. ЕС последовательно поддерживал право Израиля на оборону и безопасность, одновременно с этим право палестинцев на самоопределение. Эта позиция, хотя и вызы-

вала критику с обеих сторон, позволяла ЕС продолжать сотрудничество с конфликтующими странами. Евросоюз последовательно выступал за участие Организации освобождения Палестины (ООП) в мирном процессе еще со времен Венецианской декларации 1980 г.

В первой половине 1990-е гг. ЕС выступил главным донором и координатором международных усилий по созданию палестинских полицейских сил. Поддержка ЕС придала Ясиру Арафату и Палестинской администрации дополнительную международную легитимность в результате соглашений «Осло I», «Осло II» в 1993, 1995 гг. Брюссель осуществлял попытки урегулирования конфликта в составе «Ближневосточного квартета», который включал ООН, США, Россию и ЕС. С конца XX в. Европейский Союз традиционно является крупнейшим донором материальной помощи для палестинцев. Цель помощи — построение инфраструктуры будущего палестинского государства [2]. Однако отметим, что в исследуемый период заявляемые цели несколько противоречили конкретным политическим действиям в регионе.

В контексте формирования целостной внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке ключевое значение имела Барселонская декларация, принятая в 1995 г. и ознаменовавшая запуск Евро-Средиземноморского партнерства. Этот документ стал не просто техническим соглашением, а масштабной геополитической инициативой, направленной на трансформацию отношений между Европейским союзом и 10 странами Южного и Восточного Средиземноморья: Алжиром, Египтом, Израилем, Иорданией, Ливаном, Марокко, Сирией, Тунисом и Турцией, а также Палестинской национальной администрацией [3].

Декларация зафиксировала переход от фрагментированного двустороннего взаимодействия к комплексной многоуровневой системе отношений. Закономерным продолжением партнерства стало создание Союза для средиземноморья в 2008 г. Союз для Средиземноморья — это межправительственная евро-средиземноморская организация, объединяющая все страны Европейского союза и 16 стран Южного и Восточного Средиземноморья. Основной целью организации является укрепление регионального сотрудничества, диалог и реализация конкретных проектов и инициатив [4].

К 2000 г. ЕС превратился из чисто экономического объединения в полноценный политический союз с амбициозными целями в сфере внешней политики и безопасности. Это стало основой для его более активной роли в мире, в том числе и на Ближнем Востоке. Однако уже в начале XXI в. ЕС столкнулся с чередой вызовов, которые выявили серьезные просчеты и отсутствие единой внешнеполитической позиции. Та-

кими событиями стали: борьба с международным терроризмом после событий 11 сентября 2001 г, война в Ираке, Ливии, «Арабская весна».

В 2003 г. началось вторжение в Ирак коалиции стран во главе с США, целью вторжения являлась смена правительства Саддама Хусейна. Позиции стран-участниц ЕС разделились. Министр обороны США Дональд Рамсфелд разделил Европу на «старую» (противников войны) и «новую» (сторонников) [5].

К странам «новой» Европы относилась в первую очередь Великобритания. Энтони Блэр был самым активным союзником США, предоставив значительный воинский контингент для участия в войне. Испания и Португалия также оказали активную политическую поддержку этому решению. Польша, Венгрия и другие страны-кандидаты на вступление в ЕС из Центральной Европы подписали известное «Письмо восьми», открыто поддерживали позицию США [6].

Активными противниками войны, членами "старой" Европы являлись в первую очередь Франция и Германия. Затем к этому лагерю присоединились Бельгия, Люксембург и Греция.

Реакция ЕС на войну в Ираке в 2003 г. оказалась неоднозначной, Был выявлен глубокий внутренний раскол, который поставил под сомнение саму возможность существования общей европейской внешней политики.

Следующим вызовом для ЕС стала война в Ливии. Позиция Европейского Союза по данному конфликту также была противоречивой. Несмотря на попытку выработать общую линию, единой политики ЕС так и не сложилось. Ключевые решения принимались отдельными странами, прежде всего Францией и Великобританией, в рамках коалиции под руководством США. Германия заняла наиболее резкую позицию, воздержавшись при голосовании в Совете Безопасности ООН по Резолюции 1973 г. и отозвав корабли из состава сил НАТО в Средиземном море [7].

Значительная часть стран ЕС заняла выжидательную или нейтральную позицию, не играя ключевой роли в принятии решений. В это же время, в начале 2010-х гг. на Ближнем Востоке и ряде стран Северной Африки произошла серия антиправительственных протестов, восстаний и вооружённых мятежей, одно из названий которой «Арабская весна». В своей статье исследователь Л. Д. Оганисян разделяет политику ЕС на Ближнем Востоке в период «Арабской весны» на три ключевых этапа [8].

Первый этап заключался в пересмотре позиций ЕС, отказе от поддержки авторитарных режимов в обмен на стабильность и введение новых инициатив: «Партнерство с Южным Средиземноморьем во имя демократии и совместного процветания», «Новый ответ меняющемуся соседству. Основными принципами стали «глубокой демократии» и «большего за большее» (more for more).

Второй этап – конец 2011 – середина 2013 г. В это время произошло обострение кризисов в Ливии и Сирии, приход к власти исламистов и начало миграционного давления продемонстрировали неспособность ЕС влиять на ситуацию и обострили внутренние противоречия между государствами-членами.

Третий этап с 2013–2014 гг. ознаменовал прагматичный поворот в сторону стабилизации ситуации сделав главным приоритетом обеспечение «устойчивости». Изначальный подход ЕС страдал от серьезных методологических просчетов. Брюссель ошибочно экстраполировал опыт демократизации стран Центральной и Восточной Европы на государства Южного Средиземноморья. Это привело к кризису эффективности Европейской политики соседства.

Ключевыми тогом трансформации политики ЕС стал отказ от роли «экспортера ценностей» в пользу стабилизации и устойчивости. Эта новая парадигма, закреплённая в «Пересмотре ЕПС» 2015 г. и «Глобальной стратегии» 2016 г., рассматривает стабилизацию как предварительное условие для любых преобразований внутри региона. Борьба с коренными причинами нестабильности – бедностью, неравенством, радикализацией – стала рассматриваться как более насущная задача, нежели прямая демократизация, что отражает смещение от идеализма к управленческому реализму [8]. На основе анализа официальных документов ЕС и практических результатов его политики можно сделать вывод о наличии «разрыва» между амбициозными декларациями и реальными политическими решениями ЕС, которые в том числе исходили из различий в национальных интересах государств-членов, давлению со стороны США и ограниченностью применяемых преимущественно «мягких» инструментов власти и гуманитарной помощи в условиях конфликтного региона. Таким образом, внешнеполитическая деятельность ЕС в ближневосточном регионе в изучаемый период характеризовалась внутренней противоречивостью, реактивным характером и недостатком стратегической согласованности между государствами-членами.

Библиографические ссылки

1. Договор о Европейском союзе (Лиссабон, 13 декабря 2007 г.) // Право Европейского союза. URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu>. (дата обращения: 13.11.2025).
2. Сообщение Европейской комиссии о роли Европейского союза в рамках мирного процесса на Ближнем Востоке (Брюссель, 16 января 1998 года) // Организация Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-200086>. (дата обращения: 13.11.2025).
3. Barcelona Declaration (Barcelona, 28 November 1995) // Union for the Mediterranean. URL: <https://ufmsecretariat.org/wp-content/uploads/2015/10/Declaracion-de-Barcelona-1995.pdf>. (date of access: 10.11.2025).

4. Union for the Mediterranean: What We Do [Electronic resource] // Union for the Mediterranean. URL: <https://ufmsecretariat.org/what-we-do/>. Date of access: 17.05.2024.
5. Department of Defense News Transcript: Secretary Rumsfeld Briefs at the Foreign Press Center // U.S. Department of Defense. URL: <https://archive.ph/20140224203315/http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=1330>. (date of access: 10.11.2025).
6. Full text of letter written by eight European leaders // The Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/news/full-text-of-letter-written-by-eight-european-leaders-1.459198>. (date of access: 10.11.2025).
7. Germany withdraws its forces in the Mediterranean from NATO command // Atlantic Council. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/germany-withdraws-its-forces-in-the-mediterranean-from-nato-command>. (date of access: 10.11.2025).
8. *Оганисян Л. Д.* Политика Евросоюза на Арабском Востоке в 2010-е годы: от идеализма к прагматизму // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 32, вып. 2. С. 26–32.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ГОСУДАРСТВАМИ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ (1992–2025 гг.)

В. С. Кошелев

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, bsu3@yandex.ru*

В статье анализируется эволюция взаимоотношений Республики Беларусь с государствами Африки южнее Сахары в 1992–2025 гг. Африканское направление рассматривается в контексте многовекторной внешней политики Беларуси и необходимости диверсификации внешнеэкономических связей на фоне трансформации мировой хозяйственной системы. Выделены ключевые этапы развития белорусско-африканских отношений: от формального установления дипломатических связей в 1990-е гг. до переориентации на Африку южнее Сахары и формирования стратегических партнерств в 2020-е гг. Особое внимание уделено масштабным экономическим проектам в Зимбабве и Нигерии, развитию договорно-правовой базы с рядом восточно-, западно- и центральноафриканских государств, росту торгового оборота, а также формированию инструментов биржевой торговли, образовательного и научно-технического сотрудничества. Делается вывод о превращении Африки южнее Сахары в один из приоритетных векторов внешней политики и внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Африка южнее Сахары; внешняя политика; экономическое сотрудничество; дипломатические отношения; Зимбабве; Нигерия.

Африка южнее Сахары представляет собой быстро развивающийся геополитический регион, охватывающий 51 государство с населением (на 2025 г.) в 1 273 663 761 человек [41], который приобретает всё большее значение в системе международных отношений. Стратегическое положение региона определяется его близостью к ключевым мировым торговым маршрутам: через Суэцкий канал проходит около 12 % мирового товарооборота и примерно 30 % глобального контейнерного трафика [37]. Регион обладает примерно 30% мировых запасов критически важных минералов, необходимых для глобального энергетического перехода [40], включая порядка 70% мирового производства кобальта в Конго (кобальт – критически важный металл для аккумуляторов смартфонов, ноутбуков и электромобилей, что делает его стратегическим ресурсом) [42; 36], более чем 80 % мировых запасов металлов платиновой группы [39]. Переход к низкоуглеродной экономике существенно увеличивает спрос на металлы (алюминий, медь, никель, литий, кобальт) и редкоземельные элементы [38]. Африка обладает крупными запасами кобальта, меди, ли-

тия, марганца, графита, редкоземельных элементов и может стать ключевым их поставщиком. (Однако реализация потенциала ограничена: слабая инфраструктура, нестабильное регулирование, низкая переработка внутри стран и зависимость от экспорта сырья без добавленной стоимости). В перспективе минералы могут стать для Африки важным источником валютных поступлений, индустриального развития и диверсификации экономик. По прогнозам МВФ, совокупные доходы от добычи критических минералов в 2024–2050 гг. могут достичь почти 2 триллионов долларов (в ценах 2023 г.) [40], что превращает Африку южнее Сахары в важнейшего партнёра для крупнейших мировых экономик.

Для Республики Беларусь, осуществляющей многовекторную внешнюю политику в условиях современных геополитических вызовов, углубление сотрудничества с государствами Африки южнее Сахары приобретает особую актуальность. Исследование эволюции белорусско-африканских отношений в период 1992–2025 гг. позволяет выявить основные этапы, механизмы и перспективы взаимодействия, а также определить потенциал диверсификации внешнеэкономических связей Республики Беларусь на перспективном африканском рынке.

Отношения Республики Беларусь с государствами Африки южнее Сахары на протяжении более чем трех десятилетий прошли сложную эволюцию от формального установления дипломатических связей в начале 1990-х гг. до активного партнерства в середине 2020-х гг. с отдельными африканскими странами. Анализ этих взаимоотношений позволяет выделить несколько качественно различных периодов, каждый из которых характеризовался специфическими формами дипломатического взаимодействия, объемами и структурой торговли, а также степенью научно-технического и культурного сотрудничества.

Установление дипломатических отношений в 1992–2000 гг. После распада СССР и обретения независимости Республика Беларусь приступила к формированию собственной внешнеполитической стратегии, включая отношения с африканскими государствами. Первый период характеризовался преимущественно формальным установлением дипломатических отношений с отдельными государствами континента при минимальном содержательном наполнении этих связей. Дипломатические отношения были установлены с 12 государствами, включая Зимбабве, Нигерию, ЮАР, Кению и Эфиопию.

В этот период африканские государства не рассматривались официальным Минском в качестве приоритетных партнеров вследствие относительной неразвитости отношений и отсутствия значимых контактов. Африканские страны также не демонстрировали серьезного интереса к Беларуси. Контакты ограничивались в основном установлением дипло-

матических отношений и формальными процедурами взаимодействия в рамках координации действий в ООН.

В 1998 г. Беларусь вступила в Движение неприсоединения с целью выстраивания отношений с развивающимися странами, включая африканские.

Экономические связи в данный период были минимальными. Первые попытки экономического сотрудничества со странами африканского региона в 1990-е гг. ограничивались преимущественно экспортом вооружений. Статистические данные Международного валютного фонда показывают, что торговый баланс Беларуси с развивающимися экономиками Африки в этот период колебался, достигнув исторического максимума в 202,977 млн долларов США в 1999 г. [28].

Научно-техническое и образовательное сотрудничество в этот период практически отсутствовало, поскольку институциональная база для таких контактов еще не была сформирована. Культурные связи также находились в зачаточном состоянии.

Активизация контактов с Северной Африкой и избирательное сотрудничество с государствами южнее Сахары (2000–2010 гг.). Во втором периоде белорусская политика в отношении африканского континента начала приобретать более активный характер, хотя основное внимание уделялось странам Северной Африки. Несомненным приоритетом пользовались отношения с Ливией и в значительно меньшей степени с ЮАР.

В сфере дипломатических отношений этот период отмечен активизацией визитов на высоком уровне. Президент Уганды Йовери Кагута Мусевени посетил Республику Беларусь в 2000 г. С Республикой Ангола дипломатические отношения были установлены 24 апреля 1995 г. [34], а первый официальный визит белорусской делегации состоялся в апреле 2002 г., когда заместитель министра иностранных дел Беларуси В.П. Пугачев встретился с министром иностранных дел Анголы Ж.Б. де Мирандой. Во время этого визита были подписаны Протокол о сотрудничестве между министерствами иностранных дел и Договор о сотрудничестве между торговыми палатами обеих стран [20].

Что касается отношений с ЮАР, министры иностранных дел Беларуси посещали Южную Африку четырежды – в 2000, 2006, 2014 и 2023 гг. Между Беларусью и ЮАР была выстроена основательная договорно-правовая база, включающая соглашения о торговле, экономическом, научно-техническом, культурном сотрудничестве, а также меморандумы о взаимопонимании в области внешней политики, сельского хозяйства, энергетики, промышленности, геологии, минеральных ресурсов, туризма, водного хозяйства, охраны окружающей среды [24].

Структура белорусского экспорта в этот период включала в основном калийные удобрения, тракторы, грузовики МАЗ, карьерные самосвалы БелАЗ, шины, металлургическую продукцию, рентгеновское оборудование и другую высокотехнологичную продукцию [34]. Импорт из отдельных африканских стран был минимальным и включал, среди прочего, цитрусовые фрукты.

Научно-техническое сотрудничество в данный период только начинало формироваться. Образовательное сотрудничество оставалось ограниченным, хотя отдельные африканские студенты начали обучение в белорусских вузах. Культурные связи также не получили значительного развития.

Диверсификация африканского направления и поиск новых партнеров (2011–2019 гг.). Третий период начался после ливийского кризиса 2011 г. и падения режима М. Каддафи, когда Беларусь была вынуждена пересмотреть свои приоритеты в африканской политике: ожидая стабилизации ситуации в Северной Африке, Минск начал активнее развивать отношения с другими регионами континента – Южной, Западной и Восточной Африкой. Посольство Республики Беларусь в Триполи, открытое в 2000 г., приостановило свою работу в 2014 г. в связи с эскалацией вооружённого конфликта в Ливии [31]. В этих условиях дипломатические усилия Беларуси были направлены на установление более тесных связей с государствами южнее Сахары. Особо значимым событием стало открытие 5 декабря 2011 г. посольства Республики Беларусь в Федеративной Республике Нигерия с резиденцией в Абудже. [15]. Первый государственный министр иностранных дел Нигерии Виола Онвулири нанесла визит в Беларусь в июле-августе 2013 г. [3].

Экономические связи с ЮАР в этот период демонстрировали устойчивую динамику. По данным глобальной базы данных международной торговли, поддерживаемой Департаментом статистики ООН (United Nations Commodity Trade Statistics Database) экспорт Беларуси в ЮАР в 2021 г. составил 3,21 млн долл. Основу поставок формировали изделия из черных металлов (около 0,89 млн долл.), оптическая и медицинская аппаратура (0,71 млн долл.), железо и сталь (0,64 млн долл.), а также неорганическая химия (около 0,30 млн долл.). Таким образом, структура экспорта носит преимущественно промышленно-технологический характер [29].

Укрепление партнерства и масштабные экономические проекты (2020–2025 гг.). Четвертый период ознаменовался качественным прорывом в отношениях Беларуси с рядом государств Африки южнее Сахары на фоне западных санкций против Беларуси после 2020 г. и необходимости диверсификации внешнеэкономических связей. Уже в

начале 2024 г. белорусский экспорт в страны Африки вырос почти в 4 раза [10].

Зимбабве: на пути к стратегическому партнерству. Беларусь и Зимбабве демонстрируют один из самых динамичных форматов сотрудничества в Африке. 11 июля 2022 г. Беларусь открыла посольство в Хараре [23], а в марте 2023 г. Зимбабве открыла посольство в Минске [19]. Благодаря программе совместной механизации сельского хозяйства, запущенной в 2020 г., на конец 2024 г. урожай пшеницы вырос более чем в три раза и превысил 550 тыс. [16].

Кульминацией стал государственный визит президента Беларуси А.Г. Лукашенко в Зимбабве 30 января – 1 февраля 2023 г., в ходе которого были подписаны соглашения в области промышленности, торговли, сельского хозяйства, энергетики, транспорта и горнодобывающей промышленности. 30 января 2023 г. в Хараре прошел второй белорусско-зимбабвийский бизнес-форум с участием более 30 белорусских компаний и более 200 зимбабвийских участников [14].

В Зимбабве была реализована масштабная программа механизации сельского хозяйства. 30 января 2023 г. президенты Беларуси и Зимбабве торжественно ввели в эксплуатацию партию из 1635 тракторов, 16 комбайнов и другой сельскохозяйственной техники стоимостью 66 млн долларов США. Была объявлена третья фаза программы стоимостью более 66 млн долларов, предусматривающая поставку более 3700 тракторов и 60 комбайнов [44].

Новый этап начался после государственного визита белорусской делегации в январе 2023 г., когда был подписан пакет ключевых соглашений, заложивших основу для промышленной кооперации и расширения экономических связей. С 2018 г. торговый оборот вырос в 8 раз, а взаимодействие охватило гуманитарную сферу и укрепление договорно-правовой базы.

На территории Зимбабве создан единый сервисный центр белорусских предприятий, обеспечивающий обслуживание, обучение и поставку комплектующих для техники из Беларуси. До конца 2023 г. планируется поставка более 130 пожарных машин, 3161 трактора, 80 комбайнов и зерносушильных комплексов. Беларусь укрепляет позиции и в добывающем секторе: БелАЗ поставляет 55- и 130-тонные самосвалы и предлагает комплексные решения для горнодобывающих предприятий «под ключ». В аграрном секторе рост сотрудничества особенно ощутим: именно белорусская техника обеспечила Зимбабве рекордный за 25 лет урожай пшеницы в 2022 г., а в 2023 г. – бесперебойное проведение уборочной кампании с использованием 249 современных белорусских ком-

байнов. Минский тракторный завод в 2023–2024 гг. поставляет 3575 тракторов.

Перспективными направлениями признано создание совместных пищевых производств: переработка молока, производство говядины и птицы, выпуск детского питания с последующей локализацией технологий в Зимбабве.

В целом перспективы двустороннего сотрудничества оцениваются как очень благоприятные: Беларусь и Зимбабве планируют дальнейшее расширение партнерства в сельском хозяйстве, машиностроении, горной промышленности, а также в создании сборочных производств и совместных предприятий [43, р. 29].

Нигерия: масштабная экспансия белорусской техники. С Нигерией активное сотрудничество началось в 2024 г., когда в июне была подписана дорожная карта (План действий по укреплению партнерства в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности на 2024–2029 гг.) [7]. В июне 2025 г. во время визита белорусской правительственной делегации во главе с заместителем премьер-министра В. М. Каранкевичем Нигерии были официально переданы тысячи единиц белорусской техники [27]. Первый этап дорожной карты был выполнен поставкой более 2 тыс. единиц белорусской техники с навесным и прицепным оборудованием [7]. К октябрю 2025 г. Беларусь поставила в Нигерию более 5 тыс. единиц сельскохозяйственной и специализированной техники. В Нигерии создаются сервисные центры для белорусской техники и ведется подготовка кадров. Разрабатываются планы создания сборочных производств [30].

Кения: центр восточноафриканского сотрудничества. Посольство Беларуси в Найроби было открыто в мае 2018 г. Двусторонний политический диалог развивается через регулярные контакты на высшем и высоком уровне, включая встречи президентов А.Г. Лукашенко и У. Руто в декабре 2023 г., рабочий визит белорусского лидера в Кению, а также широкий цикл консультаций и визитов между внешнеполитическими ведомствами двух стран в 2014–2025 гг.

В рамках сотрудничества состоялись межмидовские консультации, визиты представителей правительства и Национального банка Беларуси, кенийских делегаций в Беларусь, а также подписание Меморандума о политических консультациях и совместного заявления о сотрудничестве в сельском хозяйстве. Взаимные приглашения на высшем уровне, обмен делегациями и рабочие визиты подтверждают поступательное развитие двустороннего взаимодействия [9]. Президенты Кении и Беларуси приняли решение «расширить связи» во время переговоров в Найроби 10 декабря 2023 г. Они ранее встречались 1 декабря на полях COP28 в Дубае,

где договорились об обмене визитами и разработке рамок сотрудничества [25].

Экваториальная Гвинея: прорыв в Центральной Африке. Визит президента Беларуси в Экваториальную Гвинею состоялся 9–10 декабря 2023 г., став первым официальным визитом на высшем уровне [13]. Подготовка к визиту велась с июня 2023 г., когда министр иностранных дел Беларуси С. Алейник посетил Экваториальную Гвинею. В ходе визита был подписан Меморандум о взаимопонимании между МИДах двух стран, который устанавливал механизм регулярных политических консультаций [21].

Беларусь и Экваториальная Гвинея существенно усилили экономическое и политическое взаимодействие. На первом заседании Совместной постоянной комиссии (Минск, октябрь 2023 г.) стороны договорились продвигать конкретные проекты и нарастить торговый оборот, определив приоритетами сельское хозяйство, медицину, промышленность, строительство, нефтегазовый сектор, финансы, цифровизацию, образование, культуру, туризм и экологию. Экваториальная Гвинея – один из наиболее развитых нефтедобывающих государств Африки и член Африканской континентальной зоны свободной торговли, что делает её перспективными «воротами» в Центральную и Западную Африку.

В 2023 г. состоялись взаимные визиты министров и президента Экваториальной Гвинеи, по итогам которых подписаны семь документов и создана Совместная комиссия. Решено сформировать рабочие группы по ключевым направлениям: промышленность, сельское хозяйство, наука и техника, здравоохранение. Беларусь уже готовит поставки техники (грузовой, сельскохозяйственной, специализированной), предлагает оптоэлектронные и беспилотные системы, проекты по созданию предприятий полного цикла в АПК. Обсуждается подготовка ветеринарных и аграрных кадров, поставка продуктов питания и внедрение белорусских технологий животноводства.

Планируется организация медицинского учебного центра для студентов Экваториальной Гвинеи, развитие сотрудничества в сфере лесного хозяйства и создание логистического хаба для белорусских товаров. По итогам встречи стороны заявили о намерении разработать Дорожную карту до 2030 г. и выйти к этому сроку на торговый оборот не менее 100 млн долларов [43, р. 24–26].

Эфиопия: растущий партнер на Африканском Роге. С Эфиопией отношения получили новый импульс после встречи лидеров на саммите БРИКС в Казани в октябре 2024 г. [17] министр иностранных дел Эфиопии Г. Тимотеос нанес рабочий визит в Беларусь 29 июля 2025 г. – первый визит главы эфиопского МИД в страну [22]. Стороны договорились

ускорить работу над дорожной картой сотрудничества, которая должна быть подписана на уровне руководителей двух стран [4]. Посол Эфиопии в Беларуси с постоянным местопребыванием в Москве Генет Тешоме Жирру вручил верительные грамоты президенту А. Лукашенко 11 сентября 2025 г. Александр Лукашенко отметил при этом устойчивый характер белорусско-эфиопских отношений и их заметное оживление после встречи лидеров на саммите БРИКС в Казани в октябре 2024 г., а также подчеркнул значительный потенциал Эфиопии и важность расширения сотрудничества в сельском хозяйстве, образовании и передаче технологий. МИД двух стран уже реализуют двустороннюю «дорожную карту», направленную на продвижение этих направлений [32].

ЮАР: переосмысление сотрудничества. Договорно-правовая база включает соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и военно-техническом сотрудничестве, об избежании двойного налогообложения, о безвизовых поездках по дипломатическим и служебным паспортам, а также договорённости в сфере культуры и создание Совместного комитета по торгово-экономическому сотрудничеству. Торговля развивается неравномерно: в 2017–2021 гг. товарооборот вырос с 16,8 до 32,2 млн долл. США, при устойчивом положительном сальдо для Беларуси. Несмотря на отсутствие визитов на высшем уровне, поддерживаются активные межпарламентские и ведомственные контакты: Беларусь посещали руководители парламентских структур ЮАР, а в 2024–2025 гг. состоялся рабочий визит белорусской парламентской делегации, приведший к получению статуса наблюдателя при Панафриканском парламенте. Регулярными остаются обмены визитами министров иностранных дел, проведено шесть раундов политических консультаций и четыре заседания профильных двусторонних комиссий. Сотрудничество развивается и в гуманитарной сфере, что подтверждает участие представителя ЮАР в фестивале «Славянский базар» в 2024 г., где южноафриканский солист стал лауреатом приза зрительских симпатий [24].

Развитие отношений с другими государствами. В этот же период к Беларуси проявили интерес ряд африканских государств, ранее не втянутых в орбиту белорусской внешней политики.

Министр иностранных дел Ботсваны Ф. Бутале нанес первый официальный визит в Беларусь в истории двусторонних отношений в июле 2025 г. Стороны обозначили старт полноценного политического диалога, подписали совместное заявление и договорились развивать договорно-правовую базу, включая соглашения о безвизовых поездках по дипломатическим паспортам и создании торгово-экономической комиссии. Ключевым направлением партнерства определено сельское хозяйство. Ботсвана стремится диверсифицировать экономику и снизить зависимость

от алмазов, проявив интерес к белорусской технике, технологиям и образовательным программам. В качестве пилотного проекта согласовано выращивание кукурузы в Ботсване. Ботсвана рассматривает Беларусь как надёжного партнёра и приглашает белорусские компании для выхода на рынок Южной Африки, подчёркивая экономическую и политическую стабильность страны, а также перспективы в сфере туризма [12].

Министр иностранных дел Ганы С.О. Аблакwa встретился с министром иностранных дел Беларуси М. В. Рыженковым в Нью-Йорке в сентябре 2025 г., где белорусская сторона предложила создать межправительственную комиссию по торгово-экономическому сотрудничеству [8]. На полях ГА ООН состоялась также встреча М. В. Рыженкова с главой МИД Уганды Дж. А. Одонго, в ходе которой подтверждена активизация отношений и согласованы шаги по реализации проектов в сфере продовольственной безопасности, сельхозмеханизации, поставок техники, подготовке специалистов и продвижению угандийской продукции, а также продолжение работы совместной комиссии и обмен делегациями [8].

Товарооборот Беларуси с Мозамбиком в 2017–2021 гг. демонстрирует значительный общий рост, несмотря на колебания по годам: по сравнению с 2017 г. он вырос более чем в семь раз (с 0,217 до 1,523 млн долл.), что отражает существенное увеличение объёмов двусторонней торговли. В 2021 г. на полях Генеральной Ассамблеи ООН состоялась встреча министра иностранных дел Республики Беларусь В.В. Макея с министром иностранных дел и сотрудничества Республики Мозамбик В.Н. Макамо Длово. Также в 2021 г. Республику Беларусь посетил заместитель министра иностранных дел и сотрудничества Республики Мозамбик М.Ж. Гонсалвеш, были проведены очередные заседания Совместной белорусско-мозамбикской комиссии по сотрудничеству и политических консультаций. В августе 2023 г. министр иностранных дел Республики Беларусь С. Ф. Алейник встретился с Президентом Республики Мозамбик Филипе Ньюси на полях 15-го саммита БРИКС в Йоханнесбурге. В январе 2024 г. глава белорусского внешнеполитического ведомства провёл встречу с министром иностранных дел и сотрудничества Республики Мозамбик В.Н. Макамо Длово на полях 19-го саммита Движения неприсоединения в Кампале (Уганда). В июне 2025 г. министр сельского хозяйства, окружающей среды и рыболовства Республики Мозамбик Роберту Миту Албино посетил Беларусь [35]. Все эти контакты свидетельствуют об активизации белорусской дипломатии на африканском направлении.

Динамика торгово-экономического сотрудничества. Беларусь рассматривает Африку как один из ключевых драйверов мирового роста, но признаёт, что накопленный политический капитал пока слабо конверти-

рован в торгово-экономические результаты: после пика экспорта свыше 400 млн долл. в 2019 г. в 2022 г. поставки сократились до чуть более 200 млн долл. Ответом на это стала выработка «инструментов сотрудничества» – дорожных карт, привязанных к конкретным проектам, с упором на поставку и сервис белорусской техники (БелАЗ, МАЗ, МТЗ, «Гомсельмаш», AMKODOR), создание сборочных производств (в т.ч. потенциально в Эфиопии), а также на продвижение продовольствия и продуктов переработки.

Важным каналом выхода на рынки стали национальные экспозиции Made in Belarus и участие в крупных африканских выставках (Зимбабве, Алжир, Гана и др.), где Беларусь показывает одновременно машиностроение, пищевую и лёгкую промышленность, а также научно-технические разработки. Такие выставочные проекты рассматриваются как инструмент формирования устойчивых контактов, запуска контрактов и закрепления Беларуси на быстрорастущих рынках континента [43, р. 16–23]. Статистика Белорусской торгово-промышленной палаты свидетельствует о том, что в январе-ноябре 2024 г. белорусские экспортеры нарастили поставки в Африку в 3,6 раза по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. Удельный вес Африки в белорусском экспорте увеличился более чем втрое: с 0,45 до 1,59% [2].

Беларусь существенно наращивает своё присутствие на африканском рынке: по данным МИД, экспорт в Африку в 2024 г. увеличился в 3,5 раза и достиг 650 млн долл., а за январь–июль 2025 г. уже превысил 500 млн долл., превысив годовые показатели всех предыдущих лет. Рост экспорта во многом обеспечен углублением политических контактов и крупными проектами, например, механизацией сельского хозяйства Зимбабве, где поставки белорусских промышленных товаров выросли в 131 раз. Для дальнейшего продвижения на континенте подчеркивается необходимость подготовки специалистов по африканистике, владеющих политико-правовой спецификой региона [5]. Как отметил первый заместитель премьер-министра Н. Г. Снопков, Африка представляет собой масштабный и перспективный рынок: совокупный ВВП четырёх ключевых для Беларуси государств превышает 520 млрд долларов, а ВВП всего континента – около 3 трлн долл. Правительство уделяет приоритетное внимание созданию эффективной системы логистики и механизмов взаиморасчётов, для чего утверждены программа сотрудничества на 2024–2026 гг. и подробные «дорожные карты» по каждой опорной стране, исполнение которых находится под ежемесячным контролем [1].

Беларусь активизирует сотрудничество с африканскими государствами, предлагая им партнёрство, основанное на равноправии, уважении суверенитета и практической выгоде. На фоне усиливающейся кон-

курении мировых держав за влияние в Африке Минск делает ставку на экономические проекты, инфраструктурное развитие и технологическую кооперацию, избегая политического давления или вмешательства во внутренние дела. Беларусь имеет дипломатические отношения с 51 из 54 африканских стран и опирается на сеть посольств в Египте, ЮАР, Нигерии, Кении, Зимбабве. Ключевыми направлениями взаимодействия выступают механизация сельского хозяйства, поставки промышленной и дорожной техники, строительство, энергетика, образование и военнотехническое сотрудничество. Африканские партнёры высоко оценивают белорусский опыт и технологии, видя в Беларуси надёжного поставщика и потенциальный «мост» к рынку Евразийского экономического союза. При этом сотрудничество сталкивается с логистическими трудностями, конкуренцией крупных держав и необходимостью адаптации технологий к местным условиям. Тем не менее растущий спрос на механизацию, продовольственную безопасность и развитие инфраструктуры обеспечивает значительные перспективы для дальнейшего укрепления белорусско-африканского партнёрства [26].

Развитие биржевой торговли. Важным элементом экономического сотрудничества стало развитие биржевой торговли. В августе 2025 г. Белорусская универсальная товарная биржа (БУТБ) и товарная биржа Мозамбика подписали меморандум о взаимопонимании для развития биржевой торговли между Беларусью и Мозамбиком [11]. В октябре 2024 г. БУТБ и Нигерийская товарная биржа договорились о партнёрстве для развития трансграничной биржевой торговли [33]. В сентябре 2025 г. БУТБ приняла участие в Intra-African Trade Fair 2025 в Алжире, где обсудила с алжирскими переработчиками молочной продукции закупки белорусских молочных продуктов через биржевые торги [6].

Научно-техническое и образовательное сотрудничество. Научнотехническое и образовательное сотрудничество получило системный характер. По состоянию на октябрь 2025 г. около 2,6 тыс. студентов из Африки обучались в белорусских университетах. Беларусь стремитсякратно нарастить количество африканских студентов. Подготовка ведётся по направлениям, наиболее востребованным в двустороннем взаимодействии – инженерным специальностям, аграрным технологиям, медицине. Для усиления динамики планируется заключать прямые договоры между университетами, что позволит выстроить системный набор студентов. В сотрудничестве с Зимбабве реализуется дополнительный формат – стажировки преподавателей в Беларуси, которые должны стать проводниками белорусских образовательных программ на континенте [18].

Таким образом, за три десятилетия отношения Республики Беларусь с государствами Африки южнее Сахары прошли путь от формального

установления дипломатических связей до тесного партнерства и масштабных экономических проектов. Белорусско-африканское сотрудничество развивается по восходящей траектории, демонстрируя высокий потенциал дальнейшего расширения во всех сферах взаимодействия – от торгово-экономической до научно-технической и гуманитарной. Африка южнее Сахары стала важным направлением диверсификации внешне-экономических связей Республики Беларусь в условиях современных геополитических вызовов.

Если ещё в 2020 г. основные контакты сосредоточивались на ограниченном числе стран, то к 2025 г. Беларусь установила дипломатические отношения с 51 из 54 африканских государств. Определила пять опорных стран для выхода на материковый рынок (Египет, Кения, Нигерия, ЮАР, Зимбабве). Республика Зимбабве прошла путь становления в качестве флагманского проекта белорусской политики на континенте. Это свидетельствует о переходе от точечной политики к системному подходу к африканскому партнёрству.

Беларусь находится на пороге качественного преобразования своего положения в мировой хозяйственной системе за счёт углубления связей с развивающимися экономиками Африки. При условии сохранения последовательности и долгосрочной ориентации на взаимовыгодное развитие африканское направление может стать одним из ведущих векторов экономического роста и политического влияния Республики Беларусь в предстоящие десятилетия.

Библиографические ссылки

1. 22 октября 2024 года состоялось совместное заседание палат Парламента для вопросов депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и ответов Правительства Республики Беларусь // Палата представителей Национального Собрания Республики Беларусь, 22.10.2024. URL: <https://house.gov.by/ru/news-ru/view/22-oktjabrja-2024-goda-sostojalos-sovместное-zasedanie-palat-parlamenta-dlja-voprosov-deputatov-palaty-66394-2024/> (дата обращения: 04.11.2025).

2. Африканские горизонты для белорусского бизнеса // Бюллетень «Меркурий». 2025. №1. / Белорусская торгово-промышленная палата. URL: <https://www.cci.by/byulleten-merkuryy/rubriki/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/afrikanskie-gorizonty-dlya-belorusskogo-biznesa/> (дата обращения: 04.11.2025).

3. Беларусь и Нигерия подписали меморандум о взаимопонимании // БЕЛТА, 30.07.2013. URL: <https://belta.by/politics/view/belarus-i-nigerija-podpisali-memorandum-o-vzaimoponimanii-22471-2013/> (дата обращения: 14.11.2025).

4. Беларусь и Эфиопия планируют на уровне лидеров стран подписать дорожную карту сотрудничества // TV BRICS, 13.04.2025. URL: <https://belta.by/politics/view/belarus-i-efiopiya-planirujut-na-urovne-liderov-stran-podpisat-dorozhnuju-kartu-sotrudnichestva-708824-2025/> (дата обращения: 14.11.2025).

5. Беларусь может увеличить экспорт в Африку до миллиарда долларов // Новости экономики и грантов Беларуси, 03.10.2025. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/belarus-mozhet-uvelichit-eksport-v-afriku-do-milliarda-dollarov/> (дата обращения: 04.11.2025).
6. Беларусь намерена расширить биржевую торговлю сельхозпродукцией с африканскими странами // БЕЛТА, 08.09.2025. URL: <https://belta.by/economics/view/belarus-namerena-razvivat-birzhevuj-torgovlju-selhozproduksiej-so-stranami-afriki-736114-2025/> (дата обращения: 04.11.2025).
7. Беларусь нацелена на достижение практических результатов в сотрудничестве со штатом Нигер // БЕЛТА, 14.10.2025. URL: <https://belta.by/economics/view/belarus-natselena-na-dostizhenie-prakticheskikh-rezultatov-v-sotrudnichestve-so-shtatom-niger-742896-2025/> (дата обращения: 04.11.2025).
8. Беларусь предложила Гане создать межправкомиссию по торгово-экономическому сотрудничеству // БЕЛТА, 25.09.2025. URL: <https://belta.by/politics/view/belarus-predlozhila-gane-sozdat-mezhpravkomissiju-po-torgovo-ekonomicheskomu-sotrudnichestvu-739181-2025/> (дата обращения: 17.11.2025).
9. Беларусь-Кения // Посольство Республики Беларусь в Республике Кения. URL: https://kenya.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/ (дата обращения: 04.11.2025).
10. Белорусский экспорт в страны Африки с начала года вырос почти в четыре раза // БЕЛТА, 22.10.2024. URL: <https://belta.by/economics/view/belorussskij-eksport-v-strany-afriki-s-nachala-goda-vyros-pochti-v-chetyre-raza-669953-2024/> (дата обращения: 04.11.2025).
11. БУТБ будет сотрудничать с Мозамбикской товарной биржей // БЕЛТА, 27.08.2025. URL: <https://belta.by/economics/view/butb-budet-sotrudnichat-s-mozambikskoj-tovarnoj-birzhej-734014-2025/> (дата обращения: 04.11.2025).
12. Вместо бриллиантов – сафари и сельское хозяйство. Почему Ботсвана проявляет большой интерес к Беларуси // БЕЛТА, 01.07.2025. URL: <https://belta.by/economics/view/vmesto-brilliantov-safari-i-selskoe-hozjajstvo-pochemu-botsvana-projavljaet-bolshoj-interes-v-belarusi-724114-2025/> (дата обращения: 04.11.2025).
13. Второй день официального визита в Экваториальную Гвинею // Президент Республики Беларусь, 10.12.2023. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vtoroy-den-oficialnogo-vizita-v-ekvatorialnuyu-gvineyu> (дата обращения: 04.11.2025).
14. Двусторонние отношения Беларусь — Зимбабве // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: https://zimbabwe.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/ (дата обращения: 04.11.2025).
15. История Посольства // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Нигерия. URL: <https://nigeria.mfa.gov.by/ru/embassy/> (дата обращения: 04.11.2025).
16. Каранкевич: сотрудничество Беларуси и Зимбабве в сельском хозяйстве доказало свою эффективность // БЕЛТА, 16.04.2025. URL: <https://belta.by/economics/view/karankevich-sotrudnichestvo-belarusi-i-zimbabve-v-selskom-hozjajstve-dokazalo-svoju-effektivnost-709306-2025/> (дата обращения: 04.11.2025).
17. Лукашенко: Беларусь очень хочет активизировать сотрудничество с Эфиопией // БЕЛТА, 29.07.2025. URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-belarus-ochen-hochet-aktivizirovat-sotrudnichestvo-s-efiopiej-728972-2025/> (дата обращения: 04.11.2025).

18. Минобразования Беларуси рассчитывает кратно нарастить количество студентов из Африки // БЕЛТА, 30.10.2025. URL: <https://belta.by/society/view/minobrazovaniya-belarusi-rasschityvaet-kratno-narastit-kolichestvo-studentov-iz-afriki-745988-2025/> (дата обращения: 04.11.2025).
19. Мудзимба И. Г. Посол Зимбабве: расстояние не помеха для дружбы и сотрудничества / И. Г. Мудзимба // БЕЛТА, 14.04.2025. URL: <https://belta.by/interview/view/posol-zimbabve-rasstojanie-ne-pomeha-dlja-druzhby-i-sotrudnichestva-9640/> (дата обращения: 04.11.2025).
20. О визите В. Пугачева в Анголу // Министерство иностранных дел Республики Беларусь, 8.04.2002. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/c5f143916de1066f.html (дата обращения: 04.11.2025).
21. О визите Министра иностранных дел Беларуси С. Алейника в Экваториальную Гвинею // Министерство иностранных дел Республики Беларусь, 02.06.2023. URL: https://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/fa2023a57e9ef156.html (дата обращения: 04.11.2025).
22. О переговорах Министра иностранных дел Беларуси М. Рыженкова с Министром иностранных дел Эфиопии // Министерство иностранных дел Республики Беларусь, 29.07.2025. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/c9e4e7547ead367a.html (дата обращения: 04.11.2025).
23. Об открытии Посольства в Республике Зимбабве // Посольство Республики Беларусь в Южно-Африканской Республике, 12.07.2022. URL: <https://rsa.mfa.gov.by/ru/embassy/news/a15887673c915dfe.html> (дата обращения: 17.11.2025).
24. Сотрудничество Республики Беларусь с Южно-Африканской Республикой // Посольство Республики Беларусь в Южно-Африканской Республике. URL: https://rsa.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/ (дата обращения: 04.11.2025).
25. Статья «Беларусь и Кения расширяют связи после 30-ти лет хороших отношений» (1 января 2024 г., газета «The Standard», Кения) // Министерство иностранных дел Республики Беларусь, 4.01.2024. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/f04b8aa52fd96563.html (дата обращения: 04.11.2025).
26. Тиханский А. Беларусь предложила Африке уникальные условия сотрудничества / А. Тиханский // Мінская праўда, 09.01.2025. URL: <https://mlyn.by/09012025/belarus-predlozhila-afrike-unikalnye-usloviya-sotrudnichestva/> (дата обращения: 04.11.2025).
27. Тысячи единиц белорусской техники торжественно передали Нигерии // БЕЛТА, 24.06.2025. URL: <https://belta.by/economics/view/tysjachi-edinits-belorusskoj-tehniki-torzhestvenno-peredali-nigerii-722676-2025/> (дата обращения: 04.11.2025).
28. Belarus BY: Trade Balance: Emerging and Developing Economies: Africa // CEIC Data. URL: <https://www.ceicdata.com/en/belarus/trade-balance-by-country-annual/by-trade-balance-emerging-and-developing-economies-africa> (date of access: 04.11.2025).
29. Belarus Exports to South Africa // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/belarus/exports/south-africa> (date of access: 04.11.2025).
30. Belarus may open agricultural machinery assembly plants in Nigeria // Interfax, 29.10.2025. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/114613/> (date of access: 04.11.2025).
31. Belarus to close its embassy in Libya // BelTA, 8.12.2014. URL: <https://eng.belta.by/politics/view/belarus-to-close-its-embassy-in-libya-8763-2014> (дата обращения: 17.11.2025).

32. Belarusian President highlights strong Ethiopia–Belarus partnership, seeks expanded cooperation // Fana Broadcasting Corporate, 11.09.2025. URL: <https://www.fanamc.com/english/belarusian-president-highlights-strong-ethiopia-belarus-partnership-seeks-expanded-cooperation/> (дата обращения: 12.11.2025).
33. BUCE and Nigeria Commodity Exchange discussed cooperation // Belarus Universal Commodity Exchange, 31.10.2024. URL: <https://mab-sng.org/en/news/buce-and-nigeria-commodity-exchange-discussed-cooperation/> (date of access: 07.11.2025).
34. Cooperation of the Republic of Belarus with the Republic of Angola. PDF // Embassy of the Republic of Belarus in the Republic of South Africa. URL: https://rsa.mfa.gov.by/docs/belarus_angola_en.pdf (date of access: 04.11.2025).
35. Cooperation of the Republic of Belarus with the Republic of Mozambique // Embassy of the Republic of Belarus in the Republic of South Africa. URL: https://rsa.mfa.gov.by/en/bilateral_relations/countries_of_accreditation/mozambique/ (date of access: 05.11.2025).
36. Democratic Republic of the Congo – Mining and Minerals // Trade.gov, 14.03.2024. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/democratic-republic-congo-mining-and-minerals> (дата обращения: 17.11.2025).
37. The Importance of the Suez Canal to Global Trade // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2021. 18 April. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/mfat-market-reports/the-importance-of-the-suez-canal-to-global-trade-18-april-2021> (date of access: 06.11.2025).
38. The Growing Role of Minerals and Metals for a Low Carbon Future. Washington, DC : World Bank, 2017.
39. Platinum Mining in South Africa (Platinum Group Metals – PGM) // Projects.iq. URL: <https://projectsiq.co.za/platinum-mining-in-south-africa.htm> (дата обращения: 06.11.2025).
40. Regional Economic Outlook: Sub-Saharan Africa Analytical Note. April 2024. International Monetary Fund.
41. Sub-Saharan Africa Population 2025 // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/continents/sub-saharan-africa> (дата обращения: 06.11.2025).
42. *Venditti B.* Visualizing Cobalt Production by Country in 2023 / B. Venditti // Visual Capitalist. 30 May 2024. URL: <https://www.visualcapitalist.com/visualizing-cobalt-production-by-country-in-2023/> (date of access: 06.11.2025).
43. *Zalessky B.* Evolution of the Geography of Partnership: Opportunities for Economic Cooperation of the Republic of Belarus with the States of the “Far Arc”. L. : Scien- cia Scripts, 2024.
44. Zimbabwe and Belarus sign US\$66m deal for tractors // FurtherAfrica, 02.02.2023. URL: <https://furtherafrica.com/2023/02/02/zimbabwe-and-belarus-sign-us66m-deal-for-tractors/> (date of access: 04.11.2025).

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ УЧЕБНИКА «ИСТОРИЯ БЕЛОРУССИИ» В ПЕРЕПИСКЕ Н. М. НИКОЛЬСКОГО И В. И. ПИЧЕТЫ

М. Ф. Шумейко¹⁾, О. А. Яновский²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, jesti@inbox.ru

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, helgoleg@mail.ru

Анализируется содержание двух писем В. И. Пичеты, которые впервые выявлены в Отделе редкой книги Национальной библиотеки Беларуси. Они в 1946 и 1947 годах были отправлены академиком АН БССР своему коллеге, директору академического Института истории Н. М. Никольскому. Эти письма дополняют общую картину сложной работы белорусских историков над созданием учебника «История Белоруссии» и подтверждают их стремление руководствоваться приоритетами науки.

Ключевые слова: Пичета В. И.; Никольский Н. М.; «История Белоруссии»; переписка.

Лишь не так давно человечество с освоением компьютерной грамоты и научившись использовать возможности не только интернета, но и его порождения – искусственного интеллекта, как-то вдруг позабыло столь эффективный путь коммуникации, коим на протяжении столетий грамотные люди доносили друг до друга и текущую информацию, и свои сокровенные размышления, и деловые предложения, и многое другое, о чём считали нужным поведать своим родным, друзьям, коллегам. Письма и телеграммы были неотъемлемой и важнейшей формой общения между людьми, находившимися далеко друг от друга. И они в первую очередь определили функционирование системы доставки – почтовой службы. А со временем стали уникальной частью документального наследия разных эпох, частью всего архивного комплекса.

Для историка возможность прикоснуться к эпистолярному наследию представителей ученого мира позволяет не только узнать новые обстоятельства их творческой жизни, но и углубить свое понимание различных общих процессов, происходивших на том или ином этапе. В том числе политических.

Особую научную значимость представляют не отдельные письма того или иного ученого, но именно возможно более полный комплекс переписки, предполагающий краткие или развернутые ответы, в которых выражалась позиция на полученную информацию или на ее комментарии со стороны визави.

Таковым небольшим комплексом писем (эпистолий, если применить устаревший ныне термин) можно считать сохранившуюся переписку между двумя знаковыми для всей Беларуси историками – Николаем Михайловичем Никольским и Владимиром Ивановичем Пичетой. Вряд ли есть необходимость давать им характеристики, обозначать их роль в создании по-настоящему систем и даже сфер белорусского высшего и среднего образования, как и белорусской гуманитарной науки – университетской и академической. Об этом написано немало в самых разных аспектах и со значительным информационным обеспечением. В данном случае будем исходить из того, что лишь недавно представилась возможность более детального прочтения взаимодействия двух историков на поприще создания во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х гг. столь ожидаемого в БССР как бы классического учебника белорусской истории. Классического в смысле удовлетворения политического заказа и в смысле определения устойчивых, научно доказательных парадигм, терминологии, обобщений и выводов. Но также и в смысле доступности для читателя различной подготовленности: от ученика и студента до рабочего и крестьянина.

Для Н. М. Никольского эта задача должна была быть решена в силу его академического статуса – как академика (с 1931 г.) и директора Института истории АН БССР (таковым он был с 1937 г. по 1953 г.).

А для В. И. Пичеты, академика первого «призыва» в БАН (т. е. с 1928 г.) – в силу доверия со стороны как союзных, так и белорусских властей. Это определило включение Владимира Ивановича в группу историков для написания новой версии, точнее – нового прочтения белорусской истории. Николай Михайлович же стал руководителем творческого коллектива (а его состав не раз изменялся), научным редактором готовившейся рукописи и, конечно, ответственным за политическую и научную качественность текста. А вот Владимиру Ивановичу с его громадным научным опытом и огромными знаниями буквально всех периодов белорусской истории, с его авторством публикаций по многочисленным сюжетам (от источниковедческих и историографических работ до системных книг и учебников) истории Беларуси отводилась ведущая роль в написании многих разделов и глав учебника. Заметим, что во внимание бралось и то, что бывший ссыльный должен был преодолеть прежние «заблуждения» в осмыслении столь неоднозначно трактовав-

шейся в предшествующее время истории белорусов, их этноса, государственности, территориальных границ.

Так что проблем в научном и политически актуализированном прочтении истории белорусского народа и государства было предостаточно. В данном случае нет необходимости углубляться в их представление, анализ противоречий разного характера. Все-таки переписка между двумя самыми активными участниками творческой работы отображает лишь некий поверхностный слой тогдашней весьма обширной проблематики «вокруг истории Белоруссии». К ней не раз обращались белорусские историки, написаны статьи, защищены кандидатские диссертации (правда, преимущественно в разрезе отдельных периодов после 1945 года). Не так давно защищена докторская диссертация с выходом монографии по всему комплексу данной проблематики. Автор рассмотрел в ряду иных и проблему разработки концепции истории Беларуси в предвоенные годы и первые годы после Победы [1, с. 161–177]. Имеются и у авторов данного текста специальные публикации по некоторым сюжетам этой общей темы [2; 3; 4; 5; 6].

К сожалению, для исследователя до сих пор остаются неразрешенными два обстоятельства. Во-первых, отсутствие полной уверенности в том, что вся переписка сохранилась. Во-вторых, сомнения в правильности транскрибирования текстов писем В. И. Пичеты, которые у всех его адресантов и адресатов, даже постоянно находившихся в переписке с историком, вызывали огромные затруднения в прочтении слов и предложений, а значит в понимании порой даже общего смысла. Ввиду эксклюзивности пичетовского почерка вне исследовательского поля до сих пор остаются достаточно большие массивы сохранившихся рукописей и писем Владимира Ивановича.

Некоторые письма двух историков ранее были опубликованы [7, с. 296–317]. Другие известны по архивным материалам, как, например, письмо из Минска Н. М. Никольского В. И. Пичете в Москву от 27 сентября 1938 г., в котором директор Института истории АН БССР предлагает не так давно возвращенному из Воронежа ученому «вернуться в среду научных работников Академии»:

Дорогой Владимир Иванович!

Пишу Вам по поручению президента академии наук БССР, акад. Горева. Академия наук БССР считала бы огромным приобретением для обеспечения успеха ее работы, если бы Вы согласились вернуться в среду научных работников Академии. Конкретно мы желали бы, чтобы Вы взяли на себя руководство секцией истории СССР и БССР Института истории... Кроме того, мы хотели бы, чтобы взяли на себя также руководство аспирантурой по истории СССР и БССР.

...мною поднимался также вопрос о восстановлении Вас в звании академика. Но этот вопрос более сложный. Я лично имею основания думать, что и он с течением времени разрешится в полном смысле.

Для Вашего сведения сообщаю, что сейчас секция заканчивает составление 1 части учебника истории Белоруссии для средней школы, а на 1939 г. запланировано составление 2 части этого учебника и составление 1 части учебника для вузов [8, л. 15].

Уже в годы Великой Отечественной войны Владимир Иванович, находясь в Ташкенте и не имея связи с Николаем Михайловичем (он после тягот жизни в оккупированном Минске на то время находился в партизанском отряде) в письме от 12 мая 1943 г., адресованном в Президиум АН БССР, уточнил свои наработки в части полученного задания по написанию «Истории Белоруссии»:

Получив Ваше отношение от 27/IV сего года, считаю нужным сообщить следующее. Согласно договоренности в январе с. г. с К. В. Горевым я работаю над «Историей Белоруссии 1861–1914 г.». Об этом тов. Президент заявлял и на сессии АН БССР в Казани (см. «Материалы сессии»). Ныне я узнал, что эта тема будет разрабатываться под руководством Якуба Колоса. Я не знаю, кто будет её разрабатывать, т.к. здесь надо производить исследование, а специалистов по истории Белоруссии вообще нет... В этом же письме я считаю долгом выразить мой протест против передачи Президиумом моей работы, над которой я работаю почти ½ года, другому лицу, – против такого отношения ко мне. Эта работа будет мною конечно окончена, но я оставляю за собой право использовать её по собственному усмотрению без всяких руководств и редакций мало компетентных лиц...

С истинным почтением

академик

В. И. Пичета

Ташкент 12 мая 1943 г. [9, л. 67]

И вот недавно, летом 2025 г., в Отделе редкой книги Национальной библиотеки Беларуси (ОРК НББ) одним из авторов данной публикации при работе с машинописной рукописью учебника (как было обозначено на обложке, но затем зачеркнуто – «для исторических факультетов») «История Белоруссии» было обращено внимание на наличие в фондах двух писем В. И. Пичеты, адресованных на имя Н. М. Никольского. Их содержание сопрягается с ранее посланными Николаем Михайловичем письмами своему коллеге [7, с. 312–316]. Из двух, хранящихся в ОРК НББ писем В. И. Пичеты, удалось достаточно полно рассчитать пока лишь первое, датированное 5 декабря 1946 г. Его содержание носит как бы «оправдательно-информационный» характер. В нем автор сообщает о

своем запоздалом ответе ввиду пребывания вне Москвы на письмо и телеграмму Н. М. Никольского, в которых содержалась просьба предоставить тексты для готовящегося Институтом истории АН БССР однотомника «История Белоруссии» (речь явно шла о названной выше машинописной двухтомной рукописи учебника «для исторических факультетов». – М. Ш., О. Я.). Кроме того, В. И. Пичета ссылается на обещание, данное им первому секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко при их личной встрече, написать самостоятельно «Историю Белоруссии», ввиду чего он считает некорректным давать написанные им главы для коллективного труда.

Фрагмент второго письма, написанного Владимиром Ивановичем в начале 1947 г. (года ухода его из жизни), достаточно сложный для расчитки в полном объеме. Тем не менее, из общего его смысла можно предположить, что оно является ответом на письмо Н. М. Никольского от 12 декабря 1946 г., опубликованное нами по черновику, с примечанием, что вероятнее всего письмо не было отправлено адресату [7, с. 312]. Данное примечание обусловлено тем, что письмо отсутствует в фонде академика В. И. Пичеты в Архиве Российской академии наук. Кстати, и настоящие письма Пичеты Никольскому хранятся не в личном архивном фонде последнего в Архиве РАН.

Поэтому можно лишь предположить, что попали они в ОРК НББ вследствие передачи в Государственную библиотеку БССР им. В. И. Ленина в начале 1960-х гг. вдовой ученого, А. П. Пичета, двух папок машинописи «История Белоруссии» почти в тысячу страниц, значительная часть которой была написана ее покойным мужем. Вероятно, тогда и было признано логичным присоединить к ней и два письма Пичеты Никольскому, в которых как раз-таки шла речь об этом труде.

В письмах Владимира Ивановича обрисована (подчас в очень острой форме, с употреблением не характерных для ученого выражений) сложившаяся ситуация с работой над текстом «Истории Белоруссии». В них сквозит обида ученого на отношение к нему со стороны партийного и государственного руководства республики (например, как он указывает, «...по подлости Г[орбунова] не дали ордена Ленина»). Историк, уже конкретно называя причину своего неучастия в продолжении работы над текстом: «Неужели Вы думаете, что глупый человек может согласиться, чтобы его работы правил невежда?».

Переписка В. И. Пичеты с Н. М. Никольским, на наш взгляд, представляет собой важный исторический источник, существенно дополняющий и в ряде случаев объясняющий историю написания текстов для одного из первых учебников по истории Беларуси, так и не дошедших в 1940-е годы до издательского воплощения.

В данном случае приведем итоговые варианты прочтения названных писем, максимально сохранив особенности написания и стиля.

**Письмо В. И. Пичеты Н. М. Никольскому
5 декабря 1946 г.**

Узкое

5. XII. 46

*Глубокоуважаемый
Николай Михайлович*

Так как я находился в Узком, то мне не были известными ни Ваше письмо, ни телеграмма. Этим объясняется мой запоздалый ответ, и прошу Вас не поставить это мне в вину. Я должен Вам сообщить, что при свидании с тов. Пономаренко мне было предложено написать самостоятельно историю Белоруссии, на что я дал согласие. Поэтому, мне стало посылать неудобно, тем более, что эти главы Вами заказаны другим. // (л. 1 об.). Помимо этого я считаю для себя неудобным, чтобы меня редактировал малограмотный научный редактор т. Горбунов, к тому же пылающий в течение трех лет жестокой ненавистью ко мне, о которой до меня доходят слухи.

Впрочем, я привык как будто ко всем неожиданностям. В будущем году я намереваюсь посетить Минск и, если Ваша «милость свою ласку вчинит» и позволит мне прочитать доклад, то я с удовольствием это сделаю. В Минск я часто приезжать не могу: на моих плечах «Институт славяноведения» и филиал АН СССР в Смоленске, то есть работы будет много. // (л. 2). Что бы там ни было, как бы в Белоруссии ко мне не относились (я дал слово в ЦКП бывать в Минске), я продолжаю свои работы по истории Белоруссии (???), в Белоруссии моих работ просто печатать не будут, (???). Слышал я о планах Савича, который (?) Президиум о Вас. Савич и Бочкарев при баллотировке в чл. корр. не получили необходимые голоса. Савич, получил 5, 1 г с (?), ... с Бочкаревым, кажется пять.

Поздравляю Вас с избранием в члены- корреспонденты: Вы получили при // (л. 2 об) первой баллотировке 8 из 12 чел., при второй – 10, т.е. 2/3. Я теперь, вероятно, не буду связан с вступлением в АН БССР, но если надо будет АН написать какую-нибудь работу, я это сделаю с удовольствием, что, впрочем, думаю, то мне необходимо, идя по белорусским (?).

Всего Вам наилучшего.

С глубоким уважением

В. Пичета [10, 091/343–2]

Из письма В. И. Пичеты Н. М. Никольскому
5 января 1947 г.

5. I. 47

*Глубокоуважаемый
Николай Михайлович*

.....
Я начинаю для Бел. большую плановую работу: «Белоруссия в борьбе (?) агрессией» [возможно, «Белоруссия на этапе капитализма в промышленности». – М. Ш., О. Я.] (15 л), но Президиум, выполнил ли (?) работу «Белорусский край в плане завоевателей» (5), но пока // (л. 2) не удостоился внимания прежнего Президиума. Я пытался писать [возможно, «...я готовил частями»... – М. Ш., О. Я.] «1812 год в Белоруссии», но ее использовали [это слово подчеркнул Пичета. – М. Ш., О. Я.] другие. Я пытался раб. другую..... «....прошое бел. края»; и та была использована другими. Неужели Вы думаете, что глупый человек может согласиться, чтобы его работы правил невежда? Я полагаю, что Вы также не согласились бы, если Вас редактировали бы другие? Я ничего не имею против ред. Н. М. Никольского, В. Н. Перцева и А. М. Панкратовой, чтобы Пьянков А. П. и Савич А. А., ничьих же иных лиц из Академии БССР – этого я допустить не могу. // (л.3). Я, Николай Михайлович, ... на слова. Моя история Б. была написана по приказам Наркомпроса (Вы это лучше знаете), и Пьянков принимал в ней участие,, разные Горбуновы, Панкратовы (??) и проч. Я пытался написатьпо истории БССР ч. I, но попросил бы Вас, что, по поручению ЦК, могли бы написать отзыв для него. по истории.....

Забудьте на минуту, что Вы директор [эти слова подчеркнул Пичета. – М. Ш., О. Я.], и вспомните просто, что Вы Н. М. Никольский [эти слова подчеркнул Пичета. – М. Ш., О. Я.]. Вообще буду ли я преступником в Ваших глазах? // (л. 4–5)...

Не забывая же, милого Николая Михайловича интеллигента, и что ... с моими человеческими чувствами [эти слова подчеркнул Пичета. – М. Ш., О. Я.] [11, 091/343–1].

Таким образом, находка двух писем в добавление к множеству другого эпистолярного наследия двух выдающихся историков Беларуси в который раз указала на необходимость продолжения исследовательской работы в части как углубления нашего понимания сложного этапа в развитии белорусской исторической науки, так и постижения «авторской кухни» ее творцов, их эмоционального состояния, которое подвергалось огромной перегрузке в условиях недоверия и недопонимания со стороны власти и коллег по «цеху».

Библиографические ссылки

1. Белозорович В. А. Формирование и развитие концепции истории Беларуси в отечественной историографии (вторая половина XIX – начало XX века). Гродно: ГрГУ, 2020. С.161–177.
2. Яновская В. В., Яновский О. А. Написание учебника истории Беларуси в условиях «борьбы на историческом фронте» (1930–40-е гг.) // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 2017. № 1. С. 32–40.
3. Яновский О. А., Яновская В. В. Постигание отечественной истории (размышления и историографические факты по поводу научной эффективности альтернативных концепций российско-белорусской истории) // Труды исторического факультета МГУ. 2018. Вып. 126. Сер. II: Исторические исследования. С. 37–52.
4. Шумейко М. Ф. Архивно-археографическая деятельность В. И. Пичеты // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып.4. Минск, 2009. С. 233–247.
5. Шумейко М. Ф. Автор концепций отечественной истории и белорусского университета. Митрофан Викторович Довнар-Запольский // В кн.: Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941); под общей ред. С. В.Абламейко, науч. ред. О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2017. С. 254–263.
6. Шумейко М. Ф. В. И. Пичета и власть (Источниковедческий аспект) // Проблемы славяноведения: Сб. научн. статей и мат. Вып. 6. Брянск, 2004. С. 201–213.
7. Неизвестный В. И. Пичета / сост.: М. Ф. Шумейко, В. В. Яновская, О. А. Яновский. Минск: Изд. Центр БГУ, 2021. С. 296–317.
8. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 171. Л. 15.
9. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 47. Д. 15. Л. 67.
10. Отдел редкой книги Национальной библиотеки Беларуси, 091/343–2.
11. Отдел редкой книги Национальной библиотеки Беларуси, 091/343–1.

БЕЛАРУСКІЯ ПЕРАКЛАДЫ ПІСЬМОВЫХ КРЫНІЦ ПА ГІСТОРЫІ СТАРАЖЫТНАГА СВЕТУ

Г. В. Дзягель

*Міжнародны ўніверсітэт МППСА, вул. Казінца, 21, к. 3, г. Мінск, Беларусь,
annadjagel@gmail.com*

У артыкуле разглядаецца гісторыя і сучасны стан перакладаў пісьмовых крыніц па гісторыі Старажытнага Свету на беларускую мову альбо на іншыя мовы беларускімі навукоўцамі. Разгледжана гісторыя перакладаў Старога і Новага Запаветаў на беларускую мову, гісторыя і сучасныя выданні перакладаў антычных аўтараў. Асобна разглядаюцца пераклады беларускіх літаратараў і гісторыкаў старажытнаўсходніх літаратурных твораў і эпіграфікі. Адзначана, што на беларускую мову перакладаюцца тэксты з старажытнагрэчаскай, лацінскай, санскрыту, старажытнаперсідскай, старажытнаўрэйскай і іншых моў. На рускую мову беларускія навукоўцы перакладаюць ў тым ліку з старажытнаегіпецкай

Ключавыя словы: беларускія пераклады; Іліяда; Адысея; Гесіёд; Бехістунскі надпіс; беларуская Біблія.

БЕЛОРУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

А. В. Дягель

*Международный университет МИТСО, ул. Казинца, 21, к. 3, г. Минск, Беларусь,
annadjagel@gmail.com*

В статье рассматривается история и современное состояние переводов письменных источников по истории Древнего мира на белорусский язык и на другие языки белорусскими учёными. Рассматривается история переводов Ветхого и Нового Заветов на белорусский язык, история и современные издания переводов античных авторов. Отдельно рассматриваются переводы древневосточных литературных произведений и эпиграфики белорусскими писателями и историками. Отмечено, что тексты переводятся на белорусский язык с древнегреческого, латинского, санскрита, древнеперсидского, древнееврейского и других языков. Белорусские учёные переводят на русский язык, в том числе с древнеегипетского.

Ключевые слова: белорусские переводы; Илиада; Одиссея; Гесиод; Бехистунская надпись; белорусская Библия.

Міжнародная навуковая канферэнцыя “Лістападаўскія сустрэчы – XVI” прымеркавана да 70-гадовага юбілею аб’яднанай кафедры гісторыі Старажытнага свету і Сярэдніх вякоў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. За гэты час кафедра стала асноўнай кузняй кадраў

даследчыкаў старажытнага свету. Юбілей – выдатная нагода падсумаваць адзін з аспектаў работы беларускіх гісторыкаў-ўсходазнаўцаў і антыказнаўцаў: пераклады гістарычных крыніц. У межах дадзенага артыкулу пад беларускімі перакладамі маецца на ўвазе пераклады крыніц на беларускую мову. Аднак, калі патрабуе кантэкст, згадваюцца пераклады беларускіх аўтараў і на іншыя мовы. Дадзены артыкул не ўлічвае фрагментарныя пераклады, што могуць змяшчацца ў межах манаграфій і артыкулаў.

Мэта артыкулу: падсумаваць існуючыя на момант падрыхтоўкі тэксту публікацыі перакладаў пісьмовых крыніц па гісторыі старажытнага Ёсходу і Антычнасці на беларускую мову альбо беларускімі навукоўцамі.

Беларускія пераклады Бібліі. Самым вядомым старажытным тэкстам з’яўляецца Біблія. Гісторыя перакладу Старога і Новага Запаветаў можа быць асобнай тэмай даследвання. Таму тут згадваюцца асноўныя, самыя значныя пераклады.

Першым беларускім перакладам Бібліі можна па праву лічыць выданні Францыска Скарыны. 23 друкаваныя кнігі Старога Запавету выданы ў Празе ў 1517 – 1519 гг. Да гэтых кніг ім напісаны 22 прадмовы і 25 «сказанняў». Магчыма ён пераклаў і выдаў і астатнія кнігі Бібліі. У прадмове да кнігі «Плач Ерамій» Скарына сцвярджае, што ён выдаў кнігу «Прароцтваў Ерамій», але яе выданні не вядомыя. У 1525 г. былі надрукаваныя часткі Новага Запавету «Деания и посылания Апостольская». У якасці крыніц для свайго перакладу на старабеларускую мову Ф. Скарына выкарыстаў Вульгату, «Біблію чэшскую ў Венецыі друкаваную» (1506), старажытнагэбрайскія арыгіналы і старажытнаславянскія пераклады [1, с. 22-23].

Васіль Цяпінскі выдаў Евангелле, якое было надрукаванае ў дзве калонкі: злева размешчаны царкоўна-славянскі тэкст, справа – беларускі. Год выхаду прыкладна 1570-я гады. В. Цяпінскім былі надрукаваны Евангеллі “Ад святога Мацьвея”, “Ад святога Марка” і пачатак “Ад святога Лукі” [1, с. 31].

Ад канца XVIII ст. і да 1920-х гадоў біблейскія кнігі на Беларусі не друкаваліся. Праблема перакладу Святога Пісьма на беларускую мову актуалізуецца ў пачатку XX ст. Як адзначае даследчык беларускіх перакладаў Бібліі Пікарда Гай «Выданьне Бібліі ці толькі Новага Запавету па-беларуску было ў пэўным сэнсе актам самасцвярджэння, прызнання, што «хлопская мова», нізкая гаворка, якую пагарджалі расейцы і палякі, была сапраўднай мовай, ня толькі здатнаю выказваць думкі паэтычнага генія – да прыкладу, Купалы ці Коласа, – але і вартаю данесці пасланьне Слова Божага народу сялянскай Беларусі і ўсяму свету» [2]

У 1920 – 1930-я гады ідэя перакладу і гістарычная інтэрпрэтацыя на беларускай мове Святога Пісьма пачынае цікавіць такіх вядомых беларускіх дзеячаў, як А. Луцкевіч, Б. Тарашкевіч, Р. Астроўскі, С. Рак-Міхайлоўскі, Г. Леўчык, А. Уласаў, К. Езавітаў. Да гэтай спавы далучыўся праваслаўны святар Васіль Раманаў. У пратэстанцкім асяродку адзін з першых, хто звярнуўся да ідэі перакладу, быў Лукаш Дзекуць-Малей. Менавіта ён перадаў свае пераклады з стараславянскай мовы Новага Запавета Антону Луцкевічу, і той захапіўся працай. Акрамя іншага, ён бачыў ў беларускім перакладзе Бібліі сродак паяднання беларускага народу. Новы Заповіт, у перакладзе А. Луцкевіча быў выдадзены ў 1931 г. (перавыдадзены ў Лондане (1948) і Таронта (1984)). [1, с. 42–43].

У 1939 годзе каталіцкім святаром Вінцэнтам Гадлеўскім былі перакладзеныя і выдадзеныя «Чатыры Эвангельлі і Дзеі». Пераклад рыхтаваўся з 1933 г., каб проціпаставіцца посьпеху «нядаўна выдадзенага перакладу гэтай кнігі (г. зн. Новага Запавету), зробленага мэтадыстамі, які мае дагматычныя памылкі, а таксама шматлікія недасканаласьці ў беларускай мове» [2].

Пасля Другой сусветнай вайны былі апублікаваны пераклады Новага Запавету магістра П. Татарыновіча «Святое Евангелле і Апостальскія Дзеі» (1954), «Лісты Святых Апосталаў» (1974), выдадзеныя ў Рыме лацінскім шрыфтам, і поўны пераклад доктара Я.Станкевіча пад назвай «Сьвятая Біблія» (Нью-Йорк, 1970).

Пасля прыняцця ў 1986 г. ў СССР закону аб веравызнаннях перакладчыцкая дзейнасць стала магчымай і ў Беларусі. У Беларусі было створана Біблейскае Таварыства (1990), мэтай якога з’яўляецца распаўсюджанне і прапаганда Святога Пісьма, даследаванне і вывучэнне тэкстаў Бібліі для карэкцыі і ўдакладнення існых перакладаў на беларускай мове і стварэнне новых. У беларускім перыядычным друку былі апублікаваныя некаторыя часткі Старога і Новага Запаветаў: «Паводле Лукі Святое Евангелле» і «Апакаліпсіс» («Беларусь», 1990, № 1-12, перадрук з «Новага Запавета і Псалмоў» у перакладзе Л. Дзекуця-Малей і А. Луцкевіча), «Песня Песняў» у перакладзе В. Сёмухі («Беларусь», 1991, № 8-9), Евангеллі паводле Мацьвея, Лукі, Яна ў перакладзе А.Клышкі («Спадчына», 1990 – 1992). За гэты перыяд асобнымі кніжкамі былі выдадзены: «Найвышэйшая песня Саламонава» (Пер. на бел. мову В. Сёмухі, 1994), «Новы Заповіт і Псалмы» (Пер. В.Сёмухі, 1995), «Біблія. Кніга Роду» (Пер. У. Чарняўскага, 1997), «Новы Заповіт» (Пер. а. У. Чарняўскага, 1999). Нарэшце, 2002 год быў азнаменаваў выхадам беларускамоўнага кананічнага тэксту Бібліі ў перакладзе Васіля Сёмухі: «Біблія: Кнігі Сьвятога Пісаньня Старога і Новага Запавету. Кананічныя» (Duncanville, 2002). Беларускамоўная Біблія ўкладзена паводле пратэстанцкай трады-

цыі (39 кніг Старога Запавету і 27 Новага Запавету). Выданне блаславіў першаіерарх Беларускай аўтакефальнай Праваслаўнай Царквы (БАПЦ) у эміграцыі а. Мікалай і «... на карыстанне ў Беларускай Праваслаўнай Царкве». Пераклад зроблены ў супрацоўніцтве з хрысціянскай місіяй (Канада) пад рэдакцыяй пратэстанцкага пастара Юркі Рапецкага [1, с. 46-47]. У пачатку 2023 года пастар пяцідзсятніцкай царквы Антоній Бокун скончыў пераклад Святога Пісання са старажытнаўрэйскай і старажытнагрэчаскай моў. Пераклад быў выкладзены ў Інтэрнэт. У канцы 2023 года Біблія ў перакладзе А. Бокуна на беларускую мову выйшла з друку [3]. У 2010 г. выйшаў у свет пераклад кандыдата філалагічных навук Фёдара Клімчука амаль усяго Новага Запавету (Чацверэвангелле, Дзеі святых апосталаў, Першае пасланне святога апостала Паўла да Карынціянцаў). У сваёй працы ён выкарыстоўваў ужо існуючыя пераклады Святога Пісання на рускай, беларускай, царкоўнаславянскай, польскай, украінскай мовах. Ф. Клімчук працаваў над сваім перакладам каля 20 гадоў. Яго асаблівасць у тым, што пераклад зроблены на заходнепалескі дыялект беларускай мовы, а канкрэтна дыялект яго роднай вёскі Сіманавічы, цяпер Драгічынскі раён, Брэсцкая вобласць [4, с. 87]. У 2019 годзе выйшла больш поўная версія перакладу. Аўтар не дажыў да публікацыі некалькі месяцаў [5].

Такім чынам, на сённяшні дзень, маецца некалькі поўных перакладаў з моў арыгіналу на беларускую мову Старога і Новага Запаветаў. Пераклады Бібліі на беларускую мову ажыццяўляюцца па ініцыятыве як асноўных хрысціянскіх канфесій, так і асобнымі энтузіястамі.

Пераклады антычных аўтараў. Першыя пераклады на беларускую мову антычных аўтараў з’явіліся ў пачатку XX ст. Гэта былі мастацкія пераклады літаратурных твораў.

Пачатак мастацкага перакладу з класічных моў на беларускую паклаў М. Багдановіч, які перакладаў Вяргілія і Авідзія. Перакладамі антычных аўтараў займаўся Юльян Дрэізін, са спадчыны якога, на жаль, захавалася толькі «Антыгона» Сафокла (Мн., 1926) і VI песня «Іліяды» Гамера. [6, с. 8]

Упершыню на беларускую мову фрагменты з «Іліяды» Гамера («Развітанне Гектара з Андрэмахай», VI, 390 – 496) пераклаў Ю. Дрэізін у 1928 годзе [7]. І як сведчыў Я. Барычэўскі, ім былі зроблены пераклады эпічнай паэмы Гамера «Адысея» (разам з М. Грамыкам), трагедыі Сафокла «Цар Эдып», трагедыі Эўрыпіда «Вакханкі», камедыі Арыстафана «Лісістрата», філасофскай паэмы Лукрэцыя «Аб прыродзе рэчаў». Л. Баршчэўскі піша: «але ў трагічныя для беларускай культуры гады сталінскага генацыду і другой сусветнай вайны рукапісы Дрэізін згубіліся, а да нас дайшлі толькі выдадзеныя асобнай кніжкай “Антыго-

на” Сафокла (Менск, 1926) ды ўрывак з песні шостаі “Іліяды”» [8, с. 3]. Б. Тарашкевічу належыць пераклад шэдэўраў сусветнай класікі «Іліяды» Гамера і «Пана Тадэвуша» А. Міцкевіча. Ён перакладаў гэтыя творы ў турме г. Грудзёнец і ў Гродзенскім астрозе. Пасля вызвалення Б. Тарашкевіч даводзіў і шліфаваў пераклад «Іліяды»; рыхтавалася да друку выданне беларускамоўнай «Іліяды», нават была ўжо карэктурна кнігі. Аднак кніга не ўбачыла свет: Б. Тарашкевіч быў арыштаваны. Ад пераклада Б. Тарашкевіча засталіся толькі фрагменты, апублікаваныя ў 1920 – 1930-х гадах [9; 10], дагэтуль невядома, ці захаваўся астатні тэкст. Як адзначае Несцер Н. В., пераклады Б. Тарашкевіча маюць высокі прафесійны ўзровень, дакладныя ў перадачы арыгінала [11, с. 132]

Сярод перакладчыкаў «Адысеі» можна ўзгадаць А. Клышку, які ў 1977 годзе змясціў урывак з перакладу ў газеце «Літаратура і мастацтва» («Спатканне Адысея ў Аідзе з ценом памерлае маці», XXIV) [12].

У 1993 г. з’явіўся пераклад трагедыі Эсхіла «Праметэй прыкаваны», выкананы Л. Баршчэўскім, які пераклаў таксама «Энеіду» Вяргілія, «Смутныя элегіі» Авідзія, некалькі баек Фэдра, абраныя вершы з Сапфа і Катула. А. Клышко ажыццявіў пераклад рамана Лонга «Дафніс і Хлоя», а таксама XI і XVII песняй «Адысеі» Гамера. «Паэтыка» Арыстоцеля на беларускай мове выйшла ў перакладзе Н. Мішчанука і М. Шаўлоўскай. Некаторыя вершы Гарацыя і байкі Эзопа пераклаў А. Жлутка, абранае з Катула – вядомы беларускі пісьменнік У. Караткевіч [6, с. 8].

У 2024 годзе упершыню быў апублікаваны поўны пераклад Іліяды са старажытнагрэчаскай на беларускую. Пераклад выканаў Лявон Баршчэўскі. [13; 14]. Другое выданне перакладу выпраўленае і дапоўненае выйшла ў тым жа 2024 годзе ў Польшчы [15].

Сярод беларускіх гісторыкаў антычных аўтараў са старажытнагрэчаскай на рускую мову перакладаў Міхаіл Сычоў. Так апублікаваныя ягго падрадкавыя пераклады некаторых фрагментаў лірыкі Тіртэя [16; 17] і падрадкавыя пераклады фрагментаў паэм Гесіёда [18]. Таксама Міхаіл Сычоў публікаваў падрадкавы пераклад на рускую мову фрагмент Іліяды Гамера [19].

У 2025 годзе быў апублікаваны поўны пераклад са старажытнагрэчаскай на беларускую паэм Гесіёда “Паходжанне багоў (Тэагонія)” і “Працы і дні”. Пераклад выканаў Лявон Баршчэўскі [20]

Такім чынам, асноўная увага перакладчыкаў была накіравана на літаратурныя творы антычных аўтараў. Пераклады неносяць сістэмны характар і выконваюцца асабнымі энтузіястамі. Гістарычныя творы антычных аўтараў яшчэ чакаюць свайго перакладчыка на беларускую мову.

Пераклады старажытнаўсходніх крыніц. Адным з першых ўсходнаўсходніх Расійскай імперыі быў ураджэнец Полацку Каэтан Касовіч

(1814 – 1883). Ён першым у Расійскай імперыі пачаў выкладаць санскрыт ва ўніверсітэце і пераклаў на лацінскую мову цэлы шэраг санскрыцкіх тэкстаў, у тым ліку урыўкаў з Магабгараты. [21]. Акрамя санскрыту К. Касовіч перакладаў на лаціну авестыйскія тэксты, а таксама выдаў поўны пераклад клінапісных надпісаў дынастыі Ахеменідаў, што зрабіла яго суветна вядомым навукоўцам [22, с. 16].

Уласна беларускія пераклады старажытнаўсходніх тэкстаў з’явіліся ўжо ў ХХІ стагоддзі. Паэт і перакладчык Ігар Кулікоў ў 2016 годзе выдаў паэтычны пераклад з санскрыту на беларускую першага кола з дзесяці Рыгведы. Пераклад суправаджаецца навуковымі каментарыямі. [23]. На жаль, далейшыя часткі Рыгведы свет пакуль не пабачылі. У 2022 годзе той жа перакладчык выдаў пераклад фрагментаў старажытнаіндыйскага эпасу Магабгарата. Выданне ўтрымлівае “23 апаведы з Магабгараты, першага вялікага эпасу Індыі: амаль усе – г. зв. упах’яны, або ўстаўныя гісторыі. З іх чытач мала даведаецца пра падзеі вялікай вайны бгаратаў, але затое пазнаёміцца з іншымі, не менш знакамітымі індыйскімі сказаннямі, такімі, як «Аповед пра Налу» і «Аповед пра Савітры», а таксама з кароткім пераказам другога індыйскага эпасу – «Рамаяны» [24].

Гісторык Юлія Кухарчык апублікавала шэраг перакладаў старажытнаперсідскіх царскіх надпісаў дынастыі Ахеменідаў. На рускую мову былі ажыццяўлены пераклады Будаўнічага надпісу Дарыя I [25], а таксама надпісы цароў Дарыя (тры надпісы) і Ксеркса (5 надпісаў) з Персепалі [26]. На беларускую мову Юлія Кухарчык пераклала адзін з важнейшых ахеменідскіх тэкстаў: Бехістунскі надпіс [27] і надпіс на магіле цара Дарыя I з Накш-ы Рустама [28]. Шэраг тэкстаў са старажытнаегіпецкай на рускую мову пераклала беларускі гісторык-егіптолаг Спартак (Касцюкевіч) Ала [29; 30; 31; 32].

У 2025 годзе выйшаў поўны пераклад помніка літаратуры Старажытнай Месапатаміі “Эпасу пра Гільгамеша”. Пераклад з англійскай на беларускую ажыццявіў Лявон Баршчэўскі [33].

Такім чынам, беларускімі філолагамі, перакладчыкамі і гісторыкамі зроблены шэраг перакладаў гістарычных крыніц і літаратурных твораў. Найбольшую колькасць перакладаў зведала Бібілія. Сярод антычных крыніц ёсць пераклады толькі літаратурных твораў. Пераклады старажытнаўсходніх крыніц носяць фрагментарны характар.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Трацяк І. І.* Біблія ў кантэксце беларускай культуры. Гродна: ГрДУ. 2003.
2. *Пікарда Гай.* Нябеснае полымя: Досьлед пачаткаў беларускага перакладу Новага Запавету і псалмоў (1931) // Спадчына. 1995. № 4. С. 152–175.

3. *Біблія : кнігі Святога Пісання Старога і Новага Запавету / са старажытнагэб-райскай і старажытнагрэцкай на беларускую мову нанова перакладзеныя* [А. Бокунам]. Мінск: Саюз евангельскіх хрысціян баптыстаў у Рэспубліцы Беларусь, 2023.
4. *Добыкин Д. Г., Муреня Г. В.* Современные белорусские переводы Священного Писания (конец XX – начало XXI вв.) // *Христианское чтение*. № 5. 2019. С. 85–93.
5. *Новый Завіт : Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста / пер. на заходне-палескую гаворку Фёдора Данілавіча Клімчука*. Мінск: Медысонт, 2019.
6. *Шевченко Г. И.* Рецепция античной культуры в белорусскую // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2006. № 3. С. 3–8.
7. *Гамер* Развітанне Гектара з Андрэмахай (Іліяда, VI) / пер. з старагрэч.: Ю. Дрэўзін // *Узвышша*. 1928. № 3. С. 113–115.
8. *Эсхіл* Прыкуты Праметэй / пер. Л. Баршчэўскага; Сафокл. Антыгона / пер. Ю. Дрэўзіна. Мінск: Бел. Гуманіт. адукацыйна-культурны цэнтр, 1993.
9. *Гамер* Іліяда: Песня I / пер. з грэч.: Б. Тарашкевіч // *Беларускі звон*. 1922. 11. 25 сакіка.
10. *Гамер* Іліяда: XXII песня: Смерць Гектара / пер. з грэч.: Б. Тарашкевіч // *Полымя рэвалюцыі*. 1935. № 3. С. 69–78; «Іліяда» па-беларуску // *Родная страха*. 1922. 7 сакавіка.
11. *Несцер Н. В.* Антычная літаратура ў беларускіх перакладах, выданнях, даследаваннях // *Вестник Полоцкого государственного университета*. Серия А. Гуманитарные науки. 2009. №7. С. 313–316.
12. *Гамер* Адысея (Спатканне Адысея ў Аідзе з ценем памерлае маці) / пер. з старагрэч.: А. Клышка // *Літаратура і мастацтва*. 1977. № 3. С. 69–78.
13. *Іліяда : у 2-х тамах. Том 1 : Песні I–XII / Гамер ; пераклад са старагрэцкай Лявона Баршчэўскага*. Мінск : «Энцыклапедыкс», 2024.
14. *Іліяда : у 2-х тамах. Том 2 : Песні XIII–XXIV / Гамер ; пераклад са старагрэцкай Лявона Баршчэўскага*. Мінск : «Энцыклапедыкс», 2024.
15. *Іліяда / Гамер ; пераклад са старагрэцкай Лявона Баршчэўскага*. Полацк-Варшава-Полацк : “Polackija Labirynty”, 2024.
16. *Сычёв М.* Перевод некоторых фрагментов лирики Тиртея // *Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков*. 2010. № 5. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91491>. (дата обращения: 10.11.2025).
17. *Сычёв М.* Перевод фрагмента 10 лирики Тиртея // *Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков*. 2010. № 6. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91501>. (дата обращения: 10.11.2025).
18. *Сычёв М.* Перевод фрагментов произведений Гесиода (“Труды и дни”, “Теогония”) // *Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков*. 2009. № 4. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91483>. (дата обращения: 10.11.2025).
19. *Сычёв М.* Троянский цикл. Перевод и комментарии // *Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков*. 2012. № 1 (7). URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/156359>. (дата обращения: 10.11.2025).
20. *Гесіёд* Паходжанне багоў (Тэагонія). Працы і дні. Пераклаў са старагрэцк. Лявон Баршчэўскі. Мн.: Раман Цымбераў, 2025.
21. *Прохоров А. А.* Каэтан Андреевич Коссович (1814–1883) – первый санскри-толог белорусских земель // *Великое культурное наследие Индии и Беларуси: К 75-летию Пакта Рериха*. Минск: Право и экономика, 2011. С. 13–28.

22. Даўгяла Г. І. К. А. Касовіч: вядомы і незнаёмы. Мінск: «Геронт-А», 1994.
23. Рыгведа. Кола І Пераклаў з санскрыту Ігар Кулікоў. Мінск: Медысонт, 2016.
24. Магабгарата. Выбраныя аповеды. Пераклаў з санскрыту Ігар Кулікоў. Мінск: Янушкевич, 2022.
25. Кухарчик Ю. Строительная надпись Дария I. // Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков. 2009. № 3. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91501>. (дата обращения: 10.11.2025).
26. Кухарчик Ю. Древнеперсидские надписи Дария I и Ксеркса из Персеполя (текст, комментарии, перевод) // Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков. 2010. № 6. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91500>. (дата обращения: 10.11.2025).
27. Кухарчик Ю. Пераклад Бехістунскага надпісу // Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков. 2009. № 4. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91482>. (дата обращения: 10.11.2025).
28. Кухарчик Ю. Надпіс з Накш-ы Рустама // Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков. 2009. № 2. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91290>. (дата обращения: 10.11.2025).
29. Костюкевич (Спартак) А. Надписи на постаментах обелисков Хатшепсут // Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков. 2009. № 3. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91467>. (дата обращения: 10.11.2025).
30. Костюкевич (Спартак) А. Обелиск Тутмоса III. Лондон. Великобритания. Обелиск Тутмоса III. Нью-Йорк. США // Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков. 2009. № 4. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91481>. (дата обращения: 10.11.2025).
31. Костюкевич (Спартак) А. Большая Карнакская надпись царя Мернептаха // Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков. 2010. № 5. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91489>. (дата обращения: 10.11.2025).
32. Костюкевич (Спартак) А. Обелиски Рамсеса II из Луксора // Электронный научный журнал Scriptorium: история древнего мира и средних веков. 2010. № 2. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91289>. (дата обращения: 10.11.2025).
33. Эпас пра Гільгамеша / з акадскай ; пераклад Лявона Баршчэўскага; 2-е выданне Мінск: Раман Цымбераў, 2025.

ГЕННАДИЙ ИОСИФОВИЧ ДОВГЯЛО (01.04.1935 – 02.09.2002) И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА В БЕЛАРУСИ В 1990-е ГОДЫ

О. В. Перзашкевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, perzashkevich@bsu.by*

1 апреля 2025 года исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося белорусского учёного, востоковеда и библеиста Геннадия Иосифовича Довгяло (01.04.1935 – 02.09.2002). Его деятельность в БГУ после распада СССР, как представляется в том числе и по его рукописям, имеет самостоятельное и очень большое значение для становления и развития науки и образования в независимой Республике Беларусь. В системе высшего образования Республики Беларусь действует учебное пособие по истории Древнего Востока, созданное под его руководством, его учениками разработаны и внедрены в учебный процесс учебные наглядные пособия, учебные программы и специальные учебные дисциплины, в системе общеобразовательной школы действуют учебные пособия, атласы и учебные наглядные пособия по истории древнего мира. Сделанного Геннадием Иосифовичем Довгяло с лихвой достаточно, чтобы навсегда войти в историю научного развития и образования независимой Республики Беларусь

Ключевые слова: Геннадий Иосифович Довгяло; востоковедение; библеистика; историческое образование; научная школа; учебные пособия; школьные учебники.

1 апреля 2025 года исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося белорусского учёного, востоковеда и библеиста Геннадия Иосифовича Довгяло. После окончания исторического факультета БГУ Г. И. Довгяло был направлен в Ленинград для обучения в аспирантуре в ленинградский филиал Института востоковедения АН СССР. Конечно, он был советским учёным, принадлежавшим к ленинградской школе востоковедения И.М. Дьяконова. Именно в советский период он защитил кандидатскую диссертацию и написал три свои монографии. Тем не менее, его деятельность в БГУ после распада СССР, как представляется в том числе и по его рукописям, имеет самостоятельное и очень большое значение для становления и развития науки и образования в независимой Республике Беларусь.

Уже в 1992 г. перед нашей страной встал вопрос о том, по каким учебным программам и учебным пособиям будут учиться белорусские школьники, если советских больше нет. Варианта на тот момент было два: использовать российские (о чём была договоренность с РФ) или создавать свои. Второй вариант был гораздо более сложным, поскольку по целому ряду учебных предметов у наших учёных и педагогов не было

никакого опыта создания ни учебных программ, ни учебных пособий. Это всегда была прерогатива АПН СССР. В пользу того, чтобы использовать учебные программы и пособия РФ было и то, что к 1992/93 учебному году там создали новые программы и учебные пособия, которые и поступили в школы нашей страны.

Несмотря на все очевидные минусы второго варианта, т.е. создания независимой системы образования в РБ, уже в конце 1992 г. Министерство образования нашей страны поставило перед нашими учёными вопрос о том, можем ли мы создать полный цикл учебных программ и пособий по всем недостающим предметам, чтобы заместить российские материалы. В числе таких учебных предметов была и всемирная история.

В результате проделанной работы, авторский коллектив в составе Г. И. Довгяло, М. С. Корзуна, К. А. Ревяко и учеников Г. И. Довгяло А. А. Прохорова и О. В. Перзашкевича уже в начале 1993 года предоставил рукопись учебного пособия «История цивилизаций древнего мира» для 5 класса средней школы, которая была издана как официальное учебное пособие к началу 1993/94 учебного года издательством «Народная асвета» одновременно и на русском, и на белорусском языках [1]. Одновременно вышла в свет и новая учебная программа по всемирной истории для 5 класса, составленная теми же авторами.

Учебное пособие «История цивилизаций древнего мира. 5 класс» стало первым в истории Беларуси самостоятельным пособием по всемирной истории для средней школы. С тех пор все учебные пособия по истории древнего мира для общеобразовательной школы, вплоть до ухода ученого из жизни в 2002 году, выходили с его участием. Параллельно с этим Г. И. Довгяло вел работы по своему основному профилю – преподаванию истории Древнего Востока на историческом факультете БГУ. Начиная с 1992 года им и под его руководством разрабатываются следующие направления: 1. Создание собственного курса по истории Древнего Востока. 2. Написание учебного пособия по истории Древнего Востока для исторических факультетов вузов. 3. Разработка целого ряда новых спецкурсов. 4. Подготовка специалистов высшей квалификации по истории Древнего Востока. 5. Публикация и популяризация материалов по истории востоковедения в Беларуси.

Разумеется, главное внимание уделялось созданию курса «История Древнего Востока». Уже в 1994 году под руководством Г. И. Довгяло началась работа по написанию соответствующего учебного пособия. В 1996 году был подготовлен первый вариант рукописи, который в течение года прошёл надлежащую экспертизу и получил гриф «Допущено» Министерством образования РБ. К сожалению, по техническим причинам, выход этого пособия состоялся только 3 сентября 2002 года, на следую-

ший день после того, как Г. И. Довгяло не стало. Тем не менее, даже на тот момент, это было первое учебное пособие для студентов исторических факультетов вузов РБ в истории Беларуси с грифом Министерства образования РБ [2].

В период с 1992 по 2002 год Г. И. Довгяло были разработаны и прочитаны следующие спецкурсы: 1. Спецкурс «Культура древних цивилизаций». 2. Спецкурс «Библия в свете древневосточных мифологий, религий, литератур, исторических и юридических памятников». 3. Спецкурс «Научная критика Библии». 4. Спецкурс «Библейская археология» для студентов-теологов. 5. Спецкурс «Идеология и культура Древнего Востока и современность» для соискателей звания магистра по кафедре истории древнего мира и средних веков Белгосуниверситета. 6. Спецкурс «Новое в истории Древнего Ближнего Востока» для соискателей звания магистра по кафедре истории древнего мира и средних веков Белгосуниверситета.

Указанные спецкурсы для магистрантов – это первые такие дисциплины по всеобщей истории в истории Беларуси. К сожалению, первые магистранты на историческом факультете появились только в 2005 году, и сам Г. И. Довгяло не смог читать им свои разработанные для них специальные курсы. Однако первые таких спецкурсы читались не совсем без его участия – по кафедре истории древнего мира и средних веков это делали его ученики – О. В. Перзашкевич и А. А. Прохоров. Помимо этого, на историческом факультете БГУ Г. И. Довгяло продолжал читать спецкурс «Ветхий завет в свете науки». Что же касается других дисциплин, посвященных библейской проблематике, уже в 1994 году сам Г. И. Довгяло преступил к их чтению как на историческом факультете БГУ, так и на вновь образованном богословском факультете БГУ. Вот как выглядел список вопросов к зачету по библейской археологии на 1994/1995 учебный год, из которого отчетливо видна и концепция автора курса, и содержание последнего: 1. Введение. Археология как наука. Задачи курса. Соотнесённость данных Библии и археологических сведений. Облик Святой Земли и ее особенности. 2. Библейская хронология. 3. Первые люди, их материальная культура, хозяйство, материальные следы духовной жизни. Средний и Верхний палеолит Восточного Средиземноморья. 4. Натуфийцы как наиболее технически и социально развитая часть населения Земли: сочетание техногенного и гармонического начал в одном народе. 5. Древнейший Иерихон. Докерамический неолит А (IX – VIII тыс. до Р. Х.): технологический и социальный «рывок» в одной части Земли. 6. Древнейший Иерихон. Докерамический неолит Б (VII тыс. до Р. Х.): возникающий и исчезающий город. 7. Страны ближнего окружения Святой Земли в IX – VIII тыс. до Р.Х. до перехода центра технологического раз-

вития на юго-восток Малой Азии. Завершение эпохи наиболее интенсивного развития технологий и социальных структур в Святой Земле. 8. Древний Иерихон. Керамический неолит А (VI тыс. до Р.Х.). 9. Первые лингвистические и иные сведения о семитских народах с VI до II тыс. до Р. Х. 10. Древний Иерихон. Керамический неолит V тыс. до Р. Х. 11. Век металла. Гассульская культура Палестины. 12. Прото-городской период (IV тыс. до Р. Х.). 13. Завершение периода равенства технологического и социального уровней развития населения Святой Земли и населения других районов Плодородной Дуги и, позднее, нижнего Двуречья в IV тыс. до Р.Х. 14. Ранний бронзовый век Палестины. 15. Амореи (III тыс. до Р.Х.) История Авраама. Начало периода более медленного чем в технологических центрах, технологического социального развития. 16. Расцвет материальной культуры техногенных цивилизаций Двуречья и долины Нила в III тыс. до Р. Х. 17. Палестина в среднем (времен Патриархов) и позднем бронзовом веке. 18. Приход народа Израиля в Святую Землю (третья четверть II тыс. до Р.Х.). 19. Палестина в Раннем железном веке. Единое царство (конец II – начало I тыс. до Р. Х.). 20. Материальная культура времен Иудейского и Израильского царств (IX - VII вв. до Р. Х.). 21. Святая Земля в составе Персидской Монархии. Иерусалимский храм в (VI – I вв. до Р. Х.). 22. Эпоха эллинизма в Святой Земле, власть Рима (III – I вв. до Р. Х.). 23. Гармонические и техногенные общества. Отличие Святой Земли от долин Двуречья и Нила. 24. Изобразительное искусство жителей Святой Земли. Основные направления в нем в каменном веке и энеолите. 25. Изобразительное искусство жителей Святой Земли в бронзовом веке. 26. Храмовая архитектура Святой Земли в X в. до Р. Х. 27. Храмовая архитектура Святой Земли после X в. до Р. Х. 28. Духовная культура населения Святой Земли в каменном веке по данным археологии. 29. Духовная жизнь хананейского населения в бронзовом веке по данным археологии. 30. Письменные документы, находимые при раскопках, их значение.

Примечательно, что сохранился также и список рекомендованной литературы по этой дисциплине 1994 года: *Деоник Д.В.* Курс лекций по библейской археологии. М.: Свято-Тихоновский богословский институт, 1993, 1994 гг.; *Муравьев А.В.* Курс лекций по истории Древнего Мира. М.: Свято-Тихоновский богословский институт, 1993, 1994 гг.; История Древнего Мира в 3-х тт. под ред. Дьяконова. М., Наука, 1989 г.; *Лопухин А. П.* Библейская история. Репринтное издание. Спб., 1907 г.; История Древнего Мира. М., МГУ, 1989 г.; *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. Репр. воспр. Издания. Спб., 1907 г.

Работа по подготовке специалистов высшей квалификации по истории Древнего Востока заключалась в том, что в 1992 году Г. И. Довгяло

была разработана «Программа кандидатского минимума по истории древнего мира. Древний Восток». В 1995 г. под руководством Г. И. Довгяло состоялась защита кандидатской диссертации А. А. Прохорова по специальности 07.00.03 – всеобщая история, а в 2000 г. – защита диссертации О. В. Перзашкевича по той же специальности.

Наряду со всем вышеизложенным, Г. И. Довгяло вёл активную работу по публикации и популяризации материалов по истории Древнего Востока и востоковедения в Беларуси. При его участии были созданы: 1. Курс «История первобытного общества и Древнего Востока для учителей». 2. «Хрестоматия по истории древнего мира для учителей», вышедшая в свет в издательстве НАН РБ в 2001 г. [3] 3. Брошюра «К. А. Касовіч: выдомы і незнаёмы», вышедшая в издательстве «Агэцтва Геронт – А» в 1994 г. Издание посвящено выдающемуся уроженцу Беларуси, одному из основателей академической санскритологии и иранистики в Российской империи Каэтану Андреевичу Коссовичу [4]. 4. Курс «История письменности» для слушателей Республиканского института высшей школы и Академии управления при Президенте РБ, который читался сам Г. И. Довгяло в середине 1990-х гг.

И хотя Геннадия Иосифовича Довгяло нет с нами уже 23 года, его дело в нашей стране не пропало. В системе высшего образования Республики Беларусь действует учебное пособие по истории Древнего Востока, созданное под его руководством, его учениками разработаны и внедрены в учебный процесс учебные наглядные пособия, учебные программы и специальные учебные дисциплины, в системе общеобразовательной школы действуют учебные пособия, атласы и учебные наглядные пособия по истории древнего мира. Пусть не всё из его наследия издано на сегодняшний момент. Как бы не сложилась дальнейшая судьба этих рукописей, сделанного Геннадием Иосифовичем Довгяло с лихвой достаточно, чтобы навсегда войти в историю научного развития и образования независимой Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. История цивилизаций древнего мира: Учеб. пособ. для 5 класса сред. школы. Минск: Нар. асвета, 1993. Гісторыя цывілізацый старажытнага свету: Вучэб. дапамож. для 5 класа сярэд. школы. Мінск: Нар. асвета, 1993.
2. История Древнего Востока. Минск: ТетраСистемс, 2002.
3. Хрестоматия по истории Древнего Мира: Пособие для учителей / Под ред. Н.И. Милинцко. Минск: БелЭН, 2001.
4. *Даўгяла Г. І.* К. А. Касовіч: вядомы і незнаёмы. Минск: «Агэцтва Геронт – А», 1994.

А. С. МЫЛЬНИКОВ: ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО-СЛАВИСТА (ЗАМЕТКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ)

Е. Д. Смирнова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, Smirnova@bsu.by*

Статья посвящена памяти выдающегося советского российского ленинградского ученого, историка-слависта, доктора исторических наук, профессора, действительного члена (академика) Академии Гуманитарных наук, директора Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена Союза писателей Санкт-Петербурга Александра Сергеевича Мыльников (1929 – 2003 гг.). В статье показаны основные направления научной и профессиональной деятельности ученого в области славистики, этнографии, истории культуры, которым автор посвятил 10 авторских монографий и около 700 научных публикаций. Рассмотрены достижения ученого в области нового направления – этнической имагологии, результатом чего явилась монография в 2-х томах «Картина славянского мира» (1996-1999 гг.). Статья написана на основе научных публикаций автора, личных встреч с ученым и его эпистолярного наследия.

Ключевые слова: А. С. Мыльников (1929–2003); историк-славист; профессор; профессиональная деятельность; основные направления; научный и творческий путь ученого; исторические исследования.

Жизнь столкнула меня с Александром Сергеевичем Мыльниковым в 1985 г., когда встал вопрос о выборе темы кандидатской диссертации. Я была аспиранткой БГУ. Работая в библиотеках, я постоянно натыкалась на фамилию «Мыльников». Александр Сергеевич был «некоронованным королем» богемистики. Негласно, конечно. Когда я выбирала тему, слависты-москвичи говорили, мол, вот из Ленинграда приедет А. С. Мыльников, надо с ним посоветоваться. В Минске, в Государственной библиотеке БССР им. В. И. Ленина (теперь Национальная библиотека Беларуси) библиограф с большим стажем мне с пиететом говорила: «Мыльников – это же такая величина».

Александр Сергеевич жил в Ленинграде на улице Мориса Тореза. Я решила, что мне надо посоветоваться именно с ним по предполагаемой теме кандидатской диссертации. Но как? Помог случай. В ЛГУ (Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова) на защиту кандидатской диссертации Веры Михайловны Новик в начале 1985 г. в качестве оппонента была приглашена доцент нашей кафедры истории Древнего мира и Средних веков Людмила Петровна Сушкевич. Первым оппонентом в автореферате значился д.и.н., профессор А.С. Мыльников.

Я решила ехать. Эту идею мне подсказал Юрий Евгеньевич Ивонин, тогда еще кандидат наук, вскоре ставший доктором и профессором нашей кафедры. «Поезжайте, вот удобный случай», – сказал он. И я поехала, пришла на Университетскую набережную, на исторический факультет ЛГУ, где в кулуарах до начала защиты меня представили и познакомили с Александром Сергеевичем.

Александр Сергеевич выступил первым, совершенно блестяще, что называется «без бумажки». Это считалось «высшим пилотажем»: написать официальный отзыв, а выступить с импровизацией.

После выступления мы поговорили, и Александр Сергеевич дал согласие быть научным консультантом по теме моей кандидатской диссертации (утвержден 18 января 1985 г. протоколом № 7 заседания Совета исторического факультета БГУ). Так, фактически, я стала его ученицей.

Александр Сергеевич родился в 1929 году в Ленинграде в интеллигентной семье научного работника, во время Великой Отечественной войны был в эвакуации в г. Йошкар-Ола [1], где, как он рассказывал, сидел за одной партой с будущим известным советским актером и режиссером Роланом Быковым (1929–1998 гг.).

В 1952 г. Александр Сергеевич закончил Ленинградский государственный университет, специализировался в области государства и права; участвовал в студенческом научном кружке при кафедре истории Средних веков, которую в те годы возглавляла профессор Александра Дмитриевна Люблинская, – блестящий кодиколог и исследователь истории Западной Европы. Итогом учебы в ЛГУ стала его дипломная работа «Судебная система феодальной Чехии и ее роль в централизации государства: XIII – начало XV в.», успешно защищенная в 1952 г. Окончив ЛГУ с отличием, Александр Сергеевич был направлен на работу в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне: Российская национальная библиотека – РНБ), где быстро прошел путь от должности простого библиотекаря до заведующего Отделом рукописей и редких книг (1962–1973). Одновременно он заочно учился аспирантуре, подготовил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук и успешно защитил ее в 1958 г. на историческом факультете ЛГУ, а через 14 лет, в 1972 г. – докторскую диссертацию на тему «Возникновение национально-просветительской идеологии в Чешских землях XVIII в.» в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Официальными оппонентами были доктор исторических наук, профессор А. Д. Люблинская, профессора В. В. Мавродин и И. С. Миллер, а неофициальным оппонентом – доктор искусствоведения Илья Самойлович Зильберштейн. В 1973 г. Александр Сергеевич был приглашен в Академию наук СССР для работы в Ленинградской части Инсти-

туда этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Вначале он работал в должности старшего научного сотрудника, а затем в должности заведующего Отделом этнографии народов СССР и одновременно являлся заведующим сектором общих проблем этнографии. В 1976 г. получил звание профессора. В 1992 г. Ленинградская часть института была преобразована в самостоятельный Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (знаменитая Кунсткамера) со статусом научно-исследовательского института в составе Отделения истории РАН. А. С. Мыльников был рекомендован и исполнял обязанности директора Музея, а после избрания в 1994 г. утвержден в должности директора [2]. Одновременно он продолжал руководить отделом, который по его инициативе в 1994–1995 гг. был преобразован в Отдел европейстики и общей этнографии. Таким образом, в Кунсткамере появилось новое направление – этнографическая балканистика и изучение зарубежных европейских коллекций МАЭ.

Основными областями научных интересов Александра Сергеевича всегда были славистика, этнография, история культуры, книговедение. Но первоначально он выступил как богемист, занимался историей и культурой Чехии. В его библиографическом указателе, выпущенном к 70-летию со дня рождения, значится 674 работы по славистике, истории культуры, этнографии, книговедению, среди которых 10 авторских монографий [3].

В 1990-х гг. А.С. Мыльников занялся разработкой нового междисциплинарного направления – этнической имагологии, посвятив ей фундаментальный проект, поддержанный Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ). Результатом проекта стал двухтомник «Картина славянского мира» (1996–1999) [4].

В 1989 г. А.С. Мыльников был избран членом Союза писателей СССР (в настоящее время – Союз писателей Санкт-Петербурга), а в 1994 г. – действительным членом (академиком) Академии гуманитарных наук и вошел в состав Президиума АГИ.

Александр Сергеевич неоднократно бывал за рубежом, являлся первым советским стипендиатом Библиотеки им. герцога Августа, участвовал в научных форумах – в Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Чехословакии, Швеции, Югославии, был участником Международных съездов славистов, научных конференций Международной ассоциации ЮНЕСКО по изучению и распространению славянских культур, Первого конгресса по болгаристике в Софии и других международных встреч ученых; выступал с докладами и читал лекции в Германии, в Австрии (в университетах Вены, Граца, Инсбрука и Зальцбурга), был участником международных выставок. Был членом Бюро Российского комитета

МАИРСК, членом Международной комиссии по истории славистики МКС. В 1995 г. за пропаганду чешской культуры на I Всемирном конгрессе богемистов, состоявшемся в Праге, ему были вручены почетный диплом и памятная медаль им. Ф.К. Шальды. В 1999 г. Указом Президента Российской Федерации ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Об Александре Сергеевиче написано достаточно много в библиографических, биографических и энциклопедических изданиях.

В 1950-х он жил в Ленинграде на улице Марата, д. 45, рядом с Невским проспектом. Это меня в свое время поразило, поскольку я родилась на Марата в доме № 65. Совпадение? Может быть...

С 1985 по 1988 гг. Александр Сергеевич был моим научным консультантом. Он принадлежал к тем ученым, которые по старой питерской привычке приглашали домой. Он был общителен, интересно рассказывал, щедро делился знаниями и воспоминаниями. Обычно мы сидели в его кабинете, снизу доверху заставленном книгами и ящиками с библиографическими карточками, либо на кухне, где его супруга Таисия Анатольевна накрывала на стол.

Многие годы, как я уже отмечала, А. С. Мыльников работал в Публичной библиотеке. В те годы он спас архив Анны Ахматовой и одновременно заработал язву [5].

Александр Сергеевич был кладезем увлекательных историй, его жизнь изобиловала встречами с интересными людьми. Он и сам был чрезвычайно интересным человеком. Жаль, что он не оставил воспоминаний, хотя и начал их писать. Одна из таких историй связана с именем уникального человека, разведчика-нелегала, переводчика, писателя, доктора права Пражского университета и доктора Медицины Цюрихского университета, слушателя Парижской и Берлинской академий художеств, члена Союза художников СССР, полиглота, знавшего 20 языков графа Дмитрия Александровича Быстролётова (Толстова) (1901–1975 гг.). О нем снят художественный фильм «Человек в штатском» (Мосфильм, 1973 г., один из авторов сценария Д.А. Быстролётов, он же сыграл одну из ролей). По словам Александра Сергеевича Мыльникова, он хранил рукописи книг Д. А. Быстролётова в Отделе рукописей Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (спецхран), на что указывает и внук Быстролётова С. С. Милашов [6].

На протяжении ряда лет А. С. Мыльников преподавал в ленинградских ВУЗах: в ЛГУ на историческом и филологическом факультетах, где читал курсы по истории Чехословакии и спецкурсы (например, «Социально-исторические и культурные предпосылки чешского национального Возрождения»); в Ленинградском государственном институте культуры

им. Н. К. Крупской и других ВУЗах; руководил аспирантами; написал 50 отзывов на кандидатские и 12 отзывов на докторские диссертации.

В одну из последних наших встреч он работал над вторым томом «Картины славянского мира». Позже он подарил мне оба тома с дарственными надписями. Эта диалогия – образец зарубежной и отечественной истории, на основе анализа огромного массива источникового материала (политического, географического, исторического). В ней автор реконструирует представление славянских народов друг о друге, о себе, славянстве в целом, а также характере отношений с неславянским миром. Как оказалось, «Картина» стала его «лебединой песней», итогом научного и творческого пути.

Александр Сергеевич неоднократно приезжал в Минск, на моей памяти дважды: на II научный colloquium «Международные связи в средневековой Европе» (1985), организованный заведующей нашей кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Ниной Антоновной Гусаковой и профессором Юрием Евгеньевичем Ивониным; и на XI-ую Всесоюзную научную конференцию историков-славистов (Минск, 1988). Великолепно провел секцию на последней. С 1991 г. возглавлял Петербургскую ассоциацию белорусистов. Он превосходно писал стихи на русском и немецком языках. Немецкий он знал как родной русский. Стихи его я слышала, как-то он читал их из чёрной записной книжечки. Одно из своих стихотворений, датированное 17 января 2000 года, подарил мне.

После перенесенного в марте 1997 г. инфаркта Александр Сергеевич ушел с должности директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (1992–1997 гг.). Он был его 1-м директором. Прожил Александр Сергеевич 73 года. После смерти жены и матери (обе умерли от онкологии, знали свои диагнозы), он жил один все там же на улице Мориса Тореза. Последний раз я видела Александра Сергеевича зимой в 2000 г. после операции: у него (как и у Альберта Эйнштейна) была аневризма аорты. Я подарила ему «Словарь», подготовленный на нашей кафедре в 1999 г. [7]. Прощаясь Александр Сергеевич сказал: «Вероятно, видимся в последний раз». Так и получилось, 3 февраля 2003 г. его не стало. Похоронен Александр Сергеевич на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге рядом с женой, в могиле матери. На могиле простая скромная плита.

Я бесконечно благодарна Судьбе, что она неожиданно свела меня с этим большим ученым мирового уровня. Хочу подчеркнуть, что известный, состоявшийся ученый отнесся ко мне, ему неизвестной минской аспирантке с уважением и заинтересованностью; в годы моего становления помогал советами, рекомендациями, делился информацией и знаниями, одобрил подготовленную мной кандидатскую диссертацию, почти не

сделав замечаний. В результате в срок я успешно защитилась в декабре 1988 г. [8]. Профессор Мыльников навсегда останется для меня образцом настоящего ученого...

Библиографические ссылки

1. *Мыльников А. С.* Улицы моего детства // *Марийская правда*. 1986. 26 ноября.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 октября 1994 г. № 1676-р // *Собрание постановлений Правительства Российской Федерации*. 1994. № 26. С.3899.
3. Александр Сергеевич Мыльников. Библиографический указатель (к 70-летию со дня рождения). Издание 2-е дополненное / Сост. И. Н. Ионина, отв. ред. Ч.М.Таксами. СПб.: МАЭ РАН, 2001.
4. *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.; *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб: Петербургское востоковедение, 1999.
5. *Толстой Ю. К.* Спор о наследстве А. А. Ахматовой // *Правоведение*. 1989. №3. С.62–74.
6. *Милашов С. С.* Предисловие // Быстролетов Д. А. Путешествие на край ночи. М.: Современник, 1996. С. 7.
7. *Смирнова Е. Д., Сушкевич Л. П., Федосик В. А.* Средневековый мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник / Науч. ред. В.А. Федосик, Е.Д. Смирнова. Минск: Беларусь, 1999.
8. *Смирнова Е. Д.* Чешско-русские культурные связи (вторая половина XVIII века): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Минск, 1988.

УЧЕНЫЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТЕКСТ: МЕТОДИКА РАБОТЫ В. И. ШУНКОВА НАД НОВГОРОДСКИМИ КАБАЛЬНЫМИ КНИГАМИ 1592–1609 гг.

Е. М. Попова

*НовГУ им. Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, г. Великий
Новгород, Россия, kowkaforever@yandex.ru*

Автор статьи анализирует внешнюю траекторию научной карьеры В. И. Шункова и внутреннюю организацию его исследовательской работы. В. И. Шунков стремился выявить структуру кабальных книг, определить разновидности формул, дать характеристику опубликованным фрагментам, зафиксировать ошибки и редакторские решения предыдущих издателей. Целью В. И. Шункова было интерпретировать структуру текста, выделить типовые формулы, предложить собственный вариант систематизации.

Ключевые слова: В. И. Шунков (1900–1967); кабальные книги; археография; источниковедение.

Виктор Иванович Шунков (1900–1967) занимает особое место в истории отечественной гуманитарной науки XX века. Его имя прочно связано с развитием источниковедения, исторической библиографии, археографии и сибиреведения; он принадлежит к поколению учёных, сформировавших крупные исследовательские направления советской исторической науки. В. И. Шунков был доктором исторических наук, членом-корреспондентом Академии наук СССР, одним из участников подготовки фундаментального пятитомника «История Сибири с древнейших времён до наших дней». Однако его научная биография и исследовательское наследие гораздо шире тех изданий, которые успели выйти при его жизни или были завершены уже после его смерти.

Стоит заметить, что активная исследовательская деятельность В. И. Шункова позволила накопить значительный массив архивных материалов: рукописные и машинописные черновики, служебные документы, переписка, наброски исследовательских замыслов, материалы, отражающие его участие в институциональном строительстве советской науки. В настоящее время этот комплекс рассредоточен по нескольким архивохранилищам, преимущественно документы, связанные с исследователем, находятся в Архиве РАН, Отделе рукописей РГБ [1], архиве ИРИ РАН. В совокупности весь сохранившийся материал позволяет реконструировать не только внешнюю траекторию его научной карьеры, но и внутреннюю организацию исследовательской работы, включая то, что обычно остаётся за пределами печатного текста: процесс формирования идеи, много-

слоиность черновиков, методические поиски, попытки организации материала.

Наиболее значимым для реконструкции раннего этапа научной деятельности Шункова является комплекс материалов из фонда 1555 Архива РАН. Еще не имея ученой степени, исследователь обратился к документам по истории Новгорода и Новгородской земли и задумал масштабный проект – публикацию кабальных книг 1592–1609 гг. Автор подготовил черновик сборника документов, который так и не был опубликован. Однако особое место в фонде занимает единица хранения № 108 – «Кабальные книги. Черновые наброски и подготовительные материалы к изданию» (Архив РАН. Фонд 1555. Оп. 1. Ед. хр. 108). Это черновые записи Шункова, сделанные им в момент работы над сборником. Благодаря сохранности дела, можно частично реконструировать то, как автор работал с текстом документа, какие цели ставил перед собой. Сами черновики хранятся в небольшой картонной папке, включающей 34 листа различного формата, созданных в середине 1930-х годов. Материалы исполнены мелкой аккуратной скорописью, характерной для первой половины XX века. Бумага неоднородна – писчая, тетрадная, плотная голубоватая, встречаются обороты документов XIX века, что свидетельствует как о бытовых условиях работы исследователя, так и о его экономии бумаги, типичной для научной среды того времени.

Фолиация проставлена сотрудниками архива графитным карандашом без дублирования на оборотах. Сохранность листов различна: есть следы сгибов, небольшие надрывы, утраты фрагментов текста (преимущественно, незначительные). Однако в целом комплекс позволяет уверенно реконструировать структуру черновиков и их авторскую последовательность. Цвет чернил варьируется – от синего до фиолетового; встречаются подчёркивания и графические пометы красным карандашом, указывающие на структурирование текста автором.

По своему содержанию черновики Шункова представляют собой сложный и многослойный комплекс.

Они включают:

- замечания к кабальным записям, фиксирующие вопросы к тексту, которые задавал себе автор в момент прочтения скорописного текста; трудные места чтения скорописи, которые он старался воспроизвести по буквам; авторские пометы и примечания в виде пунктуационных знаков («?» или «!»);

- аналитические характеристики к опубликованным кабальным книгам и критические комментарии к изданиям В. А. Егорова, А. И. Яковлева и других исследователей, которые публиковали отрывки кабальных книг. Исследователь вел комментарии прочитанных статей и сборников.

Сам текст документов у него не вызывал вопросов, больше комментариев он оставлял к выводам, сделанным другими исследователями;

- рабочие наброски и схемы, направленные на выработку типологии записей; так, например автор, работая над своим изданием, пытался систематизировать информацию кабальных записей в таблицу (Архив РАН. Фонд 1555. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 4–5). Исследователь неоднократно отмечал важность систематизации кабальных книг, т.к. это не просто средневековый текст, это массовый источник, позволяющий детально изучить историю холопства и прочие аспекты социально-экономического развития русского государства XVI–XVII вв. Однако, стоит отметить, что в финальной версии Шунков отказался от таблиц и схем и выработал определенные принципы сокращения текста, позволяющие сохранить индивидуальные фрагменты кабальной записи и выделить клаузулы;

- попытки структурировать корпус источников, выявить формулы, варианты чтения, последовательность фрагментов. Именно поэтому в итоговой версии В. И. Шунков решительно придерживался хронологического и географического принципа передачи текста (Архив РАН. Фонд 1555. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 1–30). Он отмечал, что архивные документы, поступившие из Новгорода в Москву и хранившиеся в ГАФКЭ (ныне РГАДА) были неправильно сшиты, и одной из важнейших задач видел установление правильной последовательности документов;

- историографические списки, явно предназначенные для предисловия к будущему изданию.

Эти записи не являются подготовительными в бытовом смысле слова. Напротив, они демонстрируют высокую степень осмысленной работы с текстом источника. Шунков не ограничивался механической выпиской или копированием. Он стремился выявить внутреннюю структуру кабальных книг, определить разновидности формул, дать характеристику опубликованным фрагментам, зафиксировать ошибки и редакторские решения предыдущих издателей. Порой в тексте черновиков заметна напряжённая борьба исследовательского замысла с сопротивлением материала: от решения о передаче сокращений до попыток свести разнородный корпус записей к единому формуляру.

Эти материалы позволяют говорить о существовании у Шункова цельного проекта, направленного на создание сводного научного издания Новгородских кабальных книг 1592–1609 гг. В 1930-е годы подобный проект имел и научную, и идеологическую актуальность: публикация актового материала позднего Средневековья и раннего Нового времени рассматривалась как вклад в исследование социально-экономической истории России. Однако по различным причинам – административным, политическим, институциональным – проект не был завершён. Сохранив-

шие черновики дают возможность реконструировать тот контекст, в котором работал исследователь, и те научные задачи, которые он ставил.

Материалы Шункова позволяют увидеть его методологические решения в сравнении с подходом А. И. Яковлева, также занимавшегося публикацией кабальных книг. Их различия – в технике чтения, способах нормализации, отношении к клаузульным сокращениям, структуре предисловия и типологии записей – стали предметом отдельного анализа в историографии [2]. На этом фоне особенно ясно видна индивидуальность подхода В. И. Шункова: стремление не только передать текст, но и интерпретировать его структуру, выделить типовые формулы, предложить собственный вариант систематизации.

Важно подчеркнуть, что публикация этих материалов сегодня имеет двойное значение. С одной стороны, это введение в научный оборот ценного корпуса источников, отражающих социально-правовые отношения Новгорода на рубеже XVI–XVII веков. С другой – это возвращение в поле историографии уникального документа исследовательской культуры 1930-х годов. Черновики, наброски, аналитические схемы, попытки систематизации – всё это позволяет не только реконструировать замысел несостоявшегося издания, но и показать, как формировались исследовательские практики, какие методы применяли историки первой трети XX века, какие идеи они стремились развивать.

Таким образом, единица хранения № 108 представляет собой не только фрагмент утраченного научного труда, но и самостоятельный исторический источник. Она демонстрирует, как историк работает с текстом, как он строит внутреннюю логику исследовательского комментария, как формулирует и корректирует задачи. Подобный материал имеет огромную ценность для источниковедения: он показывает механизм научного мышления, который практически никогда не фиксируется в готовых публикациях.

Возвращение комплекса В. И. Шункова в современное научное пространство позволяет завершить незавершённое, восстановить замысел, прерванный в 1930-е годы.

Библиографические ссылки

1. Тихонов В. В. «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В. И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. – 9 июня 1945 г. // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 93–116.
2. Попова Е. М. Опыт издания Новгородских кабальных книг в советской исторической науке: А. И. Яковлев и В. И. Шунков // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2025. Т. 12, № 2 (46). С. 77–82.

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1804–1867 гг.)

А. Г. Дубатовка

*Беларуский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, dubatovkaaleksei@mail.ru*

В статье рассматриваются исследования советских историков, затрагивавшие внешнеполитическую деятельность Австрийской империи в 1804–1867 гг. Особое внимание уделяется тем работам, которые освящали австро-русские взаимоотношения и политику Габсбургской монархии на Балканском полуострове. Проанализированы конкретные мнения историков относительно роли Австрии в системе международных отношений XIX в. Автор приходит к выводу, что в советской историографии существовал целый ряд работ, изучающих внешнюю политику Австрийской империи в 1804–1867 гг., однако чаще всего исследование этой темы происходило в рамках рассмотрения международных отношений в Европе и зарубежной политики таких стран, как Россия, Пруссия, Великобритания и Франция.

Ключевые слова: Австрийская империя; Габсбурги; внешняя политика; историография; Советский Союз.

События 1917 года и приход к власти в России большевиков ознаменовали становление нового этапа в российской исторической науке. В течение 20-х – начала 40-х гг. XX в. набирал обороты процесс изучения внешней политики Австрийской империи в 1804–1867 гг. Советские историки, применяя марксистско-ленинскую методологию, начали рассматривать отдельные события и направления зарубежной политики этого государства. Основное внимание стало уделяться классовому подходу, роли революционных движений в международной политике, системе К. фон Меттерниха и значению Австрии в контрреволюционном концерте европейских держав.

Австро-русские отношения и дипломатия между странами в первой половине XIX ст. охарактеризованы в работах дореволюционного российского и советского историка А. Е. Преснякова (1870–1929). В 1924–1925 гг. были изданы две работы А. Е. Преснякова, посвящённые личностям и политике российских императоров Александра I [23] и Николая I [24]. Части этих работ конкретным образом посвящены их внешнеполитическим усилиям и, в частности, взаимоотношениям с Австрийской империей в период Наполеоновских войн 1803–1815 гг., Священного союза, революций 1848–1849 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг. Сведения о внешней политике Австрийской империи были представлены в обобщающей работе Ф. Д. Капелюша «Австрия» [12], изданной в 1929 г. В ней

автор отображал состояние Габсбургского государства в течении нескольких веков, подробно останавливаясь на периоде XIX – начале XX вв. Ф.Д. Капелюш, беря за основу идеи Маркса и Энгельса, писал об исторической роли Австрийской монархии как главного противника Российской империи в Юго-Восточной Европе [12, с. 27].

Не обошли стороной советские историки деятельность министра иностранных дел и канцлера Австрийской империи К. фон Меттерниха, архитектора внешней политики Габсбургского государства и реакции Священного союза. Одним из первых затронул её Е.В. Тарле, крупный специалист по истории Нового времени. В книге «Очерк новейшей истории Европы 1814–1919» (1929) он выделял проницательность и умственные способности К. фон Меттерниха, но в тоже время называл его «вождем всех европейских правительств в борьбе против революционеров всех стран» [29, с. 14].

Политика Вены в отношении немецких княжеств и соперничество с Пруссией королевством прямым образом были рассмотрены советским историком А. С. Ерусалимским (1901–1965). В 1940 г. в рамках редакции перевода воспоминаний О. фон Бисмарка им была написана вступительная статья под названием «Бисмарк как дипломат» [8]. В рамках исследуемой темы А. С. Ерусалимский в своём труде отразил австро-прусскую борьбу в Германском союзе и усилия О. фон Бисмарка по устранению Австрии как преграды для объединения Германии под руководством Пруссии.

В период Великой Отечественной войны и в первое время после возросло число работ, связанных с международным положением Габсбургской монархии. Наибольший интерес для историков стали представлять славяно-германские отношения [2,5].

Данный вопрос рассмотрел советский историк-славист и первый ректор Белорусского государственного университета В. И. Пичета (1878–1947). Историк писал о том, что «немецкая Австрия укрепляла своё влияние на Балканах» [22, с. 19] и в рамках своей агрессивной политики «Австрия добивалась захвата Сербии и двух населённых сербами областей – Боснии и Герцеговины» [22, с. 20].

Со второй половины 40-х гг. и до середины 60-х гг. в советской исторической науке расширилось поле изучаемых проблем во внешней политике Габсбургской монархии и углубилось исследование более ранних тем. Большое внимание в этот период получил «восточный вопрос» и в частности взаимоотношения великих держав на Балканском полуострове. Политика Австрийской империи на Балканах и борьба за Черноморские проливы в XIX в. раскрыта в работе В. Н. Кондратьевой «К истории австрийской экспансии на Балканском полуострове в XIX в.» [14]. Крат-

кая характеристика международного положения в Европе в 60-х – начале 70-х гг. XIX в. давалась в первой главе книги Ф. А. Ротштейна «Международные отношения в конце XIX века» [26].

Новым явлением стала разработка советскими учёными прусского вектора австрийской внешней политики. Взаимоотношения Австрии и Пруссии в середине XIX в. были посвящены несколько работ М. А. Ротштейна [25], Л. М. Шнеерсона [31], и С. А. Долгопольской-Кершнер [6].

Историк М. А. Ротштейн в книге «Из истории Пруско-германской империи» (1948) давал характеристику внешнеполитического положения Австрийской империи в XIX ст. Он выделял значимое положение Габсбургов на международной арене: «Тем не менее огромная по размерам и располагавшая большой армией Австрия всё же занимала господствующее положение в раздробленной на мелкие государства Германии и играла большую роль в Европе» [25, с.14]. Учёный отмечал реакционность политики Вены: «Австрия, само существование которой зависело от покорности и спокойствия её многонациональных подданных, была живым воплощением консерватизма, оплотом неподвижности» [25, с. 15].

В своей книге «Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав» (1962) Л. М. Шнеерсон подвёл итог австро-прусского противостояния во второй половине XIX в. Габсбурги, по его утверждению историка, больше не могли влиять на судьбу Германского союза. В свою очередь, это привело к значительному ускорению процесса переориентации Дунайской монархии на восток.

Значимая роль Габсбургов в европейской дипломатии и системе международных отношений получила отдельное рассмотрение в первом и втором томах коллективной работы «История дипломатии» [11], издававшейся в 1941–1945 и 1959–1965 гг. соответственно. В этой работе были выделены специальные главы о Наполеоновских войнах, Венском конгрессе, Священном союзе и т. д. Отдельное рассмотрение Австрийской империи было осуществлено в шестом томе «Всемирной истории» (1959), охватывавшем исторический период 1789–1871 гг. В работе отмечалось, что «Венский конгресс 1815 г. пытался ликвидировать все перемены, внесенные революционными и наполеоновскими войнами» [3, с. 11]. Ведущую роль в этой реакции стала играть Австрийская империя, видевшая в либеральных и революционных изменениях угрозу для существования своего государства.

Начиная с середины 60-х гг. произошли существенные изменения в советской исторической науке, которые затронули в том числе и внешнюю политику Габсбургской монархии XIX в. Произошло увеличение числа исследований, которые всё чаще публиковались в периодической печати. Работ по истории международных отношений, затрагивающих

Габсбургскую монархию, появлялось всё больше на страницах научных журналов, таких как «Вопросы истории» [1,32], «Новая и новейшая история» [16], «Советское славяноведение» [7] и др.

Продвижение Австрии на Балканском полуострове и её политика в отношении южнославянских государств стали объектом рассмотрения на международных собраниях. Позиция советских историков по этой проблематике была обозначена на международной конференции в Будапеште 1964 г. и на XII Международном конгрессе исторических наук в Вене 1965 г. [4].

Внешняя политика Австрийской империи и австро-русские отношения в период Наполеоновских войн была отражена в работах А. Л. Нарочницкого [20], О. В. Орлик [21], А. Н. Сытина [28] и И. С. Звавич [10]. Советские учёные в целом опровергали тезис К. фон Меттерниха о предвидении поражения Наполеона в России. Они пришли к выводу, что министр иностранных дел Австрийской империи был уверен в победе Франции и стремился использовать данную ситуацию для укрепления австрийской монархии. Неудача русской кампании Наполеона расстроила все расчёты К. фон Меттерниха и привела к сближению с Российской империей.

В 1985 г. в Вене прошёл совместный советско-австрийский colloquium по тематике «Россия и Австрия в эпоху наполеоновских войн» [27]. С советской стороны в нём приняли участие Т. М. Исламов, Ю. А. Писарев, А. Л. Нарочницкий, О. В. Орлик и др. Всего было заслушано 19 докладов, 6 из которых принадлежали историкам СССР. Они, главным образом, освятили историю австро-русских отношений в последней трети XVIII – начала XIX вв. Австрийцы же сосредоточились на раскрытии внутренней политики Австрии.

Существенный вклад в изучение позиции министра иностранных дел Австрийской Империи К. фон Меттерниха на Венском конгрессе 1814–1815 гг. оказали первые специальные исследования советского историка Л. А. Зака по этому вопросу. Его монография под названием «Монархи против народов» (1966) сделала акцент на подробном разборе дипломатии великих держав на этом конгрессе. Л. А. Зак отмечал и стремление Габсбургов к расширению своего влияния: «Не намереваясь отказываться от своих польских владений, Австрия одновременно рассчитывала укрепиться в Италии, полностью ликвидировав французское влияние на Апеннинском полуострове» [9, с. 34].

Не угасало внимание и к балканской проблеме в международных отношениях того времени. В 80-х – начале 90-х гг. XX в. были изданы коллективные монографии, которые впервые охарактеризовали «балканский вопрос» на протяжении почти всего XIX ст. [17,18,19]. Балканскому

направлению в дипломатии Австрии, России и Германии посвящены труды Н. С. Киняпиной [13] и В. И. Шеремета [30].

Довольно подробно советская историография изучила австрийскую внешнюю политику 60-х гг. XIX ст., где основной проблематикой стала борьба с Прусским королевством за лидерство в Германии. Е. В. Котова считала, что процесс вытеснения Австрийской империи из Германии и утраты роли ведущей европейской державы начался в результате революции 1848–1849 гг. [15, с. 25].

Постепенное разрушение системы международных отношений, основанной на Венском конгрессе и всё более углубляющееся политико-экономическое отставание Австрии обусловило активизацию соперничества между ней и Пруссией. Л. М. Шнеерсон полагал, что усилению Прусского королевства в некоторой степени способствовала сама Австрийская монархия, стремившаяся к «консервированию германской раздробленности» [31, с. 15].

Подводя итог, следует отметить, что изучение внешнеполитической истории Австрийской империи в советской историографии обычно происходило в рамках рассмотрения международных отношений в Европе и зарубежной политики таких стран, как Россия, Пруссия, Великобритания и Франция.

Углубленное изучение со стороны советских историков получили такие темы, как межгосударственные отношения в период Наполеоновских войн, Венский конгресс и формирование Священного союза, австро-пруссские взаимоотношения и русская внешняя политика в отношении Германии и Австрии. Наиболее тщательно советскими исследователями разобрана проблематика «восточного вопроса» на Балканах в политике Австрии, России, Османской империи, Англии и Франции.

Библиографические ссылки

1. Балканы в международной жизни Европы (XV–начало XX века) // Вопросы истории. М., 1981. № 4. С. 30–43.
2. *Базилевич К. В.* Победа славянских народов в вековой борьбе против немецких захватчиков и немецкой тирании. Стенограмма публичной Лекции. М. : типография им. Сталина, 1945.
3. Всемирная история: в 13 т. М. : Издательство социально-экономической литературы, 1955–1983. Т. 6.
4. *Воздвиженская Т. А.* Группа славяно-германских отношений // Советское славяноведение. М. : Наука, 1965. №1. С. 113–114.
5. *Державин Н. С.* Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М. : Всеславянский комитет и Госполитиздат, 1943.

6. *Долгопольская-Кершнер С. А.* Австро-прусская борьба за гегемонию в Германии в 1848–1850 гг. и позиция русского царизма: автореф. дисс. канд. истор. наук. Ленинград : [б. и.], 1956.
7. *Достян И. С.* Политика русского правительства на Балканах в 1801–1812 гг. // Советское славяноведение. М. : Наука, 1968. № 6. С. 93–97.
8. *Ерусалимский А. С.* Бисмарк как дипломат: вступительная статья к книге «Мысли и воспоминания» О. Бисмарка. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1940.
9. *Зак Л. А.* Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М. : Международные отношения, 1966.
10. *Завич И. С.* Меттерних и Отечественная война 1812 года // Исторические записки АН СССР. М. : Наука, 1945. Вып. 16. С. 100–125.
11. История дипломатии: в 5 т. / под ред. В.А. Зорина. М. : Госполитиздат, 1959–1965. Т. 1–3.
12. *Капелюш Ф. Д.* Австрия. М.; Л. : Московский рабочий, 1929.
13. *Кинятина Н. С.* Внешняя политика России второй половины XIX в. М. : Высшая школа, 1974.
14. *Кондратьева В. Н.* К истории австрийской экспансии на Балканском полуострове в XIX в. // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 307–314.
15. *Котова Е. В.* Влияние австро-прусских отношений на внутреннюю политику Габсбургской империи в 60-е гг. XIX в. // Внешняя политика и международные отношения в новое и новейшее время. М. : Институт всеобщей Истории, 1984.
16. *Марков Д. Ф.* Институт славяноведения и балканистики: некоторые итоги и перспективы научной деятельности // Новая и новейшая история. М. : Наука, 1983. № 4. С. 19–32.
17. Международные отношения на Балканах 1815–1830 гг. М. : Наука, 1983.
18. Международные отношения на Балканах 1830–1856 гг. М. : Наука, 1990.
19. Международные отношения на Балканах 1856–1878 гг. М. : Наука, 1986.
20. *Нарочницкий А. Л.* Австрия между Францией и Россией в 1811–1813 гг. и русская дипломатия // Бессмертная эпопея, к 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М. : Наука, 1988. С. 79–85.
21. *Орлик О. В.* Россия и вступление Австрии шестую антинаполеоновскую коалицию // Бессмертная эпопея, к 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М. : Наука, 1988. С. 96–118.
22. *Пичета В. И.* Русский народ в борьбе с германской агрессией и освободительное движение западных и южных славян // Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М. : Госполитиздат, 1944. С. 6–31.
23. *Пресняков А. Е.* Александр I. Петербург : Издательство Брокгауз-Ефрон, 1924.
24. *Пресняков А. Е.* Апогей самодержавия. Николай I. Л. : Издательство Брокгауз-Ефрон, 1925.
25. *Ротштейн Ф. А.* Из истории Пруско-Германской империи. М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1948.
26. *Ротштейн Ф. А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1960.

27. Советско-австрийский коллоквиум историков // Новая и новейшая история. М.: Наука, 1986. №4. С. 218–220.
28. *Сытин А. Н.* Внешняя политика России в отношении Австрии и Пруссии в начале XIX в. (1801–1807): автореф. дисс. канд. истор. наук. М., 1986.
29. *Тарле Е. В.* Очерк новейшей истории Европы. 1814–1919. Л. : Прибой, 1929.
30. *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа, вторая треть XIX в. М. : Наука, 1986.
31. *Шнеерсон Л. М.* Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав (Из истории "германского вопроса"). Минск. : издательство Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1962.
32. *Язькова А. А.* Великие державы и формирование Румынского независимого государства // Вопросы истории. М. : Правда, 1982. № 8. С. 147–148.

МАГИСТРАНТЫ И СТУДЕНТЫ

СТВАРЭННЕ АЎСТРЫЙСКОЙ ІМПЕРЫІ: АДКАЗ ДЫНАСТЫІ ГАБСБУРГАЎ НА НАПАЛЕОНАЎСКІ ВЫКЛІК (1804 г.)

А. У. Бабакоў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, г. Мінск, Беларусь,
aleksandrBobakovn1@gmail.com*

У дадзеным артыкуле ў першую чаргу разглядаецца, як у межах Свяшчэннай Рымскай імперыі была створана Аўстрыйская імперыя, у будучыні стаўшая адной з пераемніц Першага Рэйха. Разам з гэтым аўтарам артыкула закрануты прычыны прыняцця Напалеонам Банапартам тытула «імператара французў», а таксама вызначаны асноўныя асцярогі аўстрыйскага двара пры прыняцці такога тытула. У матэрыяле прааналізавана, якія варыянты рашэння «французскай праблемы» былі прапанаваны ў Вене, а таксама закрануты асноўныя моманты перамоваў паміж Францыяй і Свяшчэннай Рымскай імперыяй, у выніку чаго 11 жніўня 1804 г. была створана Аўстрыйская імперыя.

Ключавыя словы: Свяшчэнная Рымская імперыя; Аўстрыйская імперыя; Францыя; Напалеон Бонапарт; Франц II; Кобенцль; Талейран.

СОЗДАНИЕ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТВЕТ ДИНАСТИИ ГАБСБУРГОВ НА НАПОЛЕНОВСКИЙ ВЫЗОВ (1804 г.)

А. В. Бобаков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, aleksandrBobakovn1@gmail.com*

В данной статье, прежде всего, рассматривается вопрос о создании Австрийской империи в составе Священной Римской империи, которая впоследствии стала одной из преемниц Первого рейха. Автор статьи также рассматривает причины принятия Наполеоном Бонапартом титула «император французов», а также выявляет основные опасения австрийского двора при принятии такого титула. В статье анализируются варианты решения «французской проблемы», предложенные в Вене, а также затрагиваются основные моменты переговоров между Францией и Священной Римской империей, в результате которых 11 августа 1804 г. была создана Австрийская империя.

Ключевые слова: Священная Римская империя; Австрийская империя; Франция; Наполеон Бонапарт; Франциск II; Кобенцль; Талейран.

Асноўным момантам сканчэння вайны другой антыфранцузскай каліцыі з'яўляўся Ам'енскі мір. Ён быў падпісаны 25 сакавіка 1802 г. у французскім горадзе Ам'ене паміж Англіяй і Францыяй. Але мір на гэтым не быў ўсталяваны на доўгі час. Францыя патрабавала вывядзення англійскіх войскаў з вострава Мальты, які быў захоплены англічанамі да вайны. Англія жадала падпісання гандлёвай дамовы, якая б дазваляла зноў таргаваць англічанам у Еўропе. 13 сакавіка 1803 г. падчас чарговых перамоваў Напалеон Банапарт заявіў: «Мальта, альбо вайна!» [1, с. 126]. Таму 16 мая 1803 г. распачалася англа-французская вайна.

Каб перашкодзіць уварванню напалеонаўскай арміі ў «туманны альбіён», англійскі ўрад вырашыў зрабіць спробу забіць Напалеона. На той момант англійскі ўрад узначальваў Уільям Пітт малодшы. План склаўся ў тым, каб забіць Напалеона, заняць Парыж і чакаць вяртання Людовіка XVIII. Выканальнікамі павінны былі стаць раялісты Жорж Кадудаль, Шарль Пішэгрю і генерал Жан Маро. Але з-за сваёй дэзарганізаванасці паліцыя вельмі хутка захапіла змоўшчыкаў на пачатку 1804 г., што ў хуткім часе стварыла падставы для арэшта герцага Энгіенскага. На Напалеона Банапарт гэтыя змоўшчыкі ў любы момант маглі здзейсніць замах, што яго вельмі хвалявала. У гэты час поруч з ім знаходзіўся міністр замежных спраў Францыі Талейран. Каб выслужыцца перад Напалеонам і адпомсціць раялістам, ён сказаў: «Бурбоны, відаць, думаюць, што ваша кроў не такая дарагая, як іх уласная»? [1, с. 132]. Пасля гэтых слоў Напалеон прыйшоў у лютасць, сабраў савет і загадаў арыштаваць герцага Энгіенскага. Чаму менавіта яго? Справа была ў наступным. Падчас допыта змоўшчыкі казалі, што чакалі маладога прынца каралеўскай крыві, але каго - яны не казалі. Выбар упаў на герцага Энгіенскага. Луі Антуан Энгіенскі быў прынцам крыві, сынам апошняга прынца Кандэ. Гэта значыць, ён належаў да малодшай галіны каралеўскага дома Бурбонаў. Але з яго арыштам узнік шэраг праблем. Па-першае, герцаг жыў у суседняй Свяшчэннай Рымскай імперыі ў горадзе Энтэнгейм. Ён размяшчаўся вельмі блізка да французскай мяжы. Па-другое, герцаг Энгіенскі зусім не быў звязаны са змовай. Напалеон не быў збянтэжаны гэтымі праблемамі і загадаў арышт герцага Энгіенскага ўступіў у сілу.

У ноч з 14 на 15 сакавіка 1804 г. французская жандармерыя ўварвалася ў Энтэнгейм і арыштавала герцага. Так было парушана міжнароднае права і тэрытарыяльная непарушнасць Свяшчэннай Рымскай імперыі. 20 сакавіка 1804 г. Луі Антуана Энгіенскага прывезлі ў Парыж і заключылі ў Венсенскі замак. Увечары таго ж дня сабраўся ваенны суд і прыгаварыў герцага Энгіенскага да смяротнага пакарання. Асноўныя абвінавачванні былі ў тым, што герцаг Энгіенскі атрымліваў грошы ад

Англіі і ваяваў супраць Францыі. Перад смерцю ён напісаў пісьмо і прасіў перадаць яго Напалеону. Але гэта яго пасланне Напалеону перадалі толькі пасля смерці герцага. У тры гадзіны ночы Луі Антуана Энгіенскага вывелі ў Венсенскі роў і расстралялі [1, с. 132].

Раскрыццё змовы і наступнае за ім забойства герцага Энгіенскага згулялі на руку Напалеону. Ён не толькі застрашыў Бурбонаў, Англію і іншыя еўрапейскія дзяржавы, а яшчэ і ўмацаваў уласную ўладу. Пасля гэтых падзей Сенат, Заканадаўчы корпус, Трыбунат загаварылі аб тым, каб раз і назаўжды скончыць з такім становішчам, калі ад жыцця аднаго чалавека залежыць спакой і шчасце ўсяго народа, калі ворагі Францыі могуць будаваць свае надзеі на замахах. Выснова была адна: ператварыць пажыццёвае консульства ў спадчынную манархію. Таму 18 мая 1804 г. Сенат Францыі вынес пастанову якая дае Напалеону Банапарту тытул спадчыннага імператара французай. У гэты ж дзень урадавая газета «Le Moniteur universel» апублікавала адказ Напалеона на пастанову Сената: «Усё, што можа спрыяць дабру нацыі, па сутнасці звязана з маім уласным шчасцем. Я прымаю тытул, які вы лічыце карысным для славы нацыі. Я падаю закон пераемнасці на зацвярджэнне народа. Спадзяюся, што Францыя ніколі не пашкадуе аб ушанаваннях, якімі яна надорыць маю сям'ю. У любым выпадку, мае думкі больш не будуць з маімі нашчадкамі ў той дзень, калі яны перастануць быць вартымі кахання і даверу гэтай вялікай нацыі» [5, с. 363].

Прыняцце тытула імператара не азначала яго поўнай рэалізацыі. Для гэтага трэба было, каб тытул «імператара французай» быў прызнаны астатнімі еўрапейскімі манархамі. А з гэтым былі праблемы. На найбліжэйшае прызнанне з боку Англіі разлічваць не варта было, бо Францыя знаходзілася з ёй у стане вайны. Расія за прызнанне запатрабавала плату: эвакуацыю Неапаля і Гановера і кампенсацыю каралю Сардзініі ў Італіі. Напалеон не мог пайсці на гэта і адхіліў патрабаванні, што паслужыла разрывам адносін паміж дзвюма краінамі. Таму, з найбліжэйшых суседзяў, можна было націснуць на Свяшчэнную Рымскую імперыю.

Вестка аб прыняцці спадчыннай манархіі Напалеонам была сустрэта аўстрыйскім дваром суцэль спрыяльна. Імператар Франц II заявіў, што аднаўленне спадчыннай манархіі ў Францыі пойдзе толькі на карысць Еўропе, і хоць аднаўленне прастола Бурбонаў было б яму больш даспадобы, лёс гэтай дынастыі здаваўся «практычна вырашаным» [3, с. 97]. Больш за ўсё Вену бянтэжыў тытул «імператара». Асцярогі былі звязаныя з тым, што Напалеон не вырашыў здавольвацца тытулам «кароль». Бо кіраўнік Аўстрыі, як кароль Свяшчэннай Рымскай імперыі, да гэтага карыстаўся прыярытэтам над усімі еўрапейскімі ўладарамі. Хаця Расія з

часоў Кацярыны Вялікай адмаўлялася прызнаваць, што подпісы расійскіх упаўнаважаных на дагаворах і пагадненнях павінны мець падпарадкаваны статус у адносінах да подпісаў імператара, яна да гэтага часу не прычыла супраць прадастаўлення прыярытэту паслам і пасланнікам германскага імператара пры замежных дварах. Яшчэ яна дапушчала іх уключэнне ва ўсе дакументы, дзе абодва імператара згадваліся адначасова. І таму аўстрыйскі двор з імператарам Францам II асцерагаліся: наколькі доўга Напалеон збіраецца захоўваць першыństwo германскай кароны над яго каронай? Ці не пойдзе ён па шляху Расіі? Ці не стане Францыя сцвярджаць, што яе імператарская карона, як спадчынная, пераўзыходзіць па заслугах германскую выбарчую імператарскую карону? Верагодней было і тое, што па прыкладзе Францыі Англія прыме тытул спадчыннага імператара Вялікабрытаніі, а за ёй рушыць услед Іспанія і драбнейшыя каралеўскія двары.

Калі б Напалеон прыняў тытут «караля», то Франц II, несумненна, даў бы сваю згоду без прамаруджвання. Але Напалеон выношваў у душы мару аб імперыі Карла Вялікага. Ён не думаў здавольвацца тытулам Бурбонаў. Паводле яго слоў, ён, верагодна, без шкадавання, успрыняў бы поўнае знікненне каралеўскай годнасці ў Еўропе [6, с. 19].

Для вырашэння «імперскага пытання» Франц II і аўстрыйскія чыноўнікі бачылі два варыянты шляху. Першы – гэта замацаваць спадчынны характар Свяшчэннай Рымскай імперыі ў рамках дынастыі Габсбургаў; другі – стварыць спадчынны імператарскі тытул, укаранёны ў землях Габсбургаў. Абодва гэтыя варыянты ў таямніцы былі прадстаўлены на абмеркаванні Напалеону Банапарту. У выніку быў абраны другі варыянт. Падчас перамоваў аўстрыйскаму боку прыйшлося зрабіць усё магчымае, каб пераканаць французскі бок у тым, што Напалеон прызнае парытэт яго кароны з каронай Франца II як імператара Аўстрыі. Аднак Напалеон вымушаны быў прызнаць вяршэнства Свяшчэннай Рымскай імперыі над сваёй каронай [3, с. 99].

Дадатковым фактарам замарожвання прызнання новага тытула Напалеона стала Расія. Як было азначана вышэй, яна патрабавала пэўных патрабаванняў да яе прызнання, якія Банарт адхіліў. А Свяшчэнная Рымская імперыя ў той момант знаходзілася ў самым разгары перамоваў аб заключэнні ваеннага саюза. Ужо тады Англія імкнулася стварыць новую антыфранцузскую кааліцыю. А стварэнню гэтага саюза папярэднічалі кансультацыі аўстрыйскага двара з Пецярбургам, у тым ліку адносна прызнання новага імператарскага тытула.

Перамовы паміж Францыяй і Свяшчэннай Рымскай імперыяй працягваліся з мая па жнівень 1804 г. З боку Вены галоўнымі ўдзельнікамі перамоў былі дзяржаўны канцлер Габсбургскай манархіі (сёння

пасада міністра замежных спраў), Людвіг Кобенцль і яго стрыечны брат Філіп Кобенцль, які быў паслом імперыі ў Францыі; з боку Парыжа міністр замежных спраў Францыі Шарль Талейран і пасол Францыі ў імперыі Жан Шампаньі. Яшчэ да афіцыйнага абвяшчэння імператарскага тытула Талейран і Напалеон засыпалі Кобенцля кампліментамі. Гарачае жаданне першага консула атрымаць прызнанне Вены прывяло да яго саступак па іншых пытаннях, якія былі прадметам абмеркавання на працягу многіх месяцаў. Цяпер Напалеон быў не супраць паслаць туды аўстрыйскія войскі для падтрымання парадку. Толькі ён хацеў, каб іх колькасць не павялічвалася. Першы консул таксама быў не супраць пайсці на саступкі ў пытаннях рыцарства і павелічэння колькасці католікаў у рэйхстагу і Рэгенсбургу [2, с. 51].

Пасля 18 мая 1804 г., калі тытул быў прыняты, Кобенцль павіншаваў Напалеона. Яму таксама было даручана высветліць, ці будзе Банапарт супраць спадчыннага тытула імператара. 3 мая па ліпень напружанне ўзрастала. Спачатку Банапарт не дамагаўся прызнання спадчыннага тытула Аўстрыі. Ён спрабаваў пераканаць іх ў тым, што германская карона застанецца у дома Габсбургаў. Кобенцль не давяраў гэтым словам і высунуў умовы: альбо Напалеон адмаўляецца ад тытула імператара, альбо Аўстрыя будзе прэтэндаваць на яго. У адказ Талеранд заявіў, што Напалеон не супраць прыняцця аўстрыйскім домам тытула імператара. Гэтыя словы не задаволілі Кобенцля і ён запатрабаваў згоды асабіста ў французскага імператара. Праз два дні ён адказаў: «Калі Аўстрыя палічыць неабходным, зараз ці ў будучыні, прыняць імператарскі тытул, то Францыя не толькі не будзе супраціўляцца, але нават будзе ўплываць на іншыя дзяржавы, каб дамагчыся прызнання. Толькі астатнія адносіны павінны заставацца такімі ж, як яны былі паміж каралём Багеміі і Венгрыі і каралём Францыі». Па сутнасці, гэта можна было лічыць перамогай аўстрыйскай дыпламатыі. Але пасол Шампаньі дзейнічаў інакш. Ён заявіў, што калі нямецкая імператарская карона больш не будзе дадзена кіраўніку Аўстрыі, і ён прыме тытул імператара сваіх імперскіх зямель, французскі ўрад прызнае гэты тытул без пярэчанняў. Да гэтага моманту пагадненне павінна заставацца ў сакрэце. Ён таксама лічыў, што было б мэтазгодна абмежаваць колькасць імператараў трыма персонамі. Гэта патрабаванне было лёгка аспрэчана. Калі б абранне новага імператара Свяшчэннай Рымскай імперыі не належала членам Латарынгскага дома, і гэты дом самастойна прымаў бы тытул імператара, імператараў усё роўна было б чатыры. Вена не магла пайсці на гэта. Калі б яна пагадзілася, то адмовілася б ад поўнага парытэту з Францыяй. Яе імператарскі тытул залежаў бы ад далучэння Напалеона да дамовы і спынення існавання Свяшчэннай Рымскай імперыі. Аўстрыя патрабавала адначасовага прыз-

нання тытулаў. Аказалася, што даручэнні Шампані не адпавядаюць аб'яцанню Талейрана. Такім чынам, заяву Шампані нельга было прыняць да ўвагі.

Усе гэтыя працяглыя перамовы пачалі раздражняць Напалеона. Ён быў гатовы неадкладна прызнаць новага імператара. 7 жніўня Шампані прадставіў сакрэтную дэкларацыю. У ёй было абвешчана неадкладнае прызнанне, як толькі Франц прыняў тытул імператара сваіх спадчынных земляў. Праз тры дні, 10 жніўня, Франц сабраў вялікі савет з прадстаўнікоў Багеміі, Венгрыі і іншых імперскіх земляў. На ім ён абвясціў, што вырашыў прыняць тытул імператара спадчынных аўстрыйскіх зямель. 11 жніўня гэта было абнародавана ў прагматычным указе. 15 жніўня гэтая заява была накіравана ў дыпламатычны корпус [2, с. 59]. А 24 жніўня ва ўрадавых газетах быў апублікаваны гэты прагматычны дэкрэт, які дазваляў насельніцтву даведвацца аб пераўтварэнні сваёй дзяржавы [4, с. 531]. Былі і камічныя сітуацыі. Людовік XVIII падаў пратэсты ў еўрапейскія суды супраць прысваення Напалеонам тытула імператара. Адзін з гэтых дакументаў трапіў у Вену, але адказу не атрымаў. Амбасадар Шампані запатрабаваў перадаць яму гэты дакумент. Ён лічыў недапушчальным яго захаванне ва ўмовах, калі Аўстрыя прызнала Напалеона імператарам. Вена адмовілася і прапанавала іншы варыянт. Яна магла спаліць дакумент у прысутнасці амбасадара, на што атрымала станоўчы адказ. 10 жніўня ў прысутнасці Шампані дакумент быў спалены [2, С. 60]. Такім чынам, можна зрабіць выснову: стварэнне Аўстрыйскай імперыі стала магчымым у адказ на пагрозу з боку экспансіянісцкай палітыкі Напалеона Банапарта; няхай нават гэта і стала лагічным працягам падзення Свяшчэннай Рымскай імперыі. І насуперак імператару французаву новая імперыя працягнула сваё існаванне ўжо пасля ягонай капітуляцыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Тарле Е. В.* Наполеон. М.: АСТ Астрель, 2010.
2. *Beer A.* Zehn Jahre österreichischer Politik 1801–1810. Leipzig, 1877.
3. *Fournier A.* Gentz und Cobenzl. Geschichte der österreichischen Diplomatie 1801–1805. Wien: B. Braumüller, 1880.
4. *Hausser L.* Deutsche Geschichte vom Ende Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des Deutschen Bundes. Bd. 3. Berlin: Weibmannfche Buchhehanblung, 1855.
5. *Plone H., Dumaine J.* Correspondance de Napoleon I. Vol. 9. P., 1862.
6. *Srbik H.* Das österreichische Kaisertum und das Ende des III. Romischen Reiches 1804–1806. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte m. b. H., 1927.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ЖАНА ФРУАССАРА

Н. А. Закрочинский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, nikitazakrochinskiy02@mail.ru*

В статье анализируются взгляды Жана Фруассара на католическую церковь, сакрализация власти короля посредством ритуальных практик и мифотворчества. Хронист рассматривает церковь как инструмент в руках светской власти, направленный на укрепление основ монархии и аристократии. Сакральность королевской власти поддерживается как обрядом миропомазания, так и использованием в пропаганде святого короля: Эдуарда Исповедника. Имеет место передача власти посредством участия придворного животного. Иноверцы оцениваются хронистом через призму исполнения добродетелей, которые присущи их сословному происхождению.

Ключевые слова: Жан Фруассар; сакральность королевской власти; «Константинов дар»; Эдуард Исповедник; средневековая церковь; средневековый образ ислама.

Тема сакрального для Жана Фруассара на протяжении всего труда не являлась одной из основополагающих в хронике. Социально-политические и религиозные конфликты рубежа 1370-х и 1380-х гг. оказали прямое влияние на стиль хроники, что, в частности, отразилось в более частом обращении к религиозной тематике. В данной работе мы проследим эволюцию взглядов хрониста касательно религии, а также рассмотрим тему сакрализации власти через призму Жана Фруассара.

Несмотря на то, что в эпоху позднего средневековья сакрализация власти начинает тесниться её правовым обоснованием через рецепцию римского права, Фруассар всё равно продолжает тяготеть к идее божественного происхождения власти короля. Это мы видим на примере коронации Карла VI в 1380 г. Хронист, описывая коронацию в Реймском соборе, заостряет внимание читателя: «...помазал короля жидкостью из священного сосуда, из которого Святой Ремигий помазал Хлодвига» [1, р. 236]. Можно утверждать, что наблюдается подтверждение устремлений в интеллектуальной среде Валуа, которые вели передачу власти из рук Меровингов в руки действующей династии. Это было не новым для французской монархии, ведь уже Капетинги, пришедшие к власти, также в своей пропаганде делали акцент на том, что Каролинги являлись их предками [2, с. 381]. Данная преемственность помогла французским королям ликвидировать угрозу со стороны узурпаторов и снизить количество конкурентов на правящий престол, ведь происходила передача благодатной силы при миропомазании. В подтверждении этого тезиса

Фруассар пишет: «Это священное миро, которым с тех пор помазывают всех королей Франции, было принесено от Бога святым ангелом» [1, р. 236]. Именно через эту процедуру и происходит сакрализация власти, ведь мы видим чёткое указание на божественное вмешательство в институт светской власти. В то же время стоит акцентировать внимание, что автор именует французского монарха королем лишь после обряда помазания и коронации. Когда умирает Иоанн, то хронист называет дофина Карла «герцогом Нормандским» [3, р. 133]. В таком случае автор держится обряда помазания как обязательной процедуры, которая дополняет династическую преемственность наследника. По такому мнению, только после вмешательства божественной благодати и получения сакрального статуса король становился королём. Однако в этом случае для нас формируется проблема: а какой примат признаёт Фруассар в данных отношениях – церкви или светской власти?

Для решения данного вопроса мы воспользуемся рефлексией автора хроники по поводу схизмы в католической церкви. Она выразилась в притчах клирика Жана де ла Рош-Тайада, которые датируются около середины 1350-х гг. Смысл его рассказов сводится к тому, что светская власть: «...дала Вам [церкви] ваше достояние, и власть, и владения, для того, чтобы вы могли служить Богу...» [4, р. 355]. Ключевой идеей, на которой следует акцентировать внимание, является тезис, что главная функция церкви – это отправление религиозных культов. Однако о политических амбициях духовенства на власть вовсе и не говорится. В дальнейшем, дабы доказать, что церковь не должна конкурировать со светской властью за первенство в этом поле мы видим оригинальный пересказ «Константинова дара». В этом сюжете Фруассар делает акцент на императоре Константине, который дал «церкви все десятины, которые...принадлежали ему самому, вместе с...дарами и землями, ради приращения нашей веры и церкви» [4, р. 355]. Акцентируя высокоморальные качества Константина, Фруассар следует распространённой средневековой традиции, однако вкладывает в этот образ собственную дидактическую цель, противопоставляя идеального правителя современной ему погрязшей в пороках церкви. Последнюю хронист критикует за её богатства, гордыню и роскошь. Но более важными для нас будут являться строки, которые касаются взаимоотношений светских и духовных феодалов. Автор отмечает идеальный порядок в союзе светской и духовной власти, т.к. они взаимно связаны между собой. Ведь в случае отказа поддержки светской аристократии церкви, а также дальнейшего изымания богатств, которые имеются у этого института, то последний просто погибнет [4, р. 356]. Однако мы видим, что сила церкви порождена как раз светской властью, следовательно, светская власть обладает полномо-

чиями как возвысить ее, так и уничтожить. Следовательно, и функции церкви должны быть направлены на служение феодалам [5, с. 142], королям и императорам. С одной стороны, мы можем увидеть, что хронист желает видеть неразрывную связку двух властей, однако в итоге мы видим победу правового компонента власти. Пусть и на данном этапе компонент сакральности ещё имеет силу и сосуществует в слитном единстве [6, с. 28]. С другой же стороны, мы видим чёткое проявление секуляризации политической действительности в Западной Европе середины XIV в., которое нам отображает Жан Фруассар несмотря на его склонность в течении последних лет к религиозности и ощущению упадка Европы.

Примечательно, что наравне с секуляризованным мышлением хрониста присутствуют традиционные культы, к которым хронист относится как к норме для лечения безумного Карла VI. После приступа под Ле-Маном в церковь в Хаспре в Эно была принесена восковая фигура короля как подношение, ведь в этом месте хранилось канонизированное тело святого Акария, который славился как целитель от безумства и сумасшествия людей [7, р. 33-34]. Одновременно Фруассар фиксирует аналогичное подношение святому Эгидию в церковь в Руа. Ведь в основном отправлялись сразу в несколько мест для поклонения [8, р. 136-137]. В очередной раз мы наблюдаем, что Фруассар считается с использованием услуг святых, хотя и не рассматривает короля как полностью сакральную личность, ведь он является целителем от золотухи. Вероятнее всего, обращение к святому изображалось как вторичное средство, ведь первичным инструментом для лечения короля являлся присланный лекарь Уильям. А ритуальная отправка восковой фигуры была для Фруассара, возможно, уже как дополнительная форма лечения от болезни.

Касательно сакральности нам стоит рассмотреть и некоторые вопросы престолонаследия, ибо передача данной сакральности закреплялась вышеупомянутыми церемониями и ритуалами. Однако и кровное происхождение в контексте наследования власти играло огромную роль. Если во Франции в обозначенный период, который описывает Фруассар, передача власти происходила в относительно спокойных рамках. То в Англии к концу XIV в. случился очередной политический кризис, когда Ричард II был смещён Генрихом Болингброком. Когда последний находился во Франции, то его воины поддерживали всеобщее устремление английского народа видеть королём именно сына Джона Гонта, а не Ричарда. Апеллировали они тем, что в жилах Генриха текла кровь Эдуарда Исповедника [9, р. 119]. С одной стороны, это будет казаться мифологизацией, проводимой Фруассаром, чем и являлось, ведь хронист будет часто симпатизировать дому Ланкастеров в данном конфликте. Его проявления начнутся проследиваться ещё в период описания восстания Уота Тайле-

ра. Автор не пойдёт на более детальное исследование причин данного бунта. Ведь в ином случае он бы натолкнулся на Джона Гонта, политика которого привела к резкому повышению налогов для его личных нужд с целью проведения военных кампаний в Испании [10, р. 287]. В дополнении к этому стоит поговорить об одной из форм пропаганды сакральности, которую, скорее всего использовал Генрих Болингброк в борьбе с Ричардом II. Учитывая, что в проланкастерских хрониках будущий король изображался, как орудие Бога, посланное для наказания короля, который нарушил свой долг перед подданными. А сам Ланкастер действовал в соответствии с «правом, которое Господь...послал ему вместе с помощью...» [11, с. 115]. Можно предположить, что к концу жизни Фруассар оказался под влиянием этих представлений, что, вероятно, способствовало формированию в его хронике легенды о причинах восшествия Болингброка на английский престол. Хронист услышал эту историю в 1361 г. во дворе Эдуарда Чёрного принца в Аквитании. В ней излагалось, что согласно книге пророчеств Мерлина, трон Англии будет занят Ланкастерами, а не представителями старшей ветви Плантагенетов [9, р. 96]. Использование этого мифического персонажа в английском нарративе показывает нам кардинальные различия исторической памяти Англии и континентальной Европы, где в последней обращались к Карлу Великому. Более древний персонаж в английской литературе в совокупности с его мифологичностью порождал более действенный способ обоснования прав на престол в своей пропаганде. К тому же, в английском народе было крайне распространено вспоминать о пророчествах, которые могли не только объяснять то или иное событие, но и оправдывать их [12, р. 138].

Однако стоит вернуться к теме Эдуарда Исповедника. Его упоминание уже не является определённым мифотворчеством Фруассара, а отображением реальной ситуации в пантеоне святых английского королевского дома. Исторический контекст канонизации Эдуарда, о которой знал хронист, таков. Приход к власти Плантагенетов в лице Генриха II потребовал решить проблему окончательного слияния двух субстратов Английского королевства: нормандского и англосаксонского. Святость Исповедника выполняла крайне важную роль, как и для Генриха, так и для Генриха IV уже в конце XIV в.: происходило прослеживание происхождения королей как в физическом плане, так и морально-сакральном от самых святых и превосходных королей [13, р. 179–182]. Объединение Англии в идеологическом плане через канонизацию Эдуарда решало, как и политические, так и религиозные проблемы, которые стояли перед Плантагенетами в середине XII в. Однако использование этого персонажа Фруассаром показывает, что его предпочтения к концу XIV в. про-

должали носить огромный налёт сакральности на королевскую власть. Даже несмотря на вспомогательную и инструментальную роль церкви в средневековом обществе. Примечательно, что, рассказывая о походе Ричарда II в Ирландию в 1394–1395 гг., хронист смешивает Эдуарда и Генриха II, где модернизирует [7, р. 166] политическую действительность англосаксонского короля со времён его канонизатора. Таким образом, для английской действительности Фруассар также использовал методы подчёркивания сакральности королевской власти, но не в ритуальных практиках, а в пропаганде, которая была вызвана политическими катаклизмами английской истории XIV в.

Хронист, завершая свой нарратив про свержение Ричарда II, предоставляет нам сюжет, который связывал метафоричное лишение власти внука Эдуарда III и последующую передачу власти Генриху Болингброку. История заключалась в том, что при входе в замок Флинт, когда уже Ричард становится заложником будущего короля, прибегает к входящим в здание английская борзая. Далее эта собака подбегает уже не к своему хозяину, а уже к будущему королю в лице Генриха и вскакивает на плечи герцогу Ланкастеру. В ответ на удивление конкурента Ричард отвечает, что данное поведение борзой характерно только с королём Англии. Следовательно, поведение собаки интерпретируется хронистом как знамение, указывающее на Болингброка как на законного короля [9, р. 141–142]. Институциональная передача власти парламентом, конечно, ещё не произошла. Однако частично через животное уже происходит легитимация власти. Данный способ подтверждения властных полномочий человека является нетипичным для средневекового общества через обращение к животному. Возможно, обращение к данному способу обуславливалось популярностью млекопитающих среди политической пропаганды в английской литературе средневековья. Особенно можно это увидеть в пророчествах, о которых выше мы упоминали как популярностью в английском королевстве. К примеру, ещё у Гальфрида Монмутского в XII в. животные фигурировали в «Пророчествах Мерлина» для сопоставления конкретных событий и названий мест с животными. Однако в перспективе при чтении данных пророчеств читатели будут наталкиваться на ряд легендарных и исторических персонажей, затрагивающих историю Британии. Впоследствии от Гальфрида многие авторы политических пророчеств использовали животных для своих памфлетов, чтобы аргументировать приход к власти той или иной силы [14, р. 59–62]. Возможно предположить, что Фруассар делает двухфазовым процесс легитимации власти. Первая фаза заключается через прохождение некоторой сакральности, воплощением которой была королевская собака. А далее уже

следовала институциональная передача власти через сословно-представительный орган и получение регалий.

Стоит затронуть тему отношения Фруассара к исламу в контексте его взглядов на нехристиан. К примеру, оценивая султана Мурада I, то автор называет его: «...мудрым и способным мужем, как на войне, так и в совете...» [4, р. 355]. При оценке хронистом мусульманских воинов ставится в первую очередь их заслуги как воина, чем религиозное происхождение. Вероятнее всего, что описывая битвы между христианами и иноверцами, то хронист пытался увидеть в противнике так же рыцарей, являвшиеся его главным объектом притязаний в труде. В данном ключе обратимся к сюжету франко-генуэзской экспедиции в Тунис в 1390–1391 гг. Во время осады христианами крепости на острове Махди сарацины решают устроить бой для пленения одного из французов, чтобы получить информацию об обстановке в стане врага. Предлогом при переговорах является оскорбление веры рыцарей из-за их пророка-смертного, которого иудеи повесили и распяли [15, р. 214]. Битва должна была произойти между 10 рыцарями и 10 сарацинами, что типологически напоминало бой тридцати в Бретани в 1351 г., которую также зафиксировал Жан Фруассар. Особенно желания самих французов презентовать свои доблестные качества как воинов. Однако Ангеррман де Куси предостерегал рыцарей от поспешного выступления в бой. Ведь он опасался, что мусульмане могут себя повести не как настоящие рыцари [15, р. 216], к примеру, устроить засаду. Здесь Фруассар предстаёт хронистом, для которого рыцарская идентичность ставится выше, чем религиозные различия. Стоит добавить, что в эпизодах этой экспедиции проявляется усиление сакрального компонента в нарративе хрониста. К примеру, как лагерь крестоносцев был подвержен нападениям сарацинов, однако они были спасены появившейся группой женщин в белой одежде и несущемся крестом святого Георгия [16, с. 171]. Примечательно, что при описании казни Баязидом пленных французов после битвы при Никополе, то хронист сохраняет строгость и сдержанность в своём тексте касательно мусульманского султана [7, р. 306–309]. Несмотря на то, что жертвами оказались высшая французская аристократия. Возможно, что здесь хронист припомнил жертвам их отказ в подчинении в битве Сигизмунду, королю Венгрии, за что и были наказаны [16, с. 172]

В заключении отметим, что Фруассар являясь каноником, сохранял в себе прагматичное отношение относительно церковной организации. Она порождена светской властью, следовательно, её положение и статус полностью зависит от монархии. В данном ключе он выступает секуляризованным хронистом. Также это порождает служение церкви во имя интересов светских феодалов. Говоря о сакральности короля во Фран-

ции, то хронист отмечает, что королём дофина делает именно помазание на престол. Сакральность власти, которая тянется ещё с времён Хлодвигу посредством святого еля, подаренного ангелом, является нормой для Фруассара. Начиная с 1380-х гг., тема религиозного становится чаще упоминаемой в хронике. Это приводит к тому, что автор параллельно своему секуляризованному критическому взгляду на события начинает искать религиозные предпосылки политическим конфликтам в королевствах. Отметим божественные вмешательства, которые Фруассар всё чаще видит в своих историях. Это привело к тому, что он принимает как должное ряд мероприятий, порождённые чтением святости монарха: подношение фигурок монарха святому для выздоровления. В то же время в Англии сакральность королевской власти происходила через кровное родство с Эдуардом Исповедником. Относительно мусульман хронист в нарративе ставит свои сословные взгляды выше религиозного происхождения. Поэтому и среди иноверцев Фруассар продолжает искать как и идеалы рыцарства, так и реальные воплощения заданных добродетелей.

Библиографические ссылки

1. *Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. Newly translated from the French, with variations and additions, from many celebrated mss. by Thomas Johnes. L., 1805. Vol. V.*
2. Блок М. Феодальное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
3. *Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. Newly translated from the French, with variations and additions, from many celebrated mss. by Thomas Johnes. L., 1805. Vol. III.*
4. *Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. Newly translated from the French, with variations and additions, from many celebrated mss. by Thomas Johnes. L., 1808. Vol. VII.*
5. Закрочинский Н. А. Хроники Фруассара как источник по истории Англии XIV в. // Пічэтаўскія чытанні – 2023: інстытуцыянальныя змены ў гуманітарнай сферы як адлюстраванне палітычных і эканамічных працэсаў : матэрыялы міжнар. навук. канф., прысвеч. 80-годдзю аднаўлення работы БДУ на станцыі Сходня і 145-годдзю з дня нараджэння У. І. Пічэты, Мінск, 11 кастр. 2023 г. Мінск : БДУ, 2023. С. 138–144.
6. Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008.
7. *Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. Newly translated from the French, with variations and additions, from many celebrated mss. by Thomas Johnes. L., 1808. Vol. XI.*

8. *Pfau A.* Medieval Communities and the Mad. Narratives of Crime and Mental Illness in Late Medieval France. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021.
9. *Froissart's S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. Newly translated from the French, with variations and additions, from many celebrated mss. by Thomas Johnes. L., 1808. Vol. XII.
10. *Dyer Chr.* Making a living in the Middle Ages. The people of Britain 850–1520. New Haven and London: Yale University Press. 2002.
11. Священное тело короля : Ритуалы и мифология власти. М.: Наука, 2006.
12. *Given-Wilson Ch.* Henry IV. Padstow, Cornwall: Yale University Press, 2016.
13. *Mortimer R.* Edward the Confessor. The Man and the Legend. Woodbridge: The Boydell Press, 2009.
14. *Moranski K. R.* The Prophetie Merlini, Animal Symbolism, and the Development of Political Prophecy in Late Medieval England and Scotland // *Arthuriana*. 1998. Vol. 8. Numb. 4. P. 58–68.
15. *Froissart's S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. Newly translated from the French, with variations and additions, from many celebrated mss. by Thomas Johnes. L., 1806. Vol. X.
16. *Закрочинский Н. А.* Крестовые походы в хрониках Жана Фруассара: теория, практика, идеалы // Пичетовские чтения – 2024. История: наука, образование, память : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию ист. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2024 г. Минск : БГУ, 2024. С. 168–173.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «КРЕСТЬЯНСКИХ РЕСПУБЛИК» ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Н. Д. Коровкин

Белорусский государственный экономический университет, пр-т. Партизанский 26,
г. Минск, Беларусь, korovkinnikita70@gmail.com

Статья посвящена феномену «крестьянских республик» в Западной Европе Средневековья как уникальной форме крестьянской самоорганизации, выходящей за рамки локальных протестов и предполагающей частичный или полный отказ от феодальных отношений. Рассматриваются наиболее яркие примеры таких сообществ – в Нормандии, Фрисландии, Дитмаршене и др. Особое внимание уделено социально-политической структуре «крестьянских республик», основанной на общинах, представительных собраниях и коллективном управлении. Отмечается роль географических факторов (труднодоступные территории), а также наличие особых форм социальной организации, например кланов в Дитмаршене. Выделяются три основных исхода существования «крестьянских республик»: постепенное разложение и узурпация власти местной знатью, насильственное уничтожение феодалами или синтез этих факторов. Автор подчеркивает, что изучение данного феномена позволяет по-новому взглянуть на истоки европейской демократии и ставит вопрос о возможности исторического развития государства вне феодальных структур.

Ключевые слова: крестьянские республики; Средневековье; феодализм; крестьянские движения; самоорганизация; социально-политическая организация.

Данная работа посвящена такому феномену средневековой эпохи, как «крестьянские республики», представляющие собой один из уникальных по своей сути победных исходов крестьянских движений, выходящих за рамки локальных протестов против конкретных феодалов-сеньоров, должностных лиц монаршей власти, конкретных законов, угрожающих имущественным, юридическим и иным правам и свободам различных категорий крестьянства, новых поборов и повинностей, идущих дальше борьбы с конкретными проявлениями феодализма – полностью, либо в значительной степени отвергающими его, что позволяет говорить об установлении принципиально иных для Средневековья порядков. Данная работа будет акцентирована на наиболее примечательных «проектах» и устоявших хоть сколько-то продолжительное время примерах «крестьянских республик», т.к. для практически любого достаточно радикального крестьянского движения и восстания Средневековья, коих было немало [1, т. 1, с. 462–492, т. 2, с. 574–591], были свойственны те или иные принципы и практики описанных в работе случаев, конечно, не

исключая конкретных особенностей. Не будут рассмотрены примеры движений, выходящих за рамки данного феномена, таких как восстание Уота Тайлера и т.п., ставивших политической целью установление «народной мужицкой монархии» [1, т. 2, с. 587] или движений по типу «Башмака» и ересей таборитов, Томаса Мюнцера и т.п., с более радикальными социальными преобразованиями и планами установления «народной республики» [1, т. 2, с. 587] или «царства божьего на земле» [2, т. 2, с. 66].

Одной из отличительных черт феномена «крестьянских республик» часто является их расположение в труднодоступных регионах (Союз семи приморских земель, Дитмаршен, Штедингген, Ланд-Хальдеен – болота и каналы в Фризии и Нижней Эльбе, Союз Трёх Лесных Кантонов, районы Альгой и Брегенцервальд, кантон Аппенцеллер – горы в Альпах и т.д.) с априори достаточно слабой (или отсутствующей) властью феодалов. Бывали и исключения.

Таковым является *восстание крестьян Нормандии в 977 г.*, которое стало крупнейшим крестьянским движением X в. в Западной Европе [1, т. 1, с. 479]. Тогда крестьяне (*rustici*) на местных крестьянских собраниях приняли решение выступить против установленных при Ричарде I (962–996) монополий герцогов на леса и воды, а также что более не будут подчиняться герцогу Ричарду II (996–1026), и будут жить по собственным законам, «согласно собственной воле» [1, т. 1, с. 479]. Было принято решение считать каждого, кто является господином, своим врагом, а за этим последовала взаимная клятва [3, s. 371]. На таком собрании один из крестьян якобы произнес: «Господа – это просто люди, как и мы. У них такие же конечности, да и тела не лучше наших» [3, s. 371]. Для принятия новых «крестьянских» законов была реализована система представительной демократии, построенная на представительстве отдельных местных общин (по два представителя от каждой) на общем собрании страны (*mediterraneum conventum*) [1, т. 1, с. 479; 4, p. 73–74]. Все ограничительные и налоговые законы герцога отменялись, леса и водоёмы переходили в общее пользование (идея восстановления прав общины на альменду – право общественного пользования природными ресурсами (лесами, лугами, пастбищами и т.п.)) Авторы [3; 4], свидетельствующие об этих событиях, сообщают о том, что из крестьянской среды целого герцогства появляется «коммуна» – сообщество, построенное на основе клятвы, имеющие свои политические институты – общее и местные собрания крестьян. «Коммуна» строилась на принципах равенства и свободы всех людей, отвергая феодальные отношения в целом. Идея местного и общего собрания, возможно, была отголоском еще не забытой практики областных и племенных собраний норманнов [1, т. 1, с. 479]. Хотя данная

«крестьянская республика» раннего Средневековья просуществовала недолго – очень скоро граф Рауль, посланный герцогом Ричардом II против крестьян с крупным военным отрядом, жестоко расправился с наиболее активной частью восставших, а остальные «вернулись к своим плугам» [1, т. 1, с. 479], она является примером чёткой и достаточно сложной самоорганизации крестьян в борьбе за свои интересы и не могла не сказаться на особенностях развития феодальных отношений в Нормандии, подготовив почву для полного исчезновения здесь серважа уже в XI в. [1, т. 1, с. 479].

В течение X в. в Германии в основных чертах завершается процесс втягивания в феодальную зависимость подавляющего большинства ранее свободных общинников. Именно в Дитмаршене и Фрисландии сохранялся значительный слой свободных крестьян-общинников [2, т. 1, с. 164–165]. Особую роль в данных регионах играл коллективный труд общинников по созданию дамб и каналов для борьбы с «наступлением» моря [5, с. 54; 6, р. 9–10].

В 1089 г. *Фрисландия* освободилась от власти династии Брюнов, признавая сюзеренитет только императора Священной Римской империи, который был скорее номинальным [5, с. 53]. Суть действовавшей в данных землях «фризской свободы», в основном официально признаваемой имперской властью, заключалась в отсутствии регионального центрального правительства и развитых феодальных отношений (в IX–XII вв. основная масса крестьян была лично и поземельно свободными) [5, с. 53]. Фрисландия делилась на самоуправляемые крестьянские общины, представлявшие собою небольшие «крестьянские республики», с XI в. в них начинается выработка внутриобщинных законов [5, с. 54]. Фрисландские земли образовали Союз семи приморских земель. Каждая из 7 областей посылала по одному представителю в общефрисландский орган управления – ландтаг, проходивший в IX–XII вв. в г. Гронингене, видимо, ежегодно [5, с. 54] и регулярно с 1361 г. [5, с. 55; 7]. Известны такие фрисландские сборники законов, как «Фризская правда» («*Lex Frisionum*») конца VIII в., «17 хартий» («17 *Keuren*») и «24 права на землю» («24 *Landrechten*»). Внутренние распри и противостояние двух группировок крупных землевладельцев XIV–XV вв. – схирингеров и феткоперов, появление влиятельных городов (особенно Гронингена) [5, с. 55], получение в 1498 г. герцогом Альбрехтом Саксонским суверенных прав на данные земли от императора Максимилиана I и дальнейший их захват в 1500 г. упразднили былую «фризскую свободу» [7].

Дитмаршен, является примером «крестьянской республики», просуществовавшей наиболее продолжительный период времени, с 1227 по 1559 гг., когда данная область была покорена датскими феодалами. За

период своего существования Дитмаршен прошёл путь от разрозненных общин-марок до уровня полноценно организованного государства. В 1227 г. крестьяне договорились о переходе в подданство архиепископа Бременского, которое было скорее формальным (ограничиваясь выплатами каждому новому архиепископу по 500 марок и ежегодными выплатами, принятием пяти назначенных им адвокатов), но юридически защищавшее от притязаний прочих феодалов [6, р. 28; 105]. Первую ступень общества составляли общины-марки – объединения дворов свободных крестьян, в котором пахотная земля являлась собственностью входивших в общину индивидуальных крестьянских семейств (аллод), а пастбища, леса и другие неподделённые земельные угодья (альменда) оставались общей собственностью. Второй ступенью общества были средневековые кланы – сообщества, объединяющее разные семьи (даже принимая новые), уже не столь связанные узами родства (либо трактуемыми его в широком смысле), но выполняющие функции защиты и взаимопомощи своим членам, а также совместное осуществление суда и участие в тяжбах с представителями прочих кланов [6, р. 10–14]. Модель руководства скорее была схожа с досредневековыми кланами – весомая роль старейшин и глав «семейства» (принадлежащая самым авторитетным и влиятельным представителям клана). Иногда ступени общины и клана были равнозначными, бывало размеры кланов сопоставлялись с размерами органов третьей ступени. Третью ступень общественной организации составляли приходы – общность населения, своеобразная община, проживающих на территории в округе храма (первоначально их было 5). Власть в приходах осуществлялась посредством межобщинного (через совместные собрания представителей) и межкланового взаимодействия. Центрального правительства или слаженной системы принятия совместных и обязательных для всего региона решений не было – всё скорее сводилось к договорённостям между отдельными приходами и кланами. Всё изменилось после гражданской войны в 1420-ых между двумя могущественными кланами юга – Водиманнен (Vodiemannen) и севера – Воллерсманнен (Wollersmannen), когда один из лидеров клана Водиманненов – Рольф Карстенс обратился за помощью к графу Гольштейна Адольфу VIII, за что был заклеймён предателем членами своего клана и вскоре убит [6, р. 93]. После данного кризиса, в основном по инициативе северных приходов, в 1434 г. началась реформа, подчинившая кланы власти приходов, а с 1447 г. отдельные приходы общерегиональному правительству, в форме общего народного собрания (могло собираться еженедельно в д. Хайде (Heide) для обсуждения проблем и принятия законов, на собрании имел право присутствовать любой человек, к выступлению иногда допускались женщины [6, р. 98]) и пожизненно из-

бираемых 48 «регентов» – исполнительный орган, состоявший по существу из двух ранее доминирующих групп – адвокатов и вожаков кланов, а также прочих приходских представителей по 12 от каждого прихода (по факту только от 4-ёх, т. к. «Южнобережье» из-за вражды почти столетие не отправляло туда своих «регентов»), которые должны были созывать собрание и, в случае чрезвычайной ситуации, могли действовать от имени всей страны, в 1447 г. даже появилась писаная «конституция» – общий свод законов, содержащий 257 статей, касающихся всех аспектов жизни и традиций Дитмаршена. «Регенты» имели прерогативу представлять на рассмотрение собрания все законы. Уведомление о предлагаемом решении обычно объявлялось заблаговременно, чтобы все заинтересованные граждане могли присутствовать. В важных случаях появлялось огромное население страны, часто приходила тысяча и более человек. Они собирались вокруг секретаря, и слушали, как он читает письма и сообщения. Затем прения открывали виднейшие из «регентов». Когда все важные лица высказывали свое мнение, собрание разделялось на три палаты для голосования (до конца не понятно, по имущественному или пропорциональному, территориальному признаку. Учитывая, что олигархия в Дитмаршене не установилась (у менее состоятельной части населения были силы сдерживать зажиточных сограждан от узурпации власти), вероятно, по второму или третьему). Если две из трёх палат одобряли решение, то оно становилось обязательным для всего Дитмаршена [6, р. 93–96]. В 1476 г. 48 «регентов» были признаны Папой Римским законными правителями данных земель [6, р. 106]. На этом этапе «Крестьянская республика» Дитмаршен приняла свой наиболее оформленный вид.

В заключение можно сказать, что «крестьянские республики» имели особую для Средневековья социально-политическую организацию. Она включала систему коллективного представительства интересов, в основе которой лежит крестьянская община, к ней добавляются местные и общие крестьянские собрания (иногда собрания только на уровне отдельных районов). Особенным атрибутом «крестьянской республики» Дитмаршен можно считать наличие средневековых кланов, как особой формы сообщества, выполнявшей функции социальной поддержки и защиты своих членов, бывшие элементом системы осуществления правосудия и игравшие роль политических группировок.

Говоря об итогах существования данных «республик», можно выделить три типа исходов: 1) Вырождение. Вследствие разложения общины-марки и проникновения в неё феодальных отношений нарождается нетитулованное дворянство, которое в итоге узурпирует власть и формализует работу первоначальных демократических институтов, отстраняя ос-

новную массу крестьянства общин от участия и влияния на принятие решений (Союз Трёх Лесных Кантонов) [2, т. 1, с. 90–94], 2) Насильственное упразднение. Институты «крестьянской республики» упраздняются «мечом» феодального войска (Нормандия и Дитмаршен), 3) Синтез предыдущих. Разложение общины вызывает появление крупных землевладельцев и влиятельных патрицианских семей городов, объединённых в политические группировки, ведущие борьбу за власть и монопольное право на становление местными феодалами, что делает ослабленный распрями регион лёгкой мишенью для иностранных феодалов (Фрисландия). Общей чертой может считаться отсутствие налогообложения в масштабе всей страны, впрочем, часто имелись альтернативные способы пополнения казны (посредством судебных штрафов, нерегулярных сборов и, вероятно, пиратства).

Библиографические ссылки

1. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: в 3-х т. М. : Наука, 1985–1986.
2. Сказкин С. Д. История средних веков: учеб. пособие : в 2-х т. 2-е изд. М. : Высшая школа, 1977.
3. Köhn R. Freiheit als Forderung und Ziel bäuerlichen Widerstandes (Mittel- und Westeuropa, 11–13. Jahrhundert) // Die abendländische Freiheit von 10. Zum 14 Jahrhundert, Sigmaringen, 1991. S. 325–387.
4. *Guillaume de Jumieges Gesta Normannorum Ducum* / ed. J. Marx. Paris : Rouen university, 1914.
5. Шатохина-Мордовинцева Г. А. История Нидерландов: учеб. пособие. М. : Дрофа, 2007.
6. Urban W. L. Dithmarschen. A medieval peasant republic. Lewiston : The Edwin Mellen Press, 1939.

БАЛКАНСКИЙ ФАКТОР ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ИТАЛИИ В 1912 – 1917 гг.

А. И. Косьянов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, hiperbarej@mail.ru*

В статье рассматриваются взаимоотношения России и Италии через призму международных отношений на Балканах в 1912 – 1917 гг. К началу XX века интересы России и Италии на Балканах имели давний и устоявшийся характер. Для России эти интересы, начиная с конца XVIII века оформились в так называемый «Восточный вопрос», выраженный в двух последовательно реализуемых направлениях – первое это ослабление Османской империи на Балканах за счёт поддержки национально-освободительной борьбы славянских народов, и в следствии этого взятие под контроль Черноморских проливов. Итальянский интерес к Балканам можно отсчитывать со времён Республики Святого Марка и её торговой деятельности в Адриатическом море, результатом которой стал контроль большей части побережья Далмации к середине XV века. После падения этой республики и потери балканских владений в ходе Наполеоновских войн, уже в эпоху Рисорджименто, находившаяся в процессе объединения Италия пыталась разыграть венецианскую карту, желая получить кроме самого города и его историческое наследие, но безуспешно. Соответственно, пересечение интересов двух стран на Балканах неизбежно становилось важным фактором внешней политики как России, так и Италии.

Ключевые слова: Россия; Италия; Балканы; международные отношения; Балканские войны; Первая Мировая война.

Несмотря на то, что для России и Италии Балканы представляли общий интерес, в целом взаимоотношения между странами, начиная с образования единого Итальянского королевства, носили весьма дружественный характер. Как отмечалось в дипломатической переписке «Россия рада тому, что в минувшие времена смогла оказать услугу Пьемонту и Савойской династии. В отношениях между двумя странами всегда существовали традиции дружбы, за исключением периода Крымской войны, которая стала, извините за выражение, своего рода «орфографической ошибкой» [7, с. 49].

На Балканском направлении сближающим обстоятельством стало совместное несогласие относительно распространения влияния Австрии на полуострове. И если Россия в отношении балканских славян предпринимала активные действия в поддержке их национально-освободительной борьбы, что в первую очередь выразилось в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг., то для Италии же главной целью была ликвидация угрозы Австрийской экспансии на Балканах [5, с. 177]. Свои

интересы она отстаивала не столь открыто, намереваясь сдерживать Австрию как своего союзника, вступив в Тройственный Союз в 1882 году. И даже такой дипломатический манёвр Италии не нарушил дружественных отношений с Россией. Догадываясь о таком союзе, Россию такое обстоятельство в целом не волновало, так как предполагалось, что он может быть лишь только оборонительным и в целом не наблюдалось выгод, которые может из союза Италия для себя вынести [7, с. 297].

Если во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Италия не предпринимала активных внешнеполитических действий, то уже к началу XX века она подключилась к другим великим державам континента в территориальной экспансии. Её интерес в первую очередь был направлен на находившуюся в кризисе Османскую империю, в частности на те её регионы, которые располагались на окраинах и не были в сфере влияния других крупных держав. И поскольку Далмация входила в состав Австро-Венгрии, сферой интересов на Балканах для Итальянского королевства стала Албания [1, с. 45]. Впрочем, и здесь Италия натолкнулась на австрийские интересы, в которых она была вынуждена её сдерживать. Из независимых балканских государств наиболее дружественным для итальянцев стала Черногория, так как супруга итальянского короля была отсюда родом. Угрозу в своём влиянии на Черногорию Италия, разумеется, кроме Австрии, видела в соседней Сербии – та желала добиться выхода к Адриатическому морю, в том числе и за счёт черногорских земель, путём объединения двух государств [1, с. 53].

Большую роль в поддержке амбиций Италии сыграла Россия – страны в 1909 году заключили договор в Раккониджи, в котором кроме всего прочего установили, что «Италия и Россия должны в первую очередь стремиться к сохранению *status quo* на Балканском полуострове» и разрешать кризисные моменты в регионе применяя принцип национальности и независимости балканских народов. [8, с. 211]. Стороны также договаривались не вести переговоров по Балканам без ведома друг друга с третьими государствами, что в первую очередь было направлено против австрийской экспансии [2, с. 261].

Таким образом, к 1912 году взаимоотношения России и Италии развивались гармонично и естественно – имелся общий противник в лице Австро-Венгрии (несмотря на союзнические обязательства Италии в рамках Тройственного союза), который делал интересы стран общими – недопущение австрийской экспансии на Балканах. К тому же, Османская империя, переставшая быть главной осью международных отношений на Балканах после русско-турецкой войны, виделась как удобная цель для усиления их влияния [3, с. 619].

Начавшаяся в октябре 1912 года Первая Балканская война породила ряд кризисных процессов на Балканах. В российско-итальянских отношениях наиболее важным из них стал вопрос о выходе Сербии к Адриатическому морю [6, с. 136]. Для самой Италии наличие у Сербии порта на Адриатике не являлось чем-либо критично значимым для своих интересов, но ввиду соглашения с Австро-Венгрией от 1900 года, Италия должна была поддержать свою союзницу, поскольку последняя была готова на решительные действия, включая военные. Такой расклад мог привести к большой европейской войне и затронуть итальянские интересы в Албании, отчего итальянское правительство обязано было придерживаться своих союзнических обязательств дабы удержать Австрию от возможной агрессии [8, с. 280].

Министр иностранных дел Италии А. Сан-Джулиано заявлял: «Наше соглашение с Австрией обязывает нас лишь поддержать австрийское требование о ненарушении территориального интегритета Албании, т. е. о недопущении суверенитета какой-либо державы на Адриатическом море. Далее этого мы не обязаны идти, и, может быть, возможно найти такую комбинацию, которая, давая Сербии доступ даже к Адриатическому морю, не нарушала бы в то же время этого суверенитета» [8, с. 282]. Отсюда российское руководство делало вывод о том, что Италия готово поддерживать сербские устремления в Адриатике, которые не вызовут сильного сопротивления Австрии.

Параллельно с этим 16 – 17 декабря 1912 года шла подготовка мирной конференции в Лондоне, которая должна была завершить Балканскую войну и закрыть вопрос о выходе сербов к Адриатике [2, с. 331]. В отношении России МИД Италии настаивал, «что во избежание ещё более серьезных осложнений абсолютно необходимо, чтобы решения Лондонской конференции послов по границам Албании были бы без промедления и без увиливаний с точностью выполнены как в отношении Сербии, так и в отношении Греции, не столько из любви к Албании, сколько из более серьезных соображений, в отношении которых интересы Италии и России полностью совпадают» [8, с. 290].

Сан-Джулиано делал акцент на том, что несмотря на некоторые разногласия, Россия и Италия на Балканах должны преследовать две главные цели – предотвратить большую войну между европейскими гигантами и сдерживать австрийские аппетиты в регионе [8, с. 290]. В целом схожие взгляды были и у российского МИДа, который «подчеркивал сердечный характер существующих отношений между странами» [8, с. 294]. Таким образом, вопрос о выходе Сербии к Адриатическому морю был разрешён не в её пользу, что можно характеризовать как дипломатическое поражение России. Однако притом министр иностранных дел

России С.Д. Сазонов отмечал, что в целом каких бы то интересов на Адриатическом побережье Россия не имела, и попытки проникать туда для неё были бы сопряжены с большими издержками. Тем более что «историческая миссия России – освобождение христианских народов Балканского полуострова из-под турецкого ига к началу XX века была настолько выполнена, что окончательное ее завершение могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов» [3, с. 619].

С началом Июльского кризиса 1914 г., вызванного Сараевским убийством, надобность в союзнических отношениях с Италией у России возросла для образования противовеса Австро-Венгрии на Балканах, о чём догадывалось и итальянское правительство. Точных формулировок в июле 1914 года ещё не было, но итальянский МИД уже предполагал возможные предложения со стороны России для склонения Италии на её сторону. В целом прогнозировалось что они будут сводиться к возрождению «духа Раккониджи» 1909 года для достижения «взаимной перестраховки» и «не прибегать к факультативным статьям в ущерб взаимным интересам». В отношении Балкан представлялось определение точек соприкосновения, выраженных в признании преимущественных интересов Италии в Адриатике, вместе с возможностью некоторых уступок для Сербии [8, с. 298].

С эскалацией июльского кризиса заинтересованность России в Италии, как союзника в регионе, росла. Сазонов замечал, что ныне наступило историческое время для величия Италии, и что более удобного случая для решения своих вопросов в Средиземном море больше не представится [8, с. 299]. Сама же Италия, как заявлял Сан-Джулиано, находилась на перепутье – либо до конца придерживаться заявленного нейтралитета, либо примкнуть к Антанте, ввиду вредящего интересам страны нахождения под тенью Австро-Венгрии [8, с. 304].

Тем не менее уже в начале осени, Италия, осознав свою значимость для Антанты, начинает вырабатывать примерные условия, которые легли бы в основу будущих переговоров со странами Антанты, в том числе и с Россией. Относительно Балкан Италия выделяла два основных момента: границы Италии в Истрии и Далмации и сохранение итальянских интересов в районе города Валона (Влёра) в Албании [8, с. 309].

В скором времени поступил ответ со стороны России, относительно тех положений, которые могут быть рассмотрены. Касаясь Балкан была сформулирована позиция о том, что больших претензий по присутствию Италии в Истрии и Далмации нет, однако необходимо учесть и интересы балканских государств, особенно Сербии и Черногории. В отношении Албании признавалось доминирующее положение Италии во внутренних

и внешних делах, с учётом территориальных интересов Черногории и Греции [8, с. 313].

К весне 1915 г. Россией были сформулированы более точные условия для Италии на Балканах: «признание за Италией права аннексировать ... Триест, Истрию и острова Кварнеро, а также Валону ...» Кроме того отдельно оговаривалось разграничение сфер влияния в Далмации между Сербией, Черногорией и Италией, для предотвращения возможного будущего конфликта из-за чрезмерного усиления здесь одной из сторон [8, 319]. На начавшихся переговорах в Лондоне итальянской стороной были сформулированы минимальные требования присоединения к Антанте. В целом эти требования во многом совпадали с теми, которые были обсуждены незадолго до этого с Россией. Добавились конкретные требования по Далмации, включавшие «область ... от Стариграда (старого города) до Неретвы, с полуостровом Саббиончелло и всеми северными и западными островами самой Далмации...». Италия также допускала раздел Албании между балканскими государствами «при условии сохранения маленького нейтрального автономного исламского государства» [8, с. 321].

По итогам обсуждений в Лондоне 26 апреля 1915 года было заключено соглашение между Россией, Францией, Великобританией и Италией об условиях вступления Италии в войну. В соглашении были обозначены итальянские интересы на Балканах: Италия получала всю Истрию до Кварнеро, включая острова, а также провинцию Далмацию в ее нынешних административных пределах. В Албании, «если её центральная часть сохранится для создания небольшого автономного нейтрального государства, Италия не будет противиться разделу северных и южных частей Албании между Черногорией, Сербией и Грецией, если таково желание Франции, Великобритании и России». Также Италии будет поручено представлять Албанское государство в его внешних сношениях [4, с. 219–221].

Таким образом, благодаря общим интересам России и Италии, в результате переговоров удалось склонить последнюю на свою сторону несмотря на её долгие союзнические обязательства перед государствами Тройственного союза. Красной линией через все переговоры шёл в том числе и вопрос балканских интересов Италии, который в совокупности с другими и толкнул Италию на участие в Первой Мировой войне.

Во время войны между Россией и Италией продолжалась активная дипломатическая деятельность. Были заключены договорённости о совместных боевых действиях на Балканах, которые в полной мере реализовать не удалось, ввиду того что Италия взяла курс на реализацию сугубо своих интересов в Адриатике в ущерб интересам стран Антанты и России [8, с. 325]. В пример можно привести то обстоятельство, что Италия

отказалась двигать свои войска к Салоникам, где осенью 1915 года был открыт новый перспективный для России фронт [8, с. 330].

Однако, чем дольше шла война, тем более осложнялась внутренняя обстановка в странах, в связи с чем внешнеполитические факторы отходили на второй план, особенно после революционных потрясений в России. Такое положение вещей было ёмко и весьма точно охарактеризовано итальянским парламентом – «Италия должна отказаться от Далмации тем более, что Россия отказалась от Константинополя» [8, с. 341].

Таким образом, балканский фактор во взаимоотношениях России и Италии в 1912–1917 гг. носил весьма значительный характер, который во многом скорректировал поведение Италии во время Первой Мировой войны. Италия, находясь в тени Австрийских интересов на Балканах, могла реализовывать свои интересы только в случае поддержки другой великой державы, которой ей в первую очередь виделась Россия. Россия же в свою очередь готова была жертвовать своими периферийными интересами в Адриатике для получения в первую очередь противовеса Австро-Венгрии. Общий соперник на Балканах синхронизировал интересы двух стран, что позволяло закрывать глаза на небольшие разногласия и проводить взаимовыгодную политику.

Библиографические ссылки

1. *Зонова Т. В.* История внешней политики Италии: учебник. М.: Международные отношения, 2016.
2. История внешней политики России: в 5 т. Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Академический проект; Парадигма, 2018.
3. *Клименко З. В.* «Албанская заря»: российское общество и албанский вопрос в начале XX века (по материалам некоторых «толстых» журналов) // Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достяна : Международная научная конференция X Никитинские чтения, Москва, 8–9 декабря 2020 г. М., 2021. С. 602–640.
4. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов. Тула: Аквариус, 2014.
5. *Мосолов А. Р.* Создание Тройственного союза // Молодой ученый. 2022. № 25 (420). С. 171–180.
6. *Плеханов А. Е.* Россия и Балканские войны: 1912–1913 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. 2. С. 135–139.
7. Россия – Италия. 1861–1917: Сборник документов. В 2-х кн. Кн. 1: 1861–1898. Новосибирск: ООО «Новосибирский издательский дом», 2024.
8. Россия – Италия. 1861–1917: Сборник документов. В 2-х кн. Кн. 2: 1898–1917. Новосибирск: ООО «Новосибирский издательский дом», 2024.

СЕМАНТЫКА ФОНАЎ У МІНІАЦЮРАХ БІБЛІ ФІЛІПА IV ПРЫГОЖАГА

В. І. Лясун

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, г. Мінск, Беларусь,
valentinleshij@gmail.com*

У артыкуле робіцца спроба вызначыць семантычную нагрузку фонаў у мініяцюрах каралеўскай Бібліі XIV ст.. Вызначаюцца крытэрыі адбору розных фонаў для семантычнага маркіравання мініячюр, якія суправаджаюць кнігі Новага Завета.

Ключавыя словы: фон; мініяцюра; Біблія; Філіп IV Прыгожы.

СЕМАНТИКА ФОНОВ В МИНИАТЮРАХ БИБЛИИ ФИЛИППА IV КРАСИВОГО

В. И. Лясун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, valentinleshij@gmail.com*

В статье предпринята попытка определить семантическую нагрузку фонов в миниатюрах королевской Библии XIV века. Определены критерии выбора различных фонов для семантической разметки миниатюр, сопровождающих книги Нового Завета.

Ключевые слова: фон; миниатюра; Библия; Филипп IV Красивый.

Уводзіны. Кніжная мініяцюра – важная і шматфункцыянальная частка сярэдневечнай кнігі. Змяшчаючы на старонках манускрыптаў выявы раслін, жывёл і шматлікія геаметрычныя фігуры, чалавек не толькі хацеў упрыгожыць тэкст, але і зрабіць яго больш зразумелым.

Пры стварэнні кнігі пад мініяцюры пакідалі спецыяльныя месцы. Кожная асобная мініяцюра прадумвалася загадзя, каб потым утварыць сістэму сувязей паміж выявамі і тэкстам [4, р. 10]. Пры гэтым, значнасць мела кожная дэталі: размяшчэнне, сюжэт, колер, геаметрыя і г. д. [5, р. 313]. Мініяцюрыст ствараў семантычную сістэму, якая не толькі ўпрыгожвала кнігу, але і павінна была дапамагчы засвоіць сэнс тэксту. Таму можна назіраць шчыльную сувязь паміж тэкстам і мініяцюрай [5, р. 317]. Акрамя гэтага, мініяцюры выконвалі і дыдактычную функцыю. Выявы маглі служыць сродкам акцэнтавання ўвагі чытача на важных, на думку стваральніка кнігі, фрагментах тэксту. Асабліва яскрава гэта мож-

на прасачыць на прыкладзе Бібліі, якая сама па сабе выконвае дыдактычную функцыю. З дапамогай вуснага і пісьмовага тлумачэння Бібліі, а таксама праз асабістае чытанне, чалавек Сярэднявечча фарміраваў свой светапогляд. Аднак, у выпадку самастойнага чытання існавала праблема правільнага і “якаснага” ўспрымання біблейскай думкі. Адсутнасць тлумачэння пакідала чытача сам-насам з суцэльным тэкстам, і магла прывесці да неразумення прачытанага або вольнай інтэрпрытацыі біблейскіх сюжэтаў. Сродкам нівіліравання “дрэнных наступстваў” асабістага чытання, апрача меркавання аўтарытэтаў, магла служыць мініяцюра, якая праз сімвалы даносіла асноўную думку тэкста, альбо ў ролі маркера растаўляла сэнсавыя акцэнт.

Пастаноўка праблемы і мэты даследвання. У рамках Бібліі сістэма мініячюр-тлумачальнікаў і мініячюр-маркераў магла працаваць незаўсёды. Мініячюрысты пры ілюмінаванні кніг Старога Запавета даволі разнастайна выкарыстоўвалі патэнцыял кніжнай мініячюры. З Новым Запаветам сітуацыя становілася больш складанай. Евангеллі давалі шмат сюжэтаў для мастака, але вычленіць сюжэты з апостальскіх пасланняў было цяжэй. Мініячюрысты знаходзілі рашэнне ў выяўленні саміх аўтараў-апосталаў. Больш таго, і самі Евангеллі вельмі часта суправаджаліся выявамі евангелістаў [3, р. 61]. У адной кнізе магло знаходзіцца некалькі мініячюр з аднолькавымі персанажамі, з аднолькавымі атрыбутамі для іх ідэнтыфікацыі. У такім выпадку, якім чынам можна было адрозніць семантычную нагрузку мініячюр розных пасланняў, дзе маляваліся аднолькавыя постаці апосталаў?

Можна было маляваць дадатковыя элементы да выявы. Напрыклад, меч, кнігу, світак, ключы і г. д. Але гэтыя рэчы былі атрыбутамі апосталаў і дапамагалі ідэнтыфікаваць біблейскага персанажа. На нашу думку, фон мог іграць ролю дадатковага тлумачэння семантычнай нагрузкі мініячюры. Адныя і тыя ж постаці маляваліся з аднолькавымі атрыбутамі, але былі памешчаны на розныя фоны. Прыкладам могуць з’яўляцца мініячюры з Новага Запавета Бібліі Філіпа IV Прыгожага [1], якія будуць разглядацца ў артыкуле.

Такім чынам, у рамках артыкула робіцца спроба вызначыць семантычную ролю фона мініячюры ў адносінах да тэкста.

На семантыку фона будзе уплываць шмат складнікаў. Па-першае, гэта тэкст, да якога адносіцца мініяцюра і які яна ілюструе. Ён першасны і задае асноўную сэнсавую нагрузку мініячюры. Па-другое, гэта сама выява біблейскага сюжэта, персанажа і г. д. Па-трэцяе, гэта складнікі фона: колер і фігуры. Як паасобку, так і разам яны нясуць пэўны сімвалізм, які фарміраваўся напярэцягу доўгага часу. Складнікі павінны заўсёды разгля-

дацца разам, бо толькі так утвараюць цэльную сістэму семантычных сувязей [11, с. 20].

Акрамя гэтага, каб зразумець, чаму абіраўся той ці іншы фон, трэба звяртацца і да мініяцюр у частцы Старога Запавета [2]. Яго сюжэты больш разнастайныя і дазваляюць дакладней зразумець крытэрыі адбору фонаў.

Асноўная частка. Філіп IV Прыгожы (1268–1314) – адзін з самых вядомых французскіх каралёў дынастыі Капетынгаў. Будучы вельмі рэлігійным каралём і маючы статус “найхрысціяннейшага”, Філіп Прыгожы не аднаразова быў у канфлікце са Святым Прастолам. Самымі яскравымі прыкладамі з’яўляюцца: канфлікт з Баніфацыем VIII (1296–1303), пачатак Авіньёнскага перыяда ў гісторыі папства (1309) і судовы працэс над Ордэнам Тампліераў (1314). Французскі кароль заўсёды спрабаваў адстаяць свой суверэнітэт і паказаць, наколькі значным бывае «*potestas*» караля. Аднак, нягледзячы на супярэчнасці з Рымам, Філіп Прыгожы заставаўся добрым хрысціянінам. Па замове Філіпа каля 1310 г. была выканана Біблія для асабістага карыстання караля або для падарунка аднаму з каралеўскіх сыноў. Біблія была зроблена манахамі абатства Сен-Дэні, і сёння захоўваецца ў Нацыянальнай бібліятэцы Францыі. Рукапіс багата ілюмінаваны ініцыяламі і мініяцюрамі. Новы Запавет суправаджаецца 25 мініяцюрамі, большасць з якіх складаюць выявы евангелістаў і апосталаў [1].

Каралеўскія ліліі. У рамках мініяцюр з Новага Запавета можна вылучыць 3 галоўныя варыяцыі фонаў. Найбольш часта сустракаецца карычнева-залатое поле, падзеленае на ромбы, у якіх праз радок размешчаны сінія геральдычныя ліліі. Фон сустракаецца ў 8 мініяцюрах, якія суправаджаюць, у асноўным, пасланні апостала Паўла: Пасланне да Рымлян [1, р. 650], Пасланне да Галатаў [1, р. 703], Пасланне да Філіпійцаў [1, р. 716], Пасланне да Фесаланікійцаў [1, р. 726], 2-е Пасланне да Цімафея [1, р. 738], Пасланне да Філімона [1, р. 745]. Акрамя гэтага, адна мініяцюра – 2-е Пасланне Пятра [1, р. 821], і адна мініяцюра – 2-е Пасланне святога Іаана [1, р. 830].

Пасланні маюць шэраг агульных тэм. Так, ва ўсіх тэкстах ёсць узор добрага хрысціяніна і апісанне, што трэба рабіць, каб быць такім. У пасланні да Філіпійцаў Павел ніводнага разу не абвінаваціў жыхароў Філіпы ў нейкіх грахах. Для яго яны аплот хрысціянства, і ён “*ў кожнай малітве маёй за ўсіх вас з радасцю молячыся, за ваш удзел у з’веставанні з першага дня аж да сёння, упэўнены, што той, хто пачаў у вас добрую дзею, будзе завяршаць яе да дня Ісуса Хрыста (Філ. 1:4-6)*”. У першым пасланні да Фесаланікійцаў Павел піша, што яны “*зрабіліся ўзорам усім веруючым у Македоніі і Ахаі (1Фес. 1:7)*”. Другое пасланне да Цімафея Па-

вел адрасаваў свайму вучню, якога хваліць і толькі настаўляе, як далей захоўваць чысціню веры і быць “*добрым воінам Ісуса Хрыста (2 Цім.2:3)*”. У пасланнях іншых апосталаў можна ўбачыць падобную тэматыку. Другое пасланне Пятра не мае пэўнага адрэсата, але яно таксама апавядае пра хрысціян, якім трэба толькі даць далейшыя інструкцыі: “*я ніколі не перастану нагадваць вам пра гэта, хоць вы тое і ведаеце і ўмацаваныя ў існай праўдзе (2 Пятра.1:12)*”. Такім чынам, пасланні фарміруюць вобраз правільнага хрысціяніна.

Сам фон вельмі падобны на герб Капетынгаў: “лазурнае поле, усеянае залатымі ліліямі” [11, с. 232]. Розніца заключаецца ў інверсіі колераў і адсутнасці шахматнасці лілій. Інверсія і супярэчнасці – гэта распаўсюджаныя спосабы акцэнтавання ўвагі праз парушэнне сімвалічнай сістэмы, якая фарміравалася дзесяцігоддзямі [11, с. 17–18]. Так і карычнева-залаты фон з сінімі ліліямі прыцягвае ўвагу, намякаючы на сувязь мініяцюры з постацю караля. Паасобку кожны колер і фігура таксама будучы адсылаць нас да караля. Пры гэтым, залаты колер, які выступае ў якасці асновы фона, як колер Царквы будзе дадаваць больш рэлігійнага сімвалізму выяве [7, р.128].

Акрамя гэтага, ілюмінаваныя фонам з ліліямі пасланні падыходзяць пытанні, якія датычацца караля, а менавіта: суд, следаванне закону. Больш таго, пасланне Паўла да Рымлян вельмі часта выкарыстоўваюць для абгрунтавання святасці ўлады: “*Кожная душа няхай скараецца вышэйшым уладам; бо няма ўлады не ад Бога; а ўлады, якія існуюць, ад Бога ўстаноўлены (Рым. 13:1)*.”

Акцэнт на гэтыя пасланні з дапамогай інверсіраванага герба Капетынгаў быў абумоўлены і гістарычным кантэкстам адносін Філіпа Прыгожага і папства. Як ужо адзначалася, французскі кароль шмат часу канфліктаваў з Рымам, і сутнасць супярэчнасцяў заключалася ў пытанні суадносін паміж свецкай і духоўнай уладамі. Паказаць, што кароль – гэта яскравы прыклад сапраўднага хрысціяніна, і яго ўлада ідзе ад Бога, было проста неабходна. На Генеральных штатах (1302–1303) саветнікі караля неаднаразова ўказвалі на хрысціянскія якасці караля і вылучалі яго нават на ролю суддзі для Папы Рымскага [9, с. 214].

Падобны фон выкарыстоўваецца таксама ў мініяцюрах да Евангелля ад Лукі [1, р. 556] і да Паслання Святога Іуды [1, р. 836]. Аднак, ён цалкам капіруе герб французскіх каралёў. Калі мініяцюра да паслання даволі тыповая для Бібліі Філіпа Прыгожага (яна змяшчае выяву аўтара), то ў якасці ілюстрацыі Евангелля ад Лукі быў абраны эпізод з абвяшчэннем да Захарыі. З аднаго боку, гэты сюжэт – пачатак і асаблівасць Евангелля ад Лукі. Магчыма, падобнай акалічнасцю і быў абумоўлены выбар мініяцюры, аднак, у сукупнасці з Пасланнем Іуды вылучаецца пэўная

сістэма. Так, асноўная тэма Паслання – барацьба з ілжэнастаўнікамі і захаванне чысціні веры. Акрамя гэтага, узгадваецца Другое Прышэсце і суд над грэшнікамі. У сваю чаргу, абвяшчэнне да Захарыі з’яўляецца падобным сюжэтам: Захарыя не паверыў арханёлу, за што быў пакараны.

Фон з ліліямі звязывае сюжэты з каралеўскімі атрыбутамі, што можна трактаваць як павучальны прыклад для караля. Калі паглядзець на мініяцюры Ветхага Запавета, то падобны фон сустракаецца яшчэ адзін раз і суправаджае першы псалом [2, р. 856]. На мініяцюры можна ўбачыць Давіда з каронай і музыкальным інструментам. Псалом мае падобны да ўсяго вышэй апісанага сэнс: *“Шчаслівы муж, што не ішоў за радай нязбожных, і на шляху грэшнікаў не стаяў, і ў таварыстве распусьнікаў не сядзеў... Бо Госпад ведае шлях праведных, а шлях нязбожных згіне (Пс. 1:1,6)”*. Псалом пацверджвае дыдактычны сэнс фона. Цікава, што аўтар мініяцюры размяжоўвае тое, што тычыцца караля (вылучае з дапамогай інверсіраванага герба), і тое, што намалёвана для караля (вылучае проста гербам). Аўтар як бы дае каралю зразумець, што будзе, калі ён не здолее захаваць усе тыя цноты, што ў яго ёсць.

Ружова-чырвоныя супярэчнасці. Наступны па колькасці выкарыстання фон – ружовае поле з чырвонымі квадратамі, размешчанымі ў шахматным парадку. Такі фон з’яўляецца асновай для 6 мініячюр, якія суправаджаюць 4 тэкста апостала Паўла: 2-е Пасланне да Карынфян [1, р. 690], 1-е Пасланне да Цімафея [1, р. 733], Пасланне да Ціта [1, р. 742], Пасланне да Каласян [1, р. 721]; і 2 тэкста апостала Іаана: Евангелле [1, р. 609] і 3-е Пасланне [1, р. 835].

Усе кнігі аб’ядноўвае дзве тэмы. Па-першае, кожная кніга мае дачыненне да Царквы як арганізацыі і да пашырэння гэтай арганізацыі. Напрыклад, у Пасланні да Цімафея Павел апісвае, хто можа стаць дыяканам і біскупам, а таксама вылучае правілы паводзін *“ў доме Божым, які ёсць Царква (1 Цім. 3:15)”*. У пасланні да Ціта Павел апісвае патрабаванні да якасцяў прысвятараў. У Пасланні да Карынфянаў апісвае якасці прапаведнікаў. У Пасланні да Каласян Павел кажа аб містычным целе Царквы і аб прыналежнасці усіх да гэтага цела: *“дзе няма ні Эліна, ні Іудзея, ні абрэзання, ні неабрэзання, ні вярвара, ні Скіфа, ні раба, ні свабоднага, а ўсё і ва ўсім — Хрыстос (Калас. 3:11)”*. Акцэнт на пашырэнні веры з’яўляецца асаблівасцю Евангелля ад Іаана. Сам Іаан аб гэтым піша: *“а гэта напісана, каб вы ўвёравалі, што Ісус ёсць Хрыстос, Сын Божы, і каб, веруючы, жыццё мелі ў імя Яго (Ін. 20:31)”* і даследчыкі звяртаюць увагу на месіянскую накіраванасць кнігі [8].

Другая тэма – ілжэнастаўнікі. Яна таксама сустракаецца ва ўсіх адзначаных кнігах, і, у адрозненні ад папярэдніх, змяшчае больш значную крытыку ілжэнастаўнікаў. Так, напрацягу ўсяго Паслання да Цімафея

Павел альбо хваліць свайго вучня, альбо перасцерагае Цімафея на конт хуткага прыхода ілжэнастаўнікаў. Падобны кантраст можна заўважыць і ў Пасланні да Ціта. Тэма ілжэнастаўнікаў і тэма пашырэння Царквы адначасова і цесна звязаныя, і выступаюць у якасці двух кантрастаў. Царква вымушана супрацьстаяць усім людзям, якія некарэктна распаўсюджваюць веру, і ў пасланнях гэта выразна бачна. Акрамя гэтага, барацьба з ілжэнастаўнікамі сканчаецца гневам і судом Бога. Тады атрымліваецца, што, з аднаго боку, Царква пашыраецца і нясе добрую вестку, а з іншага боку, ёсць ілжэнастаўнікі, якія могуць прывесці да пагібелі.

Такая ж складаная сітуацыя ўзнікае вакол сімвалічнасці складнікаў фона. У аснову мініяцюрыст паклаў чырвоны і ружовы колеры, якія маюць даволі супярэчлівае сімвалічнае значэнне. Сам чырвоны колер мог выкарыстоўвацца як сімвал крыві і азначаць ахвяру Хрыста, маючы, у такім выпадку, пазітыўную канатацыю [10, с. 31]. Але чырвоны мог асацыявацца з Пеклам, і несці ўжо д'ябальскую сімволіку [10, с. 30]. Больш таго, ружовы колер, з'яўляючыся сумессю колераў, павялічвае неадназначнасць сімволікі. У сваю чаргу, квадрат, як сімвал часта выступае ў ролі адной з самых універсальных фігур, і можа атаясамлівацца з нейкай прасторай з дакладна вызначанымі межамі.

Калі звярнуцца да мініячюр са Старога Запавета, то аўтар і там падкрэслівае гэтыя ідэі. Напрыклад, чырвона-ружовым фонам маркіруецца прароцтва Іезікія аб тэтраморфы, які асацыюецца з Добрай Весткай [2, р. 190]; таксама такі ж фон можна заўважыць і ў мініячюры аб прароцтвы Аўдзія (пакаранне людзям ад Госпада) [2, р. 334]; у псалме № 97 [2, р. 916], аб магутнасці Бога і праведным судзе і г. д. Такім чынам, супярэчнасці толькі ўзмацняюцца, і могуць выступаць у ролі семантычнай нагрузкі фона. Трэба таксама ўгадаць, што ў перыяд XII–XIII стст. заўважным становіцца супрацьстаянне паміж сінім і чырвоным колерамі [10, с. 44]. Гэты канфлікт пераходзіць у прастору ўзаемадзеяння фонаў. Царква, як арганізацыя, са сваімі служкамі супрацьпастаўляецца каралю. Вельмі важна заўважыць, што тэма Царквы ідзе побач з тэмай ілжэнастаўнікаў. Пры гэтым, сама Царква не робіцца дрэнай, проста яна нясе не толькі Добрую Вестку, але і часта сустракаецца з праблемамі няправільнай інтэрпрытацыі веры. Гэта супрацьстаянне можа звярнуць да канфлікта Філіпа IV Прыгожага з папствам і абвінавачанняў Баніфацыя VIII у захопе Царквы.

Гістарычнае золата. Апошні фон у мініячюрах Новага Запавету – карычнева-залатое поле з залатымі кветкамі. Пры параўнанні мініячюры з Дзеяў Апосталаў і, напрыклад, з Евангелля ад Марка, можна заўважыць, што спачатку фон быў залатым, аднак час не пашкадаваў фарбы – і золата месцамі стала карычневым. На гэтым фоне размешчаны

выявы да Евангеляў ад Марка [1, р. 524] і ад Матфея [1, р. 474], да Паслання да Габрэяў [1, р. 746], да Дзеяў Апосталаў [1, р. 761], да Паслання Іакава [1, р. 815] і да Апакаліпсіса [1, р. 840].

Усе гэтыя кнігі аб'ядноўвае тэма гісторыі хрысціянства і сувязь са Старым Запаветам. У пасланні да Габрэяў Павел апісвае асноўныя моманты з жыцця Ісуса Хрыста, звязвае і параўноўвае Хрыста з рознымі персанажамі Старога Запавета: напрыклад, з Маісеем, Авраамам, Левіям і г. д. У пасланні Іакава таксама можна заўважыць шмат спасылак на Стары Запавет. Дзеі Апосталаў і Евангеллі самі па сабе з'яўляюцца гістарычнымі кнігамі, якія апісваюць жыццё Хрыста і дзейнасць апосталаў. У мініяцюры да Евангелія ад Матфея змешчана выява дрэва Іесея, якая паказвае гістарычнасць Ісуса Хрыста праз пералік яго продкаў. Апакаліпсіс таксама падыходзіць пад гэтыя крытэрыі. Нягледзячы на тое, што гэта кніга змешчвае прароцтва наконт Другога Прышэсця, яна, па-першае, цесна звязана са Старым Запаветам і яго прароцтвамі, а па-другое з'яўляецца часткай гістарычнага мыслення сярэднявечнага чалавека. Для яго гісторыя – гэта адрэзак ад Стварэння Свету да Другога Прышэсця.

Наконт залатога фона да сённяшняга моманту не існуе пэўных даследванняў. Можна толькі сказаць, што залаты колер з'яўляецца адным з сімвалаў самаго хрысціянства [7, с. 128]. Хутчэй за ўсё, такі сімвалізм і стаў падставай для выбара залатога фона.

Заклучэнне. Такім чынам, фоны ў мініяцюрах да Новага Запавета Бібліі Філіпа IV Прыгожага маюць пэўную семантычную нагрузку. Гэта семантычная нагрузка складаецца з сімвалізма частак фона: колера і фігур; з сэнсавага значэння кніг, якія суправаджаюцца мініяцюрамі; і семантыкай саміх выяў на мініяцюрах.

У разгледжаных мініяцюрах можна вылучыць тры варыяцый фонаў. Сінія ліліі на карычнева-залатым фоне маюць прамое дачыненне да постаці караля. З дапамогай інверсіі колераў герба Капетынгаў, фон прыцягвае да сябе ўвагу. З пункту гледжання семантычнай нагрузкі, фон з ліліямі падкрэслівае кнігі, звязаныя з апісаннем эталоннага хрысціяніна. Акрамя гэтага, фон вылучае кнігі з апісаннем боскай улады караля.

Чырвона-ружовы фон супрацьпастаўляецца фону з ліліямі. Ён вылучае кнігі, якія падыходзяць тэмы ўладкавання Царквы і яе пашырэння. Аднак, больш увагі надае тэме існавання ілжэнастаўнікаў і боскага суда над імі. Сам фон і яго супрацьпастаўленне фону з ліліямі мае прамое дачыненне да канфікта Філіпа IV Прыгожага з папствам. Баніфацыя VIII французскі кароль абвінаваціў як ілжэнастаўніка і патрабаваў суда над Папам Рымскім.

Карычнева-залаты фон выкарыстоўваецца як маркер для “гістарычных” кніг Новага Запавета, альбо да тых кніг, якія маюць цесныя сувязі з сюжэтамі і персанажамі Старога Запавета.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Biblia Philippi Pulchri, regis Francorum, vol. II // BnF. Archives et manuscrits. URL: <https://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc90778n/ca59930870072479>. (date of access: 08.11.2025).
2. Biblia Philippi Pulchri, regis Francorum, vol. I // BnF. Archives et manuscrits. URL: <https://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc90778n/ca59930870962791>. (date of access: 10.11.2025).
3. Kauffmann M. Decoration and Illustration //The European Book in the Twelfth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 43–67.
4. Romanescu L. Illuminated pages. A middle ages trip in the field of color //Revista Română de Studii Eurasiaticean. 2020. Vol. 16. P. 7–18.
5. Stones A. Why Images? A Note on Some Explanations in French Manuscripts c. 1300 // Quand la peinture était dans les livres. Mélanges en l'honneur de François Avril/ ed. Mara Hofmann et Caroline Zoehl. Brepols Publishers/Bibliothèque nationale de France, 2007. P. 313–329.
6. Библия Онлайн. Синодальный перевод URL: <https://bible.by/>. (дата обращения: 08.11.2025).
7. Воскобойников О. С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
8. Гатри Д. Введение в Новый Завет. URL: <https://www.reformed.org.ua/2/183/1/Guthrie>. (дата обращения: 08.11.2025).
9. Лясун В. И. Обвинительные речи Гильёма де Ногаре и Гильёма де Плезиана против Бонифация VIII // Пичетовские чтения – 2024. История: наука, образование, память : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию ист. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2024 г. Минск : БГУ, 2024. С. 210–216.
10. Пастуро М. Красный. История цвета. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.
11. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: «Александрия», 2012.

ПУТЬ ЯДВИГИ АНЖУЙСКОЙ К ПОЛЬСКОЙ КОРОНЕ

Г. А. Меггель

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, his.megiel@bsu.by*

В статье рассматривается феномен коронации польского «короля», католической святой – Ядвиги Анжуйской. Проводится краткая характеристика социально-экономических и внутреннеполитических условий Польского королевства в 1370 – 1384 гг., пути к короне Ядвиги Анжуйской. В работе оценивается значение фактора коронации на политическую борьбу, международное положение и этноконфессиональные отношения в Польском королевстве в 1380–1400 гг.

Ключевые слова: Ядвига Анжуйская; Гжималиты и Налэнчи; Елизавета Боснийская; Земовит Мазовецкий.

Исходя из общей совокупности источников польского и венгерского происхождения, а также летописных преданий, принято считать, что Ядвига являлась третьей и последней дочерью Людовика Анжуйского (от второго брака) и Елизаветы Боснийской [9, с. 80]. Достоверная дата рождения польско-венгерской святой не была выявлена в источниках, а потому может быть установлена только на анализе уже существующих данных, к которым традиционно принято относить летописи Яна Длугоша, отдельные упоминания в письмах и иного рода документах. Ряд исследователей считает дату рождения 1371 года ошибкой Яна Длугоша, опираясь на данные о том, что сестра Ядвиги, будущая королева Венгрии Мария Анжуйская, была рождена в том же году и, по совместительству являлась старшей. На основе одного из документов Людовика Анжуйского, датирующихся 3 октября 1373 года о рождении будущего наследника и инструкции посла 17 апреля 1374 года, в котором упоминаются все три дочери Людовика, польские исследователи считают более правдоподобной датой рождения период с конца 1373 и первые недели начала 1374 года, предположительно февраля месяца. Дополнительным источником является и сведения о том, что к 1383 году Ядвига была *in annis maturitatis*, т. е. к данному периоду времени ее возраст варьировался как 12-летний. Существует и предположение о разочаровании Людовиком факта отсутствия мужского потомка, что могло являться косвенной причиной отсутствия точных записей. Возможным местом рождения именуется замок в Буде или Вышеградский замок на территории Венгерского королевства [4]. Существуют сведения, по которым имя Ядвига получила в честь своей прабабки, святой Ядвиги Калишки, матери Елизаветы Локоток. В документах ее имя записывалось так же, как Adviga, Hedviga

(Heduiga), Hedvigis (Hedwigis, Heduigis), Hedwig [6, с. 12]. Некоторые источники предполагают наличие второго имени от матери – Драга, о чем свидетельствует хроника Павла Павловиция. С ранних лет будущая королева питала страсть к обучению. Находясь в культурном окружении и благоприятных обстоятельствах, Ядвига разговаривала на многих языках. Она была религиозна и умна, любила искусство и литературу [4, с. 326].

Изначально Ядвига не рассматривалась как возможная преемница какого-либо престола. Ситуация изменилась после смерти ее старшей сестры Катерины в младенчестве, это обстоятельство изменило планы. Венгерский король Людовик усматривал будущее Венгрии в союзе с европейским родом Габсбургов, поскольку и сам являлся потомком Анжу-Сицилийского дома Капетингов. Для достижения такого союза Людовик предполагал заключение брачного союза своей дочери Ядвиги с представителем дома Габсбургов Вильгельмом. Уже 15 июня 1378 года Ядвига была повенчана. В том же году имело место такое явление как «*sponsalia de futuro*» – формальный брак. Детей символически уложили в одну постель и объявили союз перед Богом. Тем не менее, такого рода союз не являлся вечным, и при определенных условиях мог быть расторгнут. При разрыве такого договора, виновная сторона должна была бы выплатить 200 000 золотых флоренов пострадавшей стороне [1, с. 110].

Необходимо отметить образованность и эрудированность малолетней Ядвиги, ее послушание и непоколебимую веру. Она вполне могла бы являться идеалом средневековой невесты своей эпохи, но кроме сердечной жертвы ей был характерен и иной сценарий: сценарий – талантливого дипломата и правителя, полноценного монарха и святого покровителя своего народа. Именно эти черты ее личности будут формироваться в тех исторических условиях, с которыми ей вскоре придется столкнуться. Однако прежде, чем переходить к описанию процесса коронации польской королевы, необходимо выделить некоторого рода предпосылки, что имели немаловажное влияние на сам акт и политические обстоятельства в целом. Как известно, малопольские паны выражали свое негодование по поводу возможного регентства Сигизмунда Люксембургского, будущего мужа Марии Анжуйской. Это привело к формальному разрыву персональной унии с Венгрией. Так, теперь Ядвиге предстояло стать правителем Польского Королевства [8, с. 142]. На съезде польского рыцарства в Радомско 25 ноября 1382 было принято решение выбрать одну из дочерей умершего короля Людовика королем Польши. Постановление завещало необходимость проживания в Польском королевстве одной из дочерей и присягу верности: «*Ściśle dochować hołdu wierności złożonego córkom nieboszczyka króla, byleby którakolwiek z nich razem ze swoim*

małżonkiem – oboje koronowani na króla i królową Polski – w Polsce przemieszczali stale» [7, s. 7].

В ответе на данную грамоту венгерская вдова прислала на датированный 26 февраля 1383 года съезд в Серадзе (Sieradzu) торжественное свидетельство об обещании отправки младшей дочери Ядвиги с целью содействия акту коронации [1, с. 106]. Тем не менее, ряд немаловажных обстоятельств замедлял возможность приезда Ядвиги в Польшу. Среди них не только непрекращающийся конфликт Гжималитов и Налэнчей, но и мазовецкие претензии к польскому трону. Еще после смерти польского короля Казимира Великого в стране объявились три основных лагеря, выражающих свои взгляды на будущего избранника трона – среди них: сторонники рода Анжу, земляне и, наконец, появившиеся позднее мазовецкие сторонники князя Пяста Земовита IV, поддерживаемые родом Налэнчей [1, с. 112]. Одну из первых попыток реализации своих смелых планов «партия» мазоветов проявила на съезде в Серадзе 28 мая 1383 года. Там, один из выделяющихся сторонников Земовита, архиепископ гнезненский Бодзанта, предложил кандидатуру мазовецкого князя на короля. Предложение это нашло отклик среди шляхты, однако и тот был вскоре унят Яном из Тенчына (Tęczyń), который посоветовал не делать поспешных выводов и дожидаться приезда Ядвиги в Польшу. Нежелание малополян кандидатуры Пяста связывалось с фактом страха усиления роли великополян при возможном правлении Земовита. Иным аргументом против была зарождающаяся идея заключения унии с Великим Княжеством Литовским [2, с. 234]. Отсутствие формального позволения и поддержки со стороны шляхты малополян не отбили желание Земовита, который решил действовать силой. С благословением и поддержкой архиепископа Бодзанты мазовецкий князь планировал похитить и женить на себе малолетнюю Ядвигу, несмотря на наличие у последней предполагаемого жениха из рода Габсбургов Вильгельма. Столь отчаянный шаг помог бы ему приобрести корону Польского королевства, а также привел бы к примирению легитимистов, стоящих на страже прав анжуйской династии с одной стороны, и сторонников мазовецкого князя с другой. Уже в сентябре Земовит IV встретился с краковским каштеляном Добеславом из Курозвенк (Kurozwęk) с целью обсуждения вопроса женитьбы с Ядвигой. Подобного рода предложению было отказано, что только усилило внутренний конфликт в лице борьбы Гжималитов и Налэнчий [1, 114]. Земовита это не остановило, и он предпринял попытку похищения. При помощи шествия архиепископа Бодзанты у Вавеля, Земовит планировал похитить юную Ядвигу, однако плану этому не суждено было сбыться. Малопольские паны быстро раскрыли замыслы мазовецкого князя, и не

впустили процессию архиепископа в Краков, а также предупредили Елизавету Боснийскую об этом инциденте [3, с. 345].

Несмотря на неудачу своих амбициозных планов, Земовит по-прежнему пользовался популярностью среди большей части шляхтичей. После сожжения собственности своих оппонентов в Ксёнжу (Książu) мазовецкий князь вновь прибыл в Серадз, где часть панов окликала его королем. Вместо попытки коронации, князь предпочел вновь действовать силой. Хаотически проведенная кампания и неудачная осада Калиша вскоре заставила часть его сторонников перейти на сторону Ядвиги. Это заставило мазовецкого князя подписать перемирие 29 сентября 1383 года. Обстоятельством подобного характера воспользовались малополяне, которые собрали в Польше венгерские силы под предводительством Сигизмунда Люксембургского, заставив Земовита отказаться от своих претензий на польский трон. Отступил от Земовита в пользу Ядвиги и архиепископ Бодзанта, обеспокоенный тем, что вследствие последних действий были опустошены его владения, причем сторонниками как Гжималитов, так и Налэнчей. Союз с малопольскими панами принес ему земли в Жнине (Żnin). Дополнительно Елизавета подала жалобу на Земовита папе римскому Урбану VI, а также заключила союз с братом мазовецкого князя Янушем [3, с. 343].

Несмотря на фактическую победу над противником в лице Земовита, Елизавета Боснийская не выслала Ядвигу в Польшу, вместо этого отправилась с дочерьми в Далмацию. По этой причине к ней отослали посольство Сендзивоя из Шубина (Szubina) и Яська из Тарнова (Tarnowa) от лица малополян. Королева приказала заключить их в темницу. Там, насильственным путем пыталась заставить Яська из Тарнова отдать Краков Сигизмунду Люксембургскому, тогда тот стал бы губернатором. Нарушив постановления съезда, Елизавета выслала Сигизмунда Люксембургского в Польшу в роли губернатора. Хотя он и не был впущен на территорию Польского королевства собранными в Сонче (Sączu) малополянами, в результате переговоров пообещал освободить пленников из Задара и привести Ядвигу в Польшу к 8 мая 1384 года. Этого не произошло, и шляхта пригрозила очередным съездом в Серадзе 22 сентября 1384 года с целью выбора нового короля [2, с. 235]. Продолжалась внутренняя анархия на территориях Великой Польши, что приводило к многочисленным насильственным актам, грабежам и рейдам [2, с. 236].

13 октября 1384 года, в возрасте не целых 10 лет [5, с. 268], Ядвига наконец прибыла из Венгрии в Польшу, поселившись в Кракове, в замке Вавель.

Ядвига воспринималась Божьим предзнаменованием для неокрепшего и страдающего от нехватки правителя государства. С собой

Ядвига принесла на Вавель особенную помощь: *krucyfiks* (черный крест, именуемый также крестом Ядвиги). Принято считать, что крест был ее духовной помощью и радостью на протяжении всей ее жизни [4, с. 156].

Сразу после приезда начались приготовления к коронации. 13 октября, Ядвига представила с разрешения матери (*de consensu matris sue*), венгерской королевы Елизаветы Боснийской документ, закрепленный ее печатью. Как было упомянуто ранее, архиепископ гнезненский Бодзанта в июне 1383 г. был осужден вследствие жалобы королевы-вдовы в вопросе мазовецкого князя Земовита IV. По желанию королевы-боснячки, в Кракове Бодзанта принял присягу очищения кардиналу Дмитрию, архиепископу остригомскому и Сигизмунду Люксембургскому, при свидетельстве нескольких польских представителей, а затем Ядвига удостоверила данный факт вышеуказанным документом. Безусловно, для Ядвиги Анжуйской и Елизаветы Боснийской предельно важным был вопрос разрешения проблемы дела архиепископа, что тот мог провести акт коронации после того, как будут сняты все обвинения [1, с. 113].

16 октября того же года Ядвига была коронована на короля Польского королевства (*in regem Polonie*) архиепископом Бодзантой. Любопытен факт того, почему титуловали Ядвигу именно королем, а не королевой. Связано данное обстоятельство было с царствующими тогда обычаями, по которым управлять государством мог только король (*rex*), но нигде не было сказано, что король обязан быть мужчиной, что и послужило причиной коронации Ядвиги именно на «короля» [7, с. 6]. Учитывая малолетний возраст юной правительницы, в Кракове правлением державой занимались малопольские паны, поддерживающие контакт с ее матерью, Елизаветой Боснийской, однако регент отсутствовал.

Ядвига, казалось, оставляла впечатление весьма серьезной и справедливой правительницы, что заставляло окружение ее уважать до той степени, чтобы та не нуждалась в регенте. Тем не менее, более правдоподобным представляется тезис желания малопольских панов укрепить свое положение при малолетнем правителе, ведь то открывало бы замечательного рода возможности. Известно, что при относительно самостоятельном правлении Ядвиги титуловала себя в документах и постановлениях как «*Heduigis Dei gracia regina Polonie ac terrarum Cracouie, Sandomerie etc. domina / Heduigis Dei gratia Regina Polonie nec non terrarum Cracovie, Sandomirie / Hedvigis Dei gracia regina Polonie*» [7, с. 1].

Любопытен третий вариант титулатуры, проявляющийся как «*Heduigis Dei gracia Regina Polonie, necnon terrarum Cracouie, Sandomirie, Syradie, Lancicie, Cuyauie Pomeranieque domina et heres*» [7, с. 3]. Как заметно, в титуле присутствует женская форма «*regina Poloniae*», вместо «*rex Poloniae*», хоть Ядвига и короновалась именно на «короля» (*in*

regem). На основе титулования можно сделать вывод об продолжении ею традиции Казимира Великого в упоминании и перечислении земель королевства [7, с. 2]. Тем не менее, не упоминаются земли Червоной Руси, что может свидетельствовать об отсутствии предъявления прав на эти владения в первые месяцы правления королевы, хоть и та и поддерживала пястовские претензии на Поморье, о чем свидетельствует та же немаловажная титулатура.

Тем самым, на основе приведенных фактов можно сделать вывод о крайне нелегких обстоятельствах коронации. В стране сохранялась трудная внутреннеполитическая ситуация, и, если бы не противодействие малопольских феодалов, королем вполне мог бы стать мазовецкий князь Земовит IV, что основательно изменило бы ход истории. Становление политической личности польской королевы только начиналось. Интерес вызывают политические интриги и роль династических союзов того времени, что могли предопределить судьбу тех или иных исторических лиц, а также роль сохранившихся документов и титулования.

Библиографические ссылки

1. *Грабенский В.* История польского народа. Изд. 2. Минск: Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2014
2. История Польши: в 3 т. М.: АН СССР, 1954. Т. 1.
3. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1991.
4. *Bérczi Sz.* Magyarország szent királylányok emlékezete. TKTE. Budapest, 2008.
5. *Misiąg-Bocheńska A.* Dwie daty z życia królowej Jadwigi // *Polonia Sacra*. Т. 3, 1949. S. 267–275.
6. *Nimano S.* Słowiańskie imię królowej Jadwigi // *Analecta Cracoviensia*. Т. 19, 1987. S. 143–155.
7. *Ożóg Krz.* Królewskie rządy Jadwigi Andegawenskiej w Polsce // *Uniwersytet Jagielloński: Folia Historica Cracoviensia*. Tom 30. Nr 2, 2024.
8. *Samsonowicz H.* Historia Polski. Т. 1: Polska do 1586. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.
9. *Greg* // *Słownik polskich postaci historycznych*. Kraków, 2006. S. 89.

ПОЗИЦИЯ ПРУССИИ В ГАНЗЕЙСКО–АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО 2-ой ПОЛОВИНЕ XIV – 1-ой ПОЛОВИНЕ XV в.

В. В. Мощенков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, wm.witold@gmail.com*

Пруссия, в составе Ганзейского союза представленная городами-членами и Тевтонским орденом, оказывала значительное влияние на ганзейско-английские отношения. Положение Пруссии было особым, потому что великий магистр Тевтонского ордена, руководивший прусской фракцией Ганзы, лишь в малой степени зависел от английской торговли и мог позволить себе более радикальные действия в спорах с Англией по сравнению с ганзейскими городами. Будучи одной из сильнейших фракций Ганзы, Пруссия могла себе позволить ведение параллельной дипломатии с Англией без опасения санкций со стороны прочих членов Союза. Подобная позиция приводила к конфликтам, в ходе которых англичане использовали прусскую фракцию для ослабления Союза на своих землях. Неоднократные сепаратные переговоры, проводимые Пруссией, заключение договоров с Англией вопреки интересам остальной Ганзы и игнорирование решений ганзетагов стали важными факторами, подрывающими ганзейское единство и способствующими упадку ганзейского присутствия в Англии.

Ключевые слова: Ганзейский союз; Ганза; Германия; Англия; Пруссия; ганзейские города Пруссии; Тевтонский орден; купцы; Позднее Средневековье.

Определяя прусскую позицию в рамках общих ганзейско-английских отношений, важной предстаёт специфика Пруссии как части Ганзейского союза. Ещё в XIII в. купцы Любека, ключевого города формирующейся Ганзы, поучаствовали в основании ряда прибрежных городов в Пруссии, позднее получивших членство в Ганзе, но при этом продолжавших подчиняться великому магистру Тевтонского ордена, из-за чего последнего приняли в Ганзу в качестве единственного территориального правителя, получившего такую привилегию [1, с. 47]. Включение Пруссии в состав Ганзы заметно повлияло на ганзейско-английские отношения, так как Англия являлась важным рынком как для Ганзы, так и для прусских городов. Прусские города поставляли в Англию зерно, древесину, воск, вывозя суконные ткани, в то время как прочая Ганза, задействованная в английской торговле, уже в начале XIV в. активно навязывала конкуренцию англичанам в экспорте английских тканей [2, р. 83]. Ввозила Ганза в Англию преимущественно пушнину, а также стекло, металлы, ювелирные изделия и бытовые товары [3, с. 82–86]. При этом Ганза активно использовала привилегии, из-за поддержания которых

пребывала в перманентном конфликте с городскими властями портовых городов Англии, прежде всего с Лондоном, английским купечеством и периодически с самой короной. Тевтонский орден особого интереса к английскому рынку не испытывал, но собирал подати и торговал со своими городами, ведущими торговлю в Англии.

Первым крупным эпизодом, в рамках которого Пруссия повлияла на ганзейско-английские отношения, стал кризис, произошедший после смерти Эдуарда III в 1377 г. на фоне подтверждения ганзейских привилегий. Кризис начался с введения английским парламентом осенью 1377 г. мер против иностранных купцов [4, S. 244]. Ситуация ухудшилась, когда королевские сборщики таможенных пошлин начали требовать пошлины 1303 г. и 1347 г. на экспортируемое сукно, которые ганзейцы обычно не платили. Пошлины бы сильно ударили по большинству ганзейских городов, торгующих в Англии, в том числе прусским. Лондонская контора сообщила о нарушениях ганзейских прав в Пруссию и на грядущий ганзетаг, собирающийся в Штральзунде. И ганзетаг, и великий магистр Тевтонского ордена пригрозили королю Ричарду II и городу Лондону торговым бойкотом, если ганзейские свободы не будут восстановлены, а купцы не получат компенсацию за понесенные потери. 20 мая 1377 г. Королевская канцелярия запретила таможенным чиновникам взимать пошлину 1347 г. [2, p. 57]. Представляется вероятным, что именно требование великого магистра, имевшего большой политический вес, нежели отдельные ганзейские города, помогло урегулировать спор, что красноречиво говорит о возможностях влияния прусской фракции на ганзейско-английские отношения в целом.

Немногим позднее, на парламенте в Глостере осенью 1378 г., король положительно высказался о деятельности иностранных купцов, однако ганзейцы всё равно оказались ущемлены в своих правах: в городах Англии ганзейские вина и крупные товары было разрешено продавать только оптом и только свободным местным жителям. Также ганзейцам было сообщено, что им будет разрешено торговать в Англии при условии, что английские купцы получают разрешение свободно торговать в родных для ганзейцев странах [2, p. 58]. Это было первое выдвижение короной принципа взаимности, заключавшегося в зависимости привилегий Ганзы от аналогичных прав английских купцов на ганзейских территориях. Это требование станет камнем преткновения в ганзейско-английских и англо-пруских отношениях в дальнейшем.

Ганза была против принципа взаимности, но выступала за мирные переговоры по этому вопросу, в то время как пруссы были склонны к более радикальным мерам, вроде разрыва отношений с Англией. Любек попытался созвать ганзетаг для обсуждения кризиса в зиму 1378–1379

гг., но пруссы сорвали ганзетаг своим отсутствием. Тем не менее, представители городов Пруссии убедили великого магистра не прекращать торговлю с англичанами, но из-за английских нападений на прусские суда во Фландрии, наложившихся на висевшее в воздухе требование принципа взаимности, отношение к Англии в Пруссии продолжало оставаться напряженным [5, S. 189]. В этом эпизоде чётко прослеживается тенденция, характерная для Пруссии: Тевтонский орден из всех своих доходов лишь десять процентов получал благодаря торговле, и то, торговал Орден лишь с прусскими городами и ближайшими странами [6, р. 64]. В то время как ганзейские города, включая города Пруссии, были чаще заинтересованы в менее затратном, мирном решении споров с Англией, от непрекращающейся торговли с которой зависел их коммерческий успех, великий магистр, чей Орден в значительно меньшей степени зависел от английского рынка, мог себе позволить применение агрессивных мер.

В январе 1382 г. и ганзетаг, и великий магистр выразили обеспокоенность по поводу пиратства в английских водах. Так, в период 1375–1385 гг. пруссы в общей сложности понесли ущерб на сумму более 2136 фунтов стерлингов в ходе 22 инцидентов [2, р. 62]. Сама по себе сумма этих инцидентов не была критической, но 12 мая 1385 г. английский королевский флот атаковал шесть прусских кораблей на р. Цвине, что переполнило чашу прусского терпения. 18 июля 1385 г. собрание прусских городов приказало арестовать английские товары в Данциге и Эльбинге и запретило торговлю с Англией. Англичане ответили, запретив экспортировать товары ганзейским купцам в Лондоне с 3 августа; аналогичные меры были приняты в прочих городах Англии. Позже король отдал распоряжение об освобождении непрусских товаров, что представляет собой важный прецедент разделения Ганзы на прусскую и непрусскую части в английской дипломатии [5, S. 367–368]. На парламенте в октябре 1385 г. правительство разрешило английским купцам возмещать свои убытки за счёт арестованной прусской собственности, и к июню 1386 г. было арестовано достаточно товаров, чтобы покрыть английские потери в Пруссии, на чём аресты прекратились – Англия не желала расширять спор с Пруссией до конфликта со всей Ганзой. С 1386 г. по 1388 г. обе стороны вели переговоры, завершившиеся заключением договора. Главным требованием английской стороны было освобождение имущества, подвергнувшегося аресту в 1385 г., а также реализация принципа взаимности, на которую ганзейцы не согласились. Что касается прусских претензий, то оные не выходят за рамки требования компенсации за инцидент на Цвине.

В ходе спора Пруссия практически не получала поддержки со стороны прочих членов Ганзы, не заинтересованных в очередном конфлик-

те, а вендские города так вообще продолжали экспортировать прусские товары в Англию. Тем не менее, из-за спора с Пруссией некоторые ганзейские города попали под горячую руку англичан: так, в 1388 г. произошёл крупный спор из-за ареста штральзундского судна, груженного товарами, принадлежащими патрициату города. В этот же период лондонская контора активно жаловалась на нарушение ганзейских привилегий в виде чрезмерного налогообложения. 21 августа 1390 г. английские послы скрепили с великим магистром соглашение, в рамках которого все товары, арестованные сторонами во время недавнего спора, должны быть освобождены, но иски о возмещении ущерба не будут удовлетворены [4, S. 398]. Однако вскоре, 5 апреля 1391 г., великий магистр написал Ричарду II, что корона продолжает игнорировать права Ганзы, взимая несправедливые налоги, и отказался ратифицировать договор [7, S. 7]. Английские посольства с января по март 1391 г. провалились, и великий магистр продолжал упрекать Ричарда II в нарушении договора, но активная стадия конфликта на этом завершилась.

И хотя спор с Пруссией был решён, притеснения ганзейцев в Англии в конце 1380-х гг. в рамках конфликта с Пруссией вылилось в дальнейшее ухудшение отношений между Англией и Ганзой, главным образом из-за жалоб лондонской конторы на избыточное налогообложение. Прусские города, будучи наиболее агрессивной частью Ганзы на тот момент, поддерживали предложенное лондонской конторой введение запрета на импорт английских тканей в Балтию, а также предложили повысить пошлины на импорт англичан в их земли, но первая мера так и не была принята, а вторая была отменена великим магистром, и прусские города были вынуждены довольствоваться мирной дипломатией. И всё же, 2 февраля 1398 г. великий магистр, находясь под давлением прусского мещанства, отменил договор 1388 г. и приказал англичанам покинуть Пруссию в течение года [2, р. 72]. Англичане не предприняли никаких контрмер, благодаря чему сохранили относительно мирные отношения с Ганзой, при этом ничего не потеряв, так как пруссы, не получившие в своём начинании поддержки со стороны Ганзы и одновременно занятые на польско-литовском направлении, так и не изгнали англичан.

Начало XV в. в ганзейско-английских отношениях оказалось испорчено пиратством. В период 1400–1404 гг. ганзейские корабли часто становились жертвами английских пиратов и каперов, в том числе и суда из Пруссии. Ганзейские города и контора Брюгге, несмотря на активные протесты против нападений, не хотели принимать реальных ответных мер, но ситуация всё равно усугубилась, когда каперы из Линна захватили корабль Тевтонского ордена, якобы приняв за враждебный шотландский, что привело к мгновенной реакции великого магистра, выраженной

в арестах торговцев из Линна в Пруссии. В июне 1401 г. великий магистр Конрад фон Юнгинген отклонил просьбу Генриха IV о запрете прусским купцам торговать с шотландцами, заявив о праве свободно торговать со всеми христианами, что привело к эскалации конфликта [8, S. 64–65].

Ганза, взяв пример с пруссов, решила на радикальные меры: ганзетаг 12 марта 1405 г. запретил импорт английского сукна и экспорт балтийских товаров в Англию [8, S. 134; 9, S. 319]. Но уже в сентябре 1405 г. контора Брюгге сообщила, что поставки балтийских товаров в Англию продолжаются, а английская ткань контрабандой ввозится на территории Ганзы. Пруссия же вступила в отдельные переговоры с Англией в 1403 г., подготовив почву для дальнейшей нормализации, а в августе 1405 г., сохраняя запрет на импорт английского сукна, ослабила общий запрет на экспорт через Зунд. Контора Брюгге обвинила пруссов в контрабанде, но мер не предприняла [8, S. 190].

28 августа 1407 г. начались ганзейско-английские переговоры, ставшие триумфом англичан, сумевших расколоть Ганзу, рассмотрев и удовлетворив прусские претензии отдельно от прочих. Переговоры с Пруссией были завершены к 26 марта 1408 г., когда Генрих IV подтвердил, что в течение трех лет после Пасхи от 15 апреля выплатит пруссам компенсации за потери от пиратов тремя равными долями. Пруссам не было предоставлено никаких прав в Англии, кроме востребованных Ганзой в целом. Англичане же приобрели возможность напрямую торговать с другими иностранцами в Пруссии [9, S. 430–432]. Англо-пруссский договор, окончательно ратифицированный обеими сторонами лишь в 1411 г., был заключен вопреки интересам северогерманских и нидерландских городов Ганзы [8, S. 514]. Генрих IV же выплатил лишь малую часть компенсаций в 1412 г., что станет поводом дальнейших споров Пруссии с Англией. Несмотря на неудовлетворительный для Ганзы результат переговоров, санкции возобновлены не были, что было обусловлено отвлечённостью на внутренние проблемы в Любеке в период 1403–1408 гг.

После смещения Генриха фон Плауэна с должности великого магистра в октябре 1413 г. отношения Англии с Пруссией ухудшились, так как преемник Плауэна, Михаэль фон Штернберг, позволил городским властям Данцига ввести ряд ограничений против английских купцов [10, S. 132]. Тем не менее, конфликт с Англией орденские власти в столь непростое для себя время позволить не могли, и англичане с молчаливого согласия орденских властей не соблюдали новые законы, в связи с чем некоторые прусские города, прежде всего Данциг, сблизилась с вендскими городами, являвшимися тогда самой антианглийской фракцией Ганзы.

Подтверждение ганзейских привилегий в августе 1422 г. в связи с кончиной Генриха V крайне неудачно рассматривалось во время спора об английской торговле в Пруссии, которой активно мешал Данциг. Ситуация обострилась, когда в июле 1423 г. Королевский совет обязал ганзейцев платить тоннажный и фунтовой сборы, а когда ганзейцы отказались, приказал их арестовать. На ганзетаге в июле 1423 г. было предложено в ответ арестовать английских купцов и их товары во всех городах-членах Ганзы. Однако английская торговля с Ганзой в этот период ограничивалась Пруссией и Штральзундом, из-за чего аресты вряд ли были бы эффективны. В августе пруссы сообщили на ганзетаг, что считают такие меры нецелесообразными – Орден не желал обострения отношений с Англией, а от потенциальных ганзейских санкций едва ли бы сильно пострадал [11, S. 421–422, 425–426].

В 1427 г. началась война Гольштейна с Данией, в которой Ганза выступила на стороне гольштейнцев и блокировала пролив Зунд. Суда Данцига уже вскоре стали прорывать блокаду, пересекая Зунд под охраной вооружённого конвоя [12, S. 157]. Пруссам нужна была соль, прибывавшая из-за Зунда, а также сельдь из Скании; и то, и другое привозили англичане, также нарушающие блокаду. Подобное взаимодействие способствовало улучшению правового положения англичан в Пруссии в течение 1428 г. [10, S. 403]. Но уже к концу 1420-х гг. англичане снова стали жаловаться на ограничение их торговли в Пруссии, происходящее, вероятно, потому, что пруссы не получили ничего взамен своим уступкам английскому купечеству.

В 1430-х гг. ганзейско-английские отношения продолжили быть напряженными. Ганзетаг 1434 г. постановил, что если Англия продолжит нарушать привилегии ганзейцев, то ей будет объявлен торговый бойкот; для успеха такого решения необходимо было заручиться поддержкой Пруссии. Послы ганзетага провели переговоры с прусским купечеством и великим магистром, в результате чего последний пообещал поддержать ганзейцев в их планах. 29 июля великий магистр написал Генриху VI, жалуюсь на неуплату задолженности по договору 1409 г. и неуважение к привилегиям Ганзы в Англии [13, S. 200–210, 227–231, 239].

Совместные действия Ганзы привели к переговорам с Англией, шедшим в период 1434–1436 гг. Согласно договору, составленному 22 марта 1437 г, английским купцам гарантировались все свободы, которыми они пользовались в течение предыдущих ста лет и иммунитет от налогообложения, вводимого в будущем, что могло быть уступкой ганзейцев в обмен на собственный иммунитет от тоннажного и фунтового сборов в Англии, который англичане признали. Ганзейские привилегии в Англии были подтверждены, как и английские права на ганзейских тер-

риториях. Ганза в целом впервые признала принцип взаимности прав, но его реализация конкретно в интересовавшей англичан Пруссии была маловероятной ввиду расплывчатости формулировок и последующих событий [2, p. 154–156].

В марте 1438 г. Пруссия отложила ратификацию договора. В декабре 1439 г. Данциг отказал англичанам в принципе взаимности, что вызвало недовольство в Англии [14, S. 175–179]. По итогу в 1439–1440 гг. в Англии был принят ряд законов, вредящих ганзейцам. В феврале 1440 г. король написал великому магистру, жалуясь на то, что Пруссия не ратифицировала договор [15, S. 263]. В ноябре 1441 г. Ганза проигнорировала жалобы английского посольства на притеснения английских купцов, плавающих через Зунд, что вместе со спором с Пруссией привело к вялотекущему кризису, который, претерпев как стадии нормализации, так и стадии эскалации, перейдёт в активную фазу в 1449 г., когда англичане захватят крупный ганзейский флот у острова Уайт. Пруссия уже не столь сильно будет влиять на этот конфликт, отвлечённая региональными проблемами: деятельностью Прусского союза и начавшейся в 1454 г. Тринадцатилетней войной.

Библиографические ссылки

1. Доллингер Ф. Ганзейский союз. Торговая империя Средневековья от Лондона и Брюгге до Пскова и Новгорода. М. : Центрполиграф, 2020.
2. Lloyd T. H. England and the German Hanse, 1157–1611: A study of their trade and commercial diplomacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
3. Керн Д. Б. Ганза в Англии. Западный вектор развития Ганзейского Союза. СПб. : Евразия, 2021.
4. Höhlbaum K. Hansisches Urkundenbuch. Band 4: 1361–1392. Leipzig, 1896.
5. Koppmann K. Hanserecesse Abt. 1. Band 2, 1370–1387. Leipzig, 1872.
6. Czaja R. Economic, social and political aspects of the trade of the Teutonic Order in Prussia // Communicating the Middle Ages: Essays in Honour of Sophia Menache. 2018. № 11. P. 64–75.
7. Koppman K. Hanserecesse Abt. 1. Band 4, 1391–1400. Leipzig, 1877.
8. Koppmann K. Hanserecesse Abt. 1. Band 5, 1401–1410. Leipzig, 1880.
9. Kunze K. Hansisches Urkundenbuch. Band 5: 1392–1414. Leipzig, 1899.
10. Kunze K. Hansisches Urkundenbuch. Band 6: 1415–1433 / K. Kunze. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1905. – 665 S.
11. Koppmann K. Hanserecesse Abt. 1. Band 7, 1419–1425. Leipzig, 1893.
12. Koppmann K. Hanserecesse Abt. 1. Band 8, 1426–1430. Leipzig, 1897.
13. Von der Ropp G. Hanserecesse Abt. 2. Band 1, 1431–1436. Leipzig, 1876.
14. Von der Ropp G. Hanserecesse Abt. 2. Band 2, 1436–1443. Leipzig, 1878.
15. Höhlbaum K. Hansisches Urkundenbuch. Band 3 mit Glossar: 1343–1360. Halle, 1882.

ОБРАЗ ЯНА ЖИЖКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С. Р. Никитенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, svnikitenko55@gmail.com*

В статье анализируется образ Яна Жижки в историографических работах историков XIX – начала XXI в. Исследуются тенденции и общий характер описания гуситского предводителя, присущий определённым исследователям в разный хронологический период. Важное внимание уделяется условному разделению историографии о Яне Жижке на периоды, позволяющие зафиксировать изменение историографического образа. Фиксируется довольно частая смена позиции авторов касательно поставленного вопроса, отличной от предшественников. В заключении, несмотря на различие в точках зрения касательно Яна Жижки, его образ непосредственно повлиял как на ход самого гуситского восстания, так и на самосознание всего чешского народа. Исходя из этого, на сегодняшний день, его чтят как национального героя современной Чехии.

Ключевые слова: историографический образ; Ян Жижка; гуситское восстание; национальное самосознание.

Гуситское движение (1419–1434 гг.) – одно из наиболее важных и определяющих исторических событий в Европе в период Позднего Средневековья, ставшее началом зарождения идей Реформации. Его ключевым отличием от обычных крестьянских и городских восстаний является, в том числе, политическая и военная организация талантливыми гуситскими деятелями, ключевым из которых является Ян Жижка из Троцнова. Ян Жижка – чешский рыцарь, гуситский военачальник и политический деятель. Ещё при жизни, практически все гуситы ценили и признавали его как истинного патриота и верного своей родине воина, способного выигрывать сражения имея небольшое количество солдат в личном подчинении. Талантливый лидер, не раз объединявший враждующие политические лагеря для обеспечения общей организованной обороны. Его вкладу в гуситское движение посвящен комплекс историографических исследований.

При изучении историографии о деятельности Яна Жижки, его личности, роли в истории и о вкладе в гуситское движение, следует понимать, что взгляды у историков были часто неоднозначны, чётко прослеживается их варьирование с этапом развития как чешского, так и всего европейского общества. Также, необходимо учесть, что большинство авторов проводят исследование биографии Жижки в контексте всего гуситского движения, где троцновский военачальник упоминается лишь в

отдельных сражениях. Это, в свою очередь, может привести к неполноте исследуемых и учтённых факторов, влияющих на окончательный вывод о жизни Яна Жижки. Сложность в интерпретацию историографического образа вносит, в том числе, их крайняя немногочисленность.

Условно, историографический образ о Яне Жижке можно разделить на 3 периода: чешская историография Жижки XIX – первой трети XX века, советская марксистская историография второй половины XX века – 1990-ые гг., современная чешская историография. Подобная систематизация позволяет гораздо отчётливее зафиксировать изменения историографического образа гуситского лидера.

Одним из истоков научного изучения истории Чехии с древнейших времён до 1526 г. является многотомный труд «*Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*», написанный Франтишком Палацким в 1830-хх. – 1870-хх гг. В нём автор, помимо описания событий, в которых был задействован Ян Жижка, приходит к важному заключению относительно его религиозных убеждений и отношении к власти. Так основной движущей силой его деятельности, по мнению Ф. Палацкого, является национальный фактор, опуская подробное рассмотрение социальных и религиозных причин [17].

«Ошибочно полагать, что Жижка стоял на самой крайней точке таборитских принципов, а что касается веры, то на самом деле он не был истинным таборитом; толпа всегда руководствовалась в исповедании веры скорее религиозным чувством, чем разумом... Для Жижки отход от веры означал отказ и оставление позади себя прямого правления и верховного контроля военными и гражданскими делами в Таборе» [17, s. 257–258].

Тем не менее, конкретную роль Жижки в успехах всего гуситского движения Палацкий нисколько не принижает, предполагая, что: «Гусизм действительно оказался непобедимым, когда они оба, осуществляя верховную власть в Праге, другой – в Таборе, действовали в согласии и помогали друг другу, но зная только, что нужно завоёвывать, а не наслаждаться одержанной победой» [17, s. 263].

Таким образом, труд Франтишека Палацкого о чешской истории, в котором также был отражен Ян Жижка, его значение и образ в гуситском восстании, положил основу в дальнейшем развитии изучения истории гусизма и жизни Жижки как одного из важнейших деятелей того времени. Особой критике будущими авторами был подвержен как национальный фактор, выступающий в качестве основообразующего, так и версия о подлинной вере и мотивации самого Жижки в делах Табора.

Далее, при рассмотрении данного периода в историографии, следует обратить внимание на труд чешского историка Вацлава Томека «Ян Жи-

жка». В нём, автор описывает основную биографию гуситского лидера, значительно отходя от основного контекста всего гуситского движения. Также, В. Томек, делая вывод из всей своей работы, подчёркивает, что основными факторами, которые подтолкнули Жижку к защите Чехии, являются не только любовь к своей родине, но и социально-религиозные причины. По сути, автор выражает полное несогласие с идеями Ф. Палацкого об отсутствии религиозности и об факторном доминировании национальности в мотивах Жижки.

«Жижка былъ похищень смертію отъ своей дѣятельности вождя именно въ такое время, когда, казалось, онъ были недалекъ отъ достиженія главной своей цѣли. Въ началъ онъ былъ главнымъ противникомъ короля Сигизмунда. Не питая къ нему никакого довѣрія, онъ не считалъ возможнымъ вступать съ нимъ въ искреннее соглашеніе безъ ущерба религиознымъ стремленіямъ, борьбу за которыя онъ поставилъ прямою цѣлью всѣхъ своихъ усилій» [13, с. 238].

В дополнение к вышеупомянутому, необходимо обратить внимание на труд французского историка-слависта Эрнста Дени «Гус и гуситские войны», чья работа отражает взгляд французской и западноевропейской историографии на данное движение и роль Жижки в нём.

Однозначную позицию Э. Дени о Жижке обозначить довольно трудно. Описывая его биографию, автор уделяет особое внимание на ненависть троцновского рыцаря к немцам, выражаясь: «...которую он впитал с молоком матери». Но при этом он довольно открыто акцентирует внимание на Жижку, как на ярого патриота и фанатика в деле веры, человека, готового принять тяжёлую судьбу своей родины, при этом сохраняя умеренность и статус «своего человека» среди народа [2, с. 172].

«Толпа узнавала себя в нем, он обладал ее величием и ее недостатками, он разделял ее воодушевление и ее ненависть; казалось, в нем воплотились все чувства, все мысли, которые бродили в ней неосознанно. Как и толпа, Жижка был целен в своей любви, готовой на любые жертвы и на любое упоение, к вере и к родине» [2, с. 185].

В первой трети XX века существенный вклад в историографию и уточнение образа Яна Жижки внёс чешский историк Йозеф Пекарж в работе «Žižka a jeho doba». В ней, автор проводит комплексный анализ источников, упоминающих и описывающих деятельность и отношения всех противоборствующих сторон и авторов хроник XV – XVI вв. к гуситскому военачальнику. Отношение автора к самому Жижке однозначно оценить довольно затруднительно. Подробную оценку работе Йозефа Пекаржа дал чешский историк и дипломат Камиль Крофта в труде «Žižka a husitská revoluce». По мнению Крофты, Пекарж не сторонник ни Палацкого, ни Томека. При этом, в отличие от своих коллег, в его труде от-

сутствует серьёзное восхваление Жижки как абсолютной и незаменимой фигуры [18, s. 157–164; 16, s. 8].

Значимый эффект в изучение как всего гуситского движения, так и биографии Жижки, внесла советская историография. В её основе к изучению истории и исторического процесса, а также социально-экономических взаимоотношений лежит марксистский подход. Многие советские историки данного периода по-новому интерпретировали события, представляя гусизм не как движение, а как революцию против эксплуататорского феодального класса и за установление более справедливого общества, при этом критикуя буржуазную историографию XIX—первой трети XX века за подачу исторического события как результата деятельности отдельных частей чешского народа. Поскольку Советский Союз и ЧССР находились в едином социалистическом блоке, то учёные двух государств, в рамках взаимного сотрудничества, совместно участвовали в исследованиях и написании работ и монографий. Следовательно, наличие противоположных взглядов о данном историческом периоде практически отсутствует [5, с. 100].

Наиболее крупным трудом, включающий в себя изучение биографии и роли Яна Жижки в гуситской истории советского периода, является «Гуситское революционное движение» Йозефа Мацека. В отличие от предшественников, Мацек интерпретирует Жижку в рамках класса бургерской оппозиции и обедневшего феодального класса, враждебно относящийся к бедноте (имеется в виду: к последователям хилиазма). Как отмечается автором, изучение его деятельности следует проводить не в рамках имевшихся талантов и персональных заслуг, а в контексте того, что он смог поставить на службу интересам революционных сил. Основной мотивацией Жижки к участию в боевых действиях является борьба за исправление недостатков феодального строя. При этом практически не рассматриваются религиозные и национальные факторы, руководившие троцновским военачальником [5, с. 124, 101].

«Что же касается пребывания Жижки в Праге при дворе Вацлава IV, то оно способствовало его развитию в другом направлении – в нем крепла решимость начать борьбу за исправление недостатков феодального общественного строя» [5, с. 102].

Несмотря на то, что Жижка поставлен в рамки феодального класса со строго определёнными интересами, Й. Мацеком отмечается, что он был по-настоящему народным вождём и полководцем, способным сплотить широкие массы населения на борьбу против врага: «В лице Яна Жижки из Троцнова гуситское революционное движение потеряло выдающегося полководца и политика; если гуситское революционное дви-

жение, сплоченное в единый блок, было прочно защищено от нападений международной реакции – в том заслуга Жижки» [5, с. 124].

Современная историография гуситского движения, включающая в свой комплекс исследований роль и значение личности Яна Жижки из Троцнова, значительно пересматривает марксистский метод к оцениванию его мотивации и вклада в дело восстания. Тем не менее, на текущий момент, в чешской, англоязычной и российской гуситологии не существует единой концепции, отражающей роль и образ Жижки со строго определенной стороны, но, как и в более ранние периоды, практически во всех трудах авторы указывают на факт, что военная тактика и вклад таборитского лидера в общее дело является безоговорочным [1].

Одним из ярких представителей современной российской историографии гусизма, чья деятельность была начата в Советском Союзе, является Людмила Павловна Лаптева. В труде «История Чехии периода феодализма» автором, с частичным сохранением марксистского подхода, указывается, что Жижка, как представитель беднейшего класса рыцарства, был специально выдвинут чешским обществом, тем самым являясь своего рода предводителем «из народа». Однако, Л. П. Лаптева не придавала фактору военного таланта Жижки абсолютного статуса, отмечая: «Тот факт, что гуситская армия неизменно одерживала победы над армиями европейской и внутренней реакции, во многом объясняется военным талантом Жижки, но не только им. В борьбе гуситов против крестоносцев стояло на карте не только существование Чехии как государства, но и чехов как народности. Они были объявлены еретиками, а это означало, что феодальным армиям надлежало истребить их поголовно» [4, с. 85].

На сегодняшний день чешская историография о Яне Жижке находится на совершенно новом этапе развития. Исследователи всё менее склонны выделять уникальные особенности в его деятельности, акцентируя внимание на их рассмотрение в рамках целого комплекса гуситского движения. Одной из подобных работ является труд Зденека Бартака «Jan Žižka z Trocnova – Státník a vojevůdce». Несмотря на тот факт, что автор в большей степени основывается на вышеуказанном труде Вацлава Томека, Жижка рассматривается комплексно как в рамках событий в истории гусизма, так и с точки зрения личностно-волевых качеств [14].

Неоднозначную позицию касательно записей о Жижке в средневековых хрониках выразил Петр Чорней в работе «Husitství a husité». В ней была рассмотрена проблема приписывания хронистами тех мест, в которых троцновский военачальник со своим войском в тот или иной промежуток времени не мог находиться физически. Примером подобной неточности является осада крепости Семежов. Также, Чорней скептически относится к сообщениям Лаврентия из Бржезовой, указывая: «Я уже не-

сколько раз отмечал интересный факт. Магистр Вавржинец опускает имя знаменитого воина в ситуациях, которые могли повредить его репутации в глазах общественности». Опираясь на данные закономерности, П. Чорней обращает значительное внимание на неоднозначность Яна Жижки и его устоявшегося образа, сложившегося за два века изучения гуситской истории [15, s. 299].

Таким образом, образ Яна Жижки в зарубежной и отечественной историографии представляет из себя довольно многогранную и неоднозначную область изучения в рамках гуситской эпохи. В зависимости от того или иного исторического контекста и времени написания работы о таборитском военачальнике, разные авторы интерпретировали его роль с довольно отличных между собой точек зрения.

Тем не менее, довольно многие исследователи сходятся во мнении, что образ Жижки непосредственно повлиял как на ход самого гуситского восстания, так и на национальное самосознание всего чешского народа. На сегодняшний день, среди чехов, Ян Жижка является национальным героем, в честь которого названы некоторые географические места и установлен ряд памятников.

Библиографические ссылки

1. Бучанов И. Н. Гуситское движение: отечественная историография 1945 – 2005. М. : Госполитиздат, 2010.
2. Дени Э. Гус и гуситские войны. М. : «Клио», 2016.
3. Лаврентий из Бржезовой Гуситская хроника. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962.
4. Лаптева Л. П. История Чехии периода феодализма (V – середина XVII в.). М. : Изд-во МГУ, 1993.
5. Мацек Й. Гуситское революционное движение. М. : Издательство иностранной литературы, 1954.
6. Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. М. : Издательство иностранной литературы, 1956.
7. Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1962.
8. Пашинин А. П. Шляхта и военное искусство гуситов // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 5, 2003. – С. 48–54.
9. Разин Е. А. История военного искусства VI – XVI вв. СПб: ООО «Издательство Полигон», 1999.
10. Ревзин Г. И. Григорий. Ян Жижка. М.: Молодая гвардия, 1952.
11. Рубцов Б. Т. Гуситские войны (Великая крестьянская война XV века в Чехии). М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
12. Рубцов Б. Т. Подвиги таборитов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
13. Томек В. Ян Жижка. СПб : Типография Е. Евдокимова, Б. Итальянского, № 11, 1889.

14. *Bartak Z.* Jan Žižka z Trocnova. Státník a vojevůdce: bakalářská práce: 16.04.2017. Praha, 2017.
15. *Čornej P.* Husitství a husité. Praha : Nakladatelství Karolinum, 2019.
16. *Krofta K.* Žižka a husitská revoluce. Praha : «Legiografie», 1937.
17. *Palacký F.* Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě od roku 1403 až do roku 1439. Praha : Nakladatel L. Mazac, 1937.
18. *Pekař J.* Žižka a jeho doba díl druhý. Praha : «Vesmir», 1928.
19. *Hugo T.* Husitské válečnictví za doby žižkovy a prokopovy. Praha : Nákladem jubilejního fondu Král. České Společnosti Náuk, 1898.

ИЗУЧЕНИЕ И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ НАСЛЕДИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА ЕВРОПЕЙЦАМИ В ПЕРИОД КАМПАНИИ 1798–1801 гг.

А. С. Ровина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, annafencer@mail.ru*

В статье рассматривается зарождение египтологии в период Египетской кампании Наполеона Бонапарта 1798–1801 гг. Сделан краткий обзор историографии по теме. Обращено внимание на создание и работу Института Египта, поиск, исследование и описание памятников древности и последующее обращение с ними, а также на то влияние, которое оказало «открытие» Египта на европейское общество и культуру.

Ключевые слова: Египетская кампания Наполеона Бонапарта; египтология; Розеттский камень; Древний Египет.

Египетская кампания Наполеона Бонапарта 1798–1801 гг, стала не просто политической авантюрой, очередным этапом военного и дипломатического противостояния Британии и Франции, ситуацией столкновения европейской и экзотической восточной культур. Эта кампания явилась поворотным моментом в истории изучения Египта: именно во время неё был найден Розеттский камень и многие другие артефакты, начали изучаться древнеегипетские храмы и гробницы, в самом Египте впервые появилась типография, был открыт Институт Египта. Но не только европейцы оказывали влияние на местных жителей, а и наоборот, так, после кампании в Европу приехало немало представителей Востока, а во французской армии появился регулярный корпус мамлюков. Интерес европейцев к египетским древностям, экзотической природе и обществу, который некоторые исследователи называли «египтоманией» [16], проявлялся в изобразительном искусстве, моде, архитектуре, на светских мероприятиях, а также в науке и литературе. Так, на страницах модных журналов находим платья *a la egyptienne* и *a la turque*, рукава *a la mamelouk*; художники посвящали картины и гравюры событиям Египетской кампании, режиссеры – свои постановки, например, в лондонском Королевском театре на Друри-Лейн ставились оперная постановка с египетскими сценами и костюмами «Египетский фестиваль» (1800), и пышный спектакль с яркими декорациями «Египет» (1801) и «Египтиана» М. Лонсдейла (1802) [18, р. 9].

В данной статье рассматриваются именно вопросы изучения и коллекционирования древнеегипетского наследия европейцами в период кампании 1798–1801 гг.

В западной историографии Египетской кампании её научному аспекту уделяется немало внимания. Впервые исследовал этот аспект Ж. Баррал в книге «История науки при Наполеоне Бонапарте» [6], изданной в 1889 г. В 4-ой главе автор рассматривает Египетскую кампанию как научную экспедицию, обращает внимание на подготовку ученых Французского института к поездке, организацию Института Египта и типографии в Каире, ученых, сопровождавших армию, последствия кампании для французской науки, и особенно на личный вклад Наполеона в эту деятельность. В данной работе проявляется апологетическое отношение к Наполеону Бонапарту, тем не менее, она даёт обширные знания о деятельности ученых во время кампании. Позже в различных работах, посвященных Египетской кампании, на её научную составляющую обращали больше или меньше внимания в зависимости от цели, задач и гипотез авторов. Так, например, Э. Робертс в главах, посвященных Египту, в обширной биографии Наполеона уделяет этому несколько содержательных абзацев [2], Е. Тарле упоминает об ученых лишь вскользь [3], тогда как А. Лоран в работе «Египетская экспедиция (1798–1801)» [14], а также Дж. К. Герольд в книге «Бонапарт в Египте» [12] уделяют научно-исследовательской и коллекционерской составляющей кампании значительное внимание.

Данная тема стала предметом интереса французского исследователя И. Лассу в работе «Египет, научное приключение Бонапарта, Клебера, Мену» [13], изданной к 200-летию юбилею Египетской кампании, в 1998 г. В книге исследователь подробно рассматривает деятельность ученых, их финансирование и снабжение необходимыми для работы инструментами, а также, ссылаясь на мемуары и письма, раскрывает их собственные впечатления об экспедиции. Эта же тема освещена А. Пижаром в книге «Ученые Бонапарта в Египте» [15] в 2023 г.

На русском языке в 2022 г вышла статья «Наполеоновская Египтология» А. Чиглинцева, Н. Шадринной и Г. Артюх [4], также на научную составляющую обращает внимание Е. Прусская в книге «Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций» [1].

Коллекционированию же древнеегипетского наследия серьезное внимание стало уделяться лишь в конце XX в, когда в русле антиколониальных исследований и настроений встал вопрос о возвращении памятников древности на их историческую родину. Ранее о ценностях, привезенных из Египта, в историографии просто не упоминалось. Тем не менее, значимую информацию о них можно найти в каталогах музеев, в которых они хранятся или хранились. Эта тема сегодня привлекает внимание некоторых исследователей, в частности, ей посвящены статьи С. То-

мас «Отражение Египта: археология, спектакли и музеи начала XIX века» [18] и М. Авелланеды «Отношение к египетскому наследию в наполеоновских газетах периода Египетской кампании» [5].

Говоря об изучении Египта в целом и об изучении его древней истории в частности, нельзя не рассмотреть создание Института Египта. В рамках планирования экспедиции весной 1798 г было решено отправить в Египет группу из 167 французских ученых, организованных в Комиссию наук и искусств, которую возглавил профессор Г. Монж. В комиссию вошли математики, физики, химики и врачи, геологи и картографы, ботаники-натуралисты, инженеры, художники, писатели, а также так называемые антиквары (понятия «археолог» ещё не существовало). Их задачей было изучить новые территории, при чем с исключительно прагматическими целями: на предмет хозяйственной пригодности, для руководства предполагаемой постройкой Суэцкого канала, фортификаций и т.д. Именно эти ученые и деятели культуры стали членами открытого в завоёванном Каире 22 августа 1798 г Института Египта, президентом которого стал Г. Монж. При Институте действовали библиотека, лаборатории, 9 мастерских, зверинец и выставочный зал древностей. В этом зале выставлялись найденные и предназначенные для последующей отправки в Париж артефакты, из Верхнего Египта [2, с. 200]. Работа Института, в том числе экспедиции к пирамидам и храмам и открытые лекции, освещалась на страницах франкоязычной газеты «*Courier de l'Égypte*». Для Директории, как и для самого Бонапарта важно было показать мирную, просвещенческую и исследовательскую цель кампании. Однако работа Института была затруднена, как пишет Ф. Бурден, обстановкой войны, материальными условиями, сопротивлением местного населения, а также внутренними раздорами, приведшими в итоге к уходу со своего поста Г. Монжа, после которого Институт Египта временно возглавил математик Ж.-Б. Фурье [7, р. 2].

Одним из ярких исследователей Египта стал гравёр Д. Виван-Денон, который по возвращении издал несколько томов гравюр с описаниями под общим названием «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту» (1802) и поучаствовал в издании многотомного «Описания Египта» (1809–1828), ставшего главным научным итогом экспедиции. Сопровождая войска генерала Дезе, Виван-Денон оставил самое большое количество изобразительных источников о состоянии памятников Древнего Египта в конце XVIII – начале XIX вв. Он посетил Долину царей, осматривал гробницы и храмы, зарисовывая всё, что видел, приобрел у местных жителей папирус с иероглифической надписью, а также собрал и сохранил осколки ваз и кусочки саркофагов [11]. Неожиданно для самих себя, весомый вклад в изучение и сохранение наследия Древнего Египта

вносили также инженеры. Так, например, П. Жоллуа, Э. Вилье дю Терраж и Э. Жомар с высокой точностью архитекторов зарисовывали строения: храмы, гробницы, дворцы, и копировали иероглифы.

Современная французская исследовательница М. Авелланеда пишет о специфическом отношении французов к памятникам египетской древности. В частности, отмечает высокомерное отношение в тогдашних публикациях о найденных в Египте артефактах. Цитируя газету «*Courier de l'Egypte*», она обращает внимание, что во фразе «Гражданин Денон собрал в своей коллекции всё, что может способствовать просвещению Европы о древних египтянах» сочетается просвещенческая идея интереса к миру и его истории, а с другой стороны, взгляд свысока на экзотическую культуру [5]. Однако, на наш взгляд, в глаза бросается скорее иная особенность заметок о памятниках – многие из них, предположительно, составлены инженерами, архитекторами, геодезистами, и содержат больше технических, чем искусствоведческих подробностей. Конечно, это даёт исследователям исчерпывающую информацию о внешнем виде, размерах, состоянии, особенностях конструкции памятников (как архитектурных, так и вещественных), но для рядового читателя рубежа XVIII–XIX вв. они могли быть весьма сложными, и вряд-ли достаточно точно передавали всю ценность описываемых объектов [8, с. 3; 10, с. 2]. Французы, не имея исчерпывающих знаний об объектах, которые видели в Египте, описывали их как странные и экзотические, лишь изредка делая предположения об их функциональном назначении и времени создания. Также заметим, что исследователи рубежа XVIII–XIX вв. воспринимали древний и современный им Египет изолированно, не прослеживали тесной связи между их общественным, экономическим, политическим развитием.

Об этом свидетельствует и структура «Описания Египта», упомянутого выше, в котором выделяются отдельные тома, посвященные древности, и отдельные тома, посвященные современности [4, с. 167].

Самой известной находкой в период Египетской кампании стал, несомненно, знаменитый Розеттский камень. Камень был обнаружен во время строительства укреплений возле Розетты под командованием лейтенанта Бушара. Сообщение об этом появилось в газете «*Courier de l'Egypte*» от 15 сентября 1799 г: «Во время фортификационных работ, при раскопках был найден камень из очень красивого черного гранита, с очень мелким зерном. На одной стороне его находятся три надписи, разделенные параллельными линиями. Первая надпись иероглифическая, часть её утеряна из-за повреждений. Вторая часть – сирийская <...> Третья написана на греческом языке <...> В ней, по сути, говорится, что Птолемей Филадельфос вновь открыл все каналы Египта и что этот прави-

тель нанял значительное количество рабочих, потратил огромные суммы денег и восемь лет своего правления для этих грандиозных работ. Этот камень представляет большой интерес для изучения иероглифических знаков; возможно, он даже, наконец, даст ключ к разгадке» [9, р. 3–4]. Выходит, что предположение о том, что на камне одна и та же надпись повторена на трёх языках появилось практически сразу, правда, на разгадку иероглифической письменности ушло больше 20 лет: только в 1822 г. французский филолог Ж.-Ф. Шампольон закончил составление таблицы-ключа к иероглифам.

Именно французские ученые, приехавшие с армией Наполеона, открыли наследие Древнего Египта для Европы, но увезти свои находки в Национальный музей Лувра им не удалось, поскольку Египетская кампания закончилась победой объединенной британской и османской армии. По акту капитуляции Александрии 2 сентября 1801 г., французам надлежало оставить все древние артефакты, принадлежавшие Институту Египта, кроме личных вещей и записей ученых. Генерал Мену, на тот момент командующий Восточной армией, попытался было записать часть артефактов в свои личные вещи, но англичане настаивали, и вывезти древности ему не удалось [19, р. 346–353].

В результате множество объектов, включая Розеттский камень, статуи и саркофаги, отправились в Англию. В 1802 г. они были представлены королю, а уже в 1803 г. окончательно поступили в Британский музей, где многие из этих артефактов хранятся до сих пор. В Лувре же секция Древнего Египта появилась лишь после реставрации монархии, при Карле X в 1826 г. и первым её директором был вышеупомянутый Ж.-Ф. Шампольон [17]. Можно с некоторой уверенностью полагать, что во Францию были привезены древнеегипетские артефакты в составе частных коллекций и в виде подарков, поскольку при эвакуации Восточной армии как до, так и после капитуляции Каира и Александрии в 1801 г. личные вещи не изымались. Тем не менее, разумеется, это не могли быть крупные и значительные экспонаты. Зато французы смогли увезти с собой детальные описания, зарисовки, гравюры, вошедшие впоследствии в многочисленные книги об авантюрной кампании.

Таким образом, изучив историографию и источники, можно подтвердить гипотезу о том, что Египетская кампания 1798–1801 гг. положила начало изучению и сохранению наследия Древнего Египта. В Европу попали не только представители южных и восточных народов, но и многочисленные артефакты, а также научные труды и изображения Египта и Сирии, положившие начало увлечению египетским и восточным (ориентальным) стилем. Большинство артефактов, найденных и описанных французами в период кампании, в результате капитуляции

Каира и Александрии попало в Британский музей и выставлялось в Лондоне, привлекая множество посетителей, небольшая часть важных египетских древностей оказалась в частных руках, как и многочисленные предметы, не имеющие серьёзной ценности.

Библиографические ссылки

1. *Прусская Е. А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
2. *Робертс Э.* Наполеон. Биография. М.: Альпина нон-фикшн, 2023.
3. *Тарле Е. В.* Наполеон. М.: Государственное социально экономическое издательство, 1939.
4. *Чиглинцев Е. А., Шадрина Н. А., Артюх Г. Ю.* «Наполеоновская египтология»: специфика формирования представлений о египетской культуре в Европе начала XIX века // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 164, кн. 3. 2022. С. 161 – 171.
5. *Avellaneda M.* Le traitement du patrimoine égyptien dans la presse napoléonienne lors de la Campagne d'Égypte (1798-1801): reconnaissance et appropriation. URL: <https://www.medias19.org/publications/presse-et-patrimoine/le-traitement-du-patrimoine-egyptien-dans-la-presse-napoleonienne-lors-de-la-campagne-degypte-1798-1801-reconnaissance-et-appropriation> (дата обращения: 11.11.2025).
6. *Barral G.* Histoire des sciences sous Napoleon Bonaparte. Paris: A. Savine, 1889.
7. *Bourdin Ph.* L'expédition d'Égypte, une entreprise des Lumières (1798-1801)/ Philippe Bourdin. – Annales historiques de la Révolution française. URL: <https://journals.openedition.org/ahrf/1125> (дата обращения: 11.11.2025).
8. *Courier de l'Égypte*, № 32, 14. 07. 1799 URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8602949h?rk=21459;2> (дата обращения: 11.11.2025).
9. *Courier de l'Égypte*, №37, 15. 09. 1799. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8602949h?rk=21459;2> (дата обращения: 11.11.2025).
10. *Courier de l'Égypte*, № 53, 14. 01. 1800. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8602949h?rk=21459;2> (дата обращения: 11.11.2025).
11. *Godlewski G.* Bonaparte et l'égyptologie. URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/bonaparte-et-legyptologie/> (дата обращения: 11.11.2025).
12. *Herold J. C.* Bonaparte in Egypt. London: H. Hamilton, 1962.
13. *Laissus Y.* L'Égypte, une aventure savante: avec Bonaparte, Kléber, Menou, 1798–1801. Paris : Fayard, 1998.
14. *Laurens H.* L'expédition d'Égypte 1798–1801. Paris: Éditions du Seuil, 1997.
15. *Pigeard A.* Les savants de Bonaparte en Égypte 1798–1801. Paris: Les Éditions de la Buisquine, 2023.
16. *Pope E., Siegel E.* Egyptomania in France. URL: <https://www.artic.edu/articles/987/egyptomania-in-france> (дата обращения: 11.11.2025).
17. *Royal Setting for Egyptian Antiquities.* URL: <https://www.louvre.fr/en/explore/the-palace/a-royal-setting-for-egyptian-antiquities> (дата обращения: 11.11.2025).
18. *Thomas S.* Displaying Egypt: Archaeology, Spectacle, and the Museum in the Early Nineteenth Century // Journal of Literature and Science. Vol. 5, No. 1, 2012. P. 6–22.
19. *Wilson R.* History of the British expedition to Egypt. London: T. Egerton, 1803. P. 346–353.

ВОБРАЗ МАНАРХА Ў ПАЭЗІІ ШАХА ІСМАІЛА САФАВІ

Д. А. Тарадзейка

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, г. Мінск, Беларусь,
dzmitryitaradzeika@gmail.com*

Дадзеная работа прысвечана разгляду вобразу, які склаўся вакол асобы шаха Ісмаіла – славутага заваёўніка і заснавальніка іранскай дзяржавы Сафавідаў, у асаблівасці датычна ягонай паэтычнай спадчыны. Звяртаючыся як да арыгінальных крыніцаў, так і да іх гістарыяграфічных асэнсаванняў, аўтар спрабуе ацаніць існуючае палажэнне ў навуцы наконт інтэрпрэтацый паэзіі Ісмаіла, ягонага магчымага “абагаўлення”, а таксама сувяззю паміж паэзіяй і поспехамі ўладара ў сферах вайны і палітыкі.

Ключавыя словы: Ісмаіл Сафаві; ранняя гісторыя Сафавідаў; шыізм; суфізм; містыцызм; царская ідэалогія; ісламская паэзія.

ОБРАЗ МАНАРХА В ПОЭЗИИ ШАХА ИСМАИЛА САФАВИ

Д. А. Тарадейко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, dzmitryitaradzeika@gmail.com*

Данная работа посвящена рассмотрению образа, сложившегося вокруг личности шаха Исмаила, знаменитого завоевателя и основателя иранского государства Сефевидов, особенно в связи с его поэтическим наследием. Ссылаясь как на первоисточники, так и на их историографические интерпретации, автор пытается оценить существующую в науке позицию относительно интерпретаций поэзии Исмаила, его возможного «обожествления», а также связи поэзии с успехами правителя на военном поприще и в политике.

Ключевые слова: Исмаил Сефевидский; ранняя история Сефевидов; шиизм; суфизм; мистицизм; королевская идеология; исламская поэзия.

“У асаблівасці Суфі любяць і ўшаноўваюць як бога ягоныя салдаты, многія з якіх без брані ідуць у бітву, чакаючы, што іхні гаспадар, Ісмаіл, цудоўным чынам абароніць іх ... Іншыя без брані ідуць у бітву, жадаючы памерці за свайго манарха, галосзячы: “Шэйх, шэйх!”. Імя Божае забытае ва ўсёй Персіі, і толькі імя Ісмаіла памятаецца. Усе (а ў асаблівасці – ягоныя салдаты) лічаць яго за несмяротнага”.

Напэўна, менавіта гэтыя радкі з аповедаў безыменнага італьянскага купца, датуемых 1508 годам [2, с. 337], можна лічыць найбольш трапнай ілюстрацыяй да распаўсюджанага ўяўлення аб вобразе заснавальніка

іранскай дзяржавы Сафавідаў – да вобразу ваяўнічага, дзейнага лідара з выразным містычным (калі не наогул боскім) арэолам, бязмежна вяльбуемага падначаленымі ордамі грозных туркаманаў [1, с. 1; 5, с. 361 – 362], – можна сказаць, харызматычнага лідара ў арыгінальным вэбэраўскім сэнсе тэрміну [5, с. 389]. Далёка не апошняю ролю ў фарміраванні дадзенага ўяўлення стала работа заходняга іранолага рускага паходжання У. Ф. Мінорскага, прысвечаная разгляду паэтычнай спадчыны ўладара і апублікаваная за часамі Другой сусветнай вайны. Асабліваю ўвагу навукоўца звярнуў на той складнік збору паэзіі, які ён сам назваў “рэлігійным” [7, с. 1025a] і ў які ўваходзілі творы, у якіх аўтар паўставаў у надзвычайных, уражальных сюжэтах і вобразах – эсхаталагічна-месіяніскіх і нават боскіх [5, с. 361], якія пры тым нярэдка мелі ваяўнічы складнік. Уведзеныя Мінорскім ў навуковы зварот у якасці крыніцаў па ідэалогіі (як бы мы маглі гэта назваць на сучасны лад) ранніх Сафавідаў [7, с. 1025a], паэтычныя творы ўладара, разам з шэрагам іншых гістарычных тэкстаў сталі класічнай асновай для мноства даследчыкаў, і тым самым абумовілі не толькі фарміраванне вобразу Ісмаіла як “харызматычнага лідара” ў “царскай ідэалогіі”, але і (што, канешне, натуральна) на ўяўленні пра самую гісторыю зараджэння Сафавідскай дзяржавы як на плод дзейнасці дзікага апакаліптычнага руху “ератыкоў” з паўбоскім лідарам на чале [1, с. 1–2; 5, с. 361–362].

Вынікам стала ў тым ліку тое, што можна назваць “палітызацыяй” паэтычнай спадчыны Ісмаіла, якая часцей за ўсё разглядалася менавіта праз прызму “царскай ідэалогіі” і сацыяпалітычнай гісторыі Бліжняга Усходу мяжы XV і XVI стагоддзяў. Тым не менш, у апошнія дзесяцігоддзі пачалі з’яўляцца работы, якія прапануюць разгляд твораў іранскага ўладара ў больш рэлігійна-культуралагічным напрамку, у меншай прывязанасці да палітычных працэсаў мінулага, уплыў твораў на якія (як і самая канцэпцыя лідарства Ісмаіла праз “харызму”) ставіцца пад сумніў [5, с. 1, 375, 391]. З найбольш выбітных прадстаўнікоў “новай плыні” бачыцца вартым выдзеліць сучасную амерыканскую даследчыцу А. Гэлахер з яе работай з красамоўным загалоўкам “The Apocalypse of Ecstasy: The Poetry of Shah Ismā‘īl Revisited”. У дадзенай сітуацыі не будзе лішнім азірнуцца на гістарычны шлях, пройдзены ўсходазнаўцамі мінулага і сучаснасці, і задацца пытаннем: ці насамерэч варта адыходзіць ад класічнага ўяўлення аб гісторыі ўзвышэння шаха Ісмаіла да ўлады і ад класічнай інтэрпрэтацыі ягонай паэзіі, у якой меры варта пераймаць старыя напрацоўкі? Менавіта такой ацэнцы ключавых уяўленняў датычна прыгаданых тэмаў, у тым ліку і аналізу карціны свету, якую абмалёўвае Ісмаіл у сваіх творах, таго, кім ён бачыць сябе ў гэтай светапоглядавай сістэме (калі, канешне, такую наогул можна выдзяліць), і прысвячаецца

дадзеная работа. Але перад тым, як перайсці да саміх разважанняў, варта сказаць некалькі словаў наконт такой важнага складніку любой работы падобнага роду, як тэксталагічны падыход. Першы даследчык творчай спадчыны Ісмаіла, ужо раней узгаданы У. Ф. Мінорскі, сярод усіх вядомых яму зборнікаў твораў Ісмаіла, аддаваў перавагу г.зв. парыжскаму зборніку P1 як найбольш старому, аўтэнтэчнаму па змесце і праз тое найлепш дэманструючаму ўяўленні і “ідэалогію” самога ўладара [7, с. 1008a – 1009a]. Тым не менш, на цяперашні момант ягоная пазіцыя выглядае не так ужо і бясспрэчна: як паведамляе А. Гэлахер, за ўвесь час, які прайшоў ад моманту публікацыі Мінорскім ягонай работы, былі знойдзеныя і многія іншыя зборнікі, некаторыя з якіх, верагодна, былі створаныя яшчэ пры жыцці аўтара; да аднаго з такіх даследчыца часта (нараўне з P1) звяртаецца на працягу работы [5, с. 363, 384, 386]. Нягледзячы на тое, што раннія тэксты месцамі больш цямняныя, чым пазнейшыя іх версіі [5, с. 363; 7, с. 1009a], абодва даследчыкі аддаюць перавагу ўзросту перад яснасцю сэнсаў. Ідучы за імі ў дадзеным моманце, бачым рацыянальным прытрымлівацца аналагічнага прынцыпу, аддаючы перавагу варыянту перакладу, заснаванага на больш раннім тэксце, калі паўстане пытанне выбару між двюма.

Гістарычна прыхільнікі ўяўлення аб Ісмаіле як аб харызматычна-сакральным лідары, як вядома, абапіраліся не толькі ўласна на паэтычныя тэксты, але і на іншыя крыніцы [5, с. 366–367]. Але ці даюць яны насамрэч магчымасць рабіць такія вынікі? Паставім пытанне трохі шырэй: ці магчыма казаць аб падобным, абапіраючыся выключна на “непаэтычныя” крыніцы па гісторыі Ісмаіла? Што датычыцца сведчанняў аб Ісмаіле еўрапейскіх аўтараў, бачыцца разумным прытрымлівацца асцярожнасці ў дачыненні да іх. Прычына таго бачыцца ў прыродзе саміх гэтых сведчанняў: яны былі запісаныя людзьмі не толькі тое, што з аддаленых ад рэгіёнаў дзейнасці заваёўніка тэрыторый, людзьмі, якія абапіраліся ўва многім на чуткі, сапраўдны сэнс якіх мог быць ім не заўсёды зразумелым [1, с. 2; 2, с. 333], – яны перш за ўсё былі прадстаўнікамі істотна адрознай культурнай прасторы, што магло пэўным шкодным для мэтай нашай работы чынам адбіцца на тым, што яны перадавалі. Абагульняючы, можна сказаць, што разглядаемыя аповеды бяспечней за ўсё выкарыстоўваць як другаступенную (англ. “secondary”) крыніцу, для ілюстрацыі альбо дадатковага пацверджання выяўленага па першаступенных (англ. “primary”) крыніцах, якімі б прывабнымі для асэнсавання ў межах разгляду сакральных уяўленняў не падаваліся асобныя сюжэты. Калі гаварыць аб звестках ад прадстаўнікоў ісламскага свету, варта прыгадаць хроніку Рузбіхана Хунджы “Тарых-і алям ара-і-аміні”, якую часам выкарыстоўвалі ў пацверджанне існавання

ўяўлення аб боскім арэоле вакол Ісмаіла. Следам за прыгаданай раней даследчыцай зазначым, што ў дадзеным выпадку мы маем справу з экстрапаляцыяй: хроніка кажа толькі пра боскае ўшанаванне дзеда і бацькі шаха, Джунайда і Хайдара, а не пра яго самога [5, с. 366]. Апрача таго, варта ўлічваць, што (як ужо раней зазначалася даследчыкамі [5, с. 367] і як тое можна заўважыць па ягонай крайне вострай і даволі мастацкай рыторыцы [4, с. 58]) сам Хунджы выразна варожа ставіўся да прыгданых лідараў тарыкату сафавія і да ягонага вучэння агулам. У той жа час бачым дапушчальным лічыць, што за гнеўнымі тырадамі магло стаяць у тым ліку веданне аб пэўных уяўленнях і практыках, якія здаваліся аўтару “ератычнымі”. Тым не менш, пакуль устрымаемся ад любых упэўненых сцвярджэнняў наконт “абагаўлення” лідараў сафавіі і іх нашчадка.

У працяг разважання бачыцца вартым звярнуць увагу на некалькі месцаў з іншых бліжнеўсходніх крыніцаў, што, на нашу думку, можа дапамагчы разабрацца ў пытанні аб “ератычнай” сакралізацыі заснавальніка дзяржавы Сафавідаў. Для пачатку звярнемся да адной з найбольш ранніх крыніцаў па гісторыі Ісмаіла, напісанай пры ягоным жыцці і пры дапамозе тых, хто быў не толькі сведкам, але і меў далучэнне да ягонага ўзвышэння – старых ваеначальнікаў ягонага бацькі [1, с. 2]. Размова ідзе пра хроніку “Футухат-э шахі” (у перакладзе “Царскія перамогі” [1, с. 9]), у адным з месцаў якой мы сутыкаемся з дзівоснай карцінай: будучы шах, падчас вандраванняў з атрадам сваіх прыхільнікаў, праводзіць ноч у малітве да дванаццаці імамаў з мэтай даведацца, як атраду варта дзейнічаць далей. На раніцу ён з’яўляецца перад сваімі ваеначальнікамі (“эмірамі”) і абвясчае ім вышэйшую волю. Прытым “у сваім ззянні ён быў як другое ранішняе сонца”, а ваеначальнікі пакланіліся яму да зямлі [1, с. 7–8]. Тэма зямнога паклону фігуруе таксама і ў тэксе Хунджы, у дачыненні да шэйха Хайдара [4, с. 58]. Бяручы ва ўлік тое, што падобныя звесткі пра асобаў, якія ёсць бацькам і сынам і прытым лідарамі адной і той жа рэлігійнай групы, зыходзяць у абодвух выпадкаў з сакральнага кантэксту і як з боку яўнага недабразычліўца, так і з “прасафавідскай” крыніцы (а што датычыцца дадзенай гістарыяграфічнай плыні, пазнейшыя аўтары, як тое зазначыў А. Анушахр у сваёй рабоце, імкнуцца “зацерці” прыгданы спецыфічны сюжэт [1, с. 16]), можна прыйсці да выніку: сярод ранніх Сафавідаў (калі адлічваць дынастыю не ад заснавання дзяржавы) насамрэч існавала нейкае спецыфічнае ўяўленне пра прыроду лідара – спачатку шэйха, а потым і манарха, шаха. Тым не менш, усё яшчэ нельга, як бачыцца, сказаць зараз большага і дакладнейшага, не спекулюючы: для праяснення неабходна прыцягваць дадатковыя крыніцы, у тым ліку – аналізаваць самую паэзію.

Але перад тым, як перайсці непасрэдна да паэтычнай спадчыны шаха і разглядаць ягоны вобраз, як ён пададзены там, зададзімся пытаннем: ці сапраўды творы Ісмаіла мелі ўплыў на ягоны ўздых? А. Гэлахер у сваёй рабоце праяўляе хутчэй скепсіс да гэтага, аргументуючы тое адсутнасцю прамых доказаў – узгадак вершаў або песняў у кантэксце гісторый аб паходах Ісмаіла часоў узвышэння, дадаючы, што першая ўзгадка ўжыцця паэзіі ў нейкіх колах адносіцца да прыватнага кызылбашскага рытуалу часоў царавання сына Ісмаіла, Тахмаса [5, с. 368]. Не будзем спрачацца: падобная адсутнасць робіць прыняцце тэзісу аб сувязі поспехаў і ўлады Ісмаіла з яго паэзіяй праблематычным. Апрача таго, сучасныя даследчыкі ўжо прапаноўвалі дастаткова вескія прычыны поспеху Ісмаіла больш “зямнога” характару. Сярод іх і надзвычайная шчодрасць заваёўніка ў размеркаванні здабычы, сведчанні аб якой знаходзяцца і ў той жа “Футухат-э шахі”, і, у дадатак, ў запісах еўрапейцаў [1, с. 9–10; 2, с. 334, 338, 341], і асцярожныя, прадуманыя дзеянні падчас свайго першага паходу, які скончыўся знішчэннем старых ворагаў Сафавідаў – Аккаюнлу – і захопам іх сталіцы, да чаго яўна прыклалі руку старэйшыя ваеначальнікі Ісмаіла (аб чым мы даснаемся з разглядаемай Анушахрам толькі што прыгаданай хронікі) [1, с. 4–12]. У той жа час не бачыцца вартым суцэльна выключаць “ідэалагічны” складнік (нават калі ён дэ-факта не зыграў важнай ролі) з працэсу ўсталявання ўлады Сафавідаў, пагатоў у святле таго, што некаторыя з паэтычных твораў заваёўніка маюць яўныя алузіі на рэальныя падзеі ягонага ўзвышэння альбо нават проста на “святшчэнную вайну” (джыхад) без выразнай канкрэтыкі і без асабліва падкрэсленага эсхаталагічнага элементу [5, с. 1042а, 1044а], што дапускае меркаванне аб іх выкарыстанні для заахвочвання байцоў. Дадатковым аргументам на карысць таго можа служыць наяўнасць верша, які ўяўляе сабой зварот шаха да газі (воінаў джыхаду), і чыя структура настолькі нагадвае народныя рытмы, што не толькі дапускае ідэю аб выкарыстанні верша ў ваенных мэтах, пад музыку, але і прымушае нават навукоўцаў задумвацца аб тым, ці сапраўды гэта плод творчасці Ісмаіла [5, с. 368, 393].

Распачынаючы разбіраць непасрэдна паэтычную спадчыну заваёўніка і заснавальніка дзяржавы, варта, як тое бачыцца, перш за ўсё разгледзець пытанне, адказ на якое будзе ўплываць на далейшыя разважанні наконт сутнасці паэзіі Ісмаіла і ягонага літаратурнага вобразу з яе. На гэтую праблему звярнула ўвагу ў сваёй рабоце А. Гэлахер і сфармулявала яе наступным чынам: калі б вобраз уладара, як ён сябе выяўляе ў вершах, насіў выключна палітычную функцыю, ягоная паэзія павінна была б знікнуць з гісторыі пасля разгрому пры Чалдыране ў 1514 годзе, які мусіў цвёрда даказаць марнасць якіх бы то ні было прэтэнзій на

“боскі” або “месіянскі” статус; тым не менш, як вядома, творы Ісмаіла захоўвалі нават і пасля ягонай смерці, іх перапісвалі для бібліятэкаў наступных уладароў. Вывад даследчыца бачыць толькі адзіны: неабходна шукаць іншыя спосабы асэнсавання твораў уладара, якія б не залежылі ад поспехаў ягонага ваенна-палітычнага шляху [5, с. 363, 375].

Што датычыцца выйсця, запрапанаванага разглядаемай даследчыцай, яна яго бачыць у разглядзе паэзіі, сцісла кажучы, з двух пазіцый: як апакаліптычную літаратуру [5, с. 375] і як прыклад выражэння ў вытанчаных вершаваных формах суфійскіх уяўленняў аб метафізічнай рэалізацыі. Што датычыцца апошняга, дадзеная опытка бачыцца надзвычайна ўдалай: сам аўтар быў выхадцам з суфійскага атачэння, у дадатак такі падыход адразу дае разуменне масы рэчаў з твораў (то бок, цудоўна выконвае тлумачальную функцыю з прыцягваннем найменшай колькасці дапушчэнняў). Так, сцвярджэнне ўласнай боскасці апынаецца духоўным феноменам, вядомым пад назвай шатх, феноменам прамаўлення ў стане дасягнутае аднасці з Боскім, у стане Яго непасрэднага сузірання [4, с. 385]; імкненне да дадзенага стану (дададзім ад сябе) таксама трэба звязаць з дастаткова пашыраным у суфійскіх колах вучэннем аб “адзінстве быцця” (wahdat ul-wujūd) – звязненні ўсяго існага да адзінага Вытоку – Чыстага акту быцця, да Быцця-самога-па-сабе, якое падтрымлівае ўсё ў ягонай множнасці і разнастайнасці ў існаванні і якое і ёсць Боскае [3, с. 3; 10, с. 158], у дасягненні якога палягае метафізічная рэалізацыя. У святле ўзгаданага робіцца зразумелым, напрыклад, урывак з прыгадваў старажытнаіранскіх уладароў і герояў (як легендарных, так і пацверджаных гістарычна), які не вельмі ўкладваецца ў меркаваны кантэкст “духоўнай паэзіі”, у адрозненне ад кантэксту “ідэалогіі” і ўладавых прэтэнзій:

“Фарыдун я, Хасроў, Джамшід і Захак. Я Заля сын (Рустам) і Аляксандр.

“Я ёсць Ісціна” – вось Таямніца, схаваная ў гэтым сэрцы маім. Я – Абсалютная Ісціна, Ісціна – тое, што я кажу” [7, с. 1047a].

На нашу думку, дадзеныя радкі ёсць адным з найбольш яскравых, радыкальных прыкладаў асэнсавання паняцця Еднасці ў ісламскай містычнай паэзіі. Аўтар, ахоплены ўсведамленнем глыбіннай аднасці ўсяго існага ў Богу, звязвае сябе нават не толькі з вялікімі героямі мінуўшчыны, але і са злосным Захакам з іранскай традыцыі [12, с. 49–51]. Паралелі такому “сумяшчэнню несумяшчальнага” можна яшчэ знайсці ў суфійскай паэтычнай спадчыне: так, некаторыя містыкі даходзілі да абвяшчэння адзінства Ханумана і Абу Ханіфы, аль-Халыджа (містык, які быў, як паведамляе традыцыя, павешаны на дрэве за прынятыя за “ератычныя” выказванні ў шатху; менавіта да іх спасылае нас аўтар у другім радку) і ягонага суддзі [10, с. 158].

Варта зазначыць: элементы, якія выдаюць суфійскія веянні, можна назіраць і ў тых прыкладах паэзіі, якія па логіцы узгаданага раней жанру апакаліптыкі варта было б аднесці да яго [5, с. 363, 366], што, у выніку, падштурхоўвае да канстатацыі: у пэўнай меры мяжа паміж дзвюма тыпамі тэкстаў даволі умоўная. Што датычыцца “апакаліптыкі” (і, з улікам хісткасці літаратурных межаў, часам не толькі яе [7, с. 1047a]), у ёй сустракаюцца прыклады і такіх твораў, якія справядлівей было б усё ж прызнаць больш прывязанымі да канкрэтнай гісторыі, а не нейкімі пазачасовымі візіямі звышпрыроднага: занадта выразнай ёсць непасрэдная задзейнасць аўтара ў апісваемым ім сюжэце на асноўнай ролі, якая яўна аддае месіянствам (што б у гэты тэрмін ні ўкладваць) [5, с. 363, 366]. У такім выпадку зноўку непазбежна паўстае пытанне: якім чынам дадзены складнік не знік пасля разгрому Ісмаіла пры Чалдыране, які павінен быў паставіць крыж на любых прэтэнзіях на месіянства? Даць ясны адказ на гэтае пытанне, на жаль, пакуль не бачыцца магчымым.

У працягу разгляду паэзіі шаха дадзім адказ на пытанне: якім жа ўсё ж паўстае Ісмаіл ва ўласных творах? Перш за ўсё заўважым, што ягонны “аўтапартрэт” усё ж будзе розніца ў залежнасці ад вершаў. У некаторых ён выступае без выразных прэтэнзій на нейкі надзвычайны статус, абмяжоўваючыся статусам правадыра арміі “святшчэннай вайны” [7, с. 1042a, 1044a]. Таксама аўтар паўстае перад намі ў вобразе прапаведніка, шэйха, які настаўляе вучняў:

“Хатаі жадае, каб ты быў чыстым дзеля Шаха,

Хатаі жадае годнасці, дабрыні і шчодрасці...

На прамым шляху ўзыходу да Шаха

Хатаі жадае быць адзіным правадыром табе.

Хатаі жадае газы ад газі –

Заўжды супраць Язідаў, няверных і Марванаў” [5, с. 381].

На дадзеным этапе зазначым: нягледзячы на пэўную розніцу ў вобразах і станах (наконт іх прыгадаем: як было ўжо высветлена раней, прэтэнзіі на “боскасць” ёсць не чым іншым, як прамовай у стане перажывання Еднасці), ёсць агульная тэма, якая, можна лічыць, прасякае сабой усю паэзію Ісмаіла, – гэта тэма адданага служэння таму, хто ёсць аб’ектам захаплення аўтара. Але хто гэта дакладна? Тое, што пад ім маецца на ўвазе Бог, канешне, не падлягае сумніву [5, с. 379, 381]; тым не менш, як мы даведваемся ад Мінорскага, эпітэт “Шах”, які часта выкарыстоўвае аўтар у дачыненні да свайго аб’екта самаахвярнага служэння, ёсць традыцыйным эпітэтам Алі ў шыізме [7, с. 1025a]. Сітуацыя робіцца яшчэ цікавейшай, калі перад намі ў адным з вершаваных твораў паўстае, як перадае Мінорскі, наступная тэалагічная карціна [7, с. 1026a]:

“Ягоных імёнаў – тысяча, Ягоных аспектаў – мільён... Адно з Ягоных імёнаў – Алі, але ён ёсць толькі дэміургам...”

Тым не менш, сярод паэтычнай спадчыны ёсць і прыклад яўнай супярэчнасці настолькі надзвычайнаму ўзвышэнню Алі: ён мянуецца ўсяго толькі месяцам перад сонцам-Мухамадам [7, с. 1026а].

Даследуючы творы шаха Ісмаіла, патрапляеш яшчэ на адзіны не менш выбітны парадокс, якому хацелася б напаследак надаць увагу. Сутнасць яго палягае ва ўражальнай дваістасці, які праяўляецца ў тым, як сябе ўсведамляе містык. У адных і тых жа вершах сустракаюцца як выразы шатху, у якіх містык рознымі спосабамі атаясамлівае сябе з Боскім, так і праявы ўсведамлення ўласнай глыбокай недасканаласці, грахоўнасці. Прыведзем прыклад з верша, які быў прыгаданы ў кантэксце разгледжання класічных суфійскіх матываў у творах Ісмаіла:

“Я – Аблудны, раб Шаха, поўны недахопаў. У брамы тваёй я слуга найменшы і апошні” [7, с. 1047а].

Падобны і не менш выбітны кантраст сустракаецца і ва ўрыўку з іншага верша:

“Асцярожней са мной, не думай, што я – асобнае,

Як Рэальнасць і Чыстасць, цяпер я прыйшоў.

Душы крывадушных разячы мячом,

Як той, хто каецца, ад Бога я прыйшоў” [5, с. 363, 366].

Якім жа чынам такое спалучэнне апынаецца магчымым? Адказ на дадзенае пытанне бачыцца толькі наступным: тыя надзвычайныя прамовы, якія звязваліся з феноменам шатху, здзяйсняюцца літаратурным героем не ў стане поўнага і беспаваротнага дасягнення духоўнай дасканаласці (што яго чакае ў будучыні); яны ёсць толькі выявай перажывання Еднасці ў выніку атрымання часовага містычнага досведу ўсведамлення яе.

У завяршэнне разважанняў на конт абранай тэмы варта, перш за ўсё, падагульніць сказанае на конт самой прыроды паэтычнай спадчыны шаха і таго, як ён у ёй прадстаўлены. Зыходзячы з ужо агучанай пазіцыі прынцыповай неспалучальнасці думкі аб выключна “ідэалагічнай” функцыі вобразаў з паэзіі з фактам сур’ёзнай паразы шаха ў пэўны момант ягонай кар’еры, бачыцца прывабным і перспектыўным разгляд твораў праз прызму суфійскай духоўнасці. Шах у іх паўстае ў розных іпастасях, якія, пры тым, усё ж магчыма разглядаць як сумяшчальныя між сабой, як розныя бакі агульнага вобразу падзвіжніка-містыка, які абраў сабе за аснову жыццёвага шляху тое, што ён сам называе сапраўднай каштоўнасцю, непараўнальнай з марнасцямі “гэтага свету” [7, с. 1047а] – самаахвярнае служэнне Боскаму дзеля ўз’яднання з ім. У той жа час некаторыя моманты і іх разуменне ў святле узгаданай у першую чаргу пазіцыі застаюцца праблемнымі – як тое ёсць з выразна месіяніскім складнікам часткі тво-

раў. Што датычыцца пазапаэтычных сведчанняў аб надзвычайным ушанаванні Ісмаіла, яны, як можна лічыць, былі знойдзеныя (хаця варта трымаць у памяці, што прама аб абагаўленні гаворка ўсё адно не ідзе). Падагульняючы наконт тэндэнцый у сучасных даследаваннях на тэму, скажам: з многімі напрацоўкамі не можам не пагадзіцца. Тым не менш, як ужо было сказана, пытанні ўсё адно не знікаюць, а значыць, ёсць і глеба для далейшых разважанняў і ўдасканалення нашага разумення дадзенай тэмы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Anooshahr A.* The Rise of the Safavids According to their Old Veterans: Amini Haravi's Futuhāt-e Shahi. Iranian Studies, 2014. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/00210862.2013.870839>. (дата зваротку: 09.11.2025).
2. *Brummet P.* The Myth of Shah Ismail Safavi: Political Rhetoric and “Divine” Kingship // Medieval Christian Perceptions of Islam. N.Y., 1996. P. 331–359.
3. *Corbin H.* The Paradox of Monotheism. Traditional Hikma. URL: [https:// traditionalhikma.com/wp-content/uploads/2015/08/The-Paradox-of-Monotheism-by-Henry-Corbin.pdf](https://traditionalhikma.com/wp-content/uploads/2015/08/The-Paradox-of-Monotheism-by-Henry-Corbin.pdf). (дата зваротку: 09.11.2025).
4. Fadlullah b. Ruzbihan Khunji-Isfahani, Woods J. E. (editor). Tarikh-i 'Alam-ara-yi Amini. Persian text edited by John E. Woods with the abridged English translation by Vladimir Minorsky. Revised and augmented by John E. Woods. Royal Asiatic Society, London, 1992.
5. *Gallagher A.* The Apocalypse of Ecstasy: The Poetry of Shah Ismā'īl Revisited // Iranian Studies. 2018. № 51:3. P. 361–397.
6. *Madelung W.* Imama // The Encyclopaedia of Islam. Leiden, 1986. Vol. 3. P. 1166 – 1167.
7. *Minorsky V.* The Poetry of Shāh Ismā'īl I // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1942. № 4. P. 1006a – 1053a.
8. *Savory R. M.* Kizil-bash // The Encyclopaedia of Islam. Leiden, 1986. Vol. 5. P. 243–245.
9. *Schacht J.* Abu Hanifa al-Nu'man b. Thabit // The Encyclopaedia of Islam. Leiden, 1986. Vol. 1. P. 123–124.
10. *Schimmel A.* As Through a Veil: Mystical Poetry in Islam. N. Y.: Columbia University Press, 1982.
11. *Гринцер П. А.* Хануман // Мифологический словарь. М., 1990. С. 566 – 567.
12. *Фирдоуси* Шахнаме: в 6 т. М. : «Наука», 1957. Т. 1: От начала поэмы до сказания о Сохрабе.

ТЕРРИТОРИЯ БЕЛАРУСИ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА В СОЧИНЕНИИ АВГУСТИНА МЕЙЕРБЕРГА

Т. В. Трацевская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, tatracevska22@gmail.com*

Данная статья посвящена описаниям белорусских городов и местечек, зафиксированным в сочинении Августина Мейерберга – посла Римского Императора Леопольда I. Особое внимание уделено личности автора, а также значению его труда для изучения территории Беларуси во второй половине XVII века.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; Августин Мейерберг; повествовательный источник; города и местечки.

Дневники и мемуары играют важную роль в изучении отечественной истории XVII века. Разнообразные личные записи позволяют под другим углом посмотреть на политические, экономические, социальные и культурные изменения в обществе. Исследователь получает возможность поставить себя на место очевидца, рассмотреть источник, используя этно-исторический метод, задавая записям те же вопросы, с которыми этнограф обращается к информанту. Следует отметить, что территория Беларуси середины XVII века также нашла отражение в дневниковых записях. Соответственно, изучение такого рода источников позволяет раскрыть исторические аспекты устройства деревни и города, рассмотреть особенности жизни местного населения, его хозяйственные занятия.

Для исследования разнообразных социальных преобразований, общества и конкретного индивида в историческом процессе используется достаточное количество крупных обобщающих трудов регионального и национального масштабов. Кроме того, для полноценного изучения человека в истории часто возникает необходимость обращения к дневникам и мемуарам, которые содержат не косвенные сведения о личности, а прямо указывают на ее понимание самой себя. В связи с чем исторические источники подобного рода могут также использоваться для анализа характерных черт общества.

Необходимо подчеркнуть, что содержание дневников и мемуаров зависело от уровня образованности, осведомленности, а также социального положения автора и его интересов. В данный перечень следует отнести стиль написания подобных работ, который напрямую зависел не только от грамотности, но и от таланта человека к изложению своих мыслей. Важно понимать, что дневниковые и мемуарные источники представляют собой субъективный материал, необходимость подтвер-

ждения которого является очевидной. Написанные часто спустя много лет после описанных событий, мемуары не могут отличаться точностью, даты и имена в них нередко перепутаны, диалоги обычно придуманы автором, но вместе с тем они дают то, чего недостает официальным источникам: доносят атмосферу своего времени, сообщают детали, которых нельзя найти ни в каких официальных документах [6, с. 6].

В отечественной историографии изучались дневники и мемуары выходцев с территории Беларуси, однако в большинстве своем акцент делался на XVI и XVIII веках. Здесь в качестве примера можно привести «Исторические записки» Федора Евлашевского (XVI в.) и «Авантюры моей жизни» Саломеи Пильштыновой-Русецкой (XVIII в.). Обобщающие исследования, в которых основное внимание уделялось изучению личных записей, проводил Адам Иосифович Мальдис. В 1982 году был опубликован его труд под названием «Беларусь у лютэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: нарысы быту і звычаяў». Историческая наука в XXI веке, сохраняя традицию нидерландского историка Жака Прессера, рассматривает дневниковые и мемуарные источники как эго-документы, первоначально созданные для узкого круга читателей. Однако разнообразные сведения, содержащиеся в них, делают дневники и мемуары практически неисчерпаемыми источниками. Таким образом, необходимо обратить внимания на подобные записи, созданные на территории Беларуси в XVII веке. Особенно актуальными остаются сочинения иностранцев, поскольку они часто акцентируют внимание на деталях, которые для местного населения являются привычными и не представляют особой ценности.

Как было отмечено ранее, мемуары имеют особое значение в изучении социальной истории на территории Великого Княжества Литовского XVII века. Многообразные общественные и культурные процессы нашли свое отражение в дневниках и мемуарах русских, польских, а также австрийских авторов [4, с. 26]. Семнадцатое столетие, особенно начиная с 1648 года, было чрезвычайно насыщенным – целыми десятилетиями не прекращались войны, в связи с чем значительная часть мемуаров касалась именно военных событий и дипломатических миссий [6, с. 6].

В качестве примера в данном случае можно привести «Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Кальвуччи, пословъ Августѣйшега Римскаго Императора Леопольда къ Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу въ 1661 году, описанное самимъ барономъ Майербергомъ». «Путешествие в Московию» наполнено историческими и географическими фактами, бытовыми зарисовками. Сведения, сообщаемые автором, отличаются большой точностью и подтверждаются последующими путешественниками. Сочинение является

ценным источником для изучения западноевропейской политической (дипломатической) мысли, истории повседневности Великого Княжества Литовского и Российского государства.

Война между Речью Посполитой и Россией стала причиной посольства Августина Мейерберга в Москву. В 1656 году удалось заключить перемирие между государствами, однако через два года военные действия продолжились. В связи со сложившейся ситуацией Леопольд I заявил о своей готовности оказать дипломатическую помощь в решении конфликта. Из Вены посольство выехало 17 февраля 1661 года, а в Москву прибыло 24 мая. В последующие два дня иностранцы почетно были приняты в столице Российского государства, что нашло отражение в дневнике Августина Мейерберга. Переговоры продолжались на протяжении четырех месяцев, а в апреле 1662 года завершились неудачным совещанием между представителями Речи Посполитой и России. Возвращение Августина Мейерберга было непосредственно связано с территорией Беларуси: он отправился в Вильно через такие города, как Орша, Копысь, Шклов, Могилев, Минск и т.д. В своих записях автор обращал внимание на природу, архитектурные особенности, быт местного населения. Подробно зафиксировал историю Витебского, Полоцкого и Мстиславского воеводств. Автор обратил внимание, что Белой Русью (*Alba Russiae*) в Российском государстве называют «области между Припятью, Днепром и Двиною, с городами Новогрудком, Минском, Мстиславлем, Смоленском, Витебском и Полоцком». Необходимо подчеркнуть, что кроме изданного на латинском языке описания данного путешествия, Августин Мейерберг оставил еще не менее значимое собрание чертежей и рисунков, сделанных по его распоряжению искусным художником, на которых изображены различные географические объекты, обрядовые сцены и т.д., обратившие на себя внимание автора и представляющие драгоценное дополнение к описанию его путешествия [2, с. 3].

Любопытным является почти полное отсутствие биографических сведений об авторе дневника. Все источники, к которым можно обратиться или совсем не говорят об Августине Мейерберге или сообщают только незначительные факты о его жизни, которые в большинстве своем заимствованы из описания путешествия в Россию. Следует отметить, что даже с именем автора связан ряд значительных вопросов. В исторической науке принято называть его бароном фон Мейербергом, поскольку под этим именем было издано рассматриваемое сочинение. Однако необходимо обратить внимание на то, что звание это получено им в награду за свои заслуги, так как в донесении к Императору Леопольду I о своем путешествии он подписывается как Августинус де Майерн. В баронский титул путешественник будет возведен 23 августа 1666 года, то

есть через три года после возвращения из России и тогда, вероятно, станет называться именем Мейером фон Мейербергом, под которым станет известным [2, с. 3–4]. По надгробной надписи, находящейся в придворной приходской церкви Св. Михаила возле предела Мариахильф, видно, что он скончался 23 марта 1688 года на 77-м году жизни, в связи с чем можно утверждать, что он родился в августе 1612 года. О происхождении Августина Мейерберга данных нет, однако можно предположить, что он был родом из Силезии, так как здесь начинается его гражданская служба: был старшим советником Апелляционного суда в Глогау при Фердинанде III. В дальнейшем его вызвали в Вену к Императору Леопольду I, который пожаловал ему звание гофрата и позволил участвовать в 12 посольствах. В 1679 году он был принят в сословие Государственных чинов Нижней Австрии, но вскоре отошел от всех дел и провел остаток жизни в столице, в совершенном уединении и относительной бедности по причине разорения его поместий турками [2, с. 5–6].

В связи с отсутствием подробной информации о жизни Августина Мейерберга, сведения о его характере и личных качествах также отсутствуют. Однако косвенно, подробно изучая дневниковые записи, можно сделать вывод, что автор обладал обширными знаниями о политической истории региона, в который отправлялся, отличался наблюдательностью, которая давала ему возможность точно описывать местность, которую видел, особенности культуры и нравы людей, с которыми взаимодействовал. Данный факт оказал непосредственное влияние на значение дневника Августина Мейерберга как исторического источника по истории белорусских земель в XVII веке. Период пребывания путешественника в регионе был связан с войной Речи Посполитой и Российского государства (1654–1667 гг.), которая привела к значительным... изменениям в жизни государств и обществ. Путешественники, делая свои записи, отдавали предпочтение городам и местечкам, которые видели своими глазами, часто описывали их внешний вид. Августин Мейерберг, в данном случае, не был исключением. В соответствии с этим, записи, содержащиеся в его дневнике позволяют оценить степень влияния военных действий 1654–1667 гг. на белорусские поселения. Следует отметить, что термин «Белая Русь» в XVII веке использовался неточно, подразумевал под собой разные восточнославянские земли: восточный регион Великого Княжества Литовского и даже территорию Московского государства [3, с. 26]. По этой причине в данной статье будут рассмотрены цитаты из дневника Августина Мейерберга, содержащие сведения о тех городах, которые относятся к территории современной Республики Беларусь.

Так, Августин Мейерберг описывает город Дубровно, принадлежавшего потомку Монтевида, сына Гедимины, Великого князя Литовско-

го, следующим образом: «Наконец 8-ого числа сентября мы положили выехать из Смоленска, и сели в лодки, когда Москвитяне отказали нам в повозках, из боязни, чтобы не захватили их Литовцы. Так и проехали по течению Днепра сначала Дубровну, город прежде Мстиславского воеводства, а ныне Витебского: он возвышается на обоих берегах реки в 80-ти верстах от Смоленска, и некогда имел великое множество зданий... Оттуда приехали мы 12-ого сентября в Оршу, город Витебского воеводства, в 20-ти верстах от впадения реки Оршанки в Днепр, раскинутый на обоих берегах этой реки» [5, с. 201]. В записях путешественника также встречаются небольшие заметки о Копыси и Шклове: «С закатом солнца мы прибыли в Копысь, деревянный город Мстиславского воеводства: он обнесен деревянной стеной, которая укреплена была башнями, и защищен деревянным детинцем посредине высокого холма; построен в 50-ти верстах от Орши, на левом берегу реки, и принадлежит князю Богуславу Радзивиллу» [5, с. 202]. «Сделав 20-ть верст на другой день мы прибыли в Шклов, славный город Полоцкого воеводства, на правом берегу реки, тоже деревянный, прекрасно укрепленный и со всем воеводством принадлежит, по смерти Александра Ходкевича, внуку его от дочери, Синявскому» [5, с. 203].

Самые подробные описания Августина Мейерберга относятся, в свою очередь, к таким городам, как Могилев и Минск. «Название Могилева, лежащего на возвышенном правом берегу реки Днепра, означает усыпальницу какого-нибудь рода, и долгое время был мало известен. Но Белорусские купцы, привлеченные удобством места, переселились в него и, умножившись в числе, построили там множество домов, а сто лет тому назад так населили его, что дали ему вид обширной пристани, знаменитой по всем Россиям. Он исповедует Христианскую веру по еретическому Греческому обряду, хоть и имел две Римско-Католические церкви...» [5, с. 205]. «Сделав еще 70 верст по лесистой пустыне, 5 октября мы прибыли в Минск, главный город Минского воеводства, расположенный на холмах и реке и удостоенный чести иметь Верховный Суд для всей Литвы, кроме Вильни, каждые три года поочередно с Новогородецким... Присоединенные (Униты) Базилиане, Доминиканцы, Бернардинцы, начали уже там поправлять свои разрушенные св. обители и церкви, с помощью подаяний благочестивых людей. Отцы Езуитского общества тоже готовились положить основание учреждению там своего Коллегиума» [5, с. 206].

Резюмируя все сказанное выше, можно сделать вывод, что записи, сделанные Августином Мейербергом в 1661–1663 гг. во время своего путешествия позволяют изучить сведения о политической истории региона Восточной Европы, воспринятой иностранцем; а также ознакомиться с

подробными описаниями городов и местечек (Дубровно, Орша, Шклов, Быхов, Борисов, Могилев, Минск), занятий и быта населения Беларуси.

Библиографические ссылки

1. *Аделунг Ф. П.* Альбом Мейерберга: виды и бытовые картины России XVII в. СПб. : тип. А. С. Суворина, 1903.
2. *Аделунг Ф. П.* Барон Мейерберг и путешествие его по России: пер. с нем. СПб. : тип. К. Крайя, 1827.
3. *Грыцкевіч В. П.* Шляхі вялі прыз Беларусь: нарыс. Мінск. : Маст. Літ., 1980.
4. *Мальдзіс А. І.* Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: нарысы быту і звычаяў. Мінск. : Маст. літ., 1982.
5. *Мейерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена Придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М. : в Университетской типографии (Катков и К), 1874.
6. *Улашчык М. М.* Мемуары і дзённікі як крыніцы па гісторыі Беларусі: з рукапіснай спадчыны. Мінск : Пейто, 2000.